

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО № 32 (165)
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА 2009

ISSN 1990-8466

СЕРИЯ

«СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Выпуск 13

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук **В.С. Балакин** (*отв. редактор*), д-р филос. наук **Ф.М. Землянский**,
д-р искусствоведения **Н.В. Парфентьева**, канд. ист. наук **С.А. Кривоногова**
(*отв. секретарь*), канд. филос. наук **Е.В. Миронов**, д-р ист. наук, д-р искусствоведения
Н.П. Парфентьев, канд. филос. наук **В.Е. Хвощев**

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии 5

ИСТОРИЯ

БАЛАКИНА Л.П. Интеллектуальный капитал уральской социальной науки:
история и современность 6
ЖУРАВЛЕВА В.А. Причины смерти городского населения Урала в 1920—1930-е гг. ... 10
СИБИРЯКОВ И.В. Челябинский политехнический институт
в начале 50-х годов XX века 16
ТИМОФЕЕВ А.А. Культурные последствия строительства Великой Сибирской
магистральной на Южном Урале (1891—1914 гг.)..... 23

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

КОЛОБАЕВА Т.В. Характерные черты проектов реставрации православных церквей на Южном Урале	29
ПАРФЕНТЬЕВ Н.П. Древнерусское музыкально-письменное искусство и его традиции в духовной культуре Урала	33
ПАРФЕНТЬЕВА Н.В., ПАРФЕНТЬЕВ Н.П. Основные направления деятельности университетского Музея искусств и их научно-методическое обеспечение	48
ПОНОМАРЕНКО Е.В. Классицизм в культовой архитектуре Южного Урала и классические черты в современной архитектурной практике	52
СТРОЙ Л.Р. Художественная критика в сибирской дореволюционной печати и ее влияние на художественное образование	56
ТРИФОНОВА Г.С. Выбрал Сезанна — выбрал судьбу... Художник-педагог М.М. Лошаков: неизвестные страницы истории художественной культуры Челябинска	61
ТРИФОНОВА Г.С., ЛОГИНОВА Е.С., РУСАНОВ Я.А. Научно-методические подходы и принципы в учебно-образовательной деятельности художественного музея ЮУрГУ. На примере работы над выставкой «Василий Андреевич Неясов (1926—1984). Воссоединение волжских народов с Россией, 1948—1983: история ненаписанной картины»	69
ТРОФИМОВА Н.В. Проблема стилистических истоков старообрядческой иконописи горнозаводского Урала в отечественной историографии	78

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

БРЕДИХИНА Н.В. Роль институтов семьи, образования и здравоохранения в формировании здорового образа жизни населения	84
ГОГЛЕВА В.А., ЛУКИНА Ю.А. Политическая активность молодежи как отражение политического времени общества	88
ЗАЙНЕТДИНОВА Р.А. Теория Ю.М. Лотмана и французская и итальянская семиотика	92
ПОДДУБНОВА Е.И., ДЕМЕНЕВА М.А. Институциональный аспект политической активности в постиндустриальном обществе	99
ХВОЩЁВ В.Е. Влияние шоковых состояний на политическое сознание субъектов ...	104

ФИЛОСОФИЯ

АНТОНОВА Н.И. Аутентичные основания культуры	109
ЗЕМЛЯНСКИЙ Ф.М., НИКОНОВ А.И. Культурно-воспитательная роль образования в условиях глобализации	113
ЗЫРЯНОВ М.Ю. К вопросу о месте правосознания среди других форм общественного сознания	116
КОВТУН О.А. Проблема философского осмысления вещи в диалектике индивидуального и коллективного	121
КУЛИЧКОВА И.Л. Театр и сельская публика: история и современность	125
МИРОНОВ Е.В. Анализ социально-философских концепций Нового времени в трудах Б.Н. Чичерина	131
МИРОНОВ Е.В., ТРОШКИН Е.И. Учение о нравственности в социально-философской концепции Б.Н. Чичерина	135
МУШИЧ-ГРОМЫКО В.Г. О соотношении генезиса общения и концепции дополнительности	142

CONTENTS

Editorial board's word	5
------------------------------	---

HISTORY

BALAKINA L.P. Brain capital of Ural social science: history and modern times	6
ZHURAVLEVA V.A. Reasons of mortality of Ural urban population in 1920—1930s	10
SIBIRYAKOV I.V. Chelyabinsk polytechnic institute at the beginning of 50s of the XX century	16
TIMOFEEV A.A. Cultural consequences of construction of Great Siberian Railway in South Ural (1891—1914)	23

ART CRITICISM

KOLOBAEVA T.V. Features of restoration projects of the Orthodox churches in South Ural	29
PARFENTIEV N.P. Old Russian musical-written art and its traditions in the spiritual culture of Ural	33
PARFENTIEVA N.V., PARFENTIEV N.P. Main trends of activity of the university Museum of arts and their scientific and methodical provision	48
PONOMARENKO E.V. Classicism in cult architecture of South Ural and classical features in modern architecture	52
STORY L.R. Art critique in Siberian prerevolutionary press and its influence on art education	56
TRIFONOVA G.S. Chose Cézanne – chose your destiny. artist and teacher I.I. Loshakov: unknown pages of Chelyabinsk art culture	61
TRIFONOVA G.S., LOGINOVA E.S., RUSANOV J.A. Scientific and methodical approaches and principles in educational activity of the SUSU art museum. By the example of preparation of the exhibition “Vasily Andreevich Neyasov (1926—1984). Reunion of Volga people with Russia, 1948—1983: story of not painted picture”	69
TROFIMOVA N.V. Problem of stylistic origins of the mining Ural Old Believer's icon painting in home historiography	78

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

BREDIKHINA N.V.A. Role of institutions of family, education and public health in formation of healthy life-style of population	84
GOGLEVA V.A., LUKINA J.A. Political activity of youth as reflection of the political time of the society	88
ZAYNETDINOVA R.A. Theory of Lotman Y.M. and French and Italian semiotics	92
PODDUBNOVA E.I., DEMENYOVA I.A. Institutional aspect of political activity in post-industrial society	99
KHVOSCHEV V.A. Influence of states of shock upon political awareness of subjects	104

PHILISOPHY

ANTONOVA N.I. Authentic grounds of culture	109
ZEMLYANSKY F.M, NIKONOV A.I. Cultural and educative role of education in the context of globalization	113
ZYRYANOV M.Y. To the question of legal awareness among other forms of social awareness	116

KOVTUN I.A. Problem of philosophical comprehension of a thing in dialectics of individual and collective	121
KULICHKOV I.L. Theatre and rural audience: history and modern times	125
MIRONOV E.V. analysis of social-philosophical concepts of New Time in works of B.N. Tchitcherin	131
MIRONOV E.V., TROSHKIN E.I. Morality theory in social-philosophical concept of B.N. Tchitcherin	135
MUSHICH-GROMYKO V.G. On correlation of communication genesis and complementarity concept	142

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается очередной выпуск «Вестника Южно-Уральского государственного университета», в котором в рамках серии «Социально-гуманитарные науки» объединен ряд статей, подготовленных к публикации учеными университета и вузов России. Редакционная коллегия сочла целесообразным сохранить четыре раздела журнала: «История», «Искусствоведение», «Политология и социология», «Философия».

Тематика исследований историков охватывает конец XIX—XX век. В статье Л.П. Балакиной анализируется динамика и структура интеллектуального капитала Уральской социальной наук. И.В. Сибиряков продолжил изучение истории ЧММИ — ЧПИ в 1950-е годы. А.А. Тимофеев рассмотрел культурные потребности строительства Великой сибирской магистрали на Южном Урале. В.А. Журавлева на материалах Урала 1920—1930-х гг. предприняла удачную попытку, изучить смертность как одну из главных составляющих процесса естественного воспроизводства населения.

Н.П. Парфентьев на основе анализа сохранившихся рукописных памятников древнерусского музыкально-письменного искусства и других источников восстанавливает сведения о среде бытования произведений и прослеживает изменение места и роли этого искусства в духовной культуре Урала. В статье Т.В. Колобовой рассматривается широкий круг вопросов, связанных с проектированием церквей в первой половине XIX века и их реставрацией в настоящее время. Н.В. Парфентьева и Н.П. Парфентьев проанализировали деятельность музейного комплекса Южно-Уральского государственного университета и выявили главные направления его функционирования. Статья Г.С. Трифоновой, Е.С. Логиновой и Я.А. Русанова посвящена описанию и анализу авторского метода работы над выставкой произведений южно-уральского живописца В.А. Неясова. Г.С. Трифонова впервые в историографии художественной культуры Южного Урала показывает атмосферу художественной среды Челябинска 1940-х гг. Е.В. Пономаренко рассмотрела характерные черты классицизма в архитектуре культовых зданий Южного Урала. Основные этапы изучения стилистических истоков старообрядческой иконописи Урала анализируются на страницах исследования Н.В. Трофимовой. Статья Л.Р. Строй посвящена анализу развития художественной критики и становлению художественного образования на материале дореволюционных газет Сибири.

В разделе «Социология и политология» представлена статья Н.В. Бредихиной, в которой проанализирована роль институтов семьи, образования и здравоохранения в формировании здорового образа жизни населения. Политической активности субъектов посвящены статьи политологов. В статье Е.И. Поддубновой и М.А. Деменевой на примере электронного правительства анализируется степень эффективности иерархических и сетевых структур в новых условиях. В.Е. Хвощев рассмотрел проблему повышения общественного иммунитета к шоковой терапии. В.А. Гоглева и Ю.А. Лукина на основе анализа текстов выступлений в сентябре 2008 года Майкла Макфола и Кондолизы Райс, представляющих Демократическую и Республиканскую партии США, выясняют, как оценивался во внешнеполитических кругах американской политической элиты августовский кризис в международных отношениях. В статье Р.А. Зайнетдиновой проанализирован вклад Ю. М. Лотмана в теорию отношений между текстом и действительностью.

Участники раздела «Философия» обратились к анализу проблемы соотношения имплицитного и эксплицитного в контексте сущностных оснований культуры (Н.И. Антонова), изучению взаимосвязи правосознания со смежными формами общественного сознания в современных российских условиях (М.Ю. Зырянов), рассмотрению противоречий процесса модернизации системы высшего образования, исследованию взаимодействия театрального искусства и сельского зрителя (И.Л. Куличков). Актуальные вопросы философско-антропологического изучения вещи в диалектике коллективного и индивидуального проанализированы в статье О.А. Ковтун. В статьях Е.В. Миронова рассматривается социально-философская концепция Нового времени российского философа и политолога Б.Н. Чичерина. В.Г. Мушич-Громыко обратился к исследованию соотношения генезиса общения и концепции дополненности.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ УРАЛЬСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Л.П. Балакина

BRAIN CAPITAL OF URAL SOCIAL SCIENCE: HISTORY AND MODERN TIMES

L.P. Balakina

В статье анализируется динамика и структура интеллектуального капитала Уральской социальной науки, а также особенности мировосприятия ученых, стереотипы их мировоззрения. Рассматривается развитие основных научных школ в сфере социально-гуманитарных наук. Раскрываются достижения и нерешенные проблемы в развитии интеллектуального капитала социальной науки.

Ключевые слова: социальная наука, интеллектуальный капитал, мировосприятие, мировоззрение, научная школа, конформизм, догматизм.

The article analyzes the dynamics and structure of brain capital of Ural social science and peculiarities of scientists' mentality and stereotypes of their world-view. The development of the main scientific schools in the sphere of social and humanitarian sciences is considered. The achievements and unsolved problems in the development of social science brain capital are revealed.

Keywords: social science, brain capital, mentality, world-view, scientific school, conformism, dogmatism.

Знание в развитие современной цивилизации выступает как условие общественного прогресса, как предпосылка общественной саморефлексии, которая в свою очередь определяет уровень социальной системы. Поэтому осмысление уроков развития социальной науки, приобретают особую актуальность.

Задача статьи заключается в анализе динамики и структуры интеллектуального капитала Уральской социальной науки, особенностей эмоционально-чувственного восприятия учеными действительности и стереотипов их мировоззрения. Интеллектуальный капитал это, прежде всего знания, практические навыки, творческие и мыслительные способности людей, их моральные ценности, культура труда.

В условиях стремительного темпа перемен возрастает ответственность власти, элит и бизнеса за поиск и осуществление общей концептуальной модели развития, принципы которой будут учитывать интеллектуальные приоритеты и оптимальное разделение функций между ними. Распространение научных и научно-технологических инноваций невозможно без соответствующей социокультурной среды, где они могут существовать. В развитых странах за последние 20 лет XX века доля взрослого населения, имеющего высшее образование, возросла почти в 2 раза и достигла более 40 процентов. В России доля лиц с высшим образованием среди занятых составила в 2003 г. — 23,2 процента¹. Российское общество ощу-

щает потребность в получении высшего образования, осознает связь уровня образования и положения человека в обществе, его статуса в занятости. Это актуально и для областей Уральского региона, так как в 2000 г. в рейтинге индекса развития интеллектуального потенциала Челябинская область занимала 14 место, а Свердловская 13 место².

Авангардом инноваций, как правило, являются ученые, научные школы, научно-технологические сообщества, и соответствующие им коммуникации. В последние годы российские обществоведы активно постигают социокультурные аспекты развития научного сообщества, формулируют новые выводы о месте и роли интеллектуального капитала. Сфера деятельности социально-гуманитарных наук на Урале была значительно меньше, чем естественных и технических. Во второй половине XX в. интеллектуальный потенциал региона определялся уровнем интеллекта в научно-техническом и оборонном комплексах. Однако сегодня столь же важен уровень интеллекта в сфере социально-гуманитарного знания и особенно в экономике.

Интеллектуальная деятельность предполагает использование не только информации (информационное пространство), но и особых интеллектуальных технологий (научное знание, инструменты познания). Воспроизводство научных кадров начинается с системы образования. Новая парадигма об-

разования, наращивания интеллектуального капитала пока не стала составной частью государственной политики. Она оперирует старыми понятиями и использует не эффективные методы управления. Организационная структура науки и системы образования, а также их информационного обеспечения несут в себе черты прошлого. Главными нерешенными проблемами системы высшего образования остаются устаревшая структура специальностей и, соответственно, организационных подразделений, высокая доля заочного образования, огромное расширение платного приема на все формы обучения, преобладающая доля преподавателей пенсионного возраста, второстепенность научной работы, низкий уровень финансирования. В государственных вузах уже более половины студентов получают платное образование. Низкий уровень подушевого финансирования в сфере высшего образования, по-видимому, является оборотной стороной его массовости.

В Уральском регионе в течение длительного времени сохраняется техническая ориентация научных исследований и разработок. В Челябинской области в 1995 г. в сфере науки работало 16,8 тыс. человек, а в 2002 г. 20 тыс. научных работников³. Из них 80 % специалистов научной сферы были заняты работами в области технических наук, 16 % — естественных наук, 2 % — медицинских, 1 % — сельскохозяйственных, менее 1% в гуманитарных.

В начале 2000 г. в Уральском университете на факультетах математики и механики, физики и астрономии, химии и биологии работало — 129 докторов наук, а на факультетах истории, русского языка и литературы, философии, политологии и социологии, журналистики, искусствоведения и культурологии, педагогики и психологии — 62⁴. В начале XXI века в академической науке Урала в области математики, механики и физико-технических наук функционировало — 7 институтов, в области химии — 6, в области наук о земле — 5 институтов, в биологии — 7, а в сфере экономических и гуманитарных наук только — 5. Пятикратное преобладание численности естественных, химических и биологических институтов вряд ли оправдано. К тому же по количеству работающих в них исследователей диспропорция еще более показательная. В 2002—2004 гг. в институте физики металлов работало 850 человек, в институте экологии растений и животных — 305 человек, в институте экономики — 248, а в институте истории и археологии только 73 сотрудника⁵.

Оценка профессиональной структуры, квалификационных характеристик и тенденций их изменения является кардинальным вопросом управления наукой. Современное распределение научных кадров по профессиям сложилось в последние 40 лет. Ситуация требует дополнительного анализа с точки зрения потребностей общества и экономики в определенных научных исследованиях и самой науки в этих кадрах. Необходимо разработка теоретико-методологического и

методического аппарата для измерения и качественной оценки научной, профессиональной структуры. В этой работе необходимо учитывать много факторов. В том числе — повышение социальной ориентации науки, интегративные тенденции, возрастающее единство науки, преодоление ведомственных интересов. Так же необходим прогноз динамики профессиональной структуры в целом и отдельных ее элементов. Но сегодня, мы наблюдаем, сокращение роста численности на достигнутых «научных рубежах», который не опирается на анализ соответствия профессиональной структуры новым требованиям. Эффективность Российской и региональной системы образования в решающей степени будет зависеть от гибкости используемого классификатора направлений и специальностей. Оптимизация направлений подготовки специалистов, переход на двухуровневую систему высшего образования (бакалавр—магистр) повлечет за собой существенные изменения во всей системе высшего профессионального образования. Гибкая система подготовки студентов второго уровня высшего образования (магистратура) будет способствовать более быстрому реагированию вузов на потребности рынка труда.

Формирование уральских научных школ в сфере гуманитарного знания явилось важным направлением эволюции интеллектуального капитала. На Урале развивается несколько крупных центров исследования экономики, истории и философии. В Уральском регионе центрами профессиональных коммуникативных сетей в сфере социально-гуманитарных наук были основатели научных школ.

В 1950-е гг. по ряду жизненных обстоятельств именно в г. Свердловске складывается философская традиция, связанная с именами М.Т. Иовчука и Д.И.Чесноков⁶. Уральский университет был главной кузницей кадров обществоведов, а после появления философского факультета (1965 г.) это лидерство в философских науках стало бесспорным. Одновременно обширные социологические исследования осуществлялись под руководством Н.А. Аитова в Уфе, широко известной была школа проф. В.В. Орлова в Перми. Признанием заслуг Уральского университета явился факт проведения в г. Екатеринбурге в 1999 г. второго Всероссийского Философского Конгресса. В 1960—1970-е гг., из-за партийно-административного давления оказанного на факультет, коллектив были вынуждены оставить Л.М. Архангельский и И.Я. Лойфман.

С 1954 г. на кафедре философии под руководством М.Н. Руткевича и Л.Н. Когана складываются и развиваются два основных направления социологических исследований. «Социальная структура советского общества» (М.Н. Руткевич) и «Советская социалистическая культура» (Л.Н. Коган). В 1966 г. М.Н. Руткевич возглавил кафедру диалектического материализма⁷. Здесь ему удалось осуществить разработку ряда интересных теоретических проблем и издать несколько книг. С 1977 г. Л.Н. Коган стал зав. кафедр

рой научного коммунизма УРГУ и главной темой коллектива стало изучение всестороннего развития личности и культуры. Активизировалась работа социологической лаборатории⁸.

Ведущими научными школами историков были на Урале коллективы руководимые Л.Е. Кертманом, и М.Я. Сюзюмовым. На кафедре всеобщей истории Пермского университета Л.Е. Кертман начал работать в 1949 г. Л.Е. Кертман не был традиционным историком, одни называют его англоведом, другие культурологом. Самой концептуальной книгой ученого стала «История культуры стран Европы и Америки» (1987). Под его руководством было защищено более 20 кандидатских диссертаций, а четверо учеников П.Ю. Рахшмир, А.Б. Цфасман, Л.А. Фадеева и О.Б. Подвинцев стали докторами наук⁹.

М.Я. Сюзюмов в начале 1950-х гг. работал в Свердловском педагогическом институте. Здесь им была подготовлена докторская диссертация «Производственные отношения в византийском городе-эмпирии в период генезиса феодализма», защита, которой состоялась в 1954 г. в Институте истории АН СССР. С 1955 г. ученый плодотворно трудился в Уральском университете. Под его руководством складывается уральская научная школа византиноведения. В конце 1970-х гг. в Челябинске начала складываться научная историческая школа профессора А.Б. Цфасмана. С 1964 по 1995 г. он работал в Челябинском педагогическом институте и читал все учебные курсы по новой и новейшей истории стран Запада. В 1979 г. он защитил докторскую диссертацию «Борьба рабочего класса и политика буржуазии: эволюция буржуазных партий Германии в начальный период империализма (рубеж XIX—XX вв. — 1914 гг.)»¹⁰. Эта работа продолжила ту новаторскую линию, которая была заложена ещё в кандидатской диссертации: предметом научного анализа стала политика правящих кругов кайзеровской Германии накануне Первой мировой войны, межфракционные отношения в рейхстаге, широкий спектр политических партий, к которым редко обращалась советская историческая наука.

В 1950—1980-х гг. учёные-экономисты переосмысливают сущность и содержание экономических методов хозяйствования, принципы планирования, место науки в жизни общества. Первая на Урале университетская кафедра политэкономии была создана в 1945 г. в Уральском университете¹¹. Под руководством В.М. Готлебера кафедра превратилась в крупный центр экономических исследований. В начале 1960-х гг. в Уральском и Пермском университетах создаются экономические факультеты. Кафедру отраслевых экономик экономического факультета ПГУ возглавил профессор В.Ф. Тиунов, который активно исследовал перспективы комплексного развития Пермского экономического района. Деканом экономического факультета УрГУ стал профессор В.М. Готлебер. Пионерами исследования внутрипроизводственных резервов как неиспользованных

возможностей повышения эффективности производства были ученые Уральского политехнического института (Г.А. Пруденский, А.Х. Бенуни, В.И. Ганштак). На Южном Урале эта научная школа получила развитие благодаря активной работе профессора А.Я. Сычева (с 1955 г. ректор Челябинского политехнического института)¹².

В 1941 г. на Урале создается первое академическое экономическое подразделение УФАН¹³. Группа экономических исследований (рук. Н.Н. Колосовский) начала свою деятельность с разработки «Схемы усиления транспортных связей Среднего Урала». В первой половине 1950-х гг. Отдел экономических исследований УФАН (рук. А.Н. Ефимов) несмотря на недостаточное внимание властей к развитию производства группы Б (товары народного потребления), исследовал эту тему, доказывал возможность использования отходов крупной промышленности для производства этих товаров. В 1954 г. в обком КПСС даже были представлены записки с предложениями по специализации предприятий местной промышленности и промысловой кооперации. В конце 1950-х гг. в рамках интеллектуального спора между Н.М. Кокосовым и С.Л. Вольмиром обсуждалась концепция создания Института экономики УФАН. В течение 1960-х гг. неоднократные предложения экономистов о преобразовании Отдела в Институт не были поддержаны властями. Наконец в 1971 г., одновременно с преобразованием УФАН в УНЦ АН СССР создается Институт экономики Уральского научного центра. В 1986 г. Институт экономики возглавил член-корреспондент академии наук В.П. Чичканов. Его научные интересы сконцентрировались вокруг проблем региональной экономики и управления народного хозяйства. Из коллективных монографий 1990-х гг. можно отметить фундаментальный труд «Урал на рубеже веков: проблемы и прогнозы социально-экономического развития» (1999), и крупную теоретическую работу «Приоритеты социально-экономического развития регионов: вопросы теории, методологии, практики» (2000).

Научные работники Урала выступали как носители культуры, не только в смысле хранителей традиций, исторической памяти, но и как творцы идей, идеалов, смыслов, программ общения и поведения. Архивные документы и воспоминания современников событий 1950—1980-х гг. свидетельствуют о том, что в сознании учёных происходят значительные изменения. Переосмысливается прошлое страны, роль вождей, место науки в жизни общества, история научных идей. Оценки многих социально-политических, экономических и международных событий закрепились в эмоционально-чувственном слое сознания ученых и превратились в стереотипы, незыблемую веру. Поэтому этот процесс оказался противоречивым и конфликтным

Складываются разные типы поведения и ценностных ориентаций научных работников. Первый тип

поведения может быть охарактеризован как консервативно-догматический. Второй тип поведения, представленный меньше, но достаточно отчетливо, — принципиально-оппозиционный. Среди них больше всего сторонников демократизации самой научной жизни. Наконец, значительная часть научных работников представляет собой различные конформистские, переходные типы между этими двумя крайними типами мировоззрения и мировосприятия. Интеллектуальная оппозиция советских учёных-гуманитариев к официальной науке была одним из широко распространенных типов социального конформизма. Анализ этого аспекта социокультурных процессов в отечественной науке становится всё более актуальным.

Жесткие теоретико-методологические рамки установленные партийно-государственной системой для научных исследований, идеологический диктат, усиливали инерцию мыслительной деятельности, тормозили формирование интеллектуальных ресурсов. Для властей была достаточна позиция демонстрируемой лояльности. Чем настойчивее учёные отстаивали право на интеллектуальную оппозицию, тем сильнее была дискриминация со стороны чиновников партийно-государственного аппарата.

В литературе обосновывается точка зрения о том, что общественные науки не смогли взять на себя роль исторического и политического компаса нации. Рост числа выпускников вузов не привел к адекватному наращиванию политической культуры и знаний о российском социуме. В высших учебных заведениях воспроизводится социальность, сформированная предыдущими поколениями, наполняя новые политические формы исторически-традиционным содержанием¹⁴.

Новое поколение учёных призвано не только, осмыслить научные идеи 1950-1990-х гг. но и определить в отношении ценностей интеллектуальной свободы и независимости. Университеты Урала призваны подготовить интеллектуальную элиту, которая реализует принципы правового и бюджетного регулирования финансово-хозяйственной деятельности, рыночные по своему характеру и региональные по системам контроля и организации. Российским обществоведам предстоит освоить политическую культуру демократии с тем, чтобы транслировать ее в менее образованные слои общества.

Ученым России необходимо изменить социально-политическое мышление и обрести способность

апеллировать к общественному мнению и формировать его, вести диалог с властью, доказывать новую роль научной сферы на этапе возникновения общества основанного на знании.

Примечания

1. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 год. — М.: Весь Мир, 2004. — С. 91.
2. Там же. С. 108.
3. Челябинской области — 70 : стат. сб. — Челябинск : Челябиноблкомстат, 2004. — С. 460.
4. Уральский государственный университет в биографиях / отв. ред. М.Е. Главацкий, Е.А. Памятных. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2000. — 420—429.
5. Устинов, В.В. Наше вчера, сегодня, завтра (Институту физики металлов — 70 лет) / В.В. Устинов // Наука. Общество. Человек. Вестник Уральского отделения РАН. — Екатеринбург : УрО РАН, 2002. — № 1. — С. 69—81; Смирнов, Н.Г. Один директор, три поколения заводов и триста подвижников. ИЭРиЖ УрО РАН в 1976—2004 гг. / Н.Г. Смирнов // Наука. Общество. Человек. Вестник Уральского отделения РАН. — Екатеринбург : УрО РАН, 2004. — Вып 3 (9). — С. 51—60; История Института экономики УрО РАН / под ред. А.И. Татаркина. — Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2002. — С. 175; Труды института истории и археологии УрО РАН за 1998—2002 гг. — Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2003. — С. 4.
6. Руткевич, М.Н. Развитие философии и социологии в Уральском университете (40—70 гг. XX в.) / М.Н. Руткевич. — М., 2003. — С. 25.
7. Уральскому университету — 70. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1990. — С. 144.
8. Философы России. XIX—XX столетий. Биографии, идеи, труды. — М.: Бизнес и книга, 1995. — С. 279.
9. Лаптева, М.П. Кертман Лев Ефимович // Историки Урала / М.П. Лаптева. — Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 2003. — С. 149.
10. Аркадий Беньяминович Цфасман. — Челябинск : Изд-во ЧГПИ, 2000. — С. 7.
11. Уральскому университету — 70 лет. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1990. — С. 180.
12. УГТУ—УПИ: очерки истории. 1920—2005. — Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2005. — С. 150, 199; Научные школы ЮУрГУ. История развития. — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2008. — С. 399.
13. История Института экономики Уральского отделения РАН. — Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2002. — С. 29.
14. Магарил, С.А. Интеллигенция и модернизация / С.А. Магарил // Вестник Российской академии естественных наук. — № 4. — 2003. — С. 2—4.

Поступила в редакцию 20 июля 2009 г.

Балакина Людмила Павловна, родилась в 1957 г., в 1980 с отличием окончила Челябинский педагогический институт, в 1994 г. в МГУ им. М. Ломоносова защитила кандидатскую диссертацию «Советская научная интеллигенция в 1960-е гг.: социальное развитие и общественно-политическая деятельность». Доцент кафедры «История», автор более 30 научных работ по проблемам социальной истории, истории общественных наук в СССР.

Balagina Liudmila Pavlovna was born in 1957, in 1980 graduated with honours from Chelyabinsk State Pedagogic Institute, in 1994 presented a candidate thesis “Soviet scientific intelligentsia in 1960s: social development and political activity” in Lomonosov Moscow State University. Associate professor at the History department, author of more than 30 works on problems of social history, history of social sciences in USSR.

ПРИЧИНЫ СМЕРТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА В 1920—1930-е гг.*

В.А. Журавлева

REASONS OF MORTALITY OF URAL URBAN POPULATION IN 1920—1930s

V.A. Zhuravleva

Статья посвящена изучению проблемы смертности как одной из главных составляющих процесса естественного воспроизводства населения. На основе статистических материалов анализируется структура причин смертности городского населения Урала на различных этапах социально-экономического и политического развития региона в 1920—1930-е годы.

Ключевые слова: историческая демография, городское население Урала, естественное воспроизводство населения, смертность.

The article is devoted to research of the problem of mortality as one of main components of natural process of population reproduction. On the basis of statistical data the reasons of mortality in Ural urban settlements at different stages of social-economical and political region development in 1920—1930-s are analyzed.

Keywords: historical demography, city population of Ural, natural reproduction of population, mortality.

Одним из двух главных подпроцессов воспроизводства населения является смертность. Процесс вымирания людей зависит от большого числа биологических и социальных факторов, которые делятся на две важнейшие группы: эндогенные, порожденные внутренним развитием человеческого организма, и экзогенные, связанные с действием внешней среды. Смерть всегда есть результат взаимодействия факторов этих групп. Их соотношение выражается в структуре смертности по причинам смерти. Анализ смертности по причинам смерти позволяет выявить относительное значение ущерба, наносимого различными причинами смерти, а также оценить эффективность мероприятий по борьбе с теми или иными заболеваниями.

Проблема причин смерти россиян является объектом изучения отечественных демографов¹. В современной демографической литературе утвердилась теория демографического перехода, ранее получившая широкое распространение на Западе. В своей монографии А.Г. Вишневский доказывает, что в результате демографического переворота происходит утверждение современного типа воспроизводства населения, приведшего к коренному изменению структуры причин смерти населения. Экзогенная смертность постепенно сокращается, на первое место выступают эндогенные причины, связанные со старением².

Историки на общероссийском и региональном уровне рассматривают проблему перехода от традиционного к современному обществу и его влияния на воспроизводство населения на основе тео-

рии модернизации³. На рубеже XX—XXI вв. появились крупные работы по изучению населения России в прошлом веке⁴, но Урал в них затронут не был. Уральский историк И.В. Нарский исследовал влияние революций и войн на демографические характеристики края, ввел в научный оборот статистические данные по структуре смертности в уральских губерниях и исследовал причины повышенной смертности жителей региона в 1917—1922 гг.⁵

В 2000 г. вышел сводный труд по истории населения России в XX веке. Авторы на основе новых данных рассмотрели демографические последствия войн и революций, социально-экономических и политических потрясений 1920—1930-х гг.⁶ Подобное коллективное исследование появилось и по населению Урала⁷. Один из его авторов Е.Ю. Алферова, проанализировав динамику смертности жителей региона в XX веке, пришла к выводу, что со второй половины 1920-х годов в крае начался процесс снижения смертности и увеличения продолжительности жизни человека, что обусловлено успехами советского здравоохранения в борьбе с инфекционными заболеваниями, в особенности, детскими⁸. Но в работе не была специально рассмотрена структура причин смерти населения Урала вообще и горожан в частности.

Анализ научной литературы показывает, что на рубеже XX—XXI вв. историками, демографами⁹ и медиками¹⁰ проделана значительная работа по изучению естественного воспроизводства населения России вообще и Урала в частности в XX веке. Появились и специальные исследования историков по вопросу смертности российского населения в первой трети прошлого века¹¹. Вместе с тем не получила должного освещения проблема причин смерти жителей

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-01-85106 а/У

городских поселений Урала в 1920—1930-е годы. Цель данной статьи — восполнить этот пробел.

Для Урала переход от войны к мирному хозяйственному строительству был очень тяжелым, что сказалось на демографических характеристиках края. Переписи 1920 и 1923 гг. зафиксировали сокращение численности населения уральских городов, хотя масштабы убыли жителей городов и городских поселений разнятся. По данным, опубликованным в 1923 г., численность горожан Урала сократилась с 1 313 277 чел. в 1920 г. до 1 146 627 чел. в 1923 г., т. е. на 12,7 %¹². С учетом пересчета итогов переписей населения применительно к новому административному делению области (в 1923 г. была создана Уральская область, в которую вошли Екатеринбургская, Пермская, Тюменская и Челябинская губернии). На 1924 г. убыль городского населения составила 5,5 %, т. е. если в 1920 г. в городах края проживало 1 218 046 чел., то в 1923 г. — только 1 151 026 чел.¹³ Падение численности горожан было связано, прежде всего, с повышенной смертностью населения, которая даже превысила рождаемость. Как справедливо отмечалось в научной литературе¹⁴, данные текущей статистики начала 1920-х годов отрывочны, не всегда достоверны, а иногда и попросту отсутствуют. Они не могут дать полной картины, но эти сведения могут характеризовать демографические тенденции в регионе. Так, в 1921 г. в Пермской губернии родилось 47 056 чел. (27,9 на 1000 чел.), умерло 44 257 чел. (26,2 на 1000 чел.), т. е. естественный прирост составил 2799 чел. или 1,7 на 1000 населения¹⁵. Но особенно тяжелое положение было с естественным приростом горожан. Статистика свидетельствует, что как в губернских, так и в провинциальных городах в 1920—1922 гг. смертность была огромной и превышала рождаемость, она во многом определяла убыль населения Урала. В Перми на 1000 чел. в 1920 г. родилось 31,8 и умерло 67,2, т. е. естественная убыль населения составила 35,4; в 1921 г. соответственно — 41,2, 71,6, 30,4; в 1922 г. — 28,2, 98,8 и 70,6¹⁶. В декабре 1921 г. уездно-городской ЗАГС Екатеринбурга зарегистрировал 208 рождений и 615 смертей, в апреле 1922 г. в городе родилось 144 и умерло 1037 чел., т. е. убыль населения составила соответственно 407 и 893 чел.¹⁷ В Златоусте в 1920 г. родилось 1454, а умерло 2245 чел., т. е. убыль населения составила 791 чел.; в 1921 г. соответственно — 2015, 2025, 10; 1922 г. — 624, 2572, 1948 чел.¹⁸ Только в 1923 г. в уральских городах наметилось улучшение демографической ситуации. Значительное снижение прироста населения связано с последствиями социально-экономических и политических катаклизмов послереволюционного периода (мировой и гражданской войн, голодом и связанными с ними небывалыми эпидемиями).

Сохранившиеся статистические данные позволяют определить структуру высокой смертности начала 1920-х годов. Они показывают, что наибольший процент падал на эпидемические заболевания.

Особая опасность исходила от тифа. В Перми эпидемия тифа свирепствовала 4 года и приобрела

такие размеры, что местные медики доктор В.Н. Космодемьянский и санитарный врач Н.Н. Горшков предприняли научное обследование заболевших¹⁹. Полученный материал позволил им сделать важные выводы. Прежде всего, сыпной и возвратный тифы сезонов 1919—1920 гг. и осени 1921—1922 гг. имели разные источники происхождения. На рубеже 1919—1920 гг. заболевание гражданско-го населения было связано с переброской в Пермь значительного воинского контингента²⁰. Новая эпидемия паразитарных тифов в Перми, начавшаяся в сентябре 1921 г., имела свои особенности. Она развивалась при крайне неблагоприятных экономических условиях. Дефицит и необычайная дороговизна продуктов из-за неурожая в ряде уездов Пермской губернии привели к голоданию населения. Все это происходило на фоне повышения цен на мануфактуру и мыло (до 400 %) и нерегулярной работы бань из-за недостатка топлива, что способствовало росту завшивленности населения. Вшивость наблюдалась почти у четверти горожан, при этом на долю женщин приходилось 59 %. Но, по мнению врачей, цифра была явно преуменьшена из-за отказа большинства опрошенных отвечать на этот вопрос²¹.

Ситуация в Перми еще больше ухудшилась в связи с новым важным эпидемиологическим моментом — передвижением переселенцев из голодных губерний в Сибирь, начавшимся в июле 1921 г. и приобретшим массовый и стихийный характер. По данным Врачебно-питательного пункта Пермского губэвака, в июле—октябре 1921 г. из 119 440 прошедших через Пермь в городе осело 40 517 чел.²² Они размещались в специально организованных лагерях и содержались в них скученно, в антисанитарных условиях и полуголодном состоянии. Среди приезжих было много тифозных и дизентерийных больных. Поэтому именно в лагерях переселенцев вспыхнула эпидемия тифа, быстро распространившаяся на городское население Перми. Своего пика она достигла в январе 1922 г., когда было зарегистрировано 1390 случаев сыпного и 667 возвратного тифа. В феврале кривая заболеваемости заметно снизилась до 767 случаев сыпного и 549 возвратного тифа. В.Н. Космодемьянский и Н.Н. Горшков, исследуя эпидемию, обратили внимания на ее особенность — преобладание сыпного тифа над возвратным. Соотношение заболеваемости сыпным тифом к возвратному выражалось как 64,6 % к 35,4 % или как 2:1, но убыль населения от возвратного оказалась выше, чем от сыпного тифа. В разные месяцы 1921 г. смертность от сыпного тифа колебалась в пределах 4,0—20,0 % и постепенно дошла в январе 1922 г. до среднемесячной в 10,5 %. Колебания смертности от возвратного тифа были в рамках 1,0—40,0 %, достигнув в январе 1922 г. среднемесячной в 21,8 %. Такое прогрессирование смертности от возвратного тифа врач В.Н. Космодемьянский связывал с усилением тяжести течения болезни из-за частых энтеритов, истощавших организм и вызывавших вторичные инфекции. Медики выявили и еще одну специфику эпидемии тифа в Перми —

повторность заболевания сыпным тифом тех, кто уже переболел им ранее. Они объясняли это ослаблением иммунитета на почве голодания. В целом, в 1921—1922 гг. коэффициент общей смертности в г. Перми приблизительно равнялся 72,9²³.

Все особенности эпидемии тифа в Перми начала 1920-х годов были свойственны и другим уральским городам, большинство из которых располагалось вдоль железнодорожной магистрали и представляло собой крупные узловые станции. По сведениям Челябинской базы Центроэвака только за 11 месяцев 1922 г. через ст. Челябинск прошло транзитом 30 850 чел.²⁴ В городах, лежавших в стороне от Транссиба, к примеру, в Троицке и Верхнеуральске, эпидемическая обстановка была не такой тяжелой.

В 1921 г. тифом заболело 9845 горожан Челябинской губернии, а за два с половиной месяца 1922 г. — уже 4735 чел. Эпидемия достигла своего пика в ноябре 1921 — январе 1922 гг. Наибольшая часть заболеваний (63,9 %) приходилась на возвратный тиф, от которого скончалось в 1921 г. 8,6 % жителей городов, в первой декаде 1922 г. — уже 15,7 %. На втором месте по количеству заболеваний стоял брюшной тиф. Но именно на его долю пришлось наибольшее число умерших: соответственно — 8,6 % и 25,2 %. Удельный вес смертности от сыпного тифа был ниже — 6,8 % и 8,5 %²⁵. В мае—сентябре 1922 г. намеченная в начале года тенденция сохранилась. По-прежнему отмечалась повышенная заболеваемость возвратным тифом, причем число заболевших за 9 мес. 1922 г. в два раза превысило аналогичный показатель за предыдущий год²⁶. Другие инфекции в городах Челябинской губернии не получили такого масштаба, как тиф, но они также стали причиной повышенной смертности горожан. Особую опасность после тифа представляла холера. Первые случаи этой болезни были зафиксированы на станции Челябинска, больными оказались пассажиры из Поволжья. Всего же в городах Челябинской губернии летом 1921 г. было зарегистрировано 4244 больных холерой, из них умерло 45,4 %²⁷. С сентября эпидемия пошла на убыль, а в 1922 г. холера уже не имела таких масштабов. В июне 1921 г. началась эпидемия холеры в Златоусте. Ее завезли трудармейцы из Уфы, расквартированные в одном из районов города. Всего же в Златоусте и его уезде этой болезнью заболело 1090 чел., из которых умерло 492 чел. (45 %)²⁸. В Кургане с 1920 г. эпидемии паразитарных тифов получили такой широкий размах, что все внимание было направлено на практическую работу и строгий учет заболевших некому было вести²⁹.

Ликвидация эпидемических заболеваний стала важнейшей задачей городских властей. Повсеместно создавались чрезвычайные комиссии по борьбе с тифом, а при необходимости, и с холерой. Эти чрезвычайные органы с диктаторскими полномочиями централизовали борьбу с инфекциями. Но основная тяжесть легла на органы здравоохранения. Для госпитализации заболевших повсеместно был увеличен коечный фонд. С октября 1921 г.

по сентябрь 1922 г. только в Екатеринбургской губернии было развернуто 2300 временных эпидемических коек. Но их оказалось недостаточно: удалось госпитализировать только 62,5 % заболевших³⁰. Проводилась принудительная санитарная очистка городов. Учитывая особую роль транспорта в распространении эпидемий, на железнодорожных станциях были организованы изоляционно-пропускные пункты, действовали дезинфекционные и противоэпидемические отряды для проведения мероприятий по предотвращению заражения населения. Так, изоляционно-пропускной пункт станции Пермь-II осуществлял санитарную обработку всех проходивших эшелонов, больных снимали с поездов и отправляли в госпитали. На пунктах постоянно дежурили фельдшера, в их распоряжении находились амбулатории, парикмахерская и стационар на 250 коек³¹.

Эти меры позволили остановить лавинное нашествие эпидемий и добиться их резкого сокращения, что сказалось на показателях смертности населения. В 1924 г. в городах и городских поселениях Уральской области на 1000 чел. умерло 28,5 и родилось 54,3, т. е. естественный прирост составил 25,8 чел.; в 1925 г. соответственно — 28,9, 53,7 и 24,8³². Но отголоски эпидемий начала 1920-х годов нашли отражение в том, что вплоть до середины 1920-х годов в статистических справочниках Урала публиковалась только динамика острозаразных заболеваний.

Сохранившиеся статистические данные позволяют проанализировать структуру смертности горожан во второй половине 1920-х гг. Учитывая причины смерти, носившие массовый характер (более 1000 случаев за год), можно сделать вывод, что в 1926—1928 гг. основная убыль населения (до четверти скончавшихся) происходила от эндемических, эпидемических и инфекционных болезней (сюда относятся и туберкулез). На втором месте стояла смертность от заболевания органов дыхания (в разные годы от 14,7 до 17,1 % умерших) и пищеварения (в пределах 13,5—22,2 % всех смертей). Обращает на себя внимание такая причина смертности горожан, как внезапная смерть и смерть от неопределенной и неуказанной болезни. Во второй половине 1920-х гг. на ее долю приходилось 118,4 (1926 г.), 81,7 (1927 г.) и 100,3 (1928 г.) случаев смерти на 1000 чел. Высокий удельный вес этой причины свидетельствовал о недостаточном развитии сети медицинских учреждений и уровне медицинской диагностики³³. Статистика показывает, у каждой возрастной группы были свои основные причины смерти. В целом за 1926—1928 гг. больше всего умерло детей от 0 года³⁴ до 9 лет от болезней органов пищеварения и дыхания и эпидемических и инфекционных болезней.

Широкое распространение смерти от внешних причин говорило о некультурности населения и о повышенном травматизме на производстве. В 1927 г. результаты выборочного обследования показали: из каждых 100 промышленных рабочих Урала (в возрасте старше 15 лет) до 30 лет доживали 85,2 %; до 40 лет — 73,5 %; до 50 лет — 59,2 %; до 60 лет —

39,9 %. Таким образом, до пенсионного возраста могли дожить двое из пяти рабочих³⁵.

Немаловажную роль в причинах смертности городского населения Урала играло городское хозяйство. Уралоблисполком в своем отчете за 1924 г. отмечал, что высокая заболеваемость туберкулезом и скарлатиной находилась в тесной связи с жилищными условиями, а большое развитие водных инфекций (дизентерии и брюшного тифа) зависело от неразвитости водопровода и канализации³⁶. Санитарное состояние Урала было значительно хуже, чем других регионов СССР. Это отразилось на показателях смертности. Если в 1926 г. в Уральской области на 1000 жителей умерло 26,7 чел., то в РСФСР — 20,8, а на Украине — 18,1. В 1927 г. смертность на Урале несколько повысилась, достигнув 27,4 на 1000 чел. В отдельных городах она оказалась даже выше средних показателей по региону: в Лысьве — 45,3, Надеждинске — 35,4³⁷.

Промышленная модернизация Урала, развернувшаяся в конце 1920-х годов, оказала существенное влияние на демографическую ситуацию в городских поселениях региона. Индустриализация привела к значительному росту численности рабочих и служащих и увеличению контингентов горожан. Но в первые годы первой пятилетки часть советских и партийных руководителей недооценила важность социальных вопросов. Нарком тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе, выступая на Всесоюзной конференции работников промышленности в январе 1931 г., заявил: «Страна Советов будет строить и построит социалистические города. Но можем ли мы и хватит ли у нас средств, чтобы сегодня же, одновременно со строительством наших заводов-гигантов, воздвигнуть и гиганты социалистических городов? Отвечаем — не можем. Надо прежде всего как можно быстрее закончить строительство заводов и пустить их в ход..., с тем, чтобы через 5—6 лет... построить действительно социалистические города вокруг работающих заводов»³⁸. Урал занимал одно из печальных первых мест в РСФСР по острозаразным болезням. Особая опасность с тифами сложилась в начале 30-х годов XX века.

В 1932 г. была зафиксирована вспышка сыпного тифа в Кизеле и Златоусте, а в начале 1933 г. Уралоблисполком констатировал наряду с Магнитогорском особую эпидемиологическую неблагополучность в Свердловске и Челябинске³⁹.

Такое же тяжелое положение сложилось с заболеваемостью брюшным тифом из-за некачественной питьевой воды. В итоге если в целом по Уральской области в 1928 г. на 1000 горожан от сыпного тифа умерло 1,1 чел., то в 1933 г. — 21,5; от брюшного тифа соответственно — 8,6 и 9,7⁴⁰. Но в дальнейшем благодаря определенным успехам городского строительства³⁵, улучшения медицинского обслуживания и принятым чрезвычайным мерам наблюдалось снижение убыли населения от тифа. В 1935 г. в городских поселениях Свердловской области (в 1934 г. Уральская область была разделена на Свердловскую, Челябинскую и Обь-Иртышскую области) на каждую 1000 чел.

регистрировалось 2,0 случая смерти от сыпного и 7,0 брюшного тифа; в 1936 г. соответственно — 0,6 и 4,8; в 1937 г. — 1,1 и 5,0, т.е. отмечалось небольшое повышение; но в 1938 г. вновь снижение — 0,5 и 4,7. В Челябинской области в 1937 г. соответственно — 0,8 и 5,6; 1938 г. — 0,4 и 5,2; 1939 г. — 0,3 и 5,4⁴¹.

Среди причин убыли населения уральских городов в 1933 г. необходимо выделить смерть от неполноты питания, удельный вес которой составил 2,0 %⁴². Так в структуре смертности проявилось влияние голода 1932—1933 гг.

В 1930-е годы наиболее распространенной причиной смерти горожан оставались инфекционные и паразитарные заболевания, от них теперь погибало свыше трети населения городов. Но здесь произошли важные изменения. В результате мероприятий по оспопрививанию во второй половине 1930-х гг. в уральских городах не было зафиксировано ни одного случая смерти от оспы, хотя еще в 1920-х гг. регион являлся одним из самых крупных очагов в РСФСР по этому заболеванию. Как уже отмечалось, значительно снизилась смертность от тифов. По-прежнему сохранялась высокая смертность от детских болезней, особенно от кори. Наиболее значительная вспышка этого заболевания произошла в 1937 г. Если в Свердловской области от этой инфекции погибло в 1936 г. 4,3 % горожан, то в 1937 г. — уже 13,4 %, в 1938 г. — только 6,8 %. В Челябинской области эпидемия кори продолжалась дольше. В 1937 г. удельный вес умерших от нее составил 12,1 %, 1938 г. — 10,5, 1939 г. — вновь повышение до 13,4 %⁴³. Однако лидером среди инфекционной группы заболеваний был туберкулез дыхательных органов. И смертность по этой причине имела тенденцию к увеличению. Если в Уральской области за 1926—1928 гг. от данного заболевания погибло 8,8 % горожан, то в Свердловской области за 1935—1938 гг. умерло 10,2 %, а в Челябинской области только за три года (1937—1939 гг.) — уже 10,7 %.

На втором месте стояла смертность от болезней органов дыхания. В Свердловской области по этой причине скончалось в 1935 г. 14,3 % жителей городских поселений, 1936 г. — 16,1, 1937 г. — 18,4, 1938 г. — 18,7 %. В Челябинской области этот показатель оказался даже выше и составил в 1937 г. 19,6 %, 1938 г. — 19,1, 1939 г. — 18,6 %. Такая высокая смертность от заболевания органов дыхания вообще (бронхит, крупозная пневмония, туберкулез дыхательных органов и пр.) объяснялась не только спецификой уральской промышленности, но и ухудшением экологии населенных мест. Из-за экономии средств селитебная зона города располагалась вблизи промышленных объектов и очень часто оказывалась под вредным воздействием предприятий. По данным обследования Свердловского гигиенического института, на здоровье жителей Красноуральска плохо влияли сернистые газы, выделявшиеся медеплавильным заводом⁴⁴. С подветренной стороны от металлургических комбинатов начали строиться жилые поселки Магнитогорска и Нижнего Тагила.

Третья причина смерти горожан — желудочно-кишечные заболевания, напрямую связанные с санитарным состоянием городов, благоустройством жилья и качеством питьевой воды. К концу 1930-х гг. только 23,7 % жилья в городах Свердловской области было оснащено водопроводом и 17,0 % канализацией. В Челябинской области водопровод был только в крупных городах — Челябинске, Магнитогорске и Златоусте и частично в Троицке и Копейске. В остальных городских поселениях питьевыми источниками служили колодцы и естественные водоемы, содержащиеся с нарушением элементарных санитарных правил⁴⁵. Часто в городах нарушались санитарные правила в торговой сети и объектах общественного питания, на предприятиях пищевой промышленности.

Четвертое место занимали болезни сердечно-сосудистой системы, приводившие к смерти. Их удельный вес колебался в пределах 5,5—7,0 %. Сохранившиеся статистические данные показывают, что в трудном 1933 г. смертность по этой причине возросла до 9,2 %⁴⁶.

В 1930-е гг. смерть от раковых заболеваний была еще не так распространена, как в последующие годы, и составляла более 2 %.

В условиях промышленной модернизации края, несмотря на расширение сети лечебных учреждений, численность горожан росла быстрее и не снимала остроты проблемы охвата медицинским обслуживанием населения городских поселений. Если в 1928/29 г. на 1000 горожан Уральской области приходилось 5,1 койки, то на 1000 горожан Свердловской области на 1 января 1938 г. — 6,5, Челябинской в 1940 г. — 7,3 койки⁴⁷. При этом в конце 1930-х годов в промышленных центрах Свердловской области функционировало 157 больниц всех типов, 8 детских больниц, 18 роддомов; в Челябинской области — 51 больница и 11 роддомов. Во всех городах Урала работали молочные кухни и ясли, женские и детские консультации. Выросла специализированная помощь. Только с 1934 по 1940 гг. в Челябинской области удельный вес туберкулезных коек увеличился в 4 раза, была организована онкологическая помощь, для диагностики врачи имели 74 рентгеновских установки и 86 клинических лабораторий⁴⁸.

Таким образом, в 1920—1930-е годы на Урале по-прежнему преобладали экзогенные факторы смертности городского населения. Тем не менее, были заложены основы для революционного скачка в структуре смертности и увеличения продолжительности жизни населения.

Примечания

1. Новосельский, С.А. Смертность и продолжительность жизни в России / С.А. Новосельский. — Петроград. Тип. мин-ва внутренних дел, 1916. — 207 с.; Дмитриева, Р.М. Снижение смертности в СССР за годы Советской власти / Р.М. Дмитриева, Е.М. Андреева // Брачность, рождаемость и смертность в России и в СССР: сб. ст. / под ред. А.Г. Вишневого. — М.: Статистика, 1977. — С. 28—49; Андреев, Е.М. Продолжительность жизни и причины смерти в СССР / Е.М. Андреев // Демографические процессы в СССР: сб. науч. тр. / отв. ред. А.Г. Волков. — М.:

Наука, 1990. — С. 190—116; Бирюков, В.А. Эволюция и особенности смертности населения в городах СССР / В.А. Бирюков // Демографические процессы в СССР: сб. науч. тр., отв. ред. А.Г. Волков. — М.: Наука, 1990. — С. 135—150; Воспроизводство населения СССР / под ред. А.Г. Вишневого и А.Г. Волкова. — М.: Финансы и статистика, 1983. — С. 38—126; Демографическая модернизация России, 1900—2000 / под ред. А.Г. Вишневого. — М.: Новое изд-во, 2006. — С. 257—397.

2. Вишневецкий, А.Г. Демографическая революция // А.Г. Вишневецкий Избранные демографические труды. — М.: Наука, 2005. — Т. 1. — С. 42—93.

3. См.: Опыт российских модернизаций. XVIII—XX века / отв. ред. В.В. Алексеев. — М.: Наука, 2000. — 246 с.; Сенявский, А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. — М.: Наука, 2003. — 286 с.; Побережников, И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / И.В. Побережников. — М.: РОССПЭН, 2006. — 240 с.

4. Поляков, Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население / Ю.А. Поляков. — М.: Наука, 1986. — 272 с.; Дробижев, В.З. У истоков советской демографии / В.З. Дробижев. — М.: Мысль, 1987. — 222 с.; Жиромская, В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд на неизвестное / В.Б. Жиромская. — М.: РОССПЭН, 2001. — 280 с.

5. Нарский, И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917—1922 гг. / И.В. Нарский. — М.: РОССПЭН, 2001. — С. 122—145, 334—343.

6. Население России в XX веке: в 3-х т. — Т. 1 / отв. ред. В.Б. Жиромская. — М.: РОССПЭН, 2000. — С. 98—104, 129—133, 147—153, 219—242, 336—344.

7. Население Урала. XX век. История демографического развития / отв. ред. В.В. Алексеев. — Екатеринбург: Екатеринбург, 1996. — 212 с.

8. Там же. — С. 110.

9. Андреев, Е.М. Демографическая история России: 1927—1959 / Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харьков. — М.: Информатика, 1998. — 187 с.

10. Тарасов, П. На страже здоровья трудящихся / П. Тарасов // Челябинская область за 40 лет Советской власти. — Челябинск: Кн. изд-во, 1957. — С. 535—546; Бароян, О.В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии / О.В. Бароян. — М.: Медицина, 1968. — 303 с.; Соколов, Д.К. Становление охраны здоровья народа на Южном Урале / Д.К. Соколов, Р.С. Алексеева, Г.Ф. Еремин, А.С. Старицын. — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1970. — 87 с.; Розенфельд, Л.Г. Итоги здравоохранения Южного Урала за 60 лет Советской власти — вклад в выполнение программы охраны здоровья советского народа / Л.Г. Розенфельд, Г.П. Мещеряков. — Челябинск: Знание, 1978. — 22 с.; Бедный, М.С. Медико-демографическое изучение народонаселения / М.С. Бедный. — М.: Статистика, 1979. — 223 с.; Селезнева, В.Т. Очерки по истории медицины в Пермской губернии / В.Т. Селезнева. — Пермь: Пермская гос. мед. академия, 1997. — 124 с.

11. Араловец, Н.А. Смертность городского населения России в 90-е годы XIX в.—20-е годы XX в.: социально-экологический аспект / Н.А. Араловец // Историческая экология и историческая демография: сб. науч. ст. / под ред. Ю.А. Полякова. — М.: РОССПЭН, 2003. — С. 115—124; Жиромская, В.Б. Экология и смертность населения РСФСР в 1930-е годы / В.Б. Жиромская // Историческая экология и историческая демография: сб. науч. ст. / под ред. Ю.А. Полякова. — М.: РОССПЭН, 2003. — С. 103—114.

12. Подсчитано по: Уральский статистический ежегодник на 1923 г. / под ред. В.С. Немчинова и П.Ф. Неволина. — Екатеринбург: Изд. УралоблЭКОСО, 1923. — С. 28—29.

13. Подсчитано по: Уральский статистический ежегодник 1923—24 г. / под ред. В.С. Немчинова и П.Ф. Неволлина. — Екатеринбург : Изд. Уралоблстатуправления, 1925. — С. 21—23.
14. См. Население России в XX веке. — Т. 1. — С. 99.
15. Шапшев, К.Н. Убыль населения как следствие мировой войны / К.Н. Шапшев // Экономика. — 1923. — № 2—3. — С. 5.
16. Селезнева, В.Т. Очерки по истории медицины в Пермской губернии / В.Т. Селезнева. — С. 93.
17. Нарский, И.В. Жизнь в катастрофе / И.В. Нарский. — С. 127.
18. ЗАО. Ф. Р—35. Оп. 1. Д. 22. — Л. 20.
19. Космодемьянский, В.Н. Эпидемия сыпного и возвратного тифов среди гражданского населения гор. Перми во 2-ю половину 1921 года / В.Н. Космодемьянский // Пермский медицинский журнал. — 1923. — № 1—2. — С. 1.
20. См. подробнее: Селезнева, В.Т. Очерки по истории медицины в Пермской губернии / В.Т. Селезнева. — С. 83—84.
21. Космодемьянский, В.Н. Эпидемия сыпного и возвратного тифов... / В.Н. Космодемьянский. — С. 2.
22. Там же. — С. 4—5.
23. Там же. — С. 6—7.
24. Материалы о деятельности Челябинского губернского исполнительного комитета к VI-му губернскому съезду Советов (декабрь 1922 г.). — Челябинск : Б. и., 1922. — С. 69.
25. Подсчитано по: Отчет Челябинского губэкономсовета Совету Труда и Обороне на 1 апреля 1922 года — Челябинск : Тип. губсовнархоза, 1922. — С. 177—178.
26. Отчет Челябинского губернского экономического совещания Совету Труда и Обороне, апрель—сентябрь 1922 г. — Челябинск : Тип. губсовнархоза, 1922. — С. 246—248.
27. Отчет Челябинского губэкономсовета Совету Труда и Обороне на 1 апреля 1922 года. — С. 178.
28. ЗАО. Ф. Р—17. Оп. 1. Д. 69. Л. 149.
29. Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественно-историческом, культурно-хозяйственном и административном отношении. — Курган. Изд-во окружной плановой комиссии, 1925. — С. 503.
30. Розенштейн, С. Здравоохранение в Екатеринбургской губернии за срок с 1 октября 1921 г. по 1 сентября 1922 г. / С. Розенштейн // Медработник Урала. — 1922. — № 2. — С. 3.
31. Селезнева, В.Т. Очерки по истории медицины в Пермской губернии / В.Т. Селезнева. — С. 86.
32. Состав населения Уралобласти // Обзор хозяйства Урала за 1924—25 год / под ред. В.С. Немчинова, М.А. Сигова, А.В. Воробьева. — Свердловск : Б. и., 1926. — С. 201.
33. Подсчитано по: Уральское хозяйство в цифрах, 1928: краткий статистический справочник. — Свердловск: Изд-во Уралоблстатуправления, 1928. — С. 36—39; Уральское хозяйство в цифрах, 1929: краткий статистический справочник. — Свердловск. Уралоблстатотдел, 1929. — С. 8—11; Уральское хозяйство в цифрах, 1930. — Вып. 1: социальная статистика. — Свердловск : Статсектор Уралплана, 1930. — С. 36—37.
34. Младенческая смертность в данной статье рассматриваться не будет, она требует самостоятельного изучения.
35. Постников, С.П. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900—1941 гг.) / С.П. Постников, М.А. Фельдман. — Екатеринбург : УрО РАН, 2006. — С. 147—148.
36. Отчет Уральского областного исполнительного комитета о работе с 14 декабря 1923 г. по 1 января 1925 г. 5-му съезду Советов Уральской области. — Свердловск : Тип.-лит. им. Емшанова ОПХП Пермск. ж.д., 1925. — С. 221.
37. Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета С.Р.К.К. и К.Д. VI созыва, апрель 1927 — апрель 1929. — Свердловск : Изд-во Уралоблстатуполкома, 1929. — С. 194.
38. Орджоникидзе, Г.К. Статьи и речи: в 2 т. / Г.К. Орджоникидзе. — М. : Госполитиздат, 1957. — Т. 2. — С. 273—274.
39. ЗАО. Ф. Р—35. Оп. 1. Д. 324. Л. 28; МАО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 47. — Л. 33.
40. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р—1812. Оп. 2. Д. 172. — Л. 1.
41. Более подробно см.: Бакунин, А.В. Градостроительство на Урале в период индустриализации: препринт / А.В. Бакунин, В.А. Цибульникова. — Свердловск : УрО АН СССР, 1989. — 74 с.; Журавлева, В.А. Становление коммунального хозяйства Урала и его влияние на естественное воспроизводство городского населения края в 20—30-е годы XX века / В.А. Журавлева // Вестник Юж.-Урал. государств. ун-та. — Сер. «Социально-гуманитарные науки», вып. 9. — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. — № 24 (96). — С. 21—26.
42. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р—1813. Оп. 1. Д. 98. — Л. 2 об.; Д. 99. Л. 1; Д. 100. — Л. 3; Д. 101. — Л. 4; ОГАЧО. Ф. Р—485. Оп. 5. Д. 488. — Л. 18; Оп. 6. Д. 789. — Л. 149; Оп. 7. Д. 487 — Л. 22.
43. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р—1812. Оп. 2. Д. 172. — Л. 1.
44. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р—1813. Оп. 1. Д. 98. — Л. 2 об.; Д. 99. Л. 1; Д. 100. — Л. 3; Д. 101. — Л. 4; ОГАЧО. Ф. Р—485. Оп. 5. Д. 488. — Л. 18; Оп. 6. Д. 789 — Л. 149; Оп. 7. Д. 487 — Л. 22.
45. См.: Феоктистов, В.А. О некоторых уроках вредительства троцкистских агентов в планировке города / В.А. Феоктистов // Проект и стандарт. — 1937. — № 7. — С. 4.
46. ГАСО. Ф. Р—1813. Оп. 1. Д. 75. — Л. 11; ОГАЧО. Ф. Р—274. Оп. 3. Д. 51. — Л. 118.
47. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р—1812. Оп. 2. Д. 172. — Л. 1—1 об.
48. ГАСО. Ф. Р—88. Оп. 1. Д. 2522. — Л. 138; Ф. Р—627. Оп. 1. Д. 1305. — Л. 13 об.; ОГАЧО. Ф. Р—274. Оп. 3. Д. 51. — Л. 17.
49. ГАСО. Ф. Р—627. Оп. 1. Д. 1305. — Л. 13 об., 15 об., 36; ОГАЧО. Ф. Р—274. Оп. 3. Д. 51. — Л. 17, 114—115, 124—125; Ф.Р—1595. Оп. 1. Д. 36. — Л. 2.

Поступила в редакцию 20 июля 2009 г.

Журавлева Вера Анатольевна в 1979 году с отличием окончила исторический факультет УрГУ. В 1988 году защитила кандидатскую диссертацию в УрГУ, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой социально-правовых и гуманитарных наук филиала ЮУрГУ в Златоусте. Автор свыше 50 публикаций по проблемам истории Урала 1920—1930-х гг. E-mail: zhuravlvera@yandex.ru.

Zhuravleva Vera Anatolievna graduated with honors from the Historical Faculty of Ural State University in 1979. In 1988 defended the Candidate's dissertation at the USU, She is a Cand. Sc. (History), Associate Professor. Currently she is Head of the Social, Law and Humanities Department of SUSU branch in the town of Zlatoust. She is author of more than 50 publications concerning problems of Ural in 1920—1930. E-mail: zhuravlvera@yandex.ru.

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В НАЧАЛЕ 50-Х ГОДОВ XX ВЕКА

И.В. Сибиряков

THE CHELYABINSK POLYTECHNIC INSTITUTE IN THE EARLY FIFTIES OF THE XX-TH CENTURY

I. V. Sibiryakov

В статье рассмотрены основные изменения, произошедшие в работе института в начале 50-х годов XX века. В центре исследования проблемы «модернизации» вуза в ходе политических, социальных и экономических реформ, проводившихся в стране в этот период. Особое внимание в статье уделено созданию новых факультетов и кафедр, организации научной работы, вопросам повседневной жизни преподавателей и студентов.

Ключевые слова: *политехнический институт, профессорско-преподавательский состав, факультет, кафедра, учебно-методическая работа.*

The article considers the main changes in the institute's work during the 50s of the XX century. The problem of "modernization" of the institution of higher education in the course of the political, social and economic reforms taking place in the country at this period is the centre of the research. The special attention is paid to the formation of new faculties and departments, organization of the scientific work, questions of everyday life of the tutors and students.

Keywords: *polytechnic institute, teaching staff, faculty, department, educational and methodical work.*

Система высшего образования в нашей стране всегда была самым тесным образом связана с государством. Почти все наиболее важные экономические, социальные, политические процессы в жизни государства в той или иной степени, но отражались в деятельности вузов. Пятидесятые годы XX века исключением не были. Последние годы пребывания у власти И.В. Сталина и первые годы после его смерти стали серьезным испытанием для правящей политической элиты, значительной части населения страны, государства в целом¹. Масштабные трансформационные процессы, постепенно охватившие советское общество, можно увидеть на примере Челябинского политехнического института (далее ЧПИ), одного из крупнейших вузов Южного Урала. Его история позволяет лучше понять те проблемы, с которыми в начале 50-х годов столкнулись отечественная высшая школа, система политехнического образования, советская интеллигенция. Алгоритм решения, некоторых из этих проблем, может представлять сегодня не только теоретический, но и практический интерес. Исторический опыт «перенастройки» региональных высших учебных заведений, накопленный в 50-е годы XX века, рано сдавать в архивы.

Решение об организации в Челябинске политехнического института было принято Советом министров СССР еще 26 апреля 1949 г. В постановлении № 1671, подписанном И.В. Сталиным, говорилось:

«1. Разрешить Министерству высшего образования СССР:

а) организовать в 1951 г. в городе Челябинске, политехнический институт на базе Челябинского Механико-Машиностроительного института путем объединения с ним Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства;

б) провести проектные работы по строительству учебных зданий для Челябинского политехнического института в пределах лимитов, выделенных министерству на 1949 год по проектированию строительства будущих лет;

в) организовать в 1950 г. в гор. Челябинске Строительно-Монтажное Управление для строительства зданий Челябинского политехнического института в пределах численности административно-хозяйственного персонала организаций Министерства.

2. Обязать Министерство высшего образования СССР:

а) в течение 1949—1950 годов подготовить учебно-материальную базу Челябинского механико-машиностроительного института для организации Челябинского политехнического института;

б) установить по согласованию с Министерством сельскохозяйственного машиностроения, Министерством станкостроения и Челябинским обкомом ВКП(б) перечень факультетов и специальностей в Челябинском политехническом институте.

3. Поручить Госплану СССР рассмотреть с планом на 1950 г. вопрос об объеме ассигнований на строительство зданий Челябинского Политехнического института».

Показательно, что перечень факультетов и специальностей, которые должны были быть открыты в новом институте, предполагалось согласовать между министерством сельскохозяйственного машиностроения, министерством станкостроения и Челябинским обкомом ВКП(б). Именно они должны были выступить в качестве главных «заказчиков» для ЧПИ. Резкое расширение круга «востребованных» инженерных специальностей во многом было связано с развитием машиностроительных предприятий уральского региона и потребностями военно-промышленного комплекса страны. Сторонники объединения ЧММИ и ЧИМЭСХ были уверены, что такая интеграция позволит более рационально использовать материально-техническую базу вузов, профессорско-преподавательские кадры, научный потенциал. Готовность Совета министров СССР финансировать масштабное строительство новых зданий для ЧПИ свидетельствовало о понимании важности этого проекта для развития всей системы высшего образования в стране.

Однако выполнить решение правительства в полном объеме не удалось. Против идеи слияния ЧММИ и ЧИМЭСХ, в силу разных причин, активно выступили не только руководители ЧИМЭСХ, но и многие высокопоставленные чиновники в Челябинске и Москве. В результате 10 июня 1950 г. Совет министров СССР вновь вернулся к вопросу о создании в Челябинске политехнического института и решил «реорганизовать в 1951 г. Челябинский механико-машиностроительный институт в Челябинский политехнический институт и сохранить Челябинский институт механизации и электрификации сельского хозяйства как самостоятельное высшее учебное заведение»². Реорганизацию было поручено провести Главному управлению политехнических вузов СССР.

19 декабря 1950 г. в Министерстве высшего образования СССР был подписан приказ № 2193, в котором, в частности, говорилось:

1. Реорганизовать с 1 января 1951 г. Челябинский механико-машиностроительный институт в Челябинский политехнический институт.

2. Утвердить факультеты и специальности Челябинского политехнического института, согласно приложению.

3. Главному управлению машиностроительных вузов (т. Аржаникову) передать до 1 января 1951 г., а главному управлению политехнических вузов (т. Прокошкину) принять по акту контингенты студентов, профессорско-преподавательский состав, учебно-вспомогательный и административно-управленческий персонал, учебную документацию, планы, сметы, титульные списки, бухгалтерские и статистические отчеты за прошлые года, включая 1950 г., личные дела номенклатурных работников, заявки на оборудование, материалы и капитальное строительство на 1951 г., а также все активы и пассивы основной деятельности и капиталовложений вуза по балансу на 1.1.1951 г.

4. Закрыть с 1 января 1951 г. бюджетные и текущие счета Челябинского механико-машиностроительного института и открыть бюджетный и текущий

счета Челябинского политехнического института.

5. Директору Челябинского механико-машиностроительного института годовые отчеты за 1950 г. по основной деятельности и по капвложениям предоставить Главному управлению машиностроительных вузов и в копии Главному управлению политехнических вузов.

6. Планово-финансовому управлению (т. Чуткерашвили) в срок до 25 декабря 1950 г. переутвердить штаты профессорско-преподавательского, учебно-вспомогательного и административно-управленческого персонала Челябинского политехнического института...».

К моменту начала реорганизации общая площадь вуза составляла 1100 квадратных метров, на девяти специальностях в институте обучалось более 900 студентов, в вузе работали 22 общеобразовательных и специальных кафедры³.

Реорганизация вуза проходила в очень трудных условиях. Помимо традиционных проблем материально-технического характера, которые сохраняли особую остроту все первые послевоенные годы, в работе института проявились и новые проблемы, связанные с политическими процессами, проходившими в стране в конце 40-х — начале 50-х гг. XX в. Мощные идеологические кампании, которые были проведены в СССР в самом начале «холодной войны», создали во многих вузах Советского Союза очень напряженную обстановку⁴.

В отчете о работе ЧПИ в 1950/1951 гг. констатировалось: «1950/51 учебный год проходил в институте в особых условиях, отличных от других лет. Работа первого семестра текущего учебного года страдала рядом существенных недостатков, которые были вскрыты в институте с помощью комиссии Министерства высшего образования и комиссии Областного Комитета партии. В результате работы этих комиссий было установлено, что чтение лекций и ведение семинарских занятий по основам Марксизма-Ленинизма далеко не отвечало требованиям, предъявляемым высшей школе. Лекции проводились на низком идейно-теоретическом уровне, в семинарских занятиях преобладал вопросно-ответный метод, который не способствовал широкому раскрытию понимания студентами того или иного явления... Руководство института не боролось с имевшей место беспринципной постановкой отдельных вопросов и старалось решить вопрос семейственным порядком. Критика и самокритика в институте не развивалась и не культивировалась, а в отдельных случаях даже зажималась»⁵.

Для улучшения педагогического процесса и повышения идейного уровня лекций в институте на протяжении 1950/51 учебного года, как свидетельствуют архивные материалы, были проведены следующие мероприятия: а) Учебная документация на кафедрах была проверена с точки зрения соответствия ее требованиям идейного содержания; б) Посещались лекции и занятия преподавателей зав. кафедрами, деканами факультетов и и.о. зам. директо-

ра по НУР с последующим обсуждением замечаний на кафедрах; в) Проведено научно-методическое совещание, посвященное прохождению производственной практики студентами на заводах; г) Заслушивались на заседаниях кафедр методические доклады, посвященные отражению отечественного приоритета и достижений, советской науки и техники в читаемых дисциплинах; д) В отдельных случаях малоквалифицированные преподаватели освобождались от чтения лекций...; е) Во втором семестре текущего учебного года была введена в действие лаборатория формовочных земель; ж) В настоящее время организуется на строительной площадке лаборатории сварки, обработки металлов давлением, автомобилей, станочные и слесарные мастерские...».

С августа 1949 г. исполняющим обязанности директора ЧММИ был назначен Митрофан Маркианович Балык. Он пытался разрешить многие вопросы, накопившиеся в работе института в первые послевоенные годы, но по его собственному признанию, оказался не в состоянии этого сделать. 1 июля 1950 г. М.М. Балык написал заявление, адресованное начальнику главного управления политехнических вузов Д.А. Прокошкину, где указал, что просит «в связи с крайне плохим состоянием здоровья, возбудить ходатайство» об освобождении его с 25 июля с/г. от должности и. о. директора ЧПИ⁶.

Официальное решение по этому вопросу было принято только в апреле 1951 г., когда заместитель министра высшего образования СССР М. Колбасников, подписал приказ № 188/к. Приказ гласил: «Освободить тов. Балыка Митрофана Маркиановича от исполнения обязанностей директора института, как не обеспечившего руководства институтом»⁷.

19 апреля 1951 г. был подписан приказ об утверждении исполняющим обязанности директора Челябинского политехнического института Ивана Николаевича Бирулю. Однако уже в августе 1951 г. кандидат технических наук, доцент И.Н. Бируля вернулся на свое прежнее место работы, а директором ЧПИ был назначен Алексей Яковлевич Сычев. Такие серьезные кадровые «неурядицы» существенно осложнили и без того не простой процесс реорганизации ЧММИ в Челябинский политехнический институт.

Особую роль в этом процессе предстояло сыграть А.Я. Сычеву. А.Я. Сычев родился 18 октября 1902 г. в деревне Верхне-Марково Усть-Кутского района Иркутской области в крестьянской семье. В 1920 г. он пошел добровольцем в Красную Армию, работал в органах ВЧК—ОГПУ и на партийно-комсомольской работе. С 1926 г. А.Я. Сычев учился в университете на экономическом факультете, а после окончания вуза работал в тресте Кочкарьзолото. В 1932 г. он был переведен на работу в Уральский институт цветных металлов, а затем в Уральский политехнический институт в качестве заведующего кафедрой экономики промышленности и декана инженерно-экономического факультета. В 1934 г. А.Я. Сычев защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук и был утвержден в

звании доцента. В 1936—37 гг. одновременно с работой в вузе А.Я. Сычев работал инструктором по вузам в Свердловском обкоме КПСС. В 1941 г. он был назначен зав. отделом цветной металлургии Свердловского обкома КПСС, откуда в мае месяце направлен на военную переподготовку, а затем на фронт. В 1946 г. А.Я. Сычев вновь вернулся в Уральский политехнический институт. В 1948 г. он был утвержден докторантом Академии Наук СССР. А в 1951 г. защитил в Институте металлургии Академии Наук СССР (Москва) диссертацию на соискание степени доктора экономических наук⁸.

А.Я. Сычеву, как директору ЧПИ, пришлось одновременно решать сразу несколько очень важных стратегических задач. Во-первых, было необходимо запустить на полную мощность процесс строительства новых зданий института, где планировалось разместить учебные аудитории и лаборатории. Во-вторых, осуществить перестройку учебного процесса и внутренней структуры вуза, с учетом его нового статуса и особенностей ситуации, сложившейся в стране в этот период. В-третьих, активизировать научную работу, значение которой в начале 50-х гг. резко выросло.

Ветеран вуза, профессор А.К. Ташев вспоминал: «... Назначение А.Я. Сычева ректором было для нашего института событием знаковым, на многие годы определившим его развитие. До той поры нашему вузу не везло с ректорами. И не потому, что они были плохими. Они были просто временщиками. А.Я. Сычев еще в процессе назначения ректором сумел убедить Министерство высшего образования в необходимости расширения профиля Челябинского механико-машиностроительного института... Помогло ему в этом знание экономики Урала и видение перспектив ее развития. Этому было посвящено и его докторское научное исследование...»⁹.

К началу 1951 г. в Челябинском политехническом институте насчитывалось 920 студентов и 77 преподавателей. С приходом А.Я. Сычева в ЧПИ в истории института начался особый период — «период открытия новых кафедр, факультетов, специальностей, строительства нового здания и развития материальной базы»¹⁰.

Организационная структура вуза в начале 50-х годов стала стремительно меняться. 1 сентября 1951 г. в ЧПИ был организован энергетический факультет. Его первым деканом стал Ю.Н. Катаргин. Первый набор был проведен по специальностям «Электрические станции, сети и системы» и «Электрификация промышленности»¹¹. 17 сентября 1951 г. был образован металлургический вечерний факультет ЧПИ. Первым деканом факультета был назначен В.Н. Земзин.

В этом же году для строительства института было создано строительно-монтажное управление «Челябвустрой». Одним из первых его руководителей стал В.П. Туркин. Управление практически сразу же развернуло активную работу. Авторами проекта первой очереди зданий Челябинского по-

литехнического института были московские архитекторы А.П. Луконин и А.Н. Соковнин. Для реализации проекта государством было выделено более 90 миллионов рублей.

7 февраля 1952 г. в институте был создан металлургический факультет. Первым деканом этого факультета стал Л.С. Ляхович. Тогда же, в феврале 1952 г., в институте была образована первая строительная кафедра, получившая название «Промышленное и гражданское строительство». Заведующим кафедрой был назначен Ф.Г. Шумилин.

14 апреля 1952 г. студенты и преподаватели автотракторного факультета вместе со строителями заложили фундамент первого здания ЧПИ. Им стал теплотехнический корпус. Вскоре началось строительство первого студенческого общежития. 1 сентября 1952 г. в ЧПИ был открыт инженерно-строительный факультет. Первым деканом ИС-факультета стал Ф.Г. Шумилин.

Как свидетельствуют документы и материалы, в начале 50-х годов ЧПИ установил прочные деловые и научные связи со многими ведущими промышленными предприятиями Челябинской и Свердловской областей. Особенно успешно развивалось сотрудничество института с ЧТЗ, ЧКПЗ, Уральским автомобильным заводом. Своеобразной формой отчета ученых ЧПИ о своих достижениях стали «Дни науки», которые проходили регулярно именно с 1952 г. Вуз существенно расширил тематику научных исследований, укрепил свою материальную базу, кадровый потенциал.

Особую роль в жизни института в начале 50-х годов играли кафедры. В апреле 1953 г. их было 23. Многие кафедры в этот период возглавляли молодые ученые, производственники, способные решать даже самые сложные задачи. 13 кафедр имели ярко выраженную «техническую» направленность. Так кафедру «Автомобили» возглавлял Н.Ф. Струнников, кафедру «Детали машин» А.Г. Бургвиц, кафедру «Двигатели внутреннего сгорания» В.М. Пискунов, кафедру «Металлорежущие станки и инструмент» Н.С. Двораковский, кафедру «Кузнечно-прессовые машины и обработка металла давлением» П.А. Дунаев, кафедру «Металлургия стали» А.Н. Морозов, кафедру «Металловедение» Л.С. Ляхов, кафедру «Сопротивление материалов» Д.А. Гохфельд, кафедру «Технология и оборудование сварочного производства» К.А. Еськов, кафедру «Технологии машиностроения» В.В. Кузюшин, кафедру «Трактора» М.Ф. Балжи, кафедру «Электрические машины, электропривод и основы электротехники» И.Н. Бируля, кафедру «Электротехника» Ю.Н. Катаргин.

Пять кафедр вуза имели ярко выраженную «гуманитарную» направленность. Кафедрой «Основы марксизма-ленинизма» возглавляла А.А. КокOLEVA, кафедру «Иностранные языки» Г.А. Эрив, кафедру «Физическое воспитание и спорт» Б.Я. Пейсахов. Уже в это время в институте стал формироваться блок кафедр, серьезно занимавшихся проблемами экономики. Так кафедру «Экономика и организация

промышленности» возглавлял сам А.Я. Сычев, а кафедре «Политическая экономия» В.В. Волков. В 1952 г. А.Я. Сычев был утвержден профессором кафедры «Экономика и организация промышленности». Он получил право осуществлять научное руководство подготовкой аспирантов. Первым аспирантом А.Я. Сычева стал А.К. Ташев.

Дисциплины естественно-научного цикла преподавались силами преподавателей пяти кафедр. Кафедре «Высшая математика» возглавлял Н.А. Сенищев, кафедре «Теоретическая механика» М.Л. Цепушелова, кафедре «Физика» И.Н. Портнягин, кафедре «Химия» А.И. Клочков, кафедре «Начертательная геометрия и машиностроительное черчение» Н.П. Сенигов¹².

Показательно, что из 23 заведующих кафедрами, степень доктора наук имели только два (А.Я. Сычев и А.Н. Морозов), а кандидатами наук были 13 человек. Членами КПСС были 14 человек, кандидатом в члены КПСС — 1. Среди заведующих кафедрами было всего две женщины (А.А. КокOLEVA и М.Л. Цепушелова).

Всего в 1953 г. в институте работало 180 штатных работников, среди которых были 2 профессора — доктора наук, 49 кандидатов наук (из них 31 имел ученое звание доцента) и 3 доцента не имевших ученой степени кандидата наук.

В этом году коллектив института провел большую работу по организации новых и по расширению старых лабораторий. В общей сложности в течение года было приобретено оборудования почти на 3 миллиона рублей. Удалось организовать лаборатории электрических машин, теоретических основ электротехники, высшей математики, двигателей внутреннего сгорания, теплотехники и сопротивления материалов; значительно расширены лаборатории химии, физики, металлостроения, деталей машин.

Большинство научно-исследовательских работ по плану 1953 г. было посвящено усилению борьбы с браком, изысканию заменителей дефицитных материалов, внедрению новой прогрессивной технологии, улучшению организации труда, вскрытию резервов производства.

В 1953 г. были подготовлены к печати и сданы в печать 3 сборника трудов института. Выпуск I-й: «Конструирование и расчет машин» (11 статей). Выпуск II-й: «Вопросы теории горячей обработки металлов» (4 статьи). Выпуск III-й: «Вопросы технологии машиностроения» (4 статьи). В течение 1953 г. научными работниками института в различных журналах было опубликовано: 21 статья. Кроме этого, было опубликовано 6 статей в областной газете на технические, экономические и политические темы.

Из напечатанных статей можно отметить, как наиболее важные, статьи профессора А.Н. Морозова. Первая из них «Удаление серы из металла в шлак в мартеновских печах во время плавления», была написана совместно с работниками Магнитогорского металлургического комбинат и опубликована в журнале «Сталь» № 1 за 1953 г. Вторая — «Применение ра-

История

диоактивного железа для изучения кинетики окисления мартеновской ванны» была написана совместно с академиком Карноуховым и опубликована в журнале «Сталь» №7 за 1953 г. Третья — «О механизме образования флокенов в качественной стали» была опубликована в журнале «Сталь» № 5 за 1953 г.

В 1953 г. при 17 кафедрах института работали научно-технические кружки, в которых занимались 563 человека. Работой кружков руководил Совет студенческого научного общества. Расширили работу кружки при кафедрах марксизма-ленинизма (41 чел.) и политической экономии (52 чел.). Хорошо работали кружки при кафедрах политической экономии, теоретической механики, деталей машин, технологии машиностроения, сварочного производства. В руководстве научной работой студентов участвовали 2 профессора — доктора наук, 28 доцентов, кандидатов наук, 14 старших преподавателей и 3 ассистента.

За 1953 г. была выполнена: 51 научно-исследовательская работа и подготовлено 122 реферата. На состоявшейся в начале апреля VII институтской научной конференции по результатам лучших работ было заслушано 27 докладов¹³.

О том, как шла повседневная жизнь студентов и преподавателей в это время, позже в газете «Политехнические кадры» вспоминал А.Ф. Кузнецов. Он, в частности писал: «Помню весну 1953 года. С группой ИС-104 мы занимались тогда в здании строительного техникума. Однажды из-за отсутствия аудиторий нам пришлось вынести аудиторную доску на улицу, водрузить ее на столб и под открытым небом постигать первые азы науки.

... Я помню, как сдавали экзамен по каменным конструкциям студенты группы ИС-401. Я помню, как отказался отвечать В.П. Лиховид (ныне заместитель начальника управления стройматериалов), и ему пришлось поставить «неуд». На этом же экзамене мне удалось ознакомиться с двумя шпаргалками длиной в двадцать метров и свернутыми в барабанчик. На этом барабанчике был записан полный конспект лекций». Еще до начала занятий в 1954/1955 учебном году, вспоминал А.Ф. Кузнецов, «ребят послали помогать строителям, возводить левое крыло главного учебного корпуса. Хорошо помню, как кто-то сказал: «Поступили учиться, а заставляют кирпичи таскать». Но институт надо было строить, аудиторий не хватало, и его строили, строили, несмотря, ни на что...»¹⁴

В 1954 г. в эксплуатацию были приняты лабораторный теплотехнический корпус ЧПИ и общежитие № 1 по ул. Коммуны. В августе 1954 г. на энергетическом факультете были набраны группы ПС-101 и ПС-102 по специальности «Автоматические, телемеханические контрольно-измерительные приборы и устройства»¹⁵. Началась активная подготовка к открытию нового факультета.

1955—1956 учебный год завершил очень важный этап становления Челябинского политехнического факультета. Об основных достижениях и проблемах вуза подробную информацию дает отчет о работе ЧПИ за этот период.

В отчете, в частности, говорилось, что в этом году, как и в прошлые годы, занятия в институте проводились в типовом школьном здании (общей площадью 2078 кв. м), теплоэнергетическом корпусе, в западном отрывке левого крыла нового строящегося учебного корпуса и в школе в Metallургическом районе. Сварочная, механическая, слесарная и кузнечная мастерские института были размещены во временных помещениях, расположенных в районе строительной площадки. Такой разброс учебных помещений создавал серьезные трудности для рациональной организации учебного процесса в институте, для повседневной жизни преподавателей и студентов.

По штатному расписанию в институте должно было быть 304 научных работника. Но на 1 июля 1955 г. в нем работало 233 штатных научных работников и 71 совместитель. 88 работников вуза имели научную степень и ученое звание.

В 1956 г. в Челябинском политехническом институте насчитывалось уже 34 кафедры, из которых технический профиль имели 27. На технических кафедрах работал 151 научный сотрудник, из них ученое звание профессора и научную степень доктора наук имели 3 человека; научную степень кандидата наук или ученое звание доцента — 63 человека; не имели ученых степеней и званий — 87 человек.

Лидерами в организации научных исследований в институте в это время были кафедры: сварочного производства, металлургии стали, электрических машин и др.

Так, по кафедре сварочного производства научно-исследовательская работа проводилась по двум основным направлениям, а именно по повышению производительности сварки и по восстановлению изношенных, поломанных и отбракованных деталей и отливок черных и цветных металлов. Кафедра вела эту работу совместно с работниками Кировского завода, авторемонтного завода и других предприятий. Проводилось исследование качества сварки на повышенных режимах, что дало возможность выработать рекомендации по форсированию режимов технологии сварки.

На кафедре металлургии стали работы проводились в содружестве с Челябинским металлургическим заводом, Магнитогорским металлургическим комбинатом, Челябинским ферросплавным заводом, Челябинским трубопрокатным заводом. Основными направлениями работ по этой кафедре стали: усовершенствование технологии выплавки качественной стали в мартеновских и электрических печах с применением кислорода; усовершенствование выплавки и разлива жаропрочных сталей и сплавов; улучшение качества ферросплавов и разработка технологии производства новых сплавов. При выполнении этих работ использовались самые современные передовые методы исследования — такие как применение искусственных радиоактивных изотопов.

Кафедрой электрических машин в течение ряда лет проводились исследования по разработке новых

режимов эксплуатации генераторов для электролиза на Южно-Уральском никелевом комбинате. Внедрение разработанных специалистами кафедры режимов позволило повысить производительность цеха электролиза на 5—7 %. Этой же кафедрой была предложена заводу новая система питания воздухом плавильных печей, что так же позволило увеличить полезный расход воздуха примерно на 30 % без увеличения затрат электроэнергии.

Кафедра тракторов и гусеничных машин совместно с конструкторским отделом ЧТЗ вела работы по созданию новой кабины трактора, охлаждаемой кондиционированным воздухом, и участвовала в разработке прогрессивных трансмиссий новых мощных тракторов.

Коллективом кафедры экономики промышленности и организации производства при активном участии ведущих работников целого ряда технических кафедр была проведена большая работа по обобщению передового опыта по повышению производительности труда на предприятиях Южного Урала. На основе двух проведенных областных конференций по резервам производительности труда на машиностроительных заводах Челябинской области коллективом кафедры вместе с рядом работников технических кафедр была выпущена книга под названием «Опыт повышения производительности труда» (Из практики работы машиностроительных заводов Челябинской области) объемом 17,5 печатных листов, которая получила положительную оценку в печати. Книга была выпущена к XX съезду КПСС и роздана ряду делегатов XX съезда партии из промышленных областей страны.

В институте работало 30 научных студенческих кружков. Научно-студенческие кружки были организованы на 20 кафедрах. Всего в 1955—56 годах было охвачено кружковой работой более 550 студентов, которые выполнили 90 работ и подготовили 50 рефератов. На областном конкурсе научных работ студентов вузов за 1955 — 56 уч. год лучшей работой была признана работа студента ЧПИ А.Г. Скребкова на тему: «Исследование деформаций при автоматической виброконтрактной наплавке».

1955—56 учебный год для I, II, III курсов начался с опозданием на один месяц в связи с работой студентов на уборке урожая. Это вызвало продление семестра до 10 января 1956 г., сокращение зимних каникул до одной недели и некоторое сокращение учебных занятий (до 10 %). Несмотря на это учебные планы всеми факультетами и кафедрами были выполнены.

В течение учебного года кафедрами института были переработаны и созданы вновь около 300 новых методических разработок и руководств к практическим занятиям, лабораторным занятиям и семинарским. В институте все занятия проводились по расписанию, утвержденному дирекцией, количество обязательных занятий в неделю не превышало 36 часов. На учебных занятиях расширилось применение наглядных пособий, широко использовались диапозитивы и короткометражные фильмы, которых показано около 120 сеансов.

В 1956 г. в институте было выпущено 255 инженеров по дневному отделению и 88 инженеров по вечернему отделению, 24 человека получили диплом с отличием.

«Дисциплина преподавателей и студентов за истекший год, — подчеркивалось в отчете, — значительно улучшилась. Но были и отдельные нарушения трудовой дисциплины, как-то опоздание на занятия и несколько случаев срыва занятий. Эти нарушения главным образом были со стороны преподавателей-совместителей. По каждому случаю принимались соответствующие меры.

Были случаи нарушения дисциплины и со стороны студентов, которые выражались в хулиганских действиях, пьянках. По всем этим случаям немедленно принимались меры. Так, за хулиганское поведение на практике был исключен студент V курса энергетического факультета Ялунин»¹⁶.

К наиболее крупным проблемам в плане организации учебно-методической работы вуза, авторы отчета отнесли: 1) недостаточное внимание деканатов к учебно-методической работе кафедр, 2) недостаточную работу кафедр со студентами (кафедры физ. культуры, иностранных языков и некоторые др.), 3) недостаточно четкое руководство методической работой кафедр со стороны учебного отдела.

Воспитательная работа со студентами в это время была сосредоточена на факультетах. Более 500 студентов регулярно занимались в кружках художественной самодеятельности. На городском смотре художественной самодеятельности коллектив института занял первое место. Несмотря на тяжелое положение с помещениями, в институте регулярно проводились вечера отдыха и др. массовые мероприятия.

На 1 июля 1956 г. книжный фонд институтской библиотеки составил 132673 экземпляров книг и брошюр. Всего за год институтом было приобретено 33 470 экземпляров печатных единиц. Проведен мелкий ремонт 210 книг и переплетено вновь 135 учебников. Переплетены научно-технические журналы за 1955 г. в количестве 381 печатных единиц. На 1 июля 1956 г. в библиотеке состояло 4114 читателей. Из них преподавателей — 228, студентов — 3676, служащих — 210. Всего было выдано книг по библиотеке — 689 765. За истекший 1955/56 учебный год библиотекой было организовано 66 тематических выставок, таких как: «XX съезд КПСС», «Дело Ленина живет и побеждает», «Шестая пятилетка — пятилетка технического прогресса» и др.

К началу работы приемной комиссии института библиотека оформила выставку учебников для первого курса и фотомонтаж «Пребывание Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева в Англии».

При среднегодовом контингенте студентов дневного обучения 3000 человек институт имел всего одно студенческое общежитие, в котором было размещено более 500 студентов. Острый недостаток общежитий для студентов вынуждал вуз арендовать «углы» в частном секторе. По состоянию на 1-е июля 1956 г. на частных квартирах проживало около 400

человек. Если для студентов, проживающих в общежитии, были созданы хорошие бытовые условия, то положение студентов, проживавших в частном секторе, часто оказывалось неудовлетворительным. Многие квартиры были удалены от института на 5—6 км, владельцы и студенты требовали снабжения топливом, мягким и жестким инвентарем, что было запрещено указаниями Главка.

У института по-прежнему не было своего жилого фонда для научных работников и сотрудников института. Часть научных работников проживала в домах типа общежитий, арендованных у Челябинского тракторного завода. В течение года институт получил от разных организаций города (в порядке помощи институту) 5 благоустроенных 2—3-х комнатных квартир. Это позволило обеспечить квартирами только наиболее квалифицированных научных работников, приглашенных по конкурсу¹⁷.

Анализ разнообразных исторических источников свидетельствует о том, что в начале 50-х годов XX века Челябинский политехнический институт прошел очень важный этап в своем развитии. Открытие новых «технических» факультетов и создание новых кафедр позволили вузу своевременно и адекватно отреагировать на те изменения, которые произошли в социально-экономическом развитии страны в целом и уральского региона в частности. Укрепление материально-технической базы вуза и профессорско-преподавательского состава позволили институту создать серьезные «научные заделы», многие из которых были «воплощены в жизнь» уже в 60-е годы. Внимание нового руководства института к социальным проблемам преподавателей и студентов позволило создать в вузе атмосферу благоприятную для реализации социально-культурных проектов, начинавшейся в стране «оттепели».

XX съезд КПСС, который прошел в феврале 1956 г., стал переломным рубежом в истории СССР.

Его решения привели к серьезным изменениям во внутренней и внешней политике Советского Союза. В жизни Челябинского политехнического института тоже начался качественно новый этап.

Примечания

1. Данилов, А.А. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. / А.А. Данилов, А.В. Пыжиков — М. : РОССПЭН, 2001. — 303 с.; Зубкова, Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. / Е.Ю. Зубкова — М. : РОССПЭН, 2000. — 229 с.; Пихоя, Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945—1985 гг. / Р.Г. Пихоя — М. АСТ, 2007. — 560 с.; Сизов, С.Г. Интеллигенция и власть в советском обществе 1946—1964 гг. / С.Г. Сизов — Омск, 2001. — 223 с. и др.

2. Музей ЮУрГУ.

3. Политехнические кадры. — 18 декабря 1968 г.

4. http://www.nivestnik.ru/2002_1/21.shtml и др.

5. ОГАЧО. Ф.Р — 1392. Оп. 1. Д. 35. — Л. 2—4.

6. Архив ЮУрГУ. Ф. 1392. Оп. 2. Д. 150. — Л. 44.

7. Архив ЮУрГУ. Ф. 1392. Оп. 2. Д. 150. — Л. 40.

8. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 158. Д. 554. — Л. 5—6.

9. Музей ЮУрГУ.

10. Южно-Уральский государственный университет (Золотые страницы истории). — Екатеринбург : Реал-Медиа, 2008. — С. 21.

11. Комиссаров, Г.А. Энергетический факультет: история становления и развития. / Г.А. Комиссаров — Челябинск : Челябинский Дом Печати, 2001. — С. 7.

12. ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 6. Д. 475. ЛЛ. 25 — 26.

13. Архив ЮУрГУ. Ф. 1392(р). Оп. 3. Д. 38. — Л. 3 — 26.

14. Кузнецов, А.Ф. «Они были первыми...» А.Ф. Кузнецов // «Политехнические кадры». — 1967. — 11 мая.

15. Приборостроительный — наша жизнь, наша гордость ... Исторический очерк к 50-летию приборостроительного факультета ЮУрГУ. — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. — С. 14.

16. Архив ЮУрГУ. Отчет о работе Челябинского политехнического института за 1955—1956 учебный год. — Л. 2 — 37.

17. Там же.

Поступила в редакцию 25 декабря 2008 г.

Сибиряков Игорь Вячеславович, родился в 1963 г., доктор исторических наук, профессор. Окончил исторический факультет ЧелГУ (1985), аспирантуру МГУ (1987). С 1999 — заведующий кафедрой истории России ЮУрГУ. Докторскую диссертацию защитил по теме «Нравственные ценности нового российского либерализма. Исторический аспект» (1998). Исследует роль интеллигенции в формировании и разрушении нравственных ценностей российского общества; особенности развития социоморальной среды российского либерализма, вопросы политической этики. Автор более 60 научных и методических публикаций, из которых две монографии. E-mail: sibirjkovig@mail.ru.

Sibiryakov I.V. was born in 1963, PhD in History, professor. Graduated from the Historical faculty of Chelyabinsk State University in 1985, post-graduate studies in Moscow State University in 1987. Since 1999 is the Head of the History of Russia department of SUSU. Doctoral thesis is on the topic “Moral values of the new Russian liberalism. Historical aspect” (1998). Researches the role of intelligentsia in formation and destruction of moral values of the Russian society; peculiarities of development of social-moral environment of the Russian liberalism, issues of political ethics. Authors of more than 60 scientific and methodical papers including 2 monographs. E-mail: sibirjkovig@mail.ru.

КУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ВЕЛИКОЙ СИБИРСКОЙ МАГИСТРАЛИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ (1891—1914 гг.)*

А.А. Тимофеев

THE CULTURAL CONSEQUENCES OF BUILDING OF THE GREAT SIBIRIAN HIGHWAY ON SOUTH URAL (1891—1914) YEARS

А.А. Timofeev

В статье проанализированы изменения в области культуры населения в ходе строительства и эксплуатации Транссиба на Южном Урале, связанные с модернизацией в России конца XIX — начала XX веков.

Ключевые слова: Великая сибирская железная дорога, Транссиб, социальная модернизация, культура, Южный Урал, Челябинск, население.

The article analyzes the changes in the culture of the population during the construction and exploitation of the Great Siberian Railway at the South Ural related to the modernization in Russia at the end of XIX — the beginning of XX centuries.

Keywords: the Great Siberian Railway, the Trans-Siberian Railway, social modernization culture, South Ural, Chelyabinsk, population.

В современных условиях железнодорожный транспорт остается основным средством перемещения грузов и массовых перевозок населения. Развитие железнодорожного транспорта как составной части инфраструктуры экономики, способствует расширению торговых связей, культурному обмену и ускорению научно-технического прогресса. Поэтому изучение транспортных систем отнесено Правительством Российской Федерации к приоритетным направлениям науки, технологий и техники на 2007—2009 гг. Наряду с решением хозяйственных, экономических и стратегических задач железнодорожный транспорт влияет на другие стороны жизни государства, участвуя в международном сотрудничестве, межрегиональных связях в области культуры, социальных преобразований, внося существенный вклад в научно-технический прогресс.

Невозможно понять исторический смысл модернизации общества, не обратившись к анализу ее социокультурной составляющей. Именно в социокультурных процессах содержатся явления, указывающие на начало и завершение модернизации. Глубинное содержание модернизации определяется складыванием новых рациональных моделей поведения людей, формированием новой культуры. Социокультурный подход изучения истории модернизации позволяет решить две взаимосвязанные по отношению друг к другу задачи: «установить границы модернизации, ее исторические рамки и исследовать сам вопрос перемен на уровне обыден-

ной, повседневной жизни людей»¹. Культурологические определения ставят акцент на особой социокультурной ориентации, присущей процессу модернизации. Культурная среда представляет собой вид пространства, где при взаимодействии объективных и субъективных факторов, происходит создание, распространение и восприятие культурных ценностей.

Исследование ключевых направлений социальной модернизации России конца XIX — начала XX вв. имеет важное значение для целостного понимания сущности и возможных последствий трансформационных процессов в современной России. В этом плане вызывает интерес промышленный подъем в России в конце XIX — начале XX вв., важнейшей составляющей которого было строительство Великой Сибирской железнодорожной магистрали. Изучение опыта строительства Великой Сибирской железнодорожной магистрали на Южном Урале в 1891—1914 гг., экономических и социально-культурных последствий ее функционирования актуализируется современными проблемами государственного регулирования экономики, а также необходимостью уяснения социальных последствий экономических реформ.

В социокультурной сфере в рассматриваемый период было сделано немало преобразований правительством, городскими властями и земствами. Много изменений произошло в культуре. Это, прежде всего, дифференциация культурных систем и ценностных ориентации, секуляризация образования и распространение грамотности, разнообразие школ

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-01-85112 а/У.

и течений в философии и науке, конфессиональный плюрализм, развитие средств сообщения и трансляции информации, приобщение широких масс населения к достижениям культуры, распространение ценностей индивидуализма, рационализация сознания на основе научных знаний с отказом от поведения в соответствии с традициями.

Изменения в социокультурной сфере привели к развитию системы образования (развитие школьной сети, повышение квалификации учителей в средних и высших учебных заведениях, развитие внешкольного образования, просветительские мероприятия - устройство библиотек, народных читален, музеев, выставок, содействие профессиональному образованию), повышению уровня медицинского обслуживания населения (организация санитарной службы земской медицины, повышение квалификации фельдшеров, проведение съездов врачей, медицинское и санитарное просвещение населения), расширению сферы социальной помощи и социальной реабилитации обедневших слоев (выплата пособий неимущим, поддержка благотворительных обществ, содержание богаделен и сиротских домов, организация бесплатных дошкольных учреждений).

Изучение изменений в политике образования позволяет увидеть формирование новых социокультурных процессов на Южном Урале. Этот процесс прослеживается уже в ходе строительства Транссиба. Железной дороге нужны были образованные квалифицированные кадры, ее обслуживающие, причем кадры свои. Но наиболее квалифицированные работники на первоначальном этапе вербовались в центральных областях Российской империи.

Министр финансов С.Ю. Витте по этому поводу высказал точку зрения правительства в феврале 1893 г.: «Новые промышленные предприятия, имеющие возникнуть в связи с железной дорогой, постепенно приготовят контингент опытных мастеров из местных элементов и тем облегчат возникновение в Сибири других подобных предприятий»². Во время постройки участка Челябинск — Омск Сибирской дороги в марте 1894 г. министр путей сообщения А.К. Кривошей обращается к управляющему Комитета Министров, где обращает его внимание на недостаток квалифицированных кадров, необходимых для эксплуатации дороги и просит об устройстве технических железнодорожных училищ: «При предстоящем в ближайшем будущем развитии работ по постройке сооружаемого ныне Сибирского пути и, в особенности с открытием значительных участков этого пути к общественному пользованию, потребуются большое число техников различных категорий и специальностей как для занятий при постройке, так и для службы по эксплуатации оканчиваемых постройкой участков»³.

Транссиб строился, оставляя после себя не одно лишь собственное путевое и ремонтное хозяйство, но и школы, училища, больницы, храмы, вокзалы.

На всей Транссибирской магистрали к 1900 г. было построено 65 церквей и 64 школы, строилось еще 95 церквей и 29 школ. Транссибирская магистраль заставила заняться благоустройством старых городов местные власти. В.А. Весновский в 1909 г., после введения в эксплуатацию Сибирской магистрали, пишет о Челябинске, что: «Нахлынувшая новая жизнь и новые люди принесли с собой и запросы на культуру, на просвещение»⁴.

Кроме государственных, ведомственных и общественных организаций, значительную роль в воспитании человека играла религия. Большинство населения региона составляли православные, поэтому доминировала православная церковь, проявлявшая толерантность в отношении других конфессий.

Комитет Сибирской железной дороги уже в 1896—1897 гг. приступил к строительству церквей и школ при них, вдоль всей линии железной дороги под руководством начальника Западно-Сибирской дороги инженера К.Я. Михайловского, а затем сменившего его инженера В.М. Павловского. Церкви и школы строились в Челябинске, Макушино и других станциях. На эти цели выделялось из казны, только на участке Западно-Сибирской дороги 100 000 руб. Эти деньги входили в общую стоимость дороги⁵. Церкви и школы, строящиеся на средства Сибирской железной дороги, должны были поднять общий духовный и культурный уровень населения региона.

В начале строительства Транссиба стремительно растет количество церковноприходских школ, как в Уфимской, так и в Оренбургской губерниях, что было связано, не только с политикой «контрреформ» правительства Александра III, но и с массовым строительством церквей и школ на Великой Сибирской магистрали. В 1891—1893 гг. количество церковноприходских школ увеличилось на 67,3 %⁶. Из 728 школ, открытых на Южном Урале, 471 школа относилась к ведомству Святейшего Синода (64,7 %), из них церковноприходских школ в Уфимской губернии было 20,5 %, в Оренбургской губернии — 13,1 %⁷.

Успехи в развитии школьной сети были весьма оптимистично расценены тогдашней общественностью, восторженно объявившей о скором введении всеобщего начального обучения. Число школ в этот период увеличилось примерно в два раза⁸ (см. табл. 1).

В 1900 г. в Уфимской губернии в школах детей школьного возраста обучалось 19,9 % и увеличилось, по сравнению с 1890 г. в 3 раза, в 1900 г. в Оренбургской губернии количество детей школьного возраста, по сравнению с 1890 г. увеличилось в 2,3 раза и составило 45,1 %. Расходы на образование составляли в 1900 г. в Уфимской губернии — 114 881 руб. 96 коп.⁹

Охват детей школьным обучением напрямую зависел от расстояния их местожительства до школы. Так, дети, проживающие на расстоянии 1 версты до школы, были охвачены обучением на 94 %, по мере удаления от школы, количество таких де-

Таблица 1
Количество школ и учащихся в Уфимской и Оренбургской губерниях (1885—1900 гг.)

Год	Уфимская губерния		Оренбургская губерния	
	Кол-во школ	Кол-во учащихся	Кол-во школ	Кол-во учащихся
1885	353	14.376	666	31.071
1900	806	42 347	1254	71.338
Увеличение в % 1885—1900 гг.	228	295	188	230

тей неуклонно сокращалось. Из проживающих на расстоянии от 1 до 3 верст училась уже 1/3 детей, более 3 верст — 1/4 детей¹⁰.

Рост сети школ сопровождался повышением уровня грамотности населения. По данным переписи 1897 г. грамотных в Российской империи было 21,1 %, в Уфимской губернии — 16,7 %, в Оренбургской губернии — 20,4 %, тогда как в середине 80-х гг. XIX в. в этих губерниях грамотных было 8—10 %¹¹.

Значительно улучшился, особенно в светских школах педагогический состав, но в целом качество подготовки учителей оставляло желать лучшего. В 1900 г. в Оренбургской губернии насчитывалось 386 учителей, из них только 47,2 % имели среднее и специальное образование, в Уфимской — 71,5 %. Остальные учителя имели недостаточное образование или вовсе его не имели. Например, в Челябинске в 1906 г. учителей в 7 начальных училищах было 23 человека: 11 учителей, 9 учительниц, 3 законоучителя и 1 учитель Закона Божия. Лица со средним образованием в среде учителей и учительниц составляли на Южном Урале в 1900 г. 15 %, со специальной подготовкой — 35 %, окончивших епархиальное училище — 10 %, окончивших курсы в 4-х классных прогимназиях и городских училищах — 35 %¹².

Челябинский акцизный чиновник К.Н. Теплоухов пишет: «Учителя в женской гимназии в большинстве своем были малограмотны, невежественны и без высшего образования»¹³. В газете «Голос Приуралья» отмечалось: «В Златоусте плохо поставлен учебный процесс в школах. Учителя относятся к своему делу как ремесленники»¹⁴.

Естественно, в городах, уровень образования был на много выше, чем в среднем по губерниям. Так, по переписи 1897 г. в Уфе было грамотных людей 39 %, в Челябинске — 39,7 %, в Златоусте — 34,9 %¹⁵. Чем дальше города находились в стороне от Транссибирской магистрали, тем показатели снижались. За исключением губернского Оренбурга (к которому тоже была проложена железная дорога Самара — Оренбург в 1880 г., где этот показатель достигал 41,2 %), в других городах Уфимской и Оренбургской губерний, где не проходила железная дорога, он был ниже: в Троицке — 36,5 %, в Верхнеуральске — 29 %, в Орске — 26,2 %, в Илецкой за-

щите — 20,7 %, в Белебее — 36,8 %, в Бирске — 37,6 %, в Мензелинске — 34,9 %, в Стерлитамаке — 35,4 % . В Златоусте показатель грамотности был примерно таким же, как и в значительной части городов этих губерний, так как большинство населения Златоуста работало на заводе и образованию не придавалось такое большое значение, чем, например, в торговых Уфе и Челябинске.

С постройкой Сибирской железной дороги правительство тесно связывало процесс строительства школ и других образовательных учебных заведений, которые должны были обеспечить железную дорогу кадрами. Уже в феврале 1897 г. при железнодорожной станции Челябинск на средства Сибирской железной дороги было решено построить на городской земле, с согласия Городской думы, церковь, дом для церковного приюта и школу¹⁶.

В городах Южного Урала, расположенных вдоль Транссиба в конце XIX — начале XX вв. количество учебных заведений не было большим. Так по данным 1904 г., в Златоусте функционировало 16 учебных заведений: средних — 1 мужское, 1 женское, число учащихся в них — 19 мужчин, 10 женщин, число учащихся — 200 мальчиков, 287 девочек; низших — 6 мужских, 5 женских, 3 обоего пола — смешанных, число учителей в них — 9 мужчин, 41 женщина, число учащихся — 1242 мальчиков, 1050 девочек¹⁷.

В относительно небольшом Челябинске до постройки Транссиба было уездное духовное училище, уездное училище на 302 ученика, приходское училище на 730 учеников, казачье станичное училище, женское училище 2-го разряда. В городе после начала функционирования Сибирской магистрали строится множество учебных заведений. К 1909 г. в Челябинске уже действовало 29 учебных заведений. Из них наиболее крупными были реальное училище, женская гимназия, ремесленная школа, городские 3-х и 4-х классные училища, торговая школа, в Пригородной слободе две железнодорожные школы. Имелись также воскресные школы, как для русского, так и для магометанского населения, общеобразовательные курсы для взрослых при реальном училище, начальные школы (два мужских приходских училища, два смешанных, три

женских, три церковно-приходских школы, медресе и одна частная мусульманская школа, еврейская частная школа для девочек и мальчиков). В Пригородной слободе кроме двух железнодорожных школ, имелось 3-х классное горное училище и одна церковно-приходская школа, в поселке Никольском имелась школа для казаков¹⁸. Нахлынувшая новая жизнь, «связанная со строительством Транссиба принесла с собой и запросы на культуру и просвещение»¹⁹.

В городских средних и низших специальных учебных заведениях давалась неплохая образовательная база. Например, в 1913 г. в Уфимском коммерческом училище и торговой школе преподавались разнообразные предметы: Закон Божий, русский язык и словесность, немецкий и английский языки, история, география, математика, естественная история, физика, математика, коммерческая арифметика, бухгалтерия (теоретическая и практическая), коммерческая корреспонденция (на русском и иностранном языках), политическая экономика, законоведение (преимущественно торговое и промышленное), химия, товароведение с технологией, а также практические занятия в лаборатории по химии и товароведению, коммерческая география (преимущественно России), каллиграфия, рисование и гимнастика²⁰. При училище имелась библиотека (фундаментальная и ученическая), физический кабинет, товарный музей, лаборатория для практических занятий учеников по химии и товароведению, собрание необходимых учебных пособий по истории, географии, естествоведению, рисованию, черчению и другим предметам. Полный курс учения в коммерческом училище продолжался восемь лет, в торговой школе — три года. Коммерческое училище и торговая школа были учреждены Уфимским обществом взаимного кредита и имели целью дать учащимся общее и специальное коммерческое образование, а также приготовить их к торговой и промышленной деятельности «преимущественно местного края»²¹.

В крупных городах региона в рассматриваемый период распространялось представление о необходимости получения глубоких специальных знаний, что говорит о понимании местным населением и органами власти условий, необходимых в будущем для экономического благосостояния и потребностью местных производств и учреждений в образованных людях.

Министерство Народного Просвещения и органы местного самоуправления выделяли значительные средства на образование. Средства на содержание учеников в начальных школах в 1899 г. составляли в Уфимской губернии 368 693 руб., в Оренбургской губернии — 377 346 руб. Расходы на душу населения составляли в 1898 г. в Уфимской губернии — 16,6 коп., в Оренбургской губернии — 23,4 коп., в среднем по Европейской России — 36,1 коп.²² В 1905 г. в Челябинске было израсходовано на начальные школы 1580 руб. 45 коп.²³ В этом отношении, Челябинск, располагавшийся на Сибирской

магистральной, несколько не уступал губернскому Оренбургу.

Что касается оплаты за обучение, то по свидетельству К.Н. Теплоухова, она не было обременительной. Он пишет, что Городская дума «Разрешила два крупных вопроса. Для того чтобы все без исключения ребята школьного возраста в Челябинске, вокзальном поселке и в Порт-Артуре учились, надо открыть еще одну школу — бюджетной комиссией расход на школу уже разрешен. По второму вопросу — брать или не брать с ребят деньги за право учения и если да, то в каком размере. Для города — брать или не брать — было безразлично, — на народное образование тратилась такая крупная сумма, что несколько тысяч не имеет значения — надо было решить принципиально. Постановили — плату брать по 3 руб. в год — цифра необременительная для беднейших, по полугодиям. Гласные постановили эти деньги передавать школе — на ее улучшение»²⁴.

Большой интерес общественности вызывал вопрос о начальном народном образовании, в связи с тем, что, школ было явно недостаточно. В 1905 — 1906 учебном году в Челябинске было 7 начальных училищ, содержимых городом, на одно начальное городское училище приходилось почти 5 тысяч жителей²⁵. Статья на эту тему в газете «Голос Приуралья» поддерживала проект Государственной Думы о народном всеобщем образовании, рассчитанном на 10—20 лет²⁶. В статье говорилось, что: «Принимая население Челябинска в истекшем году равным 32 тысячам, видим, что на каждую тысячу жителей, детей школьного возраста, обучавшихся в школах разных наименований, приходилось 70 человек, или 7 % населения, тогда как число этих детей принимают обыкновенно равным 9 % населения. По этому расчету детей школьного возраста в городе и пригородных слободах, должно быть не менее 2880 человек, обучалось же 2140 человек, следовательно 740 детей в Челябинске не имели возможности получить даже элементарное образование, вследствие недостатка школ»²⁷. То есть число учащихся детей г. Челябинска составляло 78 % от общего их числа. Для сравнения, в среднем по России эта цифра составляла в городах в 1914 г. 46,6 %²⁸. В среднем обучение одного ученика обходилось Челябинску в 13 руб. 85 коп.²⁹. Частные лица также содержали за свой счет учебные заведения. В Миасском заводе с населением 25 000 чел., существовало 8 учебных заведений. Прогимназия содержалась за счет гг. Романовских, была ремесленная школа, одно общественное и два министерских училища — двухклассное мужское и одноклассное женское³⁰.

Южноуральские города после строительства Транссиба, становятся более культурными центрами. Строятся театры, клубы, издаются местные газеты и т. д. В Челябинске с 1906 г. начали издаваться газеты «Приуралье» (переименованная в 1907 г. в «Голос Приуралья»), «Челябинский листок». В городе действовало 4 библиотеки, книжный мага-

зин, Народный дом (театр, построенный в 1903 г.). В театрах «Люкс», «Модерн» и «Луч», Летнем театре работали синемаграфы. Осуществляли досуг горожан Общественное собрание (театр), театр в ресторане «Россия», железнодорожный клуб (с библиотекой). Культурные заведения включали также цирк, балаганы, бега, сады и скверы, где люди отдыхали, а также чайные, домашние столовые, трактиры, кофейни, бильярдные, где проводили много времени местные обыватели³¹.

Так же быстро после строительства Транссиба в регионе развивается система здравоохранения. Транссибирская магистраль с ее быстро развивающимися городскими центрами привлекала таких деятельных специалистов, как доктор А.Ф. Бейвель, связавший свою жизнь с Южным Уралом: «Александр Францевич решил изменить свою судьбу [переехав из села Воскресенского в Челябинск], строительство железной дороги [в 1892 г.] к уездному городу подталкивало появившееся желание получить место в городской больнице Челябинска³². Вскоре он стал заведующим городской больницы, прославился борьбой с брюшным тифом, позже почти десятилетие доктор А.Ф. Бейвель был городским головой Челябинска в 1902—1911 гг.

В Златоусте в 1904 г. функционировало несколько больниц, в том числе городской заразный барак (15 коек), больница (80 коек), горнозаводской амбулаторный госпиталь (40 коек), приемный покой при железнодорожной станции, приемный покой при тюрьме, приемный покой при заводе. В больницах трудилось 9 врачей: один городской, два земских, один военный, три горнозаводские, один железнодорожный, один частнопрактикующий. В городе имелось два дантиста, четыре оспопрививателя, три акушерки, семь фельдшеров, две фельдшерицы³³. В Уфе в 1912 г. имелись губернская больница, губернская психиатрическая больница, городская больница, городская заразная больница, железнодорожная больница Самаро-Златоустовской железной дороги (на 350 коек), родильный приют для бедных, глазная лечебница, больницы при учебных заведениях. В городе работало 53 врача, 29 фельдшеров, 21 зубной врач, 2 дантиста, 1 акушер, 29 фармацевтов³⁴.

Во всех городах, через которые проходил Транссиб, открывались железнодорожные больницы, которые обслуживали железнодорожников, а также значительную часть населения пристанционных городских поселков. Управление Сибирской железной дороги на условиях конкурса поставляло продовольствие для городских больниц Челябинска³⁵. На южноуральском участке Транссиба было 7 железнодорожных больниц и приемных покоев. Сибирская дорога в 1906 г. тратила на лечение одного железнодорожника 5 руб. в год, Самаро-Златоустовская — 5 руб. 9 коп.³⁶

В течение изучаемого периода изменяется отношение органов местного самоуправления и горожан к системе охраны здоровья в сторону большего доверия к медицине и происходит разрушение тради-

ционных стереотипов отношения к своему здоровью, как не очень важному. С точки зрения модернизационных процессов, здоровье является одной из важных составляющих успеха и социальной значимости личности, и отсутствие его — наоборот.

Подводя итоги культурных последствий строительства Сибирской железнодорожной магистрали, можно сказать, что резко усилившийся поток мигрантов из деревни повлек за собой окрестывание городского населения на Южном Урале, как по социальному составу, так и по образу мысли и образу жизни, что стало тормозить (остановить процесс было невозможно) созревание светского буржуазного менталитета. По мнению Б.Н. Миронова, быт и нрав рабочего класса, к которому он относит не только работников физического труда, но и мелких торговцев, крестьян, мещан, ремесленников, кустарей и рабочих, не отличавшиеся сходством своего материального положения, домашнего и семейного быта, мировоззрения и менталитета (за исключением сравнительно небольшого слоя так называемых сознательных рабочих) оставался в целом в рамках традиционных крестьянских представлений. Крестьянская концепция справедливого общественного устройства и способов ее достижения была принесена в город крестьянами, и естественно, усвоена рабочим классом. Деревня в рассматриваемый период была связана с городом и не была его противоположностью³⁷.

Грамотность способствовала секуляризации сознания, оказывала влияние на поведение, делая его рациональным и расчетливым, ориентированным на достижение максимальных результатов. Урбанизация и связанные с ней модернизационные процессы стимулировали население зарабатывать и вкладывать заработанное в будущее: в образование, улучшение жилищных условий и быта, новых технических достижений, а также в досуг. Население зарабатывало не так уж мало и если сопоставить цены на товары, то в принципе, можно сказать — не было бедным.

В целом, социокультурные последствия строительства Сибирской железнодорожной магистрали имели противоречивый характер. Сельские мигранты, наводнившие города Южного Урала в ходе строительства Транссиба, сопротивлялись проникновению городской культуры в свою среду. Органы самоуправления осуществляли разнообразные мероприятия, такие как открытие клубов, обществ трезвости, читален, народных библиотек, чтобы повысить общий культурный уровень населения.

Вместе с изменениями в культурной сфере происходит рационализация сознания, или, что то же самое, модернизация социальных отношений — и в том состояло одно из принципиальных изменений природы общества рассматриваемого периода, трансформация доиндустриального, или традиционного общества в индустриальное изменили господствующий тип социальности, перейдя от социальности, покоящейся на отношениях общинного

типа, к социальности, основанной на рациональных, индивидуалистических, рыночных отношениях, или отношениях общественного типа. Положение медленно изменялось в течение конца XIX — начала XX вв. не столько благодаря росту городов, сколько благодаря развитию путей сообщения, а именно строительству Транссиба, и связанному с этим процессом росту городов и городской светской культуры. Вокруг железной дороги формируется специфическая субкультурная зона.

Примечания

1. Лейбович, О.Л. Социокультурный контекст отечественных модернизаций / О.Л. Лейбович // Опыт российских модернизаций XVIII — XX века / отв. ред. В.В. Алексеев. — М., 2000. — С. 88.
2. РГИА. — Ф. 1273. — Оп. 1. — Д. 89. — Л. 2.
3. РГИА. — Ф. 1273. — Оп. 1. — Д. 127. — Л. 1—2.
4. Весновский, В.А. Весь Челябинск и его окрестности. Карманный справочник. / В.А. Весновский — Челябинск, 1909. — С. 15.
5. РГИА. — Ф. 1273. — Оп. 1. — Д. 453. — Л. 31—38, 202—203.
6. Гаврилов Д.В. Грамотность и образовательный уровень населения Урала в конце XIX в. (1885—1900 гг.) // Уральский исторический вестник. — № 2 / гл. ред. В.В. Алексеев. — Екатеринбург, 1995. — С. 83.
7. Там же. — С. 83.
8. «Таблица составлена по: РГИА. — Библиотека, II Отд. — Оп. 1. — Д. 62. — Л. 133.
9. РГИА. — Библиотека, II Отд. — Оп. 1. — Д. 62. — Л. 133.
10. Гаврилов Д.В. Указ. соч. — С. 87.
11. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. — Т. 28, 45. — СПб., 1905.
12. Гаврилов Д.В. Указ. соч. — С. 95; ОГАЧО. — Ф. И — 3. — Оп. 1. — Д. 689а. — Л. 45.

13. Теплоухов, К.Н. Челябинские хроники: 1899—1924 гг. / К.Н. Теплоухов — Челябинск, 2001. — С. 225; Голос Приуралья. — 1909. — 4 янв.
14. Голос Приуралья. — 1909. — 4 янв.
15. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. — Т. 28, 45. — СПб., 1905.
16. Там же.
17. ОГАЧО. — Ф. И — 3. — Оп. 1. — Д. 357.
18. РГИА. — Ф. 1290. — Оп. 5. — Д. 212. — Л. 18—25.
19. Весновский В.А. Указ. соч. — С. 18, 144.
20. Там же. — С. 10.
21. РГИА. — Ф. 48. — Оп. 1. — Д. 122. — Л. 2.
22. Там же. — Л. 3.
23. Гаврилов Д.В. Указ. соч. — С. 86, 95, 96.
24. ОГАЧО. — Ф. И — 3. — Оп. 1. — Д. 811. — Л. 63.
25. Теплоухов К.Н. Указ. соч. — С. 139.
26. ОГАЧО. — Ф. И — 3. — Оп. 1. — Д. 811. — Л. 45.
27. Голос Приуралья. — 1909. — 2 янв.
28. Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. — СПб., 1995. — <http://www.rusky.org/histori/librari/1913/1913top.htm>
29. ОГАЧО. — Ф. И — 3. — Оп. 1. — Д. 811. — Л. 63.
30. Голос Приуралья. — 1909. — 12 марта.
31. Голос Приуралья. — 1907—1914; Весновский В.А. Указ. соч. — С. 44.
32. Борисов, В. Городской голова — доктор Бейвель. / В. Борисов — Челябинск, 2004. — С. 11.
33. РГИА. — Ф. 1290. Оп. 5. — Д. 212. — Л. 18—25.
34. Обзор Уфимской губернии за 1912 год. — Уфа, 1914. — С. 83—87.
35. Голос Приуралья. — 1909. — 2 янв.
36. Козырев, А.И. Из истории ЮУЖД / А.И. Козырев. — Челябинск, 1957. — С. 2.
37. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начала XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б.Н. Миронов. — Т. 1. — СПб., 1999. — С. 337.

Поступила в редакцию 6 июля 2009 г.

Тимофеев Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История» ЮУрГУ. Родился в 1962 г., в 2001 г. окончил исторический факультет ЧелГУ, с 2001 г. работает на кафедре истории ЮУрГУ, в 2006 г. защитил диссертацию кандидата исторических наук на тему: «Великая Сибирская магистраль: выбор маршрута, экономические и социально-культурные последствия на Южном Урале (1891—1914 годы)». Занимается проблемой социальной модернизации Южного Урала конца XIX — начала XX вв.

Timofeev Alexander, Ph.D. in Histori, assistant professor of «Histori» South Ural Stait University. Born in 1962, in 2001, he graduated from the historical department of Chelyabinsk Stait University, since 2001, works at the Dpartment of Histori of the South Ural Stait University, in 2006 Ph.D. candidate in Histori on the: «Great Sibirian Highway: route selection, economic and socio-cultural implications of the South Ural (1891—1914 years)». He is the problem of social modernization of the South Ural late XIX — early XX centuries.

Искусствоведение

ББК ТЗ(2Р36)-7

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ПРОЕКТОВ РЕСТАВРАЦИИ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Т.В. Колобаева

CHARACTERISTIC LINES OF PROJECTS OF RESTORATION OF ORTHODOX CHURCHES IN SOUTHERN URAL

T.V. Kolobaeva

В статье рассматривается широкий круг вопросов, связанных с проектированием церквей в первой половине XIX века и их реставрацией в настоящее время. На основе анализа архивных и опубликованных материалов выявлены особенности проектирования и строительства церквей в первой половине XIX века. Рассмотрены основные проблемы реставрации храмов на Южном Урале и намечены способы их решения.

Ключевые слова: *строительство церквей в Оренбургской епархии, разрушение церквей в советский период, особенности реставрации церквей на Южном Урале.*

The article considers a wide range of questions connected with the church design in the first half of the XIX century and their restoration at the present time. On the base of analysis of archive and published materials the peculiarities of church design and construction in the first half of the XIX century are revealed. The main problems of church restoration at the South Ural are considered and the ways of solution are planned.

Keywords: *church construction in Orenburg eparchy, church demolition, church restoration at the South Ural.*

До учреждения Оренбургской епархии в середине XIX века территория Оренбургской губернии была подчинена разным епархиальным центрам. «Первою насущною задачей Епархиального управления являлось устройство и умножение православных храмов»¹. К широкому строительству храмов епархиальное и военно-гражданское начальство побуждали быстрый рост населения Южного Урала и увеличение числа раскольников. По утверждению современников раскол находил «для себя благоприятную почву к развитию в малочисленности церквей и духовенства»².

Из анализа официальных сведений, помещённых в Справочной Книжке Оренбургского статистического комитета за 1869 год видно, что с начала российской колонизации Оренбургского края строительство церквей шло чрезвычайно быстро. «В 1750 году на всём пространстве Оренбургской Епархии с Самарской вместе существовали только три церкви (в г. Челябинске, Уральске и Оренбурге), а по сведениям 1872 года через 122 года церквей в Епархии имеется 323 (217 каменных, 106 деревянных), да молитвенных домов 188 (2 каменных и 186 деревянных). Так что всех церковных зданий епархиального ведомства имелось 511, из них каменных 219 и деревянных 292. Кроме того, в 1872 году в преде-

лах Оренбургской Епархии производились постройки 20-ти новых церквей (16 каменных и 14 деревянных) и 14 молитвенных домов (3 каменных и 11 деревянных), и были предположены к постройке 5 церквей для инородцев. Очевидно, что с дальнейшим заселением края, и увеличением числа православных переселенцев и с просвещением христианством местных инородцев потребность в новых церковных постройках должна была возрасти»³.

Между тем строительные работы в Оренбургской епархии, простиравшейся «от севера к югу на 1662 версты, и от запада к востоку более чем на 323 версты, встречали значительные затруднения» из-за недостатка свободных строительных техников, принимавших к эксплуатации законченное здание. Строительное отделение местного губернского управления и казачьего войска располагало ограниченным количеством специалистов, которые едва успевали удовлетворять нужды этих ведомств. Из-за нехватки квалифицированных кадров техников некоторые построенные церкви стояли в Оренбургской епархии неосвящёнными по году и более. Разрешённые к постройке новые церкви не возводились по году или два, по тем же причинам. Например, строительство разрушившейся церкви в Кундравинском посёлке, несмотря на разрешение, данное в 1869

году, так и не возобновилось из-за нехватки строительных кадров.

О росте количества церквей в XIX в. свидетельствуют следующие цифры: «в начале столетия в пределах нынешней Оренбургской губернии находилось 64 приходских церкви, — в том числе 5 в г. Оренбурге, — и 6 церквей в Уральской области; всего 70 церквей в пределах Оренбургской епархии»⁴. К концу XIX в. в её границах насчитывалось 502 приходских церкви, а всего, включая церкви без приходов, 576 храмов и 238 молитвенных домов. За столетие количество церквей в Оренбургской епархии увеличилось в 7 раз, в среднем строилось по 4 церкви в год.

Начало и середина XIX в. характеризуется значительными изменениями в области культового строительства⁵. 27 декабря 1875 года Патриарх утвердил правила постройки церквей, колоколен и часовен. В 1866 году Министерство Внутренних Дел приняло правила составления проектов церквей. К планам и фасадам церквей, прилагалось два разреза здания. Необходимы были разрезы отдельных частей сооружения, особенно в тех местах, где находились своды. Если проект составляли по образцу существовавшего церковного здания, то к нему обязательно нужно было составлять подробный список изменений планировочного и архитектурного решений.

К проекту прилагалась пояснительная записка, где содержались все данные, необходимые для полного обсуждения и утверждения проекта. В ней содержался расчёт устойчивости здания, описание местности и исследования грунта, указывался способ закладки фундамента (будет ли закладка фундамента производиться прямо на грунте, на лежнях или на сваях, с объяснением в последних двух случаях степени сырости грунта). К сожалению, большинство этих документов в настоящее время утрачено.

Правилами предписывалось, чтобы «постройки каменных церквей, по возможности, были поручаемы лишь тем техникам, которые производили уже работы подобного рода, или, по крайней мере, находились при них в качестве помощников производителей работ, под руководством опытных архитекторов. Чтобы архитекторы, которым поручено производство построек церквей, непременно сообщали в своё время строительным отделениям при губернских правлениях, как о начатии работ, так и об окончании вчерне здания, а в затруднительных случаях обращались в отделения за советами и указаниями»⁶.

Согласно 239 статье Строительного устава начальники губернии должны были наблюдать, чтобы строители не отступали от утверждённых планов и фасадов для церквей и, чтобы лица, не имеющие установленных для техников аттестатов, не допускались к составлению проектов и планов сооружений. Установленные правила гарантировали до некоторой степени правильность возведения церковных зданий и сокращения «из года в год повторяющееся число случаев обрушения строящихся церквей».

В годы советской власти большое количество южноуральских церквей было полностью разрушено. Снесены церкви рабочих окраин, центров городских и сельских поселений, и на их месте были устроены скверы. Сохранившиеся храмы в основном передали государству. Часть церквей приспособили под склады, клубы, мастерские. Использование зданий не по назначению привело к утрате элементов несущих конструкций, покрытий, перекрытий, внешнего и внутреннего убранства. В настоящее время церковные здания Южного Урала находятся в аварийном или полуразрушенном состоянии. Например, церкви: Александра Невского в с. Александровка Грачевского района; в пос. Пугачевский Оренбургского района (нет прихода); церковь с. Павловка Северный район (расположена рядом с селом, находится в аварийном состоянии); церковь с. Октябрьского Октябрьского района (утрачены белокаменная ограда, малые формы — беседки, ограждения, решетки и т.д.) и многие другие.

Институт Церкви в настоящее время далеко не всегда может обеспечить должную сохранность культовых зданий, имеющих духовную, историческую, культурную и материальную ценность. Проводимые реставрационные работы не обеспечены достаточным финансированием, что исключает возможность использования дорогостоящей техники, необходимых строительных материалов. Ощутима нехватка квалифицированных кадров в области реставрации, не хватает опытных архитекторов-реставраторов, утрачены с течением времени чертежи и многие документы, позволяющие восстановить подлинный облик храмов, и обеспечивающие точность выполнения восстановительных работ.

Сейчас в регионе ведётся работа по восстановлению церквей, но из-за нехватки бюджетного финансирования в очень небольшом объёме. Например, в Оренбургской области проводится реставрация одного — двух памятников в год за счёт федерального бюджета. Большинство храмов восстанавливается на деньги приходов, часто очень непрофессионально.

Примерами грамотного восстановления храмов с соблюдением действующего законодательства об охране памятников, могут служить здание Преображенской церкви в г. Орске, храм в районном центре г. Сорочинск и Никольский кафедральный собор в г. Оренбурге.

Реставрацией занимаются, как правило, частные фирмы — местные или столичные. ООО «НПП Рона» г. Оренбурга выполнила полномасштабные проекты реставрации для церкви Святой Екатерины в пос. Тугустимир Тюльганского района и церкви Спаса села Спасского Саракташского района Оренбургской области. Сотрудниками «НПП Рона» в 2004 году проводились натурно-исследовательские работы по современному техническому состоянию этих церквей. Ими выполнены альбомы обмерочных чертежей и подробной фотофиксации, имевших целью сбор дан-

ных для выполнения проекта реставрации. В это же время выполнялись архивные и библиографические изыскания по истории создания этих церквей и выявлению их архитектурно-планировочных особенностей. Проведена паспортизация памятника.

Например, церковь Спаса Нерукотворного в селе Спасское была построена в 1814 году. Длина церкви с колокольной 16 сажень, наибольшая ширина 6 сажень. Высота до верха карниза 3 сажени. Одна большая главка и одна малая над алтарём. Иконостас длиной 3 сажени 2, высотой 3 сажени. Отапливается 3-мя кирпичными печами. Дверей наружных обитых железом — 3, внутренних — 3. Колокольная в 4 яруса, высотой до верха карниза 7 сажень. Обнесена деревянной оградой. Больших окон — 15, малых — 11, в куполе — 12 шт.⁷ Её строительство начал подполковник А.П. Мансуров в 1804 году. В 1815 году 16 июня храм освятили, а в 1816 выполнили роспись храма. Изначально Спасская церковь была холодной, к 1859 году в ней были устроены три кирпичных печи с дымоходами⁸.

В 30-е годы XX в. у церкви Спаса Нерукотворного Образа села Спасское разрушили переход, соединяющий храм с колокольной, и колокольную. Были утрачены элементы внешнего и внутреннего убранства, завершение купола, покрытие трапезной и алтаря, алтарная главка, роспись стен, иконостас. Были разобраны конструкции полов и потолков. Здание использовали как склад химических удобрений. В 2004—2005 гг. на средства и усилиями прихожан, без проектной документации, была восстановлена кровля и стропильные конструкции над алтарной частью и трапезной. Работы поведились организацией, не имевшей лицензии для работы с памятниками архитектуры.

Каменная церковь Святой Великомученицы Екатерины с. Тугустимир была построена на средства помещика, титулярного советника Виктора Ивановича Звенигородского и освящена 27 июля 1852 года⁹. Это крупный центричный крестово-купольный храм с отдельно стоящей четырехъярусной колокольной, выполненный в стиле историзма, сочетающего элементы русского средневековья и византийского стиля. Церковь Св. Екатерины закрыли в 1933 году. В результате поджога купола был разобран барабан над храмом. Были разбиты украшавшие фасады горельефы святых, разобраны три деревянных крыльца, покрытие луковичной главы у колокольной. Здание стали использовать как склад строительных материалов и удобрений. В начале XIX века строительной фирмой без лицензии разрешающей работы с памятниками истории и культуры сооружены конструкции не соответствующие изначальному виду церкви.

К сожалению, в большинстве случаев из-за нехватки средств на дорогостоящие проекты реставрации церкви в регионе восстанавливают строительные фирмы без надлежащей проектной документа-

ции самостоятельно на средства прихожан. Ремонтные работы, проводимые организациями, не имеющими лицензии для работы с памятниками тоже не редкость. При этом допускаются отступления, искажающие исторически верный облик церквей, наносится ущерб сохранившимся конструкциям храмов.

Прежде чем восстанавливать памятник архитектуры должен проводиться необходимый объём работ по обследованию его состояния. Необходимо проводить экспертизу конструкций, исследовать наличие искажений первоначального архитектурно-планировочного и декоративного решений. В конечном итоге важно восстановленный храм использовать по его назначению. Важно стремиться к максимальной достоверности воссозданий памятника. Для этого необходимо стремиться к достоверности используемых материалов, конструкций, планировочных и декоративных решений.

Эту точку зрения в целом поддерживает и руководство церкви. «Проводя реставрационные работы, нужно консультироваться с опытными специалистами, а не брать целиком на себя решение таких важных вопросов, как роспись храма, написание новых икон, сооружение иконостаса, восстановление утраченной архитектуры храма. Внутреннее убранство должно, по возможности, соблюдаться в едином стиле, в гармонии и подчеркивать величие и благолепие православного храма. Поэтому произвол настоятеля или старосты в таких вопросах недопустим. Решать подобные вопросы надлежит соборным разумом, не опираясь лишь на личные чувства и воспитание»¹⁰.

Однако на практике эти пожелания не всегда соблюдаются. Далеко не все приходы при проведении восстановительных работ обращаются к специалистам-реставраторам. Большинство церквей и мечетей восстанавливают без привлечения специалистов-проектировщиков, тем более реставраторов. Такая позиция может быть объяснима, если ведутся первоочередные работы по консервации (ремонт кровли, утепление контура и т. д.). Но для грамотного восстановления храма, необходимо привлекать лицензированных специалистов. Особенно большие проблемы появляются при отсутствии специалистов в области инженерных, строительных работ, устройства вентиляции, пожарной сигнализации, отопления, освещения и т. д.

В большинстве случаев настоятели осуществляют контроль за ремонтом, но не всегда достаточно профессионально. В целом нужно отметить, что восстановление церквей без реставрационной документации наносит очень большой ущерб архитектурным памятникам. Например, в с. Краснохолм взамен старого сгоревшего центрального купола возвели новый гораздо меньших размеров, это нарушило объёмно-пространственную композицию церкви, изменило её пропорции и облик. Реставрация Дмитриевской церкви в г. Оренбурге была недопус-

тимо растянута на целых десять лет, несмотря на наличие документации.

В целом следует отметить, что практика реставрации культовых зданий на Южном Урале имеет множество недостатков. Недостаточно осознана необходимость профессиональной реставрации и дорогостоящих предпроектных изысканий. Комплекс мероприятий, связанных с консервацией и реставрацией культовых памятников требует грамотного и своевременного решения, так как здания церквей важно правильно сохранять и восстанавливать. На современном этапе нередко происходит соединение строительных приёмов прошлого с возможностями современного строительного производства, конструкторского дела, и техники. Это связано с тем, что старые строительные технологии и материалы утрачены.

Практика реставрационных работ показала, как в некоторых случаях невероятно трудно добиться от владельцев зданий правильного их ведения и с необходимым качеством. Реставрационные работы, необходимо осуществлять только под бдительным контролем специалистов. В настоящее время назрела необходи-

мость в организации проектно-реставрационной группы при Епархии. Она необходима из-за большого количества храмов, которые ещё ждут реставрации.

Примечания

1. Чернавский, Н.М. Оренбургская Епархия в Ея прошлом и настоящем. / Н.М Чернавский. Вып. 1. — Оренбург : Тип. Оренбургской Духовной консистории, 1900. — С. 377.
2. Там же.
3. Оренбургские Епархиальные Ведомости. — № 14. — 1873. — 15 июля. — С. 558.
4. Там же. — С. 337.
5. Раскин, А.М. Архитектура классицизма на Урале / А.М. Раскин. — 1989. — С. 13.
6. Оренбургские Епархиальные Ведомости... — Там же.
7. ЦГИАЛ, Ф. 799. Оп. 33. Д. 1191. Л. 44—51.
8. ГАОО, Ф. 173. Оп. 9. Д. 45/а. Клировые ведомости 1904 г.
9. ГАОО, Ф. 173. Оп. 9. Д. 294. Клировые ведомости. 1852 г.
10. Журнал Московской Патриархии. — 1997. — № 2. — С. 23.

Поступила в редакцию 20 июля 2009 г.

Колобаева Татьяна Валерьевна, аспирант кафедры «Искусствоведение и культурология» ЮУрГУ, старший преподаватель кафедры «Графика» ЮУрГУ. Область научных интересов: история и теория архитектуры, реставрация и сохранение памятников архитектуры, архитектура Южного Урала в XVIII — начале XX вв.

Kolobaeva Tatyana Valerevna, the post-graduate student of chair «Iskusstvovedeniya and kulturologii» South Ural Stait University, the teacher of chair «Grafika» South Ural Stait University. Area of scientific interests: history and the architecture theory, restoration and preservation of monuments of architecture, architecture of Southern Urals Mountains in XVIII — beginning XX centuries.

ДРЕВНЕРУССКОЕ МУЗЫКАЛЬНО-ПИСЬМЕННОЕ ИСКУССТВО И ЕГО ТРАДИЦИИ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ УРАЛА*

Н.П. Парфентьев

OLD RUSSIAN MUSICAL-WRITTEN ART AND IT'S TRADITIONS IN SPIRITUAL CULTURE OF URAL

N.P. Parfent'ev

На основе анализа сохранившихся рукописных памятников древнерусского музыкально-письменного искусства и других источников автором восстанавливаются сведения о среде бытования произведений и прослеживается изменение места и роли этого искусства в духовной культуре Урала. Установлено, что за время существования древнего церковно-певческого искусства в Уральских землях (XVI—XX вв.) его бытование выходит за рамки обычного профессионального функционирования как пения богослужебного, становясь составной частью культуры широких демократических слоев старообрядческого населения.

Ключевые слова: древнерусское музыкально-письменное искусство, сохранение традиций старообрядчеством, духовная культура Урала

The author restores the knowledge about works of arts and traces the change of place and role of that art in spiritual culture of South Ural. He bases on analysis of handwritten relics of the past, including musical and written art. It was ascertained that during the lifetime of ancient church singing in Ural lands (XVI-XX ages) its functions grew wider: it was not just the liturgical singing but it became a part of the culture of big democratic circles of Old Believers population.

Keywords: Russian musical and handwritten art, preserving the traditions by Old Belief, spiritual culture of Ural.

Существование древнерусского церковно-певческого искусства (знаменного пения) в Уральских землях охватывает огромный период — более пятисот лет. Сменялись эпохи, а с ними — отношение к древнему искусству и его статус, исполнительская среда и само содержание музыкальных рукописей и произведений... Изменения были неизбежны: время формировало новые традиции. Но чем определялись особенности существования и пути развития этих традиций? Прежде всего, конечно, влиянием перемен, возникавших в среде их бытования и развития.

Еще в XV в. появление первых крупных поселений русских людей на Урале, а в особенности таких как города Соликамск, Чердынь, сопровождалось строительством церквей и монастырей¹. В последних, несомненно, звучали произведения древнего знаменного пения, без которого невозможно было совершение ни одной церковной службы. Более широкое проникновение русских на Урал проходило в XVI в. Особо выдающееся значение в хозяйственном и культурном освоении края имела деятельность Строгановых. К концу столетия вот-

чины этих купцов-промышленников занимали половину освоенного русскими Прикамья и вместе с их поморскими («усольскими») владениями, находившимися северо-западнее, составляли своего рода единый хозяйственный и культурный комплекс. Располагая громадными средствами, Строгановы умело сосредоточивали для обслуживания своих вотчинных предприятий не только квалифицированных мастеровых, но и художественные творческие силы, обеспечившие высокий уровень местной культуры. В своих духовных запросах промышленники могли позволить себе ни в чем не уступать столичной феодальной аристократии. Уже в XVI в. род Строгановых начал выступать в роли «покровителя» самых разных искусств. Первоначально толчком к тому послужили потребности сугубо практические. Освоение новых земель на Урале промышленники вынуждены были сопровождать строительством церквей для удовлетворения религиозных чувств приходящего русского населения и христианизации местных народов, из которых пополнялся рабочий люд. Так, в апреле 1559 г. митрополит всея Руси Макарий по ходатайству Григория Строганова специальной грамотой

* Работа выполнена при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям.

разрешил ему строить церкви в новых вотчинах, предоставив также право зазывать церковный причт². Новые церкви надо было снабжать всем необходимым для богослужения — иконами, книгами, сосудами и т.д., что стоило чрезвычайно дорого. У вотчинников возникла мысль об устройстве в их родовом гнезде — Сольвычегодске — собственных мастерских.

Именно с началом широкого церковного строительства в осваиваемых землях у Строгановых отмечается рост числа «иконников» среди дворовых. Здесь же были и наемные мастера-иконописцы, выполнявшие подряды. С 1580-х гг. началась деятельность строгановских «иконных горниц». Мастерские изготавливали сотни образов для рассылки по церквям, для даров и вкладов. Самые дорогие из икон выполнялись лучшими наемными мастерами, в том числе государевыми, и предназначались для господских хором. Изящное, виртуозное письмо, тщательная тонкая отделка деталей, изысканность и богатство орнаментации, обилие золота — все это выделяет иконы особого стилистического направления, именуемого «Строгановской школой» в русской средневековой живописи³.

Другим видом искусства, получившим развитие во владениях Строгановых в конце XVI в. и на протяжении всего XVII столетия, было «лицевое» шитье. Его не случайно называют «живописью иглой». Со времен Древней Руси произведения лицевого шитья использовались в декоративном убранстве храмов. Это покровы к алтарным престолом и гробницам святых, подвесные пелены под иконы, воздухи, покровцы на церковные сосуды, плащаницы и хоругви для торжественных обрядов... В строгановских мастерских-светлицах рядом с женами и дочерьми промышленников работали мастерицы из дворового люда. Изделия представляли собой красочные картины, шитые шелками, золотными и серебряными нитями; нередко вышивались изображения святых, соименных членам фамилии⁴.

Убранство возведенных и строившихся храмов требовало также оформления иконостасов, изготовления серебряных крестов и чаш, иконных и книжных окладов, светильников. Необходима была серебряная утварь и для господских палат. Масштабы работ показывают, что вотчинники объединили в мастерские и ремесленников по серебряному делу. К середине XVII в. строгановские серебряники получили известность в России. В 1653 г. некоторые из них были направлены в Москву для выполнения окладов к иконостасу Успенского собора⁵.

Совершение богослужения в строгановских храмах, как и в любых других, было бы невозможно без наличия определенного круга книг. Книжные пожалования в церкви и монастыри, а также возникновение семейных библиотек заставляли Строгановых не только покупать множество дорогих рукописных и печатных книг, делать заказы переписчи-

кам, но и искать иные пути решения проблемы. В 1580-х гг. вотчинники создали собственную книгописную мастерскую (скрипторий), где трудились писцы высочайшего класса. С этого времени строгановские храмы, семейные библиотеки регулярно пополнялись рукописными книгами самого разного содержания. Но особое место среди них занимали фундаментальные сборники певческих произведений. Изучение рукописей показывает, что над каждой книгой чаще всего работало несколько писцов. Дошли до нас и имена некоторых мастеров: Григорий Базыкин, Константин Тихой, Федор Басов и др. К началу XVII в. в строгановском скриптории сложились свои традиции в написании и оформлении книг. Закреплены они были в своеобразном Книгописном подлиннике (1604), содержащем всевозможные варианты начертаний букв, изображения заставок, инициалов, вязи и т. д. Созданное по распоряжению Никиты Григорьевича Строганова, это пособие предназначалось и молодым, и опытным писцам. Опираясь на него, строгановские мастера создавали подлинные шедевры книжно-рукописного искусства⁶.

То, что в строгановском скриптории приступили к переписке огромных по объему певческих сборников не было случайностью. Придя в вотчинные храмы в качестве составной части богослужения, знаменное пение вызвало особый интерес и внимание самих Строгановых. В окружении высоких искусств, развивавшихся промышленниками, оно не могло не стать высокопрофессиональным. Вероятно, еще во время строительства своего домового храма — Благовещенского собора в Сольвычегодске (1560—1584) — Строгановы приступили к подготовке для него певчих и священнослужителей. В качестве учителя знаменного пения они пригласили ученика известного новгородского мастера Саввы Рогова — Стефана Голыша, который в 1570-е гг. «хождаше по градом и учаще учеников в Усольстей стране». Так было положено начало знаменитому строгановскому «Усольскому мастеропению», известному всей России XVII в.

Как своеобразное направление в древнерусском певческом искусстве Усольская школа стала одним из самых ярких явлений. Ее мастера смогли творчески использовать разработанные в русской средневековой музыке принципы создания произведений. Распевщики-усольцы внесли собственную трактовку и в музыкальное значение («розвод») многих сложных знамен, попевок, лицевых и фитных мелодических формул. По существу они не просто развили, но и создали свою теорию древнерусской музыки. Мастерами Усольской школы были написаны произведения во всех стилях певческого искусства. Большинство песнопений имело популярность в различных районах России: их переписывали из сборника в сборник; утратив значение местных (а с ним и соответствующие обозначения-ре-

марки), они вливались в общерусскую культуру. Творчество распевщиков Усоля получил всероссийское признание⁷.

Итак, продвижение Строгановых все дальше на восток и освоение еще в XVI в. значительнейшей части западного Урала сопровождалось строительством храмов, которые обеспечивались всем необходимым вотчинными мастерами. Церкви снабжались книгами, в том числе певческими, написанными писцами строгановского скриптория. Уже самые ранние из певческих сборников зафиксировали песнопения складывавшегося «Усольского распева». В строгановских владениях из посадской и даже крестьянской среды отбирались, готовились для храмов церковнослужители, обучавшиеся музыкальной грамоте и богослужебному пению также усольскими мастерами. Таким образом, если характеризовать знаменно-певческое искусство Урала XVI—XVII вв., то господствовавшими в нем следует признать традиции «Усольского мастеропения». Однако в тот период (и особенно в XVI столетии) плотность населения на Урале была небольшой, поэтому среда бытования знаменного пения оставалась очень узкой. На этом этапе оно существовало здесь главным образом как профессионально-музыкальная культура, связанная с деятельностью церковных кругов. Вместе с тем, уже тогда певческая книга становится известной в библиотеках тех же уральских купцов-промышленников.

Если в западных землях Урала развитие древнерусского церковно-певческого искусства было теснейшим образом связано с мощным центром музыкальной культуры, каковым стали строгановские владения, а вкусами Строгановых определялся состав певческих сборников и музыкальное содержание произведений, восходившее к «Усольскому мастеропению», то сказать что-либо определенное о господствовавших традициях в певческом искусстве на остальной территории Урала чрезвычайно затруднительно. На севере, в Чердыни и Соликамске, и юго-западнее, в Кайгороде (XVII в.), установилось воеводское правление, которое часто возглавляли представители известных боярских и княжеских родов, на год или несколько лет присылавшиеся из столицы (И. Булгаков, И. Елецкий, Н. Траханиотов, С. Вяземский, В. Бутурлин, П. Бельский, И. Пушкин и др.)⁸. Для XVI—XVII вв. характерно стремление феодально-аристократических фамилий иметь свои домовые церкви либо «крестовые комнаты» в жилых хоромах. Певчие, крестовые дьяки, участвовавшие в домашнем богослужении, повсюду сопровождали хозяев, включая государеву службу в отдаленных городах⁹. Возможно, что вне строгановских вотчин на Урале преобладали традиции «Московского пения».

Освоение русскими восточных земель Урала активизировалось в XVII в. Этот район был тесно связан с Западной Сибирью. Уральский город Верхотурье долго являлся столицей вообще всей Сибири.

С расширением границ России далее на восток столицу края перенесли в Тобольск. А в 1620 г. здесь была учреждена Сибирская и Тобольская епархия. Из Москвы с первым ее архиепископом Киприаном отправились в Тобольск певчие дьяки царского хора Иван Ищейкин, Сергей Мисирев и Василий Харитонов. Возглавил певцов Самойло Евтихийев. Государевы певчие пребывали «у сибирского архиепископа», обучая его хор многоголосному, «строчному», пению. Рядовые дьяки вернулись в Москву к марту 1622 г., а Самойло — лишь в 1624 г. Мастер «научил у архиепископа Киприяна петь станицу певчих дьяков и другую станицу, подьяков, троестрочному пению». В августе 1627 г. Самойло Евтихийев был награжден сукном «за сибирский приезд»: возможно, ему еще раз пришлось побывать в Тобольске для обучения местных певцов¹⁰.

Из истории деятельности архиерейских хоров мы знаем, что они непременно сопровождали своих владык во время многочисленных «походов» по епархиальным городам и монастырям, причем в торжественных богослужениях часто с ними должны были петь «соборяне» городских храмов и монастырские певчие¹¹. Учитывая все это, мы можем полагать, что в восточных районах Урала XVII в. (как и в Западной Сибири), находившихся в ведении Тобольской епархии, знаменное пение развивалось под влиянием прежде всего московских традиций.

Вторая половина XVII в. ознаменовалась началом перехода России от Средневековья к Новому времени. В экономической жизни страны наблюдается рост промыслов и товарного обращения, что в свою очередь вело к росту грамотности, причем не только в высших светских и духовных кругах, но и в широкой демократической среде посадских людей и крестьян. Общий культурный подъем, рост грамотности населения в Уральских землях XVII в. способствовали распространению музыкальной грамоты, древнего искусства знаменного пения, являвшегося составной частью национальной духовной культуры.

Певческая книга в то время известна в среде уральских посадских людей. Запись в одном из памятников сообщает, что «сия книга Обиход Чердыня посадского жителя Григория Артемева сына Верещагина», и что «писал и подписал чердынец сам своею рукою»¹². Запись выполнена латиницей. Свой Обиход Г.А. Верещагин «писал» в 1680/81 г.¹³. Книга содержит ряд интересных произведений. Песнопение «Достойно есть» и задостойник «О тебе радуется» даны в разных «переводах» (распевах). В разных вариантах дан и прокимен «Господь воцарися», в том числе в стиле Большого распева. Этот стиль определяется исследователями как одно из лучших достижений древнерусской музыки. Рукопись Верещагина показывает, что популярность произведений Большого распева в XVII в. не ограничивалась кругом профессиональных певцов. Обращает на себя внимание и так называемое «Трисвятое»,

помещенное в книгу в распеве, обозначенном ре-маркой «Опекаловский». Данный распев возник в Опекаловском монастыре под Тверью в третьей четверти XVII в.¹⁴, и то, что Г.А. Верещагин уже к началу 80-х гг. того же столетия знал его и включил в свою рукопись, еще раз свидетельствует о большом интересе к музыкальному искусству среди посадских людей Урала.

Нам пока не известны певческие памятники, написанные или бытовавшие в XVII в. в среде уральского крестьянства. Но, как показывают источники, в числе переселявшихся в то время на Урал северных крестьян были нередки грамотные. На русском Севере «книжность издревле была в какой-то мере компонентом крестьянской культуры»¹⁵. К тому же здесь «грамотность предполагала не только умение читать и писать, но и петь», поэтому, по всей вероятности, крестьяне, которые были «изучены грамоте пети»¹⁶, имели не только обычные книги, но и певческие. Многочисленные факты свидетельствуют, что среди переселявшихся на Урал и в Сибирь в XVII в. крестьян были и такие, которые привозили с собой вместе с хозяйственной утварью и ценимые ими книги¹⁷.

Интереснейшие сведения находим в грамотах о сысках крепостных и холопов, бежавших на Урал и в Сибирь (Невьянск, Верхотурье и далее). Документы довольно часто содержат такие характеристики беглых: «грамоте умеет, *петь* и писать, и в речи поспешен», «кормитца письмом у церкви в дьячках и *учит петь*», «грамоте умеет, *пишет книжное*», «грамоте писать и *петь* умеет» и т. п.; а иногда, бежав, они прихватывали «пократчи... *книги*»¹⁸. У крестьян, имевших книги и владевших певческим искусством, скорее всего, были и певческие рукописи; некоторые же сами писали «книжное».

Известно, что семнадцатым столетием существование древнерусского знаменного пения не исчерпывается. Его письменные памятники — книги («крюкового письма») — в дальнейшем переписываются, функционируют, сохраняются (вместе с самим искусством) в среде старообрядчества. В самом певческом искусстве, в сборниках, содержащих его произведения, наблюдаются довольно существенные изменения, которые свидетельствуют о рождении в среде старообрядцев особых традиций знаменного пения и создания певческо-рукописных памятников. Необходимо выяснить, какие слои общества являлись хранителями этих традиций и какой отпечаток на них наложили исторические процессы и события, связанные с данными социальными слоями.

Со старообрядческим периодом существования знаменного пения связана особенно широкая демократизация среды его бытования. Это объясняется самим характером движения староверов, которое подняло и увлекло огромные массы низших слоев населения, нашедших в нем своеобразную форму антифеодального протеста, привело к необычайно-

му росту грамотности в этих слоях. Не случайно большинство «расколоучителей» на Урале и в Сибири были выходцами из крестьянской среды¹⁹.

На первых порах священников дониконовского рукоположения хватало и церковь как организация в среде старообрядчества продолжала существовать. Однако такое положение было не везде. Уже в конце XVII в. закладывались основы формирования беспоповщины, которая предоставила совершение церковных таинств и служб наиболее грамотными мирянами. Крестьяне-староверы участвовали теперь в общественных богослужениях не только в роли простых прихожан. Например, крестьяне Тит и Евтихий «с товарищи» — жители одного из скитов, во множестве образовавшихся в это время по уральским рекам человек «по сту», — «певцы были мудрые», несмотря на то, что в ските имелись еще «крылошаны»²⁰. Таким образом, постепенно рядовые старообрядцы, крестьяне, начали заменять профессиональных певчих (а затем и священнослужителей), все шире овладевая основами знаменного пения. Определенные исторические процессы способствовали дальнейшему развитию этой тенденции.

Поток старообрядцев на Урал и в Сибирь особенно возрос в XVIII в. Наряду с продолжавшейся борьбой староверов с официальной церковью и правительством в этот период усилилась и догматическая борьба между самими старообрядческими общинами, принадлежащими к разным соглашениям, и внутри их. Все это способствовало переходу различных общин с позиций одних течений на позиции других, или образованию новых.

После разгрома в 1722 г. Керженца десятки тысяч старообрядцев, большинство из которых были софонтиевцами²¹, бежали на восток, особенно на уральские заводы Демидовых, Осокиных, Строгановых. На Урале поповцы-софонтиевцы стали наиболее многочисленным соглашением. Социальный состав сторонников этого соглашения был довольно пестрым. Уже в середине XVIII в., его представляли богатая торгово-промышленная верхушка (управляющие заводами, купечество) с одной стороны и низы уральского населения (заводские крестьяне, мастеровые, посадские, казаки) — с другой.

О бытовании знаменного пения и певческих книг в среде упомянутых категорий старообрядческого населения Урала XVIII в. свидетельствуют прежде всего владельческие записи в самих памятниках древнерусской музыкальной письменности. Интересная рукопись принадлежала некоему купцу Прокофию Дмитриевичу. Это Праздники конца XVII в. полного состава, заключающие в себе также славники в Путевом, Большом и Малом распевах и величания святым древнего, строчного, многоголосия. Купец, очевидно, не расставался с книгой и в поездках по торговым делам. На переплетном листе сохранился черновик письма от 9 февраля 1763 г. «на Старом заводе милостивой государыне матушке

Ксении Федоровне». В письме он сообщает, что торговля на «Ырбитской ярмонке» идет «благополучно: товар пушной продал» и возвращается «с барышком»²². Разнообразный по содержанию певческий сборник в феврале 1786 г. приобрел «у вольского мещанина Терентия Федорова Безперепелова» екатеринбургский купец Иван Дмитриевич Баландин. Книга написана еще в период правления царя Федора Алексеевича (1676—1782). В нее включены Октоих, Обиходники простой и постный, Ирмологий. Особое внимание привлекают «Азбука демественная», Многолетие государю, песнопения, созданные вне традиций обычного Знаменного распева (обозначения: Произвол, Путь, Демество)²³.

На бытование певческих книг в нецерковной городской среде указывают и другие записи. Но «жители» уральских заводов, или селений при заводах, являлись иногда не только владельцами, но и писцами певческих рукописей. Так, одна из записей в книге говорит о том, что «сия святая и богодухновенная книга Октай певчей Невьянского завода жителя Павла Михайлова сына Большакова собственная его, своею рукою писана». Рукопись можно датировать началом 1780-х годов. Кроме Октоиха в нее помещены песнопения Обихода (Всенощной, Литургии), Стихиры евангельские, «Личник». Отдельные произведения приводятся в разных распевах (обозначения: Путевой, Ин роспев, Преводне)²⁴. Следующая «книга, глаголемая Октай столпового знамени и напева, написана <...> трудами и иждивением Шарташскаго жителя Карпа Гурьева сына Соколова» в декабре 1784 г.²⁵. Интересно, что в другой книге, Праздниках 1790-х годов, сохранилась пометка о ее принадлежности в 1795 г. некоему Егору Соколову, возможно, родственнику Карпа²⁶. Обе рукописи имеют сокращенный состав песнопений.

Как видим, певческая книга бытовала в различных кругах старообрядцев софонтиевского согласия на Урале XVIII в. Одной из острых проблем для этого течения являлся вопрос об отношении к священству. Наиболее радикально настроенные представители согласия требовали ликвидации обычая приема в прежнем чине священников, бежавших от никоновской церкви. Со временем сами идеологи старообрядчества начали доказывать, что необходимые таинства могут совершать и «миряне». Это повлекло за собой сокращение, а затем и окончательное прекращение приема «беглых» попов основной массой софонтиевцев (20-е годы XIX в.), представленной главным образом крестьянскими общинами и заводскими работными людьми. С переходом большинства уральских староверов на беспоповские позиции (возникновением часовенного согласия) тенденция на расширение среды бытования искусства знаменного пения еще более усилилась. Именно в XIX в. отмечается необычайный рост числа крюковых рукописей. Певческие книги встречаются в самых демократических слоях старообрядцев,

что прослеживается и по владельческим записям в рассматриваемых памятниках письменности.

Записи, говорящие о функционировании знаменных книг в среде уральских «заводов жителей», в том числе работных людей и крестьян, вместе с анализом состава рукописей дополняют наши представления о духовной культуре этих демократических слоев населения. Так, один из писцов певческого сборника начала XIX в. пометил в своей части рукописи: «Задостойники писаны Ивану Григорьевичу Пядакову, Осокина завода жителю»²⁷. Книга содержит Праздники и избранные песнопения Обихода. Причем Праздники даны здесь в кратком составе²⁸, что, видимо, и объясняется тем, что сборник не предназначался для профессиональных певчих. В последующее время он продолжал бытовать в семьях «жителей» уральских заводов. За 4,8 руб. «житель» Иргинского завода Иван Григорьев Пономарев приобрел эту книгу в Юговском заводе, а в марте 1819 г. «оную подписал» сын Ивана, Василий, от которого она перешла брату Матвею. Последний в 1869 г. отдал сборник «за долг» в 3,5 руб. серебром Михаилу Пономареву²⁹. Ирмологий, использовавшийся при обучении знаменному пению, чаще всего содержал полный состав песнопений. В одном из них помечено: «Сия книга Лайскова завода жителя Осипа Чюракова, 1831 года, марта 20 числа». В апреле 1842 г. Осип еще раз подтвердил, что книга принадлежит ему, а затем ею владел Гурьян Чураков³⁰. Аналогичный по составу Ирмологий во второй половине XIX в. имели жители Баранчинского завода братья Петр и Иван Лопатины³¹. Вероятно, «служителю» администрации (в певческой книге из его библиотеки проставлены владельческие штампы) Оханского завода Феофилакту Мартемьяновичу Орлову в 1890-е годы принадлежал сборник, содержащий главным образом пасхальные и великопостные песнопения Обихода, включая стихиреу демественного знамени. Интересно, что Ф. Орлов из Петербурга для своей библиотеки выписывал книги по истории. В одной из записей в сборнике он оставил точный адрес книжной лавки и список заказанных книг³².

Обычные указания «завода житель» во владельческих записях не дают точного определения общественного положения самих книговладельцев. Это могли быть и мастеровые, и «служители» заводской администрации. О бытовании певческой книги в среде заводских крестьян видно из следующей пометы: «Сия богодухновенная книга певчия Октай, приобретенная чрез покупку в Нижегородской ярмарки, принадлежащая крестьянину Иргинского завода Александру Осипову Смирнову»³³. В сборник, кроме «Октая» среднего состава, вошли песнопения Обиходника. Отметим, что рукопись представляет собой великолепный памятник книжности: миниатюра с изображением Иоанна Дамаскина, многочисленные заставки, концовки в виде птиц, нарисованных в

реалистической манере — все это выполнено в красках на высокохудожественном уровне. Книга, очевидно, стоила для заводского крестьянина очень дорого.

Довольно часто писец или владелец рукописи из «заводских жителей» в записи вообще не называл своего имени. Например: «Книга, глаголемая Стихологгион <...>, написана в лето от воплощения Бога слова 1807-е, месяца августа в 12 день <...>, Пермской губернии, Верхотурского уезда, при Нижне-Тагильском железоделаемом заводе с переводу старописьменных знаменного распева книг»³⁴. В сборник вошли почти все певческие книги, в нем как бы осуществлено возвращение к древнейшей форме «Стихираря». Может быть, поэтому рукопись названа «Стихологгион». В Праздниках с полным составом песнопений также встречаем анонимное указание, что «книга писана в лето 7330-го [1822] в Нижнетагильском заводе господина Демидова»³⁵. Певческий сборник (XVIII в.) в первой половине XIX в. подписал безымянный «Черноисточинского завода житель»³⁶. Подбор произведений здесь носит избирательный характер. В рукописи помещены песнопения Трезвонов, Октоиха, Обихода. Есть в ней и Азбука знаменного пения, в которой «для тех, кто хочет вникнути» имеется «Молитва» редкого «струнного» распева, возникшего на Урале. Прекрасный экземпляр Трезвонов (XVII в.) в XIX в. у некоего Ф.Ф. Иванова приобрел «на обмен» житель Верхне-Иргинского завода³⁷. Обширный сборник песнопений в честь средних и малых праздников и дней памяти святых содержит множество певческих циклов, посвященных известным в истории России лицам — святым: князьям Борису и Глебу, царевичу Дмитрию, митрополитам Петру и Алексею, Сергию Радонежскому, Гурию Казанскому, Варлааму Новгородскому, Савве Сторожевскому, Антонию Сийскому, Стефану Пермскому, Иоанну Устюжскому и др.

Нередки в певческих книгах и записи, указывающие только имена писцов и владельцев. Так, сборник, состоящий из Октоиха и Обиходника, «1850 года, апреля 19-го дня», был принесен «к Евтифею Щербинину в его дом», т. к. семье этого человека он «должен принадлежать»³⁸. Обе книги, вошедшие в сборник, имеют краткий состав песнопений, характерный для рукописей часовенного согласия. Трудно сказать, кем являлись авторы подобных записей; возможно, они были «жителями» заводов или городскими обывателями. На чистых листах другой рукописи, близкой по составу названному сборнику, ее владелец Ф.В. Гусев вел записи о кончине родственников (синодик). Судя по одной из помет, Гусевы, видимо, жили «в Шадринске городе»³⁹.

Но, как отмечалось, певческой книгой и крюковой музыкальной грамотой владели и в крестьянской среде Урала XIX в. До 1812 г. Обиходник с Трезвонами, написанный в начале столетия, принадлежал государственному крестьянину д. Невольной Кунгурского уезда Григорию Строганову, а затем его

«передали игумени»⁴⁰. В сборнике помещен целый ряд песнопений «Сибирского напева», причем в одной из ремарок к произведению указано, что переписано оно «в Пермской часовне с Обихода» (это лишний раз свидетельствует о тесных связях уральских и сибирских старообрядцев). Книга содержит и иные варианты распевов, приведенные вслед за «традиционными», не обозначенными особыми ремарками, — «Ин напев», «Путевое», «Большой распев», «Ин развод со старого Трезвона» и др. Среди циклов праздничных песнопений преобладают стихиры к службам в честь русских трезвонных праздников. Запись, оставленная в следующем сборнике, довольно точно раскрывает его содержание, называя владельца: «Сия святая и богодухновенная книга, нарицаемая Октай певчий, в кои имеется осмь гласов и Евангельские стихиры, с небольшим Обиходом, подлежащая крестьянину Ефиму Никифорову 1842-го года»⁴¹. Как и в предыдущей книге, здесь встречаем песнопение в Путевом распеве («Достойно есть»). Крестьянин Иван Батюков, подписав свою певческую книгу в середине XIX в., заметил: «Трезвоны, продавать не надо»⁴². В его сборник включен большой подбор песнопений на наиболее почитаемые трезвонные праздники, в том числе русские; в конце находятся праздничные «припевы» и величания с обозначением стиля распева: «Путь». Иногда в записи крестьянин выступает и как писец книги. Например, в 1893 г. Октоих с Обиходником был «писан» крестьянином Николаем Михайловичем⁴³. Отметим наличие в рукописи Большого («Господь воцарися») и Путевого («С нами Бог») распевов.

Нередко книги переписывались и хранились в скитах, этих своеобразных центрах беглого крестьянства. Сохранились документы о разгоне в 1846 г. пяти Шарташских женских скитов, возглавлявшихся крестьянками Матреной Деевой, Настасьей Русаковой, Феклой Ляховой и «мещанками» Авдотьей Грязной и Настасьей Коуровой⁴⁴. Главным был скит «Верхисетского завода крестьянской дочери» Матрены Алексеевой Деевой⁴⁵. Согласно «Свидетельству икон, книг и других вещей, отобранных из Шарташских скитов», составленному 11 июня 1847 г., в ските М.А. Деевой было изъято 96 книг, среди которых упоминаются: книга «певчая, заключающая в себе ирмосы»⁴⁶, «певчая книга, по которой поется обедница», «книга певчая, по которой должно петь только в церкви, а не в частном доме простецам», «Октай письменный, нотный», «книга певчая», «Ирмолог певчий»⁴⁷. Следующий по величине «скит мещанки Авдотьи Грязной имел 15 книг. Среди них была «Азбука певчая, письменная»⁴⁸. В остальных скитах изъято по 3—4 книги (у Н. Русаковой в том числе оказались «ноты в тетрадке»⁴⁹).

Одна «книга певчая», некогда принадлежавшая главному скиту — «обители Казанския Богородицы Шарташского селения», хранится ныне в рукописном собрании Уральского университета. Памят-

ник написан в последней четверти XVIII в. и отличается строгостью, «аскетичностью», состава. В сборнике нет каких-либо своеобразных, необычных распевок; в него включены полный Октоих со Стихирами евангельскими и песнопения Обиходника (в основном великопостного и пасхального циклов)⁵⁰.

Как и документы, некоторые из записей, встречающихся в самих певческих рукописях, свидетельствуют о том, что скитские «простецы» прекрасно знали древнюю музыкальную грамоту, самостоятельно совершая богослужбное пение. Например, Обиход, содержащий песнопения «Сибирского напева», о котором речь шла выше, в 1812 г. от крестьянина д. Невониной Кунгурского уезда «передали игумени для принесения молитвенного пения»⁵¹. Следующая запись XIX в. сообщает, что «книга, нарицаемая Триодь певчая, собственная инока Авраамия Дыбина»⁵²; в конце книги той же тайнописью помечено: «По сей Триоде пел Егор Маслов с матушкой Миропеей»⁵³. В рукопись дважды помещено Трисвятое в стиле Большого распева. Еще более интересен по составу сборник из «Кошелевского скита»⁵⁴. Написанный в первой трети XIX в., он содержит Октоих и Обиходник с некоторыми праздниками-трезвонами. При чем среди последних находим только один возникший на Руси — «Явлению иконы пресвятыя Богородицы Казанския». Имеются здесь и своеобразные распевы с обозначениями «Путь», «Демество», «Большаго распева» и др.

Уже из приведенных материалов явствует, что «крюковой» музыкальной грамотой, «певчей» книгой в старообрядческой среде хорошо владели женщины. Их владельческие пометы обнаруживаются и в знаменных рукописях. Так, «книга, глаголемая Октай, Марии Захаровны Чистяковой»⁵⁵, представляет собой распространенный у часовенных краткий тип памятника, по которому чаще всего велось обучение древнему искусству⁵⁶.

Певческие книги бытовали и в кругах уральских казаков-старообрядцев. Записи в одной из рукописей начала XIX в. позволяют не только проследить жизненный путь их автора, его продвижение по службе, но и свидетельствуют об обращении этих книг в различных слоях казачества: «Сия книга Октай певчей с полным Обиходом Войска уральского квартирмистра Федора Степанова сына Скворкина. Своей рукой подписал сего 1810 года, сентября 28 дня»; «От книг сотника Федора Степанова <...>, в 1812 году подписал»; «От книг есаула Федора Степанова <...>, своеручно и подписал в 1829-м годе, октября 1 дня»⁵⁷. В числе песнопений Обиходника встречаем величания героям русской истории, прежде всего святым князьям-воинам: Александру Невскому, Федору Ярославскому «и чадом его, Давиду и Константину», Михаилу Черниговскому «и болярину его Федору», Василию и Константину ярославским, а также князю-крестителю Руси Владимиру, князьям-мученикам Борису и Глебу, царевичу

Дмитрию. Из распевов выделим «Опекаловское» Трисвятое, разошедшееся по России из Опекаловского монастыря еще в XVII в.

О широком бытовании певческих книг в самых демократических слоях старообрядческого населения можно судить даже и по тем многочисленным записям, которые не дают прямого указания на социальную принадлежность их авторов. Обычно записи выполнены с ошибками и прочими признаками почерка малограмотного человека: «Сия книг[а] перепле[т]чика Василья Киселева»; «Сей Октай Михаила Пологова собственной»; «Книга сея Михайла Степаныча Семячкова»; «Даниила Демитриеви ча Шубина Ирмосы»; «Книга певчая, Кузьма своеручно написал»; «Михайло Григорьевич Злоснов, волости Шадринской»; «Сей принадлежит Обиходник Лариону Фадуюву Дурновцеву» и т. д.⁵⁸ Вот типичная из этих пометок: «Сия книга Козмы Федотыча Чуракова», но из других записей узнаем, что она сделана одним из представителей известной уже нам фамилии Лайского завода «жителей»⁵⁹.

В поздних рукописных памятниках, как и в древних книгах, владельческие записи с указанием социальной принадлежности их авторов являются исключением (большинство рукописей совсем без записей). Поэтому следует полагать, что в XIX в. распространение певческих книг среди крестьян, заводских рабочих людей, «низов» города, казаков было гораздо шире, чем об этом можно судить по конкретным владельческим пометам.

Иногда рядовые староверы предоставляли свои «певчие» книги для общественных богослужений в часовнях. Так, Авраамий Федорович Шапошников пометил в принадлежавшем ему крюковом сборнике: «Сий Октай был в 1895 и 1896 году в Верх-Нейвинской старообрядческой часовне, употреблялся в службе. А в 1896 и 1897 сей же Октай был в употреблении в Шарташской Троицкой часовне при старообрядческом кладбище. И я поступил на службу в Троицкую часовню 19 декабря 1896 г.» Уходя со службы из часовни, А.Ф. Шапошников забрал свою книгу. В 1905—1906 гг. его «Октай» снова «был в употреблении в Шарташской Троицкой часовне». Мы видим, что владелец вел настоящую летопись использования его книги в богослужениях. Пение по ней часовенных певчих, вероятно, вызывало у Шапошникова чувство удовлетворения и гордости за то, какой необходимой книгой он располагал. После Авраамия рукопись перешла его сыну Кузьме, который «учился петь» у некоего «Ивана Александрыча Михайлова». В качестве особого музыкального достоинства книги укажем наличие в ней песнопений Путевого («Светися, светися», «Достойно есть») и Малого («Возбранной воеводе») распевов⁶⁰.

Итак, борьба в среде софонтиевцев вокруг вопроса о священстве и эволюция большинства уральских старообрядцев в сторону беспоповства (часовенные) постепенно привела к тому, что древнее

искусство знаменного пения, некогда представлявшее сферу профессиональной музыкальной культуры, все более переходило в культуру демократических по своей социальной природе слоев уральского старообрядческого населения, становясь одним из компонентов этой культуры.

Благодаря деятельности посланцев знаменитой Выговской пустыни братьев Денисовых среди приписных крестьян уральских заводов, а также мастеровых и беглых, скрывавшихся в соседних лесах, уже в начале XVIII в. получила распространение и *поморщина*. Уральский центр поморского согласия размещался на окраине Невьянского завода. Им руководил «олонецкого Выгорецкого общежительства обыватель» Гаврила Семенов Украинцев⁶¹. Выговцы занимались рудознатым делом, пользовались большими привилегиями и покровительством Акинфия Никитича Демидова. Однако численность общин поморцев, по сравнению с теми же софонтиевцами, и в дальнейшем была не велика.

Так как социальной базой распространения на Урале беспоповщины с самого начала являлись низы горнозаводского населения, то бытование древнерусского певческого искусства в ее кругах следует сразу же связывать с этими слоями. Однако пока трудно судить о степени распространенности как певческих книг, так, следовательно, и самого «крюкового пения» среди уральских поморцев в XVIII в. К настоящему времени на Урале обнаружено (и, очевидно, сохранилось) крайне незначительное количество крюковых рукописей поморского согласия той эпохи. Возможно, сказались немногочисленность самого согласия, а также то, что законодательство первой половины XVIII в. предписывало «рукописные книги» староверов тщательно разыскивать и сжигать⁶². Между тем известно, что в самой Выгореции было прекрасное собрание книг и существовала школа по обучению «крюковому пению»⁶³. Г.С. Украинцев также создал в Невьянском поморском тайнике собрание книг и училище, просуществовавшее до осени 1750 г. В нем чтению и пению обучались взрослые и дети, причем не только из близлежащих деревень, но и из далеких тобольских и ишимских⁶⁴. Так древнерусское певческое искусство в традициях поморского согласия получило распространение среди работных и крестьян Урала уже в первой половине XVIII в.

О том, как вера «выговских отцов» пришла на южно-уральские земли, повествует уникальный памятник местной письменности — «История старья веры в Златоусте и в округе и история некоторых лиц» (начало 1940-х гг.)⁶⁵. Автор рукописи, житель Златоуста Петр Александрович Мельнов, ярко и эмоционально рассказывает о жизни и деятельности людей (и прежде всего настоятелей общины), сыгравших видную роль в становлении и развитии «староверства». Большинство из лиц, о которых ведется речь, было старшими современниками Мельно-

ва; поэтому, несомненно, что сведения о событиях, происходивших на протяжении XIX в., получены автором от них.

Из «Истории» явствует, что в Златоуст «старую веру» принесли крестьяне с. Гагарье Курганского уезда, когда здесь в 1825 г. они «строили дорогу для царя Александра I-го». Особо отмечается деятельность Тельминова Степана Захарьевича, который «принял староверство от поморских выговских отцов». Именно он «крестил» и «немало» поучал первые семьи златоустовцев, примкнувших к поморскому согласию, став затем их настоятелем и духовным отцом. Из Златоуста «старая вера» распространилась в Кусу, Нязепетровск, Сатку и другие селения.

Для нас важно то, что, рисуя образы златоустовских старцев, П.А. Мельнов в качестве одного из главных достоинств подвижников называет владение ими знаменным пением. Например, Ф.В. Мурдасов (1847—1922) не только обучал («по крюкам и по помете, писал знаменные книги от руки»), но и «распевал стихиры», т.е. перекладывал на мелодии ненотированные тексты песнопений. Ученик этого мастера А.Т. Мельнов (1868—1935) настолько «крепко» изучил знаменное пение, что «сам распевал по крюкам каноны; между прочим распел Канон чудотворцу Николе по крюкам и наречь, ибо был ревнитель наречного пения»⁶⁶. В качестве «ревнителей наречного пения» выступают также М.Ф. Воронов и Г.И. Сычев (1860—1937), имевший «сильнейший» низкий голос и певший «слишком 60 лет». «История» говорит и о других знатоках древнего искусства. «Великий знаменщик» Я. Кудряшов сам перед смертью пропел весь канон на исход души («и последний раз вздохнул и помер»). «Хороший певец по знамени» А.П. Медведев «переписывал сам знаменные книги и имел много разных книг». Об А.В. Байдосове (1860—1934) и М.Ф. Мурдасове (1874—1934) говорится, что им довелось мало учиться крюковой грамоте, но они знали очень много песнопений наизусть и были хорошими певцами. Упоминается в «Истории» и женщина, прекрасно владевшая знаменным пением: жена Л.К. Мурдасова (1850—1932) Евдокия Васильевна так «знала хорошо по крюкам и по помете», что «учила молодых людей». Все, о ком повествуется в «Истории» трудились «в заводе», работали на мельнице, занимались кустарными промыслами. Таким образом, древнее певческое искусство в среде беспоповцев поморского согласия продолжали хранить представители самых демократических слоев населения.

Певческие книги уральских поморцев XIX — начала XX в. своими писцовыми и владельческими записями подтверждают эти сведения. С древних образцов списки книг создавались талантливыми народными мастерами с учетом всех особенностей сложившегося «поморского письма»; не редко они представляли собой великолепные образцы книжно-рукописного искусства древнерусской традиции.

Интересно, что преобладают книги, использовавшиеся в обучении («по крюкам и по помете» — Ирмологии, Азбуки⁶⁷. «Книга, глаголемая Фитник, сиречь начальное учение осмогласного пения», написана в середине XIX в., «писал Кирилло Савельев»⁶⁸. Скромно названная писцом «Фитником», рукопись содержит обширную Азбуку знаменного пения (Фитник — лишь часть ее), в которой наряду с упражнениями, объяснениями знамен находим «Имена и попевки на осем гласов» из Ирмология, Октоиха, Праздников — раздел (Кокизник), редко встречающийся и в поздних, и в древних музыкально-теоретических руководствах. Особенно часто переписывались Ирмологии. Так, Ирмологий с полным составом ирмосов в конце XIX в. был написан П.С. Кутиковым, крестьянином с. Пески⁶⁹. Тогда же аналогичный список памятника выполнил крестьянин Н.И. Федулов⁷⁰. В 1900 г. «Ирмолой» переписал житель д. Митино Н.С. Охохонин⁷¹, причем книгу украшает прекрасная заставка-рамка поморского орнамента. Еще более изукрашен Ирмологий, что «писал Яков Иванов Охохонин» в 1903 г.⁷². Обе рукописи Охохонинских близки также полным содержанием в них песнопений.

Иногда певческие книги, бытовавшие среди уральских поморцев, писались в соседних районах. «На Вятке» в начале XIX в. работал «книгописец» Булдаков Фаддей Исаков сын. В 1810 г. им написан Обиходник, который «переплетал из Москвы поселщик храмой» А.С. Баженов. Ряд песнопений в рукописи приведено в различных вариантах распевов, в том числе Демественном и Малом («Знамя малое»)⁷³. Другую рукопись Фаддей Булдаков закончил в марте 1813 г., указав, что «с книги, глаголемого Стихираля, древлеписанного в четверть мелким писмом 7122 [1614] года, апреля 13 дня, преведен сей Фитник, сиречь собрание от всех церковных певчих книг разным лицам, фитам и узлам, и с показанием всего знамя от нискаго гласа и до высокаго, и которому всему дан розвод для хотящих навывкнуги всего церковного пения старознаменнаго». Книга представляет собой обстоятельную певческую Азбуку. Привлекает внимание одно из упражнений, данное в уникальном для старообрядческих рукописей «Партесном розводе»⁷⁴. Это свидетельствует о том, что Булдаков использовал при написании книги не только Стихираля 1614 г., но и более поздние сборники. В целом же в среде поморцев (как и староверов иных согласий) партесный распев отвергался, да и «наречное пение» вводилось далеко не во всех поморских общинах⁷⁵.

Говоря о бытовании древнерусского певческого искусства и его письменных памятников в кругах поморщины Урала, отметим, что при явном преобладании «Ирмолов» и «Фитников» (Азбук) репертуар знаменных книг был здесь все-таки разнообразным. Правда встречаются эти книги в единичных экземплярах: Триодь постная (XVIII в.), Праз-

дники и Трезвоны (XIX в.), Избранные песнопения Октоиха⁷⁶. Обиходником в начале XX в. владел «гражданин Далматовского поселка» Е.Н. Мочалов⁷⁷. Обиходник обнаруживаем и в сборнике, некогда принадлежавшем жителю «д. Чубарковой Верхней» Т.С. Сопельцову⁷⁸. Прекрасная рукопись начала XIX в., состоящая из Октоиха и Обиходника, была подарена некоей А.И. Култышевой «настоятельницей и головщицей поморской общины» г. Казани А.М. Александровой. Сборник в числе многих нетрадиционных распевов содержит песнопения «Демеством», «Большим распевом», «Демество, малой распев», «Ин распев, Греческой»⁷⁹.

Итак, в поморщине «крюковое» пение становится одним из явлений культуры ее последователей, представленных на Урале главным образом низами горнозаводского населения, в особенности крестьянством. В условиях удаленного от центра Урала эта среда смогла сохранить древнейшие традиции певческого искусства.

Для старообрядчества XIX в. ознаменовался не только идейным, но и организационным размежеванием сил. Борьба умеренных и радикальных направлений наполняла историю почти каждого старообрядческого согласия. С 60—70-х гг. XVIII в. влиятельная торгово-промышленная верхушка уральских староверов постепенно склоняется к легализации старообрядчества путем примирения с государственной церковью и включения его на правах относительной автономии в систему церковного управления. На основании «Пунктов» митрополита Платона 1800 г. на Урале появляется единоверие, хотя нередко властям приходилось приводить старообрядцев «к единоверию» с помощью силы. Основная масса рядовых староверов не спешила переходить в поповщину.

Наряду с прочими купеческими семействами в появлении единоверия на Урале видную роль сыграли купцы-старообрядцы Казанцевы. Один из них на чистых листах принадлежавшей ему певческой книги в 1804—1834 гг. вел синодик, который назвал «Хронологическая записка в жизни Фомы Казанцова». Книга написана в конце царствования Петра Великого и содержит песнопения на самые почитаемые праздники-трезвоны. В их числе есть циклы произведений русским праздникам: Покрову, Казанской, Смоленской и Владимирской иконам Богородицы⁸⁰. На бытование певческих книг в купеческой среде XIX в. указывают и различные владельческие записи. В книге «Праздники» (XVIII в.) помечено, что она «камскаго купецкаго сына Семена Чеусова, цена 12 [рублей], куплена в 1810 году»; затем «сия книга досталась по разделу Савину Чеусову 1833 года». Ряд праздничных славников в рукописи дан в разных распевах, а популярное у староверов песнопение «Единородный сыне» включено в двух музыкальных вариантах («Демество» и «Ин перевод»)⁸¹. Певческая книга «Обедница», состоящая из

песнопений к литургиям, имела обращение только у старообрядцев-поповцев. В середине XIX в. одну из них купил «в Нижегородской ярмарке» купец Иван Герасимов Шеин. В 1866 г. он «приложил» рукопись «к Пыскорской единоверческой Никольской церкви», попечителем и церковным старостой которой являлся⁸².

Не только купечество, но и более широкие круги горожан, перешедших в единоверие, владели знаменным пением, приобретали певческие книги. Упомянутые Трезвоны екатеринбургских купцов Казанцевых в середине-второй половине XIX в. оказались у «переплет[т]чика Василья Киселева»⁸³. Несколько книг (Азбука знаменного пения, Октоих, Праздники, Триоди), принадлежавших очерскому жителю Симеону Лузину, было дано «на временное пользование Лужковской церкви»⁸⁴. Судя по нумерации в рукописях, С.А. Лузин располагал довольно большой библиотекой, которой и воспользовалась вновь открытая церковь. Праздники и Триоди представляют собой роскошные экземпляры, украшенные многочисленными заставками и инициалами гуслицкого орнамента, выполненными яркими красками и золотом. В этих сборниках находим Демественный и Путевой распевы. Следующую книгу — гектографическую копию Азбуки — в 1902 г. подписал «служитель» (очевидно, заводской администрации) «Иван Степанович г[осподин] Васильев»⁸⁵. Ее особенностью является подробное изложение теории киноварных помет.

Среди певческих рукописей, писавшихся для поповцев (например, в Гуслицах) и обращавшихся в кругах единоверцев, встречаются и книги, по которым изучали древнее искусство и исполняли знаменные песнопения крестьяне. В 1860—1890-е гг. одна из книг гуслицкого письма принадлежала жителю «селца Дмитриевца» у горы Магнитной Тимофею Власову. Чистые листы книги владелец использовал для записок о событиях из жизни своего большого семейства («всего у нас родилось детей 12 человек»), села и его окрестностей (о трагедии на мельнице, о большом пожаре). Сама рукопись заключает в себе Октоих и Обиходник; есть в ней своеобразные упражнения для певческого тренажа (Лествица, «Примеры ко гласом»), песнопения в Путевом распеве («Достойно есть», «Светися, светися»). В конце помещены выписки из Служебника, «Канон ко святому Ангелу страшному и грозному воеводе»⁸⁶. Гуслицкой рукописью Ирмология на рубеже XIX—XX вв. владел житель села Шатровского Петр Сабенин⁸⁷. Чрезвычайно интересная запись в одном из Ирмологиев полного состава сообщает, что «сия книга Ирмосы написана крестьянином Пермской губернии, Екатеринбургского уезда, Сарапульской волости и того же села Феодором Михайловым Луговым в 1905-м году, за бытность его и.д. псаломщика при невьянской Свято-Троицкой единоверческой церкви. Невьянский завод»⁸⁸. Как видим, крестьянин мог быть не только владель-

цем, но и писцом певческой книги. Более того, как хороший знаток искусства знаменного пения он мог выполнять обязанности церковнослужителя низшего чина — певчего, псаломщика. В январе 1909 г. Федор Луговой завершил переписку крюковой Обедницы. Очевидно, местом проживания писца по-прежнему был Невьянск, так как новая рукопись попала в библиотеку Рождество-Богородицкой церкви Невьянского завода⁸⁹. Если Ф.М. Луговой некоторое время являлся псаломщиком храма в Невьянске, то его родственник Е. Луговой, также знаток пения «по крюкам», во второй половине XIX в. служил при Сарапульской (д. Сарапулка) Свято-Троицкой церкви⁹⁰.

Важные для нас сведения содержат и следующие записи, оставленные в «певчих» книгах. Первая говорит о том, что книга «Праздники» «возвращена в единоверческую церковь Верх-Исетского завода крестьянином Дмитрием Иоанновым Молодцевым сего 1896 года, декабря 13 дня»⁹¹. Другие пометы конца XIX в. сообщают, что жителем с. Вознесенского Оханского уезда Пермской губернии Филиппом Михайловым Поносовым рукопись Октоиха с Обиходником (гуслицкое письмо) была «принесена» в вознесенскую Васильевскую единоверческую церковь⁹². Скорее всего, крестьяне Д. Молодцев и Ф. Поносов вернули в церковную библиотеку певческие книги, взятые ими на определенное время. Из этого видно, что реально в крестьянской среде древнюю музыкальную грамоту знало гораздо больше людей, чем о том свидетельствуют конкретные книжные владельческие записи.

Рассматривая вопрос о бытовании знаменного пения в различных старообрядческих согласиях, мы указывали на владение самим искусством и певческими книгами женщин. Подобные факты наблюдаются и в кругах поповцев. Так, хозяин довольно редкой Азбуки знаменного и демественного пения записал в книге, что «Фитник сей» был ему «поступлен» (продан) в сентябре 1899 г. семьей неких Колмаковых, в которой принадлежал Агафье Федотовне. Сборник содержит «в себе знамена всеа пения, лица и фиты», а также «Демество переводом на столповое знамя»⁹³. Великолепным экземпляром Октоиха с Обиходником гуслицкого письма в конце XIX в. располагала Агрепина Тарасовна Хомутова (в начале XX в. книга оказалась в екатеринбургской Свято-Троицкой единоверческой церкви). В Обиходнике имеются циклы песнопений («Примеры ко гласом», «Подобны на 8 гласов» и др.), по существу составляющие руководство по овладению основой знаменного пения — осмогласием; включено и песнопение Путевого распева («Достойно есть»)⁹⁴. Еще одна книга — «Пасха» — в начале XX в. досталась Анастасие Феодосьевне Михалевой от ее отца — Феодосия Ивановича. Последний получил рукопись от своего отца — И.А. Михалева. Книгу не просто хранили в семье. В записи 1909 г. говорится, что «сия

Пасха враз была пропета 3 раза, пел Федос; Иван [очевидно, отец Феодосия] 6 раз пел»⁹⁵. Таким образом, А.Ф. Михалева могла выучиться древнему искусству, по крайней мере, у двоих своих родственников — деда и отца.

Но главными потребителями и хранителями книг в среде единоверцев были, конечно, церкви, а также люди, связанные с их деятельностью. Нередко церковнослужители самого разного положения и сана знали древнерусскую музыкальную грамоту и имели собственные певческие книги. Интересен сборник начала XIX в., хранившийся «у старообрядческого священника, отца Василия Котова, в Очерском заводе». Священник уступил книгу дьякону Диомиду Новикову, у которого затем за 10 руб. ее приобрела очерская единоверческая Благовещенская церковь. Рукопись богато украшена заставками, инициалами и цветами (на полях листов) гуслицкого орнамента. Приведены в ней и песнопения в различных вариантах распевов с обозначениями «Большой», «Путь», «Ин перевод» и др. Среди этих произведений выделим стих первой кафизмы («Иже не идет на совет») «Ветковского напева», возникшего в крупнейшем центре старообрядцев-поповцев XVIII в. — на Ветке⁹⁶. В числе книжных записей служителей церкви попадаются и владельческие пометки того, кто профессионально занимался «певческим делом». Например, Ирмологий с Обиходником, написанный еще в конце XVIII в., через столетие подписал «отец Назар, регент Щипинской и клирик», т.е. руководитель церковного хора. Возможно, что хор о. Назара праздничные задостойники и песнопение «Единородный сын» исполнял Демеством, а гимн «С нами Бог» — Путевым распевом. Все это имеется в Обиходнике регента⁹⁷.

Иногда церковнослужители выступали в роли книжных писцов. В июне — декабре 1876 г. «трудами дьякона Ревдинского завода единоверческой Свято-Троицкой церкви Козмы Занадворова» написан краткий знаменный Октоих, предваряемый специальными певческими упражнениями (Лествица, «Проука», «Запевы к стихирам» и др.). Книга, вероятно, и предназначалась для учебных целей⁹⁸. Полный по составу Ирмологий «писан» был «рукою и.д. псаломщика Исидора Исаакиевича Орлова в 1906-м году» для Рождество-Богородицкой единоверческой церкви Невьянского завода⁹⁹. В начале XX в. Обедницу «писал дьякон Матвей Копыгин, г. Пермь». Целый ряд литургических песнопений дополняется здесь их вариантами в разных распевах (Демественном, Путевом, Большом, Малом и т.д.). Особое внимание привлекает Херувимская песнь «Иргизского напева», который сложился еще в одном крупном центре поповщины — на Иргизе (среднее Заволжье). Отметим и наличие в рукописи Многолетия «на царский день»¹⁰⁰.

Что касается единоверческих церквей, то они, как правило, располагали необходимыми певческими сборниками для богослужения. В случае отсутствия

какой-либо книги на время ее приносили в храм из своих библиотек церковнослужители или прихожане. Иногда же, напротив, церковная библиотека имела обширное собрание крюковых рукописей, в котором каждая книга была представлена не одним экземпляром. Такое собрание находилось, к примеру, в екатеринбургской Свято-Троицкой церкви «старообрядцев, приемлющих священство», — храме, построенном в 1824 г. и содержавшемся на средства купцов Рязановых и Казанцевых. В фонде этой церкви, хранящемся в Государственном архиве Свердловской области, обнаруживаем 11 певческих книг¹⁰¹. Даже если собрание дошло до нас неполным, мы видим, что оно было довольно крупным. Только Праздники, купленные в мае 1866 г., имеются в единственном экземпляре. Остальные книги — Азбука, Ирмологий, Октоих, Трезвоны, Триоди — в виде отдельных рукописей и в составе сборников насчитывают по два экземпляра, а Обиходник — четыре. Следует особо отметить список «Извещения..., требующим учиться пения» — трактата, написанного около 1670 г. известным музыкальным теоретиком А. Мезенцем и венчающего развитие теории древнерусской музыки¹⁰². Среди распевов, приведенных как альтернативные певческие варианты песнопений, в книгах екатеринбургской Свято-Троицкой церкви наиболее часто встречаются Демественный (в том числе демественной нотацией), Путевой, Большой. В одну из рукописей включено уникальное произведение — «молитва» с указанием «Струнная большова напева». Приход Свято-Троицкой церкви имел и свое учебное заведение. Здесь певческие книги предназначались прежде всего для обучения древнему искусству знаменного пения. Октоих письма 1847 г. содержит запись, что это — «книга града Екатеринбургского единоверческого Свято-Троицкого приходского училища, № 32». Рукопись с кратким подбором песнопений служила, скорее всего, именно учебным целям.

Певческие книги других церквей хранятся, как правило, разрозненно, попадаясь единичными экземплярами в различных книжно-рукописных собраниях. Некоторые из них выше уже упоминались, ибо перед тем как попасть в церковную библиотеку, бытовали в разных слоях старообрядческого населения. Приведем и другие примеры, свидетельствующие о принадлежности певческих сборников храмам. Ирмологий с полным составом ирмосов, написанный в начале XIX в. и украшенный миниатюрой с изображением Иоанна Дамаскина, заставками, инициалами и концовками великолепного гуслицкого орнамента, являлся собственностью ниинской Стефановской церкви. Об этом сообщил в записи от 8 декабря 1860 г. «той же церкви священник Варлаам Наумов». Книга использовалась в богослужениях храма вплоть до его закрытия в 1926 г.¹⁰³ В «казенной» Обеднице (также гуслицкого письма), поступившей в библиотеку псыкорской единоверческой Никольской церкви в 1866 г., оставлены пометки типа: «Пел дьячек Дмитрий Кир-

пищиков», «Пел церковник... Павел Хомяков»¹⁰⁴. Рукопись Праздников первой четверти XIX в. «Саранинского завода Рождества Богородицкой единоверческой церкви, казенная, по описи за № 11-м»¹⁰⁵, имеет краткий состав песнопений. Вероятно, писалась она не для храмовых служб. Зато песнопения следующей книги — Обедницы — исполнялись во время службы, совершавшейся только в церкви, — на литургии. В мае 1928 г. была сделана запись, что книгой этой владеет Никольская единоверческая церковь с. Шуртан, в котором после закрытия храма ее сохраняли до передачи Уральскому университету в 1976 г.¹⁰⁶

В церкви книги попадали различными путями. В основном, как и в древности, церковные библиотеки пополнялись прихожанами. Так, до поступления в екатеринбургскую единоверческую Свято-Троицкую церковь Сборник песнопений и Триоди принадлежали «жителям» уральских заводов, Азбука знаменного пения — «служителю» заводской администрации, Обиходник был передан «из книг Селивана Хребтикова» и т. п.¹⁰⁷ Часто в церковной библиотеке эти книги оказывались после смерти владельца. Приобретались они и самой церковью. Например, очерским единоверческим Благовещенским храмом «Октай знаменного роспева» был куплен за 10 руб.¹⁰⁸, екатеринбургская Свято-Троицкая церковь в 1866 г. «Праздники певчия» купила за 9 руб. серебром¹⁰⁹. Иногда специально для пополнения церковной библиотеки книги приобретали на свои деньги состоятельные прихожане, купцы¹¹⁰. Однако рядовые крестьяне-старообрядцы обычно не могли каждый в отдельности покупать дорогостоящие книги, к примеру, «гуслицкого письма» (см. далее). Поэтому нередко «певчие» сборники покупались вскладчину. В августе 1847 г. на Нижегородской ярмарке для ниинской единоверческой Стефановской церкви «на иждивение» прихожан был приобретен Октоих с Обиходником, причем часть денег внес «его сиятельство» граф Г.А. Строганов¹¹¹.

Приобретенные вскладчину, книжные собрания считались коллективной собственностью, сохранявшейся в той или иной церкви. Они использовались не только в богослужениях. Случалось, что книги выносились из храмов, по ним учили и учились пению. В одной из ранее приведенных записей сообщалось, что в декабре 1896 г. певческая «книга возвращена в единоверческую церковь Верх-Исетского завода крестьянином» Д.И. Молодцевым. В целом же следует признать, что в поповщине среда бытования певческой книги была, по-видимому, несколько уже, чем в беспоповщине. Как и в древности, рядовые прихожане все свои религиозные потребности удовлетворяли «через посредство церковнослужителей, пользовавшихся книгами, приобретенными волостью»¹¹².

Говоря о бытовании знаменного пения и певческих книг в среде поповцев, мы не коснулись пока белокриницкого согласия. Между тем отсутствие в

единоверческой церкви независимого клира, а также полицейские методы насаждения единоверия оттолкнули от него основную массу старообрядцев, «приемлющих священство». Это облегчило наступление «Белокриницкой иерархии» («австрийцев»), которая начала быстро занимать господствующее положение в поповщине¹¹³.

Последнее обстоятельство крайне беспокоило власти и официальную церковь. Переход в белокриницкое согласие рассматривался как уклонение из православия или единоверия «в раскол» и преследовалось по закону. Как и многие десятилетия назад, на Урале стали возникать все новые скиты. Так, в начале 1860-х гг. недалеко от Каслинского завода, на озере Сунгул, поселились «скитники и скитницы» (в основном из крестьян), которые часто бывали у заводских жителей, совершали различные требы — крещения, отпевания, поминки. Духовенство сообщало, что «в кельи к скитникам в праздничные дни ходит много людей», а у каслинца Дунаева и других в домах появились нежилые комнаты с иконостасами на стенах, где «в праздники бывает общее моление с громогласным пением». Службу совершал крестьянин Андрей Лобанов, «слышущий здесь за протопопа»; «попами» были сын Лобанова, Иван, и Егор Белиньков, да «есть, говорят, у Дунаева священнический ризы». В одном из домов, что в трех верстах от завода, принималось и «высшее австрийское духовенство», производившее там богослужения¹¹⁴. Однако текущие требы продолжали совершать рядовые старообрядцы: «умерших отпевают по-раскольнически две личности — каслинский крестьянин <...> Трофим Яковлев и раскольница вдова Феодора Иванова Столбикова», причем «при отпетии они, не стесняясь, поют»¹¹⁵.

В художественной галерее Перми сохранились певческие книги, принадлежавшие некоторым церквям Белокриницкой иерархии. Из библиотеки «пермской Успенской старообрядческой церкви», закрытой в 1929 г., поступило три рукописи. Праздники (XVIII в.) с полным составом песнопений употреблялись в храмовых богослужениях. Книгу дополняют песнопения Обихода. Среди последних, как и среди славников, замыкающих циклы праздничных стихир, есть произведения, имеющие разные распевы («Большой», «Демеством» и т. д.). Остальные книги — Сборник из песнопений Обихода, Октоиха, Минеи общей и Трезвонов (XVIII в.) и Праздники (XIX в.) — привлекают внимание не только музыкальным содержанием, но и высокохудожественным исполнением в лучших гуслицких традициях книжно-рукописного искусства¹¹⁶. Собственностью «старообрядческого храма Пресвятой Богородицы Покрова» с. Вознесенского являлись следующие две рукописи — Октоих с Обиходником и Праздники, также гуслицкого письма (XIX в.)¹¹⁷. Первый сборник, кроме прочего, интересен многочисленными величаниями в честь русских святых, различными

вариантами распевов, упражнениями-образцами, необходимыми в исполнительской практике («Подобны», «Примеры ко гласом» и т. п.).

Из всего сказанного видно, что по составу и внешнему оформлению певческие книги единоверцев и белокрыницких, пожалуй, не различались. К тому же оба согласия широко пользовались книгами, поступавшими из одного книгописного центра — гуслицкого, возникшего в конце XVIII в. под Москвой. На местах с этих рукописей делались новые списки. Общим было и то, что не смотря на складывание собственной церковной иерархии в обоих согласиях поповцев древнее знаменное пение продолжали хранить и изучать прихожане.

В заключение отметим также, что определенная певческая книга чаще всего передавалась и бытовала в той или иной социальной группе благодаря длительному хранению в отдельных семьях, где она переходила от одного поколения другому. В 1789 г. «в наследство екатеринбургскому Трифану Кузнецову сыну Пантелееву» Триоди певческие «благословил» Михаил Стефанов сын Кузнецов. Через десять лет они по-прежнему принадлежали Трифону Кузнецову¹¹⁸. Книга «Праздники», приобретенная в начале XIX в. Иргинского завода жителем Иваном Григорьевым Пономаревым, в 1819 г. досталась его сыну Василию, затем перешла другому сыну — Матвею; наконец, в 1869 г. последний отдал ее «за долг» в 3,5 руб. серебром родственнику Михаилу Пономареву¹¹⁹. Один из Ирмологиев уже в 1831 г. был собственностью «Ла[й]скова завода жителя Осипа Чуракова». В 1842 г. рукопись еще принадлежала Осипу, а затем оказалась у Гурьяна Чуракова¹²⁰. Судя по записям на чистых листах певческого сборника, он хранился в семье неких Влазовых на протяжении 60—90-х годов¹²¹. Подобное наблюдалось и в среде церковнослужителей. В июле 1865 г. сельский священник Иоанн Успенский подарил «его высокоблагословению» о. Андрею Попову Ирмологий. В 1882 г. «у внучек отца Андрея» его купил пресвитер Ипполит Бобров; эту книгу он вновь подписал в октябре 1886 г.¹²² Даже в кругах зажиточного уральского купечества певческие книги хранились с особой любовью в течение длительных периодов времени. Так, Праздники, купленные в 1810 г. купеческим сыном Семеном Чеусовым, достались «по разделу Савину Чеусову 1833 года»¹²³. О том же свидетельствуют семейные записи из жизни купцов Казанцевых, писавшиеся на чистых листах Трезвонов с 1804 по 1834 г.¹²⁴

Итак, за время существования древнерусского певческого искусства на Урале его бытование выходит за рамки обычного профессионального функционирования как пения богослужебного. Особому распространению памятников этого искусства способствовали определенные исторические изменения в среде уральских староверов (например, эволюция большинства в сторону беспоповщины, рост грамот-

ности среди рядового старообрядчества, демократизация исполнительской среды). Таким образом, непресекающиеся традиции древнерусского певческого искусства становятся одной из неотъемлемых черт духовной культуры различных слоев старообрядческого населения Урала.

Примечания

1. В Чердыни, например, в 1462—1463 гг. был основан Богоявленский монастырь.

2. См.: Введенский, А.А. Дом Строгановых в XVI—XVII вв. / А.А. Введенский. — М., 1962. — С.42—43.

3. Напр., см.: Парфентьев Н.П. Строгановская икона XVI—XVII вв. // Традиции и новации в отечественной духовной культуре: сб. материалов Первой Юж.-Урал. межвуз. науч.-практ. конф. — Челябинск : ЮУрГУ, 2004. — С. 5—10. Здесь имеется обзор научных трудов о строгановской иконописи.

4. Подробнее, напр., см.: Георгиевская-Дружинина, Е.В. Строгановское шитье в XVII в. / Е.В. Георгиевская-Дружинина // Русское искусство XVII в.: сб. тр. Гос. ин-та истории искусств. — Л., 1929; Свирин, А.Н. Древнерусское шитье / А.Н. Свирин. — М., 1963; Лихачева, Л.Д. Строгановское шитье в собрании Русского музея / Л.Д. Лихачева // Искусство строгановских мастеров в собрании ГРМ: каталог выставки. — Л., 1987.

5. Померанцев, Н. Финифть усольского дела / Н. Померанцев // Сб. тр. Оружейной палаты. — М., 1925. — С. 104; см. также: Плешанова, И.И. Произведения прикладного искусства строгановских мастеров XVI—XVII вв. / И.И. Плешанова // Искусство строгановских мастеров в собрании ГРМ. Каталог выставки. — Л., 1987.

6. Подробнее см.: О строгановской мастерской книжно-рукописного искусства XVI—XVII вв. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — № 6 (106). Сер.: «Социально-гуманитарные науки». — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2008. — Вып. 10. — С. 43—62.

7. Парфентьев, Н.П. Усольская (Строгановская) школа в русской музыке XVI—XVII вв. / Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева. — Челябинск : Книга, 1993. — 348 с.

8. См.: Дмитриев, А.А. Пермская старина: сборник исторических статей и материалов о Пермском крае / А.А. Дмитриев. — Пермь, 1889. — Вып. 1. — С. 170—171; Пермь, 1890. — Вып. 2. — С. 230—231.

9. О деятельности боярских и княжеских певчих, напр., см.: Парфентьев, Н.П. Древнерусское певческое искусство в духовной культуре Российского государства XVI—XVII вв. / Н.П. Парфентьев. — Свердловск : УрГУ, 1991. — С. 163—164 и др.

10. См.: Парфентьев, Н.П. Профессиональные музыканты Российского государства XVI—XVII вв.: государственные певчие дьяки и патриаршие певчие дьяки и подьяки / Н.П. Парфентьев. — Челябинск : Книга, 1991. — С. 52, 203.

11. См.: Парфентьев, Н.П. Древнерусское певческое искусство... — С. 29, 155 и др.

12. См.: Парфентьев, Н.П. Традиции и памятники древнерусской музыкально-письменной культуры на Урале (XVI—XX вв.). Описание крюковых рукописей выполнено при участии М.Г. Казанцевой / Н.П. Парфентьев. — Челябинск : Чел. Дом печати, 1994. — С. 216, № 67.

13. Рукопись, судя по содержащемуся в ней величанию, написана в царствование Федора Алексеевича и Агафьи, которая была царицей с июля 1680 по июнь 1681 г.

14. Монастырь возобновился в 1653 г., а в 1680 г. был приписан к Иосифову монастырю. Песнопения Опекаловского распева обнаружены пока в рукописях второй половины XVII в. (См.: Безуглова, И.Ф. Опекаловский распев / И.Ф. Безуглова // Памятники культуры: новые открытия, 1978. — М.: Наука, 1979. — С.196). Вероятно, распев был создан в период самостоятельности монастыря (1653—1680 гг.).

15. Копанев, А.И. Книжность северной волости XVI—XVII вв. / А.И. Копанев // Культурное наследие древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. — М.: Наука, 1976. — С. 394.

16. Копанев А.И. Из истории бытования книги в северных деревнях (XVI в.) / А.И. Копанев // Памятники культуры. Новые открытия, 1975. — М.: Наука, 1976. — С. 99.

17. См.: Преображенский, А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. / А.А. Преображенский. — М., 1972. — С. 127—128.

18. Там же. Курсив наш.

19. См., напр.: Покровский, Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. / Н.Н. Покровский. — Новосибирск. Наука, 1974.

20. Шишонко, В.Н. Пермская летопись с 1263 по 1881 г. Период 3. / В.Н. Шишонко — Пермь, 1883. — С. 513—515.

21. Поповское согласие, основанное керженским попом Софонтием. На Урале получило распространение уже в начале XVIII в. (См.: Покровский, Н.Н. Антифеодальный протест... С. 13—14, 39—40, 66 и др.).

22. См.: Парфентьев, Н.П. Традиции и памятники... — С. 312, № 239.

23. Там же. С. 310, № 237.

24. Там же. С. 276, № 177.

25. Там же. С. 274—275, № 175.

26. Там же. С. 275, № 176.

27. Там же. С. 254, № 132.

28. Там же. С. 137—138.

29. Там же. С. 254, № 132.

30. Там же. С. 293, № 207

31. Там же. С. 394, № 396. Здесь же сообщается, что братья умерли в 1882 г.

32. Там же. С. 286, № 194.

33. Там же. С. 247, № 116.

34. Там же. С. 278, № 181.

35. Там же. С. 231, № 90.

36. Там же. С. 220, № 73.

37. Там же. С. 313, № 240.

38. Там же. С. 291, № 203.

39. Там же. С. 341, № 296.

40. Там же. С. 171, № 2.

41. Там же. С. 204, № 47.

42. Там же. С. 188, № 20.

43. Там же. С. 395, № 398.

44. ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. № 5678.

45. В ските хранилась древняя икона Казанской Богородицы, доставленная с Керженца, что обеспечивало ему большой приток старообрядцев в праздники (там же, л. 1, 3—4). В списке проживавших в ските большинство составляли «мещанки г. Екатеринбург» и «крестьянские дочери» разных волостей Урала и Сибири; упоминаются также «Челябы казачья дочь», «г. Перми солдатская жена» и др. (там же, л. 17—18).

46. В другом документе — «Розписи иконам, книгам и вещам» — о ней говорится, что она — «письменная» (там же, л. 255)

47. ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. №5 678. — Л. 110 об., 114, 115, 115 об.

48. Там же. Л. 121 об.

49. Там же. Л. 296.

50. См.: Парфентьев Н.П. Традиции и памятники... — С. 246, № 115.

51. Там же. С. 171, № 2.

52. В документах середины XIX в. упоминается семейство «непременных» шарташских работников Дыбиных, поселившихся в скитах (ГАПО. Ф. 65. Оп. 4. № 135. — Л. 51).

53. См.: Парфентьев Н.П. Традиции и памятники... — С. 222—223, № 77.

54. Там же. С. 191, № 23.

55. Там же. С. 298, № 216.

56. См.: Там же. С. 64—73.

57. Там же. С. 239, № 105.

58. Там же. С. 227 (№ 84), 350 (№ 312), 289 (№ 201), 190 (№ 22), 191 (№ 24), 195 (№ 31).

59. Ср.: Там же. С. 226, № 83 и С. 293, № 207.

60. Там же. С. 285—286, № 193.

61. Г.С. Украинцев, один из известных деятелей Выголексинской общины, появляется на заводах Демидовых не позднее 20-х гг. XVIII в. (См.: Дергачева-Скоп, Е.И. «Сердца болезна сестры убодающ остен» — рукописный плач середины XVIII в. Е.И. Дергачева-Скоп // Библиотеки Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1973. — № 14. — С. 44—45, 47).

62. См., напр.: Покровский, Н.Н. Антифеодальный протест... С. 63.

63. Малышев, В.И. Как писались рукописи в Поморье в конце XIX—начале XX в. / В.И. Малышев // Известия Карело-финской научно-исследовательской базы АН СССР. — Петрозаводск, 1949.— С. 75.

64. Покровский, Н.Н. О роли рукописных и старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества / Н.Н. Покровский // Библиотеки Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1973. — № 14. — С. 26—27; Он же. Антифеодальный протест... — С. 192—193.

65. Опул.: Мосин, А.Г. Златоустовские старцы / А.Г. Мосин // Урал. 1993. — № 3. — С. 200—204.

66. О «наречном пении», напр., см.: Парфентьев, Н.П. О деятельности комиссий по исправлению древнерусских певческих книг в XVII в. / Н.П. Парфентьев // Археографический ежегодник за 1984 г. — М.: Наука, 1986. — С. 128—139.

67. См.: Парфентьев, Н.П. Традиции и памятники... — С. 69—72.

68. Там же. С. 263, № 148.

69. Там же. С. 265, № 151.

70. Там же. С. 266, № 155.

71. Там же. С. 269, № 163.

72. Там же. С. 270, № 164.

73. Там же. С. 260, № 143.

74. Там же. С. 260—261, № 144.

75. Подробнее см.: Там же. С. 90—91.

76. Там же. С. 238 (№ 103), 263 (№ 149), 268 (№ 160).

77. Там же. С. 269, № 162.

78. Там же. С. 244, № 112.

79. Там же. С. 369, № 347.

80. Там же. С. 227, № 84.

81. Там же. С. 173, № 3.

82. Там же. С. 170—171, № 1.

83. Там же. С. 277, № 84.

84. Там же. С. 210 (№ 58, 59), 211—212 (№ 62, 63).

85. Там же. С. 224, № 80.
 86. Там же. С. 240—241, № 107.
 87. Там же. С. 354—355, № 323.
 88. Там же. С. 325, № 263.
 89. Там же. С. 235—236, № 101.
 90. Там же. С. 315, № 241.
 91. Там же. С. 349, № 311.
 92. Там же. С. 180, № 10.
 93. Там же. С. 345—346, № 304.
 94. Там же. С. 225, № 81.
 95. Там же. С. 207, № 52.
 96. Там же. С. 178—179, № 8.
 97. Там же. С. 205—206, № 49.
 98. Там же. С. 233, № 94.
 99. Там же. С. 235, № 100.
 100. Там же. С. 326, № 266.
 101. Там же. С. 219—226 (№ 72—82).
 102. Оpubл.: Азбука знаменного пения (Извещение о согласнейших пометах) старца Александра Мезенца (1668-го г.) / Изд. С.В. Смоленский. — Казань, 1888; Александр Мезенец и прочие. Извещение... желающим учиться пению (1670 г.) / введение, публ. и перев. памятника, историч. исслед. Н.П. Парфентьева; комм. и исслед. памятника З.М. Гусейновой. — Челябинск : Чел. Дом печати, 1996. — 584 с.
 103. См.: Парфентьев, Н.П. Традиции и памятники... — С. 177, № 7.
 104. Там же. С. 170—171, № 1.
 105. Там же. С. 254, № 133.
 106. Там же. С. 255—256, № 136.
 107. Там же. С. 220—223 (№ 73—77), 224—225 (№ 80—81).
 108. Там же. С. 178, № 8.
 109. Там же. С. 223, № 78.
 110. Там же. С. 170—171, № 1.
 111. Там же. С. 173—174, № 4.
 112. Копанев, А.И. Книжность северной волости... — С. 398.
 113. К 1859 г. образовалось уже более десяти епархий «Белокриницкой иерархии», в том числе и Уральская (см. Никольский Н.М. История русской церкви. — М., Л., 1930. — С. 214).
 114. ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. № 594. — Л. 3 об.—6.
 115. Там же. Л. 7, 8 об. Автор благодарит В.И. Столбикова за предоставленные ксерокопии документа.
 116. См.: Парфентьев, Н.П. Традиции и памятники... — С. 173 (№ 3), 176—177 (№ 6), 183 (№ 14).
 117. Там же. — С. 182—184 (№ 13, 15). Напомним, что в с. Вознесенском Оханского уезда была и единоверческая Васильевская церковь. Оба храма закрыты в 1926 г.
 118. Там же. С. 188, № 19.
 119. Там же. С. 254, № 132.
 120. Там же. С. 293, № 207.
 121. Там же. С. 240—241, № 107.
 122. Там же. С. 409, № 415.
 123. Там же. С. 173, № 3.
 124. Там же. С. 227, № 84.

Поступила в редакцию 23 июля 2009 г.

Парфентьев Николай Павлович, заведующий кафедрой искусствоведения и культурологии ЮУрГУ, доктор исторических наук, доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Автор более 80 научных трудов, в том числе 6 монографий, в области истории духовной культуры России и древнерусского искусства. E-mail: panp@susu.ac.ru

Parfent'ev Nikolay Pavlovich, the head of the chair of art criticism and cultural science SUSU, the doctor of historical sciences, the doctor of art criticism, the professor, the honored member of science of the Russian Federation. The author more than 80 proceedings, including 6 monographs, in the field of a history of spiritual culture of Russia and old Russian art. E-mail: panp@susu.ac.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО МУЗЕЯ ИСКУССТВ И ИХ НАУЧНО- МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Н.В. Парфентьева, Н.П. Парфентьев

THE BASIC DIRECTIONS OF UNIVERSITY ART MUSEUM ACTIVITY AND THEIR SCIENTIFIC-METHODICAL MAINTENANCE

N.V. Parfent'eva, N.P. Parfent'ev

В результате анализа деятельности музейного комплекса Южно-Уральского государственного университета выявляются главные направления его функционирования: выставочно-экспозиционное, информационно-ресурсное, музейно-коллекционное. Специфика университетского музея определяет всю организацию его работы, обусловленной образовательной программой по обучению специалистов-искусствоведов, а также задачами учебного курса культурологии и учебно-воспитательного процесса для студентов других специальностей и направлений и учащихся специальных классов базовых для университета школ. Создание художественной коллекции решает задачу сохранения культурного наследия региона, приумножает национальное художественное богатство. Создание электронного ресурса из обучающих программ и методических рекомендаций к его использованию поднимает уровень художественно-эстетического образования и воспитания студенчества на современный уровень. Методическое объединение потенциала университета и ведущих деятелей и учреждений науки, культуры и искусства региона в сфере эстетического воспитания студенчества ведет к значительной оптимизации всей учебно-воспитательной деятельности вуза.

Ключевые слова: художественный музей университета, информационно-образовательная и воспитательная работа, научно-методическое обеспечение деятельности

In the result of the analysis of activity of Museum Complex of the South Ural State University, its main directions of functioning are revealed. They are the following: exhibition function, informational-recourse function, and museum-collective function. The specific character of the University museum determines the full organization of its work, which is conditioned by the training programme of specialists-art critics, and also by the aims of study course of Cultural Studies, part of educational process for the students of other specialties and for the students of special classes, which are basic for the University's schools. Creation of the artistic collection is the key to cultural heritage preservation of the region and increases national artistic richness. Creation the multimedia resource, including training programmes and methodological guidelines will raise the level of artistically aesthetic education and development. Methodological unification of University potential, potential of leading figures and institutions of science, culture and art of the region in the field of aesthetic education of students, leads to significant optimization of the whole educational-training activity of the University.

Keywords: Art museum of the University, educational-training activity, scientific-methodological supply of activity.

Осуществляемый в университете процесс образования диктует необходимость расширения сферы художественно-эстетического воздействия подлинного искусства на студенчество, воспитание его на высоких художественных образцах, что особенно актуально в русле решения стоящих перед обществом проблем гармонизации личности, снижения социальной напряженности, воспитания нравственной и эстетической культуры студенчества. Одной

из форм достижений данной цели является деятельность университетского художественного музея. Научно-методическое обеспечение деятельности такого музея в соответствии с его концепцией и сложившейся практикой позволит расширить научно-методические и информационно-коммуникативные компетенции университета, направит их на улучшение образовательного процесса, на подготовку кадров высшей квалификации и в целом на повышение

социально-общественного значения университета в формировании региональной сферы культуры. Обобщение опыта работы Зала искусств формирующегося художественного музея Южно-Уральского университета позволяет выявить основные направления его научно-методической деятельности.

Прежде всего обратимся к концепции научно-методического обеспечения деятельности университетского Музея искусств, которая стала основой дальнейшего развития данного направления научно-образовательной и воспитательной работы. В основе концепции заложена идея оптимизации учебного процесса средствами активного проведения информационно-выставочной работы, осуществляемой в сотрудничестве университета с ведущими художественными музеями региона и страны, с учреждениями и организациями культуры и искусства, с выдающимися деятелями искусства.

Деятельность Музея искусств представлена тремя крупными направлениями: выставочно-экспозиционной, информационно-ресурсной и музейно-коллекционной, что нашло отражение в его структуре. Музей включает: Выставочный Зал искусств Южно-Уральского государственного университета, Информационно-образовательный центр «Виртуальный филиал Государственного Русского музея» («Пушкинский Зал»), Лабораторию искусствознания. Музейный комплекс оснащен мультимедийной аппаратурой, собственной библиотекой, имеет выход в интернет, а также хранилище музейной коллекции. Музей искусств имеет статус научно-образовательного и культурно-просветительского центра университета, а также научной и учебной лаборатории кафедры искусствоведения¹.

Спецификой работы университетского музея является то, что в качестве основополагающей и первостепенной (собственно музееобразующей) функции определена учебно-образовательная, тогда как в классическом музее такой базовой деятельностью является работа по созданию и дальнейшему комплектованию музейной коллекции. Подобная специфика функционирования университетского музея определяет всю дальнейшую организацию работы, осуществляемой в специфическом функциональном контексте. Информационно-выставочная деятельность, состав создаваемых коллекций обусловлен образовательной программой по обучению специалистов-искусствоведов, а также задачами учебно-образовательного курса культурологии и учебно-воспитательного процесса для студентов всех факультетов вуза и специальных классов базовых для университета школ. Таким образом, деятельность Музея искусств определяется целым комплексом целей и задач общеуниверситетского уровня.

Первый уровень — это организация в университете выставочно-экспозиционной деятельности. Для организации и проведения этой работы предназначен специально оборудованный выставочный Зал искусств. Экспозиции выставок формируются из собраний ведущих художественных музеев регио-

на и страны, что дает уникальную возможность экспонирования выдающихся произведений, составляющих золотой фонд отечественного национального наследия. Данное ведущее направление в организации выставок классического искусства можно определить как академическое. Следующее направление, отражающее живое дыхание современного художественного процесса — это организация выставок работ из мастерских и собраний современных художников. Они могут носить как монографический, так и тематический характер. Еще один пласт современной художественной культуры — фотоискусство — дает большие возможности установления международных контактов, знакомство с миром современности. Так как выставочная деятельность протекает в университете, то обязательной частью работы должна стать демонстрация любительского творчества (высокого уровня) преподавателей, сотрудников и студентов университета художественных специальностей. Спецификой деятельности Зала искусств также является работа на стыке информационно-выставочного и учебно-образовательного направлений. Этот ракурс особенно ярко может найти отражение в тематике юбилейных выставок, например, посвященных юбилею выдающихся деятелей искусства (например, в Зале искусств Южно-Уральского государственного университета прошли выставки, посвященные Рембрандту, Гоголю, Есенину, Цветаевой) или в тематике, близкой университетской жизни (например, «Гравированный портрет ученых-естествоиспытателей XVI—XIX веков из собрания Г.Ф. Оттена», «Нобелевские лауреаты в Южно-Уральском университете. Фотовыставка екатеринбургского фотохудожника С. Новикова», «Старинная учебная книга» и т. д.).

Как видим, спецификой художественной выставочной деятельности университетского музея является ее дидактическая направленность, ориентированная прежде всего на студенчество. Это необходимый критерий отбора экспонируемого материала. В качестве яркого примера такой деятельности приведем научно-методические разработки Г.С. Трифиновой («Портреты ученых — памятники искусства европейского гравированного портрета XVI—XIX веков») и Н.В. Мухиной («Старинная учебная книга»).

Специфика работы данного направления — это также составление каталогов, организация экскурсионно-просветительской деятельности силами преподавателей, аспирантов и студентов кафедры искусствоведения и культурологи. Сложность состоит, прежде всего, в том, что необходимо вести одновременно и обучение студентов-искусствоведов основам экспозиционно-экскурсионной деятельности, и проводить практическую совместную работу преподавателей и студентов кафедры искусствоведения и культурологии по организации и проведении выставок, экскурсий, творческих вечеров, созданию информационных ресурсов, изданию каталогов для широкого круга студентов университета всех факультетов. Если кратко охарактеризовать выставоч-

но-экскурсионную деятельность Зала искусств, то она является фундаментом для развития всех уровней деятельности художественного музея: уже рассмотренной экспозиционно-выставочной, а также информационно-ресурсной и музейно-коллекционной. Последние рассмотрим более подробно.

Второй уровень общеуниверситетской работы Музея — это создание новых информационных ресурсов из обучающих программ, сконцентрированных в каталогах выставок, в медиатеке, то есть функционирования Музея как современного информационного центра, оснащенного методическим обеспечением. Основу данной деятельности составляют информационные ресурсы (медиатека) Образовательного центра «Виртуальный филиал Государственного Русского музея». Данное подразделение университета музея искусств расположено в зале, специально оборудованном мульти-медийным комплексом. Медиатека включает свыше 100 мультимедийных фильмов и интерактивных программ, созданных Русским музеем на базе его художественных коллекций, охватывающих исторический период с X по XXI век. Медиатека объединяет программы по различным темам, посвященным истории русского искусства, музейного собирательства, изучения и показа экспонатов².

Объем информации, представленной в медиатеке, расширяет возможности преподавателя вуза в подготовке материала в рамках социально-гуманитарных, художественно-эстетических, дисциплин и в целом, в построении образовательного процесса. Огромный потенциал может быть использован в полном объеме в обучении студентов в соответствии с планами и стандартами высшего профессионального образования, он адаптирован к особенностям построения специализированных авторских лекционных курсов и позволяет раскрывать явления, которые составляют основу региональной образовательной среды. Именно поэтому основной задачей стала разработка научно-методических рекомендаций по систематизации мультимедийной базы ГРМ и формированию отдельных разделов в зависимости от степени распространенности курса и представленности теоретического материала гуманитарной дисциплины.

После тщательного анализа каталога медиатеки ГРМ и изучения основных подходов к оформлению теоретического и практического материалов в виде мультимедийных фильмов и интерактивных программ выявилась необходимость выделения трех приоритетных направлений: общеобразовательного, социально-гуманитарного (культурологическое, художественное) и узкоспециализированного (искусствоведческое). Отдельным блоком можно выделить программы по организации занятий для детской аудитории, в том числе, по методикам работы с детьми, разработанным Российским центром музейной педагогики и детского творчества. Аспирантом кафедры искусствоведения и культурологии Е. Логиновой разработана система навигации по информационно-мультимедийным ресурсам медиатеки ГРМ. Это

подборка наиболее полезных, с точки зрения образовательного процесса, программ, отобранных для конкретного курса, либо отдельной гуманитарной дисциплины, что позволяет как преподавателю, так и студенту легко ориентироваться в информационном пространстве медиатеки Русского музея, и экономить время на поиске нужного материала.

Помимо методического обеспечения работы с уже существующей медиатекой необходимо пополнять ее ресурсную базу новыми мультимедиа программами. Они могут выполняться на основе размещения в виртуальном и сетевом пространстве реальных выставок университетского выставочного Зала искусств. Данный продукт будет во многом выполнять функции каталога художественной выставки. Средства современных компьютерных и сетевых технологий позволяют расширить возможности подобного «каталога» до научного электронного издания, сохранив при этом его иллюстративность и наглядность. Речь идет о новых мультимедийных программах. Издание программы планируется в двух вариантах: первый на электронном носителе (компакт-диск), в котором программа предстанет в наиболее полном виде. Второй, усеченный, может быть представлен в сети интернет.

В целом, подобные мультимедиапрограммы служат не только введением в тему выставки, но раскрывают концептуальные замыслы куратора. Программы дополняют экспозиционный ряд электронными изображениями музейных предметов, которые невозможно выставить по причине нехватки площадей или по условиям хранения (например, графики). Интерактивные программы дают возможность освободить пространство художественной выставки от печатного текста аннотаций и в то же время дать наиболее полную информацию об экспонатах. Масштабные мультимедиапроекции и инсталляции, возможно использовать как прием экспозиционного дизайна. Реконструкции утраченных предметов и модели незавершенных художественных объектов становятся самостоятельными электронными экспонатами наряду с живописью, графикой и т. д. Кроме того, создание подобных программ — это важный шаг в формировании электронных ресурсов в образовательной, музейной и научной деятельности.

Закономерно, что концепция научно-методического обеспечения деятельности университетского музея искусств имеет целью не только воспитание молодого поколения на лучших подлинных образцах искусства, но и создание художественной коллекции современного отечественного искусства. Этот третий уровень имеет в ЮУрГУ базу в виде формирующегося собрания произведений живописи, графики и декоративно-прикладного искусства профессиональных художников — мастеров Южного Урала XX в., а также работ художников-любителей³.

Предполагается создание двух типов художественных коллекций:

1. Образовательные — пропедевтический материал, связанный с собиранием произведений, испол-

ненных в различных материалах и техниках (по возможности используются студентами практически для усвоения курсов согласно программе: Описание и анализ произведений искусства, Введение в историю искусства; Техники изобразительного искусства; Теория искусства и др.).

2. Собственно художественные коллекции, связанные с изучением художественной культуры Южного Урала. В нее могут быть включены произведения выдающихся художников Челябинска и Челябинской области, а также произведения, типично представляющие направления, течения, характеристические особенности художественного процесса в пластических искусствах Южного Урала в новое и новейшее время.

В коллекции университетского музея могут быть включены произведения главных видов пространственных искусств: живопись, графика, декоративно-прикладное искусство, скульптура, дизайн и архитектурные проекты. Временные рамки коллекции совпадают с периодом активного развития этих видов искусства в Челябинске и на Южном Урале и охватывают XX в. и современный текущий процесс.

Собирание коллекции, классификация, хранение, публикация на выставках, в студенческих и научных искусствоведческих работах искусства края — это синтетический комплекс образовательной, музейно-исследовательской деятельности по изучению истории искусств и современного художественного процесса, монографического творчества уральских художников. Научное и творческое исследование истории художественной культуры Урала — чрезвычайно важный вклад в общероссийское искусствоведческое образование и науку. Искусствоведческая специальность ЮУрГУ получает в лице университетского музея искусства и науки фундамент для подготовки специалистов, а Университет своей деятельностью по коллекционированию, исследованию и публикации искусства Южного Урала внесет достойный вклад в изучение регионального раздела истории искусства России.

Итак, в результате анализа деятельности музейного комплекса Южно-Уральского государственного университета выявляются главные направления его функционирования: выставочно-экспозиционное, информационно-ресурсное, музейно-коллекционное. Все они тесно взаимодействуют в специфическом университетском учебно-образовательном контексте.

Подобная специфика функционирования университетского музея определяет всю организацию работы, обусловленной образовательной программой по обучению специалистов-искусствоведов, а также задачами учебно-образовательного курса культурологии и учебно-воспитательного процесса для студентов других специальностей и направлений и учащихся специальных классов базовых для университета школ. Значимость работы музея искусств состоит в том, что реализация ее результатов в рамках курса «культурология» охватывают всех студентов университета. В реализации проекта участвуют аспиранты и студенты кафедры искусствоведения и культурологии, которые имеют возможность на практике изучать основы будущей профессиональной деятельности. Создание художественной коллекции решает задачу сохранения культурного наследия региона, приумножает национальное художественное богатство. Создание электронного ресурса из обучающих программ и методических рекомендаций к его использованию поднимает уровень художественно-эстетического образования и воспитания студенчества на современный уровень. Методическое объединение потенциала университета и ведущих деятелей и учреждений науки, культуры и искусства региона в сфере эстетического воспитания студенчества ведет к значительной оптимизации всей учебно-воспитательной деятельности вуза.

Примечания

1. Подробнее о его деятельности см.: Парфентьева, Н.В. К разработке концепции выставочной и образовательной деятельности университетского Зала искусств / Н.В. Парфентьева, Н.П. Парфентьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. Искусствоведение. — Челябинск: ЮУрГУ, 2009. — Вып. 12. — С. 65—70; Трифонова, Г.С. Подлинное искусство в пространстве вуза: к формированию концепции сотрудничества университетского и государственных художественных музеев / Г.С. Трифонова // Там же. — С. 78—82.

2. См.: <http://www.virtualrm.spb.ru/mediateka>

3. См.: Трифонова, Г.С. Университетский музей науки и искусства: традиции, место и роль в современном культурно-образовательном пространстве вуза / Г.С. Трифонова // Традиции и новации в отечественной духовной культуре: сборник материалов Третьей Южно-Уральской межвузовской научно-практической конференции. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. — С. 62—69.

Поступила в редакцию 23 июля 2009 г.

Парфентьева Наталья Владимировна, декан исторического факультета ЮУрГУ, доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств Российской Федерации. Автор более 60 трудов, в том числе 3 монографий, в области истории и теории древнерусского искусства. E-mail: panv@susu.ac.ru

Parfent'eva Natalia Vladimirovna, the dean of the historical faculty SUSU, the doctor of art criticism, the professor, the honored member of arts of the Russian Federation. The author more than 60 proceedings, including 3 monographs, in the field of a history and the theory of old Russian art. E-mail: panv@susu.ac.ru

КЛАССИЦИЗМ В КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ ЮЖНОГО УРАЛА И КЛАССИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ В СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ПРАКТИКЕ*

Е.В. Пономаренко

CLASSICISM IN CULT ARCHITECTURE OF SOUTHERN URALS MOUNTAINS AND CLASSICAL LINES IN MODERN ARCHITECTURAL PRACTICE

E. V. Ponomarenko

В статье предпринята попытка анализа характерных черт классицизма в архитектуре культовых зданий Южного Урала. Рассмотрена деятельность наиболее значительных зодчих первой половины XIX века в регионе. Автор вводит в научный оборот большое количество описаний архитектурных памятников и современных сооружений. Анализ памятников и современных культовых зданий выполнен на основе архивных изысканий и натуральных обследований в Челябинской и Оренбургской областях.

Ключевые слова: *особенности раннего классицизма на Южном Урале, особенности зрелого и позднего классицизма на Южном Урале, деятельность зодчих, архитектурные памятники, современные здания в классической стилистике*

In the article the author tries to analyze the typical features of classicism in the architecture of cult buildings of South Ural. Activity of the most influential architects of the first half of the XIX century in the region has been reviewed. Author puts into circulation a big amount of descriptions of landmarks and modern buildings. The analysis of landmarks and modern cult buildings has been done basing on archive data and architectural investigations of Chelyabinsk and Orenburg regions.

Keywords: *features of early, mature and late classicism in South Ural, classical building stylistics.*

Стилевая архитектура на Южном Урале появилась во второй трети XVIII века в результате российской колонизации края. Она проходила в регионе те же этапы, что и в столицах, но иногда асинхронно. Следует признать, что распространение барокко на Южном Урале имело весьма ограниченный характер. Главным архитектурным стилем был классицизм, что характерно для многих территорий, которые активно осваивались русскоязычным населением в XVIII—XIX веках.

В произведениях классицизма Южного Урала долго сохранялись элементы барокко. Например, типичные для барокко горнозаводской зоны восьмерики завершения в церкви Сошествия Св. Духа в Кыштыме (1764—1770 г.). Подобные формы встречаются в среднеуральской архитектуре — Спасо-Преображенская церковь в селе Каширино Кунгурского района (1745 г.), не сохранившаяся Старо-Златоустовская церковь в Екатеринбурге (1755—1768 гг.). Характерные примеры больших восьмериков встречаются в архитектуре Чердыни и Верхотурья (Покровская церковь в Верхотурье (1744—1753 гг.), а также в Устюжской школе (Христорож-

дественская церковь в селе Учка Лузского района 1778 г.).

Существует мнение А.М. Раскина, что классицизм в целом на Урале «ограничен первыми пятьюдесятью годами XIX века»¹. Проведенный анализ памятников показывает, что на Южном Урале церкви в классическом стиле уже достаточно характерны в последней трети XVIII века. Запоздывание стиля, в основном, свойственно остальным типам памятников. С другой стороны в архитектуре церквей заметны барочные элементы, которые сохраняются на протяжении всех первых пятидесяти лет XIX века. Это объясняется многочисленными перестройками храмов и устойчивостью традиций в отдаленном от столиц регионе.

Периоды зрелого и позднего классицизма связаны в регионе с деятельностью архитекторов и инженеров, занимавших различные должности в Оренбургской губернии и Уральском казачьем войске (губернские архитекторы, архитекторы Уральского казачьего войска, архитекторы Казенной палаты Оренбургской губернии, архитектор Оренбургской удельной конторы и др.). Кроме того, важную роль в создании выдающихся архитектурных памятников первой половины XIX века в регионе сыграли архитекторы заводов, которые появи-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-04-85408 а/У.

лись после образования в 1807 году системы горных округов и Горного правления. Значительный вклад в формирование наследия Южного Урала внесли проекты, присылаемые из Петербурга. В основном это были «образцовые проекты», прилагаемые к планам, но встречались и заказные проекты (для Оренбурга). В частности проекты А.П. Брюллова. К сожалению, авторство многих памятников можно установить только предположительно по косвенным данным и стилистическому анализу. Особенно это касается объектов культового зодчества, источником сведений о которых, в основном, являются Епархиальные ведомости, где архитектор, как правило, не указывался.

Стилистический анализ памятников показывает, что на период зрелого классицизма приходится творчество М.П. Малахова, А.И. Постникова, И.И. Связева и целого ряда неустановленных, часто не профессиональных архитекторов. Михаил Павлович Малахов был переведен в Оренбург из Петербурга в 1809 году, и прослужил там по февраль 1815 года в должности губернского секретаря, а не архитектора. Затем он до конца жизни работал в Екатеринбурге архитектором ведомства Екатеринбургских заводов. В Оренбурге М.П. Малахов построил два здания на парадной площади для генералов и офицеров штаба, участвовал в возведении гостиного и менового дворов. К екатеринбургскому периоду творчества мастера на территории Оренбургской губернии относятся усадьба Расторгуева («Белый дом») в Кыштыме, Знаменская церковь в селе Воскресенском около Кыштыма, перестройки: дома начальника Горного округа, заводского госпиталя в Златоусте. Кроме того, М.П. Малахову принадлежит вариант иконостаса Троицкого собора в Златоусте, хотя осуществлен был проект, присланный из Петербурга.

Непрофессиональные архитекторы разрабатывали свои собственные проекты редко. Хотя такие случаи были. Например, директор Неплюевского училища в Оренбурге инженер Г.Ф. Генс спроектировал и построил здание этого училища в 1820-х годах². В большинстве случаев непрофессиональные архитекторы классицизма использовали «образцовые проекты», т. е. присланные из Петербурга.

Период позднего классицизма связан на Южном Урале с деятельностью Ф.А. Тележникова, Генриха Гопиуса и, в определенной степени, с проектами А.П. Брюллова. По проекту Эрнста Христиана Георга Сарториуса — известного на Среднем Урале архитектора позднего классицизма — была построена Вознесенская церковь в Каслях, но она нетипична для этого архитектора и стилистически ближе русско-византийскому направлению.

На этом этапе в архитектуре региона ясно обозначилась тяга к созданию монументальных архитектурных ансамблей, вносящих разнообразие в стереотипную среду регулярных городов. Наиболее интересным таким ансамблем являлся на Южном Урале Златоуст со Свято-Троицким собором (арх. Ф.А. Тележников). Ансамбли позднего классицизма в центрах городов-заводов надолго определили их облик, в отличие от административных городов, где рас-

цвет архитектуры наблюдается позже. Исключением был сам Оренбург, где ансамбль центра в основном характерен постройками периода классицизма.

Генрих (Андрей) Гопиус был архитектором Уральского казачьего войска в 1830—1840-х годах. Он был прислан из Петербурга. Основные его работы находятся в Оренбурге: резиденция военного губернатора, особняк купца А.И. Еникуцева (предположительно). Многие другие здания в городе этого периода тоже вероятно принадлежат Г. Гопиусу, но архивных данных об этом нет.

По проектам Александра Павловича Брюллова в Оренбурге были построены комплекс Караван-Сарая с мечетью и здание Благородного собрания. С начала XIX века в Оренбургской губернии наблюдается массовое строительство мечетей, число их к 1833 году достигло 1717³.

Мечеть караван-сарая в Оренбурге была построена в 1836—1846 годах. Архитекторский надзор за строительством осуществлял Г. Гопиус. Украшения минарета — «шпили железные и полумесяцы медные, через огонь вызолоченные» выполнялись по заказам в Петербурге и в Москве. Изготовление строительных материалов, их транспортировка и подсобные работы осуществлялись башкирами, назначенными из полков и кантонов. Но в строительстве самих зданий принимали участие в основном русские мастера⁴.

Заказ на проект сначала был сделан архитектору Казанского университета М. Коринфскому, но его решение не понравилось военному губернатору В.А. Перовскому, т. к. мечеть оказалась «слишком похожа на христианский храм»⁵. Таким образом, желанием заказчика явно было создание образа «мусульманского характера».

Мечеть с минаретом является композиционным центром комплекса караван-сарая, который первоначально являлся «общественным башкирским постоянным двором». Впоследствии он был превращен в канцелярию командующего башкирско-мещеряцким войском, затем в казармы, а еще позднее — в присутственные места. Комплекс представляет собой каре двухэтажных корпусов с симметрично пристроенными по горизонтальной оси симметрии одноэтажными П-образными корпусами. В центре каре находится мечеть, а в разрыве двухэтажных корпусов по вертикальной оси симметрии — ее минарет. Общие размеры комплекса с юга на север — 69,6 м, а с запада на восток — 120,5 м. Вокруг разбит парк площадью 5 га.

Само здание мечети в плане имеет восьмигранную форму. Стрельчатый купол опирается на восемь массивных контрфорсов. Грани купола обрамлены широким стрельчатым наличником, в который вписаны окна тоже стрельчатой формы. Купол покрыт железом и увенчан шпилем в виде перетекающих друг в друга уменьшающихся трех шаров с короткой пикой под полумесяцем. С севера к мечети примыкает низкий каменный тамбур, перекрытый крестовым сводом. Длительный период строительства комплекса объясняется тем, что значительное время заняла внутренняя отделка мечети. Внутри

находится мимбар, возвышавшийся на 12 ступеней от пола, который выстлан каменными плитами. Купол и прясла под окнами покрыты резными украшениями из алебаstra, выполненными мастерами из Арзамаса. В центре купола расположены две вписанные друг в друга восьмиконечные звезды, состоящие из множества рельефных лучей. Окружающая эту композицию поверхность имитирует голубое небо с восьмиконечными звездами. Также в интерьере присутствуют геометрический и растительный рельеф, полумесяцы, надписи из Корана. Акцентом интерьера является хрустальная люстра, доставленная из Петербурга.

Минарет являлся высотной доминантой комплекса. Его вертикаль отнесена на значительное расстояние (существующий ныне соединительный крытый переход относится к советскому периоду). Это сооружение в виде каннелированной колонны на белокаменном цоколе с площадкой для муэдзина и конусообразным покрытием (со шпилем и полумесяцем на шаре). Пьедестал восьмигранный с четырьмя диагональными контрфорсами. Главные грани декорированы накладными стрельчатыми арками с рустованным обрамлением. Тело колонны имеет 24 каннелюры, облицовано белыми изразцами.

Таким образом, этот комплекс решен скорее в традициях русской архитектуры, чем какой-либо азиатской школы. Он был спроектирован петербургским архитектором, а многие его ответственные детали выполнялись в столице. Основная характеристика комплекса — эклектичность. Автор пытался в объемной композиции комплекса отразить черты мусульманского зодчества, но это скорее подражание, чем следование восточной архитектурной традиции. Мусульманские детали декора являлись данью назначению здания. Даже традиционная азиатская отделка мечети выполнялась русскими мастерами и была дополнена совсем уж не характерными для мусульманского зодчества хрустальными подвесками люстры и подсвечников. Характерно, что это сочетание производило на современников самое благоприятное впечатление. В описании интерьера мечети последней четверти XIX века говорится: «люстра, убрана бесчисленным множеством небольших шестигранных хрустальных призм, такими же хрустальными частицами украшены богатые канделябры, утвержденные по углам стены. Солнечные лучи, проходя сквозь разноцветные стекла резных рам, принимают радужные различные тени и потом, переламываясь и отражаясь в несчетном числе этих кристаллов, производят необыкновенный эффект на посетителя»⁶.

Федор Александрович Тележников родился в Златоусте в 1824 году. После обучения в Академии художеств в качестве пенсионера Департамента горных и соляных дел в 1831 году он был направлен на Златоустовские заводы где выполнил генеральный план 1842 года, Троицкий собор, доменный корпус и другие здания в Златоусте, Кусе, Миассе.

Проект Троицкого собора был выполнен Ф.А. Тележниковым в 1834 году, а построен собор

был в 1835—1840 годах. Храм был эффектно поставлен на берегу пруда, куда выходила его алтарная часть. Главный вход был обращен в сторону обрывистого склона горы Бутыловки. Собор главенствовал в ансамбле площади и в целом в городе, т. к. отличался монументальными размерами и объемным решением. Его вместимость составляла три тысячи человек — четверть населения города того времени. Центричный пятиглавый храм имел отдельностоящую пятиархную колокольню высотой 72,5 м, законченную в 1848 году. Основной объем имел три равнозначных входа с шестиколонными портиками. С востока центричную композицию поддерживала крупная полуциркулярная апсида. Завершение было приблизительно равно по высоте основному объему. Пять куполов на высоких цилиндрических световых барабанах были широко расставлены. Центральный купол был значительно больше и выше угловых, что придавало завершению ступенчатость силуэта.

Можно согласиться с мнением А.М. Раскина о том, что в архитектуре классицизма Южного Урала, как и Урала в целом, причудливо пересекались традиции петербургской и московской школ. «Это проявлялось даже в архитектуре заводов, принадлежавших одним владельцам. Многогое зависело от предпочтений архитекторов, усвоенных ими традиций»⁷.

Интересно, что элементы стилистики классицизма используются и в современной архитектурной практике Южного Урала. Конец XX — начало XXI веков — это время самоидентификации отдельных регионов России, в том числе и нашего края. Этот процесс сопровождается зарождением региональных архитектурных школ. В настоящее время трудно говорить о понятии «южноуральская архитектурная школа». Тем не менее, постепенно складывается региональный вариант архитектуры в рамках общих российских тенденций. Наследие оказывает значительное влияние на архитектурную практику Южного Урала. Анализ произведений современной региональной архитектуры выявил использование архитектурно-градостроительных традиций, архитектурное цитирование, стилизацию, воссоздание архитектурных объектов.

Культовые здания являются экспериментальной площадкой формирования региональных особенностей архитектуры. Посредством культовой архитектуры этнические группы населения Южного Урала осознают свою культурную и религиозную самобытность. В настоящее время процесс формирования регионального варианта культовой архитектуры находится на начальной стадии. В условиях разрыва традиций храмостроения сложение стиля идет постепенно. Поскольку храмы всегда являются акцентами застройки эти поиски особенно разнообразны. Типичным является использование русско-византийской, неорусской и «кирпичной» стилистики конца XIX — начала XX в. Встречаются примеры культовых зданий, метод формирования которых близок модерну. Характерно, также, заимствование классической стилистики для создания современных культовых зданий.

Особенностью региона является большое количество приспособленных под культовые сооружения ранее существовавших зданий другого назначения. В этом случае, как правило, не удается создать полноценный архитектурный образ. В культовом зодчестве для южноуральских стилизаций характерны неканонические заимствования. В новых проектах встречается противоречащее православной традиции расположение средств коммуникации и инженерного оборудования, например, лифтов. Современное инженерное оборудование требует дополнительных помещений, что ведет к изменению функциональной схемы плана.

Новая классическая линия встречается на Южном Урале в культовых сооружениях и в общественных зданиях. Это, как правило, очень значимые в застройке объекты. Например, «Дом памяти» в Оренбурге на проспекте Победы (арх. С.Е. Смирнов). Это центральнокупольное сооружение с тосканским четырехколонным портиком перед входом. С трех остальных сторон общий для всего здания антаблемент поддерживают тосканские пилястры. Все четыре портика имеют треугольные фронтоны, профили карнизов и наличников тоже классические.

Другой пример — церковь Иоанна Богослова в селе Черный отрог Саракташского района Оренбургской области. Композиция и декор точно повторяют формы неоклассицизма начала XX в. Храм центральный однокупольный с глубоким пристроенным западным приделом, на котором расположена колокольня. Завершение — полусферический купол на мощном световом барабане. С трех сторон четырехколонные тосканские портики, с четвертой — алтарная апсида, декорированная тосканскими пилястрами. Колокольня тоже классических форм, двухъярусная, перекрытая куполом с главкой.

Кроме стилизаций точно повторяющих композицию и декор классицизма, на Южном Урале распространены очень вольные стилизации («под классицизм»). Например, церковь Св. Михаила в с. Ефимовка Курманаевского района Оренбургской области или церковь Рождества Пресвятой Богородицы в поселке Варна Челябинской области. Последняя имеет трехчастную структуру «кораблем» и пристроенную колокольню. С северного фасада существует второй вход с крыльцом, а с юга его нет. Двухъярусный четверик увенчан пятиглавием, еще одна маленькая главка расположена на мощной полуциркулярной апсиде. Колокольня двухъярусная

с шатровым завершением. Стены здания мерно членятся утрированными пилястрами, на которые опираются накладные арки. Несмотря на некоторую «вольную живописность» деталей и композиционных схем, храм обладает хорошими пропорциями и создает классический образ.

В целом можно констатировать, что в памятниках классицизма Южного Урала прослеживается смешение классических и фольклорных элементов в декоре. Для южноуральского классицизма характерно: упрощение рисунка ордера, например, профилей карнизов; применение необычных эклектичных декоративных элементов вместо ордерных форм, например, раскрепованные плиты вместо капителей, горизонтальные пояски на стволах колонн, модульоны неклассического типа; использование внешних мотивов древнерусской архитектуры, например, ниш и наличников; применение местных материалов — чугуна, камня-плитняка и др.

Для современной южноуральской архитектуры характерно несоответствие между мощным стремлением «снизу» возродить «дух места», глубинные этнические традиции и культуру с одной стороны и недостатком профессиональных знаний с другой. Архитекторы-практики еще недостаточно знают и учитывают региональное архитектурно-градостроительное наследие. Архитекторов-реставраторов как таковых в регионе единицы. Исчезла аттестация реставраторов. Все это сказывается на непоследовательности поисков в архитектуре культовых зданий. Тем не менее, классическая линия в архитектуре церквей в настоящее время представляет собой интересное явление, требующее дальнейшего развития.

Примечания

1. Раскин, А.М. Классицизм в памятниках архитектуры Свердловской области / А.М. Раскин. — Екатеринбург : НИИМК, 2007. — С. 6.
2. Дорофеев, В.В. Архитектура г. Оренбурга XVIII—XX веков / В.В. Дорофеев. — Оренбург : Южный Урал. — 2007 — С. 73.
3. Халитов, Н.Х. Мусульманская культовая архитектура Волго-Камья с IX до начала XX вв.. дис. ... докт. арх. / Н.Х. Халитов. — М., 1992. — С. 154.
4. ГАОО (Государственный архив Оренбургской области). Ф. 11. Оп. 9 Д. 71.
5. ГАОО Ф. 6. Оп. 11. Д. 511.
6. Дорофеев В.В. Указ. соч. — С. 83.
7. Раскин А.М. Указ. соч. — С. 7.

Поступила в редакцию 23 июля 2009 г.

Пономаренко Елена Владимировна — кандидат архитектуры, доцент кафедры «Искусствоведения и культурологии» ЮУрГУ. Область научных интересов: история и теория архитектуры и градостроительства, реставрация и сохранение памятников архитектуры, градостроительство и архитектура Южного Урала в XVIII — начале XX вв. E-mail: evpon@mail.ru

Ponomarenko Elena Vladimirovna — candidate of science in Architecture, associate professor of the Art Criticism and Cultural Studies department of SUSU. Professional interests: history and theory of architecture and urban planning, restoration and conservation of architectural monuments, urban planning and architecture of South Ural in XVIII — beginning of XX centuris. E-mail: evpon@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КРИТИКА В СИБИРСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕЧАТИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Л.Р. Строй

THE ARTISTIC CRITIQUE IN PRE-REVOLUTIONARY NEWSPAPERS OF SIBERIA AND ITS INFLUENCE TO ARTISTIC EDUCATION

L.R. Stroy

В исследовании рассматриваются процессы развития художественной критики и становления художественного образования на материале дореволюционных газет Сибири. Изучено влияние критики на организацию художественных школ в Иркутске, Томске и Красноярске. Проанализированы общие и специфические черты развития художественного образования в каждом из трех сибирских городов.

Ключевые слова: художественная критика в Сибири, дореволюционная пресса, особенности художественного образования.

This article describes the processes of development artistic critique and formation artistic education via materials of pre-revolutionary newspapers of Siberia. There is explored influence of critique to artistic schools which were organized in Irkutsk, Tomsk and Krasnoyarsk. There is also analysis of peculiar features of development artistic education in those cities.

Keywords: Siberia art critique, pre-revolutionary media, art education peculiarities.

Художественная критика является необходимым элементом процесса развития искусства и влияет на формирование культуры общества. Играя в социуме «роль «обратной связи», критика превращает в самостоятельную форму объективной деятельности ту оценивающую активность, которая как необходимый компонент заключена в процессе восприятия произведения искусства»¹. Важность этого механизма требует изучения теоретических и исторических основ отечественной художественной критики. Определенные этапы художественной критики Москвы и Петербурга уже введены в научный оборот, но процессы сложения и развития художественной критики Сибири дореволюционного периода практически не изучены.

Без этих знаний невозможно целостно восстановить картину художественной жизни региона, определить специфику выставочной деятельности, высветить основные этапы развития провинциального художественного образования. Информация об этих процессах содержится на страницах дореволюционной прессы Иркутска, Томска и Красноярска.

Томск в конце XIX века был столицей «интеллигентной Сибири»; по складу общественной жизни, по обилию учебных заведений и ученых и благотворительных обществ это, по значению, в Сибири главный город»². Торговой столицей региона в то время был Иркутск, будучи и самым крупным городом по уровню населения (60 тысяч человек). Крас-

ноярск был городом с блестящим будущим, благодаря выгодному географическому положению в центре Сибири. Эти мегаполисы, имея собственную историю развития искусства, были связаны политически, экономически, творчески. Они активно влияли на развитие друг друга и определяли характер общесибирских культурных процессов, в том числе, в области сложения и развития художественной критики.

Зарождение провинциальной художественной критики Сибири связано с выпуском первых местных газет в 1860-е годы. Вместе с указами, отчетами, справками здесь стали размещать объявления на подписку периодических столичных художественных изданий. Так информация об изобразительном искусстве стала «проникать» в Сибирь.

Не менее значимыми для просвещения читателей в области искусства были материалы, заимствованные из других источников, в основном из столичной прессы: о русских художниках (Сурикове, Репине, Врубеле, Серове и др.), о передвижных выставках. Это подвело сибирскую интеллигенцию к мысли о необходимости проведения местных художественных выставок.

В 1880 году неизвестный обозреватель иркутской газеты писал о важности устройства выставки в Иркутске или Томске с тем, чтобы дать провинциальному обществу «случай порадоваться радостью не личной, а общей с целою массою людей»³.

Подобных высказываний в сибирской прессе становилось все больше, а с этим стала очевидна проблема, что «Сибирь бедна доселе художниками и художественными произведениями»⁴.

Местные мастера, выучившись в столице, не возвращались в провинцию, поэтому назрела необходимость в местном художественном образовании. Сибирские издания отмечали, что столичное искусство «... касается мало особенностей нашего быта..., напротив перед нами рисуют очень часто картины, которые для нас чужды и не знакомы...»⁵. Известный автор в 1884 году иронично писал в связи с этим о картине И.Е. Репина «Не ждали»: «Фигура возвратившагося всклокоченная, в крестьянском азяме, с рваной шапкой, лицо странного, почти ужасного вида. Все это, конечно, истолковывается страданиями и «ужасной Сибирью», жалко только, что фигура в русском азяме, какого в Сибири не носят»⁶.

Журналисты, писавшие о художественном образовании в Сибири как о назревшей проблеме, отмечали, что «все начинания в этой области, а их было не мало в разных городах Сибири, скоро глохли и сами собой прекращались, не оставляя сколько-нибудь заметных следов своего существования»⁷. Ситуация разрешилась в 1910 году, когда в трех городах региона были учреждены художественные школы.

В январе в Красноярске были открыты Рисовальные классы, в сентябре в Иркутске была создана частная школа. Томская школа рисования и живописи организовывалась в марте, а потом в ноябре 1910 года. У этих трех начинаний есть общие и специфические моменты в истории развития. Обозначим наиболее важные.

Во-первых, художественное образование Иркутска, Томска, Красноярска складывалось благодаря настойчивому вниманию художественной критики к этой проблеме. К началу XX века, когда Сибирь, соединенная с центральной частью России водными и железнодорожными магистралями, перестала ощущать себя отдельным пространством внутри страны, понадобилось искусство, чтобы творческими силами «врасти» в тело государства и показать, что «русского азяма» в Сибири не носят. Назрела потребность в местных художественных силах, которые, выучившись, не уехали бы из региона. Более того, не все сибиряки могли получить образование в столице и иногда газетчики специально обостряли проблему, приводя в пример трагические случаи. Такова история молодого красноярца Иннокентия Александровича Минаева. Он хотел быть художником, но не найдя средств уехать учиться, «покончил свою жизнь выстрелом из револьвера в сердце. По отзывам компетентных лиц, в лице Минаева Красноярск мог бы дать обществу второго Сурикова»⁸.

Во-вторых, идея организации художественной школы была общесибирской, постоянно «подогре-

ваемой» прессой. Поэтому неудивительно, что в трех сибирских городах это событие произошло одновременно — в 1910 году.

В Иркутске идея организации художественной школы «вынашивалась» долго. Одним из первых сибирских художников, который мечтал об этом, был живописец Песков Михаил Иванович. В 1864 году в возрасте 30 лет он умер и воплотить эту идею в жизнь удалось лишь в 1900 году Верхотурову Николаю Ивановичу. Через год школа была закрыта из-за нехватки средств. В сентябре 1906 года были открыты частные классы рисования и живописи Алексеем Федоровичем Лытневым. Он получил разрешение от Министерства Императорского Двора, но «без общеобразовательных наук и особых прав»⁹. Позже художник хотел ходатайствовать о возможности выпускать дипломированных учителей рисования и живописи после 4-летнего курса обучения, но в октябре 1907 года школа была закрыта из-за недостатка учеников.

В сентябре 1910 года в Иркутске художником Копыловым Иваном Лавровичем была открыта частная художественная школа — класс рисования и живописи. Занятия проходили в доме педагога. Он разрабатывал индивидуальную программу каждому начинающему художнику, в зависимости от его способностей. Помимо занятий по рисунку, композиции, живописи, Копылов «стремился дать ученикам историю стилей, понимая стиль как пространственную и ритмическую организацию»¹⁰. После революции школа вошла в созданный Народный университет, а в 1920 году факультет живописи и ваяния университета был реорганизован в 1-ю Иркутскую художественную мастерскую-студию, находящейся под ведением губоно и руководимой Копыловым.

В Красноярске открытие художественной школы состоялось 27 января 1910 года силами городских властей и при активном участии Василия Ивановича Сурикова. Было выделено здание в центре города и приличная сумма на обустройство. Постепенно радость власти перешла в равнодушие, а позже и в раздражение. Школа, требуя вложений, не приносила дохода. Были проблемы с педагогическими кадрами. С 1910 по 1919 годы сменилось 3 заведующих учреждением. Сначала это был архитектор Чернышов Леонид Александрович, но уже 25 октября 1910 года «училищная комиссия просит Городскую Управу принять на должность заведывающего Рисовальной школой Михаила Григорьевича Костылева, приглашенного комиссией на эту должность вместо Л.А.Чернышова, в виду частых и продолжительных отъездов последнего из города»¹¹. Нет архивных документов и упоминаний в прессе о деятельности Костылева на этом поприще, но известно, что назначение это было утверждено губернатором. С 1913 года должность заведующего занимал художник Вильгельм Генрихович

Вагнер «вплоть до ее закрытия в 1919 году в связи с событиями Гражданской войны»¹².

Душой школы и ведущим педагогом с первого дня существования Рисовальных классов в Красноярске был Каратанов Дмитрий Иннокентьевич, рекомендацию которому дал В.И. Суриков. Каратанов по требованию властей разработал три варианта образовательной программы школы¹³ и воспитал несколько поколений красноярских художников. Благодаря его таланту Рисовальная школа Красноярска выстояла перед равнодушием властей, отказом Петербургской Академии художеств взять провинциальную школу под «свое крыло», частыми переездами из одного помещения в другое, скудностью учебных пособий, оттоком учащихся и строптивостью учеников, усложняющих и без того непростую ситуацию.

Критики подчеркивали слабый уровень первого выпуска школы. Газеты писали, что на отчетной выставке, проходившей 27—30 января 1912 года «картины, рисунки и чертежи подобраны очень плохо. Выставлено около 250 картин и рисунков и около 50 чертежей, но хороших рисунков и чертежей немного; большинство их выполнено неумело и неряшливо и благодаря этому вся выставка производит на посетителя впечатление неряшливой мази. Нас удивляет погоня устроителей выставки за количеством выставленных предметов в ущерб их качеству, что вряд ли послужит интересам школы»¹⁴.

На отчетной выставке 26—28 декабря 1914 года 5 учащихся из 17 отказались выставлять свои работы, «несмотря на письменные и устные увещания г. заведующего»¹⁵. Тем не менее, была представлена 531 работа Ефремова, Лаврова, Воцакина, Грехова, Ильина, Устюгова, Пирожникова и других. 9 произведений Ефремова, Лаврова, Воцакина были куплены предпринимателем, меценатом и Председателем Попечительского Совета школы Петром Ивановичем Гадаловым. В 1915 году он отказался участвовать в жизни художественного учреждения, указав «на полную бесполезность рисовальной школы в том виде, в каком она находится в данное время, т. к. школа не дает никаких прав и практических познаний»¹⁶. Гадалов предложил передать учреждение в ведение министерства торговли и промышленности, внести кардинальные изменения в общие положения и устав школы, а в программу включить такие предметы, как керамика, валяние, художественно-гончарное производство, иконопись, орнаментика. Кроме того, им был поставлен вопрос о необходимости «оканчивающим курс школы давать права и диплом учителя рисования»¹⁷, отсутствие которого объясняет малочисленность учащихся.

Предложения Гадалова остались без внимания, но художественная жизнь в Красноярске постепенно набирала силу. Выставки стали организовываться на новом уровне, как например, первая сибирская выставка картин и скульптуры 1916 года. Сюда стянулись

мощные художественные силы региона «в попытке положить начало к объединению местных, сибирских художников и в том, чтобы ознакомить сибирское общество с их творчеством»¹⁸. Это событие состоялось 23 февраля — 7 марта и 276 работами представило творчество 18 мастеров, среди которых были преподаватели и учащиеся Рисовальных классов Красноярска и художественной школы Томска.

В 1909 году в Томске было организовано Общество любителей художеств (ТОЛХ). Его члены, будучи художниками, критиками, педагогами смогли поднять культурный уровень города на небывалую высоту в Сибирском регионе.

Действуя активно и самостоятельно, члены ТОЛХ арендовали небольшое здание и 3 марта 1910 года рисовальные классы были открыты. Здесь безвозмездно преподавали художники Щеглов и Воронина. Но количество желающих превысило возможности школы, не хватало места в помещении, учебного материала и т. д. Поэтому 15 ноября 1910 года в Томске были повторно открыты классы рисования и живописи, но уже на другом профессиональном уровне. Руководителем и преподавателем школы стал художник Семен Маркович Прохоров. Его учитель И.Е. Репин пожелал «в добрый час начать большое художественное дело в отдаленном крае»¹⁹. Приезжий художник органично влился в мощный творческий коллектив ТОЛХ.

Работа томских художников освещалась местными газетами «Сибирская жизнь» и «Сибирское слово», поддерживалась городскими властями и Петербургской Академией художеств. В 1912 году ТОЛХ получило субсидию на расходы от Академии²⁰, а в марте 1913 года Петербургская Академия художеств безвозмездно отправила в художественную школу Томска гипсы и оплатила их пересылку.

В 1913 году из Томска по разным причинам уехали видные художники: С.М. Прохоров, М.М. Щеглов, Л.П. Базанова, А.С. Капустина. Эти потери оказались невосполнимыми и уже через год сами члены общества констатировали кризис в своей работе: снижение количества учащихся в школе и членов ТОЛХ, уменьшение количества выставок и падение их художественного уровня. Появились негативные отзывы в прессе, подрывающие имидж Общества. Ситуацию осложнили, но не разрушили политические события в стране, а 1 мая 1918 года в Томске состоялось официальное открытие первой Сибирской Академии художеств.

Как мы видим, художественное образование в каждом из трех сибирских городов развивалось самостоятельно, но в едином временном и содержательном потоке. Это позволяет обозначить третью общую черту, характерную для развития исследуемых школ.

Итак, художественные образовательные учреждения в регионе отличались лояльностью к возрасту и социальному положению учащихся. Томская школа была «свободной и открытой для всех желающих, без

каких бы то ни было ограничений и зависимости от общеобразоват. ценза, возраста и т. п.»²¹. В 1911 году здесь обучалось 76 человек, из них 57 мужчин и 19 женщин. Самому младшему ученику было 10 лет, самому старшему 36 лет. Больше всего среди обучающихся было 17-летних (8 человек) и 19-летних (7 человек). Пестрым был национальный состав: русские, евреи, поляки, немцы, латыши и калмыки.

В 1910 году количество начинающих художников в Томске было почти в 2 раза больше чем в Красноярске (87 и 43 человека соответственно), а далее в 1914—1915 учебном году в столице Енисейской губернии желающих учиться рисовать было на 2 человека больше чем в Томске (32 и 30 человек соответственно) на фоне общего спада интереса к художественному образованию.

Стоит отметить, что в течение каждого учебного года количество начинающих художников в Красноярске постоянно менялось. Из письма Гадалова в Городскую Управу видно, что в сентябре 1913 года в школе обучалось 37, в октябре 44, в ноябре 19 учащихся²². В декабре 1913 года в Рисовальных классах занималось 17 человек. Меценат писал, что «причиной бегства учеников попечительный совет считает высокую плату 15 р. в год и чтобы привязать учащихся просит городскую думу уменьшить оплату до 10 р. год»²³. В 1913 году стараниями Гадалова стоимость обучения была снижена до 10 рублей в год. Немаловажно, что 17 февраля 1910 года красноярский меценат Андрей Андреевич Саввиных выделил 30 рублей в год «в виде стипендии за право обучаться в рисовальной школе за двух, более нуждающихся и заслуживающих, по усмотрению преподавателей, учеников этой школы»²⁴. Таким образом, с 1914 года уже 3 ученика могли обучаться на стипендию Саввиных. В Томске меценат С.И. Касаткин в 1915 году предложил финансовую поддержку классам рисования и живописи и в благодарность был избран почетным членом ТОЛХ.

Отсюда мы переходим к четвертой общей черте в развитии сибирских художественных школ — влияние благотворительности на развитие художественного образования.

В вышеизложенных процессах творческую деятельность осуществляли местные власти сибирских городов, чтобы привлечь финансы и интерес горожан к работе рисовальных школ. 6 января 1912 года был организован «в пользу Красноярской рисовальной школы художественный бал “В сказочном царстве”»²⁵ с карнавальным шествием, который посетили более 80 человек.

Еще масштабней работали в Томске. С 9 сентября 1912 года ТОЛХ проводило воскресные рисовальные вечера для всех желающих, с чтением книг и музыкальными номерами²⁶. Также организовывались вечера памяти о великих русских художниках. Один из самых памятных состоялся 21 ноября 1912 года в честь Валентина Серова. Сначала лекцию прочита-

ла Л.П. Базанова о жизненном и творческом пути художника, затем «С.М. Прохоров поделился с присутствовавшими своими впечатлениями от личного знакомства с Серовым»²⁷. В конце 1912 года члены правления ТОЛХ провели костюмированные вечера, инсценируя культурно-исторические эпохи: Древний Египет, Древняя Греция, Средневековье и т. д. По мнению устроителей это «оживляло» деятельность ТОЛХ и знакомило горожан с историей искусств.

Пресса (особенно томская) освещала работу художественных школ в сибирских городах в самых различных ракурсах. За этим пристальным взглядом журналистов и критиков видится искреннее желание успеха начатого дела и трогательный провинциальный дилетантизм в вопросах художественного творчества. И если до 80-х годов XIX века короткие заметки об искусстве писали анонимные журналисты, то в 1880-х годах краткие обзоры становились подробными статьями с названиями, подписанные авторскими инициалами (в конце века многие журналисты подписывались заглавными буквами имени и фамилии). В начале XX века появляются имена первых художественных критиков Сибири, среди них Шевич, Адрианов, Кэнт, Аниш, Байкалов, Потанин, Крутовский, Прохоров, Базанова, Щеглов, Ткаченко и др. Многие из них были профессиональными художниками.

С 1917 года революция поставила перед искусством новые задачи и художественная критика должна была способствовать партийному воздействию на развитие и формирование социалистического искусства. Властью была разработана программа работы по вопросам искусства и сформулировано направление деятельности: «Долой старое искусство, служившее капиталу — да здравствует новое искусство, как факел, освещавший путь к мировой трудовой коммуне»²⁸. В трансформировавшемся пространстве культуры менялись ориентиры искусства, интонации художественной критики и система ценностей художественного образования.

Примечания

1. Каган, М.С. Искусствознание и художественная критика. Избранные статьи / М.С. Каган. — М. : Петрополис, 2001. — С. 108.
2. Кузичева, А.П. Театральная критика российской провинции: 1880—1917: коммент. антология / А.П. Кузичева. — М. : Наука, 2006. — С. 293.
3. Ядринцев, Н.М. Предстоящее трехсотлетие Сибири / Н.М. Ядринцев // Сибирь. — 1880. — № 9.
4. Хроника // Восточное обозрение. — 1887. — № 3.
5. Сибирская жизнь, как почва для искусства // Сибирь. — 1880. — № 6.
6. Хроника // Восточное обозрение. — 1884. — № 11.
7. Адрианов. Классы рисования и живописи // Сибирское слово. — 1911. — № 43.
8. Хроника // Восточное обозрение. — 1884. — № 13.
9. Лыхин, Ю.П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века) / Ю.П. Лыхин. — Иркутск, 2002. — С. 174.

10. Муратов, П.Д. Художественная жизнь Сибири 1920-х годов / П.Д. Муратов. — Л. : Художник РСФСР, 1973. — С. 20.
11. Государственный архив Красноярского края. Ф. 161. оп. 1. Д. 160.
12. Художники земли красноярской: каталог. — Красноярск · Поликор, 2007. — С. 8.
13. Государственный архив Красноярского края. Ф. 161. оп. 1. Д. 160.
14. Местная жизнь. Выставка в рисовальной школе // Сибирская мысль. — 1912. — № 69.
15. Красноярск 25 июня 1914 года. Красноярская рисовальная школа // Енисейская мысль. — 1914. — № 136.
16. В рисовальной школе // Сибирская мысль. — 1915. — № 42.
17. Там же.
18. Байкалов, Ст. На выставке картин / Ст. Байкалов // Сибирская мысль. — 1916. — № 30.
19. Потанин, Г. Культурная жизнь в Томске в 1912 г. / Г. Потанин // Сибирская жизнь. — 1913. — № 31.
20. Об-во любит. художеств // Сибирская жизнь. — 1911. — № 249.
21. В обществе любителей художеств // Сибирское слово. — 1910. — № 11.
22. Государственный архив Красноярского края. Ф. 161. оп. 1. Д. 160.
23. Рисовальная школа // Енисейская мысль. — 1913. — № 254.
24. Государственный архив Красноярского края. Ф. 161. оп. 1. Д. 160.
25. Объявление о художественном бале в пользу Красноярской рисовальной школе // Сибирская мысль. — 1912. — № 5.
26. Томская жизнь. В обществе любителей художеств // Сибирская жизнь. — 1912. — № 202.
27. В.А. Серов / Вс. К. // Сибирская жизнь. — 1912. — № 260.
28. Культура и революция // Красноярский рабочий. — 1920. — № 28.

Поступила в редакцию 23 июля 2009 г.

Строй Лилия Ринатовна, родилась 30 мая 1972 года в г. Целинограде (ныне г. Астана, Казахстан). В 2002 г. окончила Красноярский государственный университет, факультет искусствоведения и культурологии. В настоящее время является аспирантом Красноярского государственного художественного института.

Stroy Lilia Rinatovna, was born on May 30, 1972, in Tselinograd (now Astana, Kazakhstan). In 2002 graduated from Krasnoyarsk State University, faculty of Art Criticism and Cultural Studies. Now she is a post-graduate student of Krasnoyarsk State Institute of Art.

ВЫБРАЛ СЕЗАННА — ВЫБРАЛ СУДЬБУ... ХУДОЖНИК-ПЕДАГОГ М.М. ЛОШАКОВ: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕЛЯБИНСКА*

Г.С. Трифонова

HAS CHOSEN SEZANNA — HAS CHOSEN DESTINY ... ARTIST-TEACHER M.M. LOSHAKOV: UNKNOWN PAGES OF THE HISTORY OF ART CULTURE OF CHELYABINSK G.S. Trifonova

Впервые в историографии художественной культуры Южного Урала показывается атмосфера художественной среды Челябинска 1940-х гг., в которой, как и в целом отечественном искусстве того времени, обозначилась трагическая несовместимость искусства как творчества и искусства как выражения государственной идеологической программы, осуществляемой в границах идеологии и «метода» социалистического реализма. Конфликт системы и индивидуального творческо-педагогического метода художника М.М. Лошакова, проживавшего 1920—30-е гг. в Париже и вернувшегося на родину накануне Великой Отечественной войны, был обострен выходом известных постановлений 1946 и 1948 гг. и последовавшей за ними волной сталинских репрессий. Автор на основе конкретного материала проливает свет на качественное состояние художественного процесса 1940-х гг. в регионе.

Ключевые слова: художественная среда, художественное воспитание детей, мирискусничество, постимпрессионизм, сезаннизм, соцреализм.

It is the first time when the historiography of South Ural art depicts the atmosphere of the artistic medium of 1940's Chelyabinsk, which, as all the Soviet art of that time, specified the drastic incongruity of art as a creation and art as a means of expressing the government's ideological programme, realized through the ideology and the "method" of socialistic realism. The conflict between the system and an individual constructive method of artist M.M. Loshakov, who lived in Paris in 1920—1930 and returned to his homeland on the verge of the Great Patriotic War, was aggravated by the notorious decrees of 1946 and 1948 followed by the waves of Stalin's repressions. On the basis of specific material the author throws light on the qualitative condition of the region's artistic process in 1940s.

Keywords: artistic medium, artistic upbringing, postimpressionism, miriskusnichestvo, post-impressionism, sezannism, social realism.

В исследовании художественной среды и искусства Южного Урала имеется достаточно лагун. Из имеющихся сегодня материалов различной типологии порой трудно выстроить последовательность фактов и событий, точно и полно раскрывающую тот или иной период истории искусства региона. Тем ценнее неожиданные благосклонные жесты исследовательской фортуны, когда прерванная нить давно ушедших событий вдруг начинает связываться и раскручиваться от неожиданного толчка.

До недавнего времени в моем архиве лежала маленькая фотография, на которой запечатлен в де-

мисезонном пальто и шляпе на фоне неказистых построек пожилой человек, с низко растущими до ушей седыми волосами и восточным типом лица. Фото подарил челябинский скульптор-керамист А.П. Кудрявцев. Многозначительно помолчав, он сообщил, что у этого человека учился в детской студии, его фамилия *Лошаков*, и было известно, что он приехал в Челябинск чуть ли не из Парижа, где долго жил и работал как художник. Тогда мне показалось какой-то немислимой легендой: в Челябинске жил и работал художник из Парижа?! Помню, как однажды другой из наших современных корифеев челябинский художник-монументалист К.В. Фокин, вспоминал о старом свердловском художнике

* Работа выполнена при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям.

П.П. Хожателев¹, который также в глазах молодежи осуществлял некую непрерывную связь искусства дореволюционного с другим временем и искусством — советским.

Недавно к 80-летию со дня рождения известного в 1950—70-е гг. советского скульптора Л.Н. Головницкого вышла книга о нем. Автор приводит воспоминания Головницкого о начале его занятий в студии в 1943 г.² В цитате неточны даты и фамилии — своего первого профессионального художника-педагога Головницкий запомнил как Михаила Мионовича *Лошкарева*. Но остальное верно по сути: «Михаил Мионович сочетал любовь к искусству с талантом преподавателя. Ребята его обожали. Это про таких говорят: «Он меня заметил и благословил...»³. И в Саратовское художественное училище Головницкий едет по совету своего учителя.

Указанная студия, или кружок, изоискусства располагался в Доме художественного воспитания детей (ДХВД), который был создан по постановлению Челябинского облисполкома от 15 февраля 1935 г. Постановление «О работе с одаренными детьми» ценно в контексте изучения художественной среды Челябинска середины 1930-х гг., отношения власти к искусству, перспектив его дальнейшего развития, заботы о смене. В этом постановлении констатировалось: «Отмечая в результате проведенного 16 января по инициативе К.В. Рындина собеседования с одаренными детьми г. Челябинска, отсутствия систематической работы со стороны культурных учреждений и советской общественности по художественному и техническому воспитанию детей (поэты, певцы, музыканты, техники, конструкторы, моделисты и др.), президиум облисполкома постановляет:

1. Признать необходимым в Челябинске строительство специального дома художественного воспитания детей. Впредь до осуществления этого строительства обязать директора Челябстройтреста тов. Ительсона не позднее 15.IV.1935 г. приспособить и оборудовать для художественного воспитания детей специальное здание по указанию Челябинского горсовета. Предусмотреть в бюджете 1935 г. необходимые ассигнования на строительство и оборудование Челябинского дома художественного воспитания.

2. Обязать Облоно — тов. Караковского: а) обеспечить прием и вовлечение в кружки ОДХВ детей — художников, танцоров, декламаторов, а юных технических конструкторов и моделистов в кружки Областной детской технической станции; [б] для обеспечения квалифицированного руководства творческим развитием одаренных детей... привлечь лучших работников театра, художников, музыкантов, писателей, инженеров и т. д. для руководства кружковой работой.

3. В магазинах обеспечить материал для детей.

4. Предложить Челябинскому горсовету обеспечить улучшение материально-бытовых условий талантливых ребят:

— квартиры авиамodelисту Димешко (ученик 6-й НСШ) с расчетом, чтобы создать благоприят-

ные условия для успешных занятий по авиамodelизму — завод Коллющенко;

— обеспечить в декадный срок квартирой юного авиамodelиста Бородулина — завод ЧТЗ;

— гармонь, национальный костюм и ботинки татарам — учащимся Нагуманову, Гафуровой, Апаровой;

— ученице 8-й транспортной средней школы Саниной — зимнюю одежду»⁴.

Надо отдать должное дальновидности власти в ее понимании роли и значения в обществе талантливых личностей и места искусства как первейшей духовной потребности в границах рассматриваемого исторического периода.

ДХВД объединил лучшие творческие силы. Мальчики, обучающиеся рисунку, лепке и живописи у Т.В. Руденко-Щелкан, Н.А. Русакова, О.П. Перовской, прошли войну, пронесли через на всю жизнь память и заряд подлинного искусства, который учителя-художники передали юным⁵.

Этих подростков-авиамodelистов, скрипачей запечатлел в портретах-типах в образах своих сыновей основоположник живописи в Челябинске XX в. Николай Афанасьевич Русаков (1888—1941). В героизации и намеренной «футуристичности» (ориентации на будущее) образов подростков посреди просторов уральского горного пейзажа и на фоне фантастического, легкого и светлого, как мечта, города художник густыми сочными чистыми красками создает чувственно-обобщенный образ современности, ее героев, ее оптимизма и устремленности в будущее. Панегрический стиль не навязан, а искренне исповедуем как стремление к возвышенному и возвышающему действительность — к искусству.

В 1943 г., когда в ДХВД пришел мальчик, который принадлежал к следующему поколению, и которому суждено было стать символом соцреалистической монументалистики в скульптуре (1950—70)-х гг. — Лев Головницкий, этого первого поколения педагогов — представителей первого поколения советских художников-основателей Союза художников в Челябинске в 1935/36 гг. — в городе уже не было: осужден и расстрелян как враг народа в 1941 г. Н.А. Русаков, уехала в Махачкалу и возвратилась в разгар войны О.П. Перовская, навсегда покинула город Т.В. Руденко-Щелкан. В Дом художественного воспитания детей в 1943 г. поступил приехавший в Челябинск Михаил Мионович (как его звали по-русски) Лошаков.

В документах фонда Союза художников ОГАЧО за 1944 г., где приводятся сведения о появлении Лошакова в Челябинске, названо полное его национальное, еврейское, имя. В протоколе заседания правления от 17 февраля 1944 г. констатируется ряд важных для творческой биографии художника сведений: «Принят на учет Лошаков Шлеме-Мейлих, приехавший в Челябинск в 1943 из Средней Азии. До эвакуации проживал в Молдавской ССР, куда приехал из Парижа, где находился 17 лет. Пассивный художник, несмотря на неоднократное напоминание.

Работы чрезвычайно слабы по рисунку и живописи, об анатомии нет понятия, хотя отказался от посещения студии повышения квалификации при СХ. Решение: снять Лошакова с учета. Подписи членов президиума ЧОССХ: Сабуров, Юдаков, Сосновский»⁶.

Очевидна настороженность Челябинского правления Союза художников по отношению к Лошакову. Подозрительным представляется отказ рисовать с натуры, заниматься анатомическими штудиями. В русле доктрины соцреализма невозможно творчество без натуры. Воспитанный европейским искусством первых десятилетий XX в. и парижской атмосферой, Лошаков представлял тип художника, который начали искоренять из советского искусства согласно постановлениям и идеологическим кампаниям, публикациям в партийной прессе, начиная с 1936 г. Борьба с «формализмом и натурализмом, космополитизмом и низкопоклонством перед западом», отступившая перед критическим положением борьбы за жизнь и свободу отечества в годы Великой Отечественной войны, возобновилась на следующий год после Победы. Постановления ЦК ВКП(б) и публикации 1946 и 1948 гг. в центральной прессе⁷ и руководящие письма на места о необходимости расправы и осуждения художников, писателей, музыкантов, театральных деятелей — «подонков» и «отщепенцев», были подробно проработаны и обсуждены на общих собраниях творческой интеллигенции. Вот тут-то снова вспомнили о Ш.-М. Лошакове. Снятый с учета, Лошаков по-прежнему руководил изокружком в ДХВД. Видимо, по указанию свыше или руководствуясь проявленной лично А.П. Сабуровым, председателем ЧОССХ, высокой бдительностью в комиссию по обследованию работы изосектора ДХВД за 1947/48 учебный год был командирован с инспекторской проверкой челябинский художник А.Е. Тарасов, бывший фронтовик.

В своей докладной записке А.Е. Тарасов, назвав Лошакова Михаилом Марковичем, и сообщив, что возглавляющий его художник-педагог занимается с двумя группами детей с 9 утра и до 11, с 12 до 16 три раза в неделю, далее пишет: «Обследование началось с посещения его уроков... Занятия по рисунку — зарисовки с натуры фигур зверей (некрашенный гипс, чучела). ...Кроме птиц и зверей, Лошаков ставит натюрморты из девяти предметов. Перед постановкой всякого натюрморта педагогом ставится задача перед учениками. Ставится цель конкретными примерами рассказать ребятам, как эту задачу разрешить, надо дать понять ребенку, что рисовать — это значит мыслить. Педагог обязан пробуждать в ребенке интерес к предмету, неустанно побуждать в нем жажду все узнать, научить мыслить критически и творчески, дать ему почувствовать ту радость, которую приносит человеку умственная деятельность. Я считаю, что Лошаков как педагог эту функцию не выполняет.

Перед постановкой им натюрморта никакой задачи перед ребятами не было поставлено, а это

значит, что ребята слепо копируют предметы, которые они видели. Кроме того, натюрморт был перегружен предметами — девять для ребят — это почти невыполнимая задача. Лучше ставить меньше предметов, но сознательно их нарисовать, выполнить задачу до конца и постепенно. Со временем усложнить натюрморт, но не в количестве предметов, а в их сложности».

Трудно возразить против изложенной постановки задач — А.Е. Тарасов воспроизводит хрестоматийные принципы педагогики художественного воспитания. Следом за тезисами, с которыми трудно не согласиться, начинаются принципы советской школы, своего рода иерархия жанров, в которой натюрморт и пейзаж занимают второстепенные роли, а на первом месте — композиции на социальные темы. Эта система в какой-то степени снимает кальку с академического образца старой Академии художеств: известно, что с периода сезаннизма в русском и европейском искусстве портрет, пейзаж, натюрморт становятся главенствующими жанрами, в которых отражается философия пространственной пластики живописи.

«Безыдейное рисование быстро наскучивает ребенку, и есть опасность, что ребенок перестанет им интересоваться, делается апатичным и может быть случай непосещения некоторыми ребятами таких уроков.

На основании этого происходит текучесть изокружка у тов. Лошакова.

При просмотре рисунков на выставке 1947 г. к 30-летию Советской власти, мне кажется, не совсем хорошо дело обстоит с тематикой.

Например, совершенно мало композиций. Отсутствуют темы по строительству, стройке, сельскому хозяйству и процессам труда. В работах ребят преобладает натюрморт (мертвая натура). Почти совершенно нет рисунков, набросков с фигуры человека. Это уже дало отпечаток, что ребята не умеют рисовать человеческие фигуры, которые необходимо вводить в композиции как персоналии. Мало практикуется акварель, цветные карандаши. Это отражается на световом восприятии ребятами всего окружающего.

Внешкольная работа по области. Связь с областью налажена очень слабо. В Троицк, Ашу, Бродокалмак не было ни одного выезда. Т. Лошаков выезжал один раз в В. Уфалей, где узнал, что во многих школах и клубах нет педагогов по рисованию, и работа в области ведется слабо.

В одной школе Лошаков был поставлен в известность, что будут организованы два изокружка, и все другие кружки уже с намеченными педагогами. Это происходило в сентябре 1947 г. Прошло полгода, и Лошаков не знает, созданы ли эти кружки, работают ли и в чем нуждаются.

В 1947 г. проводился областной семинар т. Лошаковым. Из районов приезжали 7 преподавателей по изобразительному искусству. В I квартале 1948 г. приезжали 5 преподавателей. Лошаков объясняет причину неприезда преподавателей трудностью карточной системы.

В I квартале 1948 г. выездов у Лошакова не было.

Консультации по детскому рисунку в области проводятся очень слабо. Я смог увидеть 5—6 писем, на которые был дан ответ Лошаковым на присланные рисунки, — недостаточно убедительные и конкретные...

О художнике Лошакове.

Он долгое время жил и учился за границей, главным образом в Париже. В 1939 г. Лошаков попал в Советский Союз и во время Отечественной войны оказался в Челябинске, вступил в Челябинский Союз художников.

В творческом коллективе художников Челябинска проявил себя как низкопоклонник перед западным искусством и старался проповедовать это западное искусство среди художников Союза. Творчески не работал, на выставках не участвовал, не дал ни одного идейного произведения.

За безыдейность президиум ЧССХ т. Лошакова исключил из Союза. После чего он устроил себя в Челябинском областном доме художественного воспитания детей педагогом, где работает и по настоящее время. Т. Швец, директор областного ДХВД, не посоветовавшись с президиумом ССХ, не проверив, что за человек, приняла его на работу. Она не посчиталась с мнением президиума ССХ, как с организацией в г. Челябинске, руководящей работниками изобразительного искусства и воспитывающей их, которая несет ответственность за художников г. Челябинска (я говорю о творческих художниках). А т. Лошаков причисляет себя к разряду творческих художников.

Лошаков не художник, но ведь этого еще мало. В связи с постановлением ЦК партии и правительства о литературных журналах «Звезда» и «Ленинград», а также о кино, последнее постановление о музыке Мурадели, мы все знали, что у нас есть люди, которые преклоняются перед безыдейным западным искусством и стараются проповедовать его, тем самым повлиять на нашу молодежь.

ЦК дал жесткий отпор всяким этим элементам, протаскивающим буржуазные безыдейные тенденции. Я считаю, что Лошаков, проведший порядочную часть своей жизни за границей, впитал в себя традиции Запада и восхищается до сего времени этим безыдейным искусством, не в состоянии понять нашей идеологии — идеологии советского человека. Поэтому мы не можем согласиться допускать в дальнейшем т. Лошакова, чтобы он калечил и ломал мировоззрение наших детей. У нас есть художники, которые могут с честью выполнять эту почетную задачу.

Член комиссии по проверке работы Областного ДХВД по изосектору А. Тарасов»⁸.

Данный документ приведен целиком, за небольшим исключением, с той целью, чтобы представить типичную лексику и ход мыслей конца сороковых годов, когда любой художник и художник-педагог не был застрахован от инспекторского глаза в заданном ракурсе и мог быть осужден за свои взгляды и творческую практику.

Ш.-М. (М.М.) Лошаков в течение нескольких лет со времени его исключения из Союза художников является объектом пристального внимания представителей ЧОССХ. Причем, руководство Союза, и, прежде всего, председатель президиума ЧССХ А.П. Сабуров, проявляют бдительность, активность и предупредительность в сборе компрометирующих свидетельств. В ОГАЧО хранится письмо от некоего Ивана Андреевича Иванова из Новосибирска, написанное в ответ на запрос Сабурова, в котором автор письма излагает по просьбе Сабурова обстоятельства встречи с «гражданином Лошаковым»⁹.

«В феврале-марте 1948 г. я выполнял несколько работ для школы № 48 на ЧТЗ, где в то время был директором т. Сущинский (делал копию с картины Соколова-Скаля «Сталин на фронте»). Когда эта работа была сделана, сообщил директору, а он сказал, что в этом деле мало компетентен, что пришлет художника, который разбирается в этом. Часов в 6—7 вечера (не помню дату) ко мне на квартиру пришел гражданин Лошаков в сопровождении еще одного товарища, фамилии которого не знаю. После краткого объяснения, кто он и зачем, Лошаков спросил меня, кто я, где я учился; я сказал, как оно есть. Он попросил, чтобы я показал ему свои творческие работы: рисунки, этюды, и я это сделал. Отсюда и началась мораль.

При просмотре моих работ завязался разговор об искусстве вообще. Коснулись некоторых художников, попутешествовали по музеям и галереям. Из упомянутых — Третьяковская галерея, Музей имени Пушкина, Эрмитаж, Музей нового западного искусства (в которых и мне приходилось бывать).

Лошаков восторгался Музеем нового западного искусства, в котором, он говорил, представлено настоящее искусство, и только в нем. В дальнейшем я задал вопрос: а как же рассматривать творения Репина, Сурикова, Левитана? Лошаков заявил мне, что это не искусство, и что у них учиться нечему, а учиться можно и нужно у Сезанна. Признаться, я не знал, как себя вести, видя человека впервые, отрекомендовавшегося знатоком искусства, что он жил в Париже, что он художник.

После этого он приступил к просмотру моей картины, которая была мною сделана для школы. Лошаков авторитетно заявил, что моя работа вполне может быть допущена за исключением некоторых замечаний, которые ничего особенного не имеют.

Я не знал, как на это реагировать и на завтра же вечером пошел к А.П. Сабурову и рассказал об этой встрече с парижским художником. Излагаю в письменном виде мою встречу с гражданином Лошаковым. 29.03.1949. Иванов».

В приложенном частном письме Сабурову И.А. Иванов выражает свое отношение к Лошакову в более «непринужденной» манере: [...] Есть старые вещи, которые выглядят новостями. Это я по адресу «француза». Жаль, что не знаешь, что может случиться в будущем, не мешало бы точно воспро-

известии нашу нежелательную беседу с «художником Парижа», да ничего, это и теперь не ушло в область предания. Одно жать, что много еще таких проходимцев, подобных Лошакову. Это я говорю собственное мнение, которое у меня сложилось после нашего с ним разговора вообще и особенно на тему об изобразительном искусстве, где он горячо восхвалял новозападное искусство и особенно Сезанна. Я не критик и не могу раскладывать на лопатки Сезанна или кого другого, но Лошакова, пожалуй, и я бы руки приложил за то, что он высказал о Репине и Сурикове, что это не художники и что они делали, это не искусство. Конечно, тут объяснений не нужно о творениях Репина и Сурикова, а вот кто о них такого мнения, не мешало бы выяснить. Безусловно, Александр Порфирьевич, напишу объяснение, о котором Вы говорили и думаю, что это будет иметь пользу [...] 29.03.49»¹⁰.

Постановление ЦК 1948 г. еще были свежи в памяти, и вскоре после получения письма А.И. Иванова бдительный А.П. Сабуров пишет срочное донесение зав. сектором культпросветработы и искусств Обкома ВКП(б) В.Н. Озирному от 8.04.1949 г. В нем суммируются сведения о проверке и о высказываниях М.М. Лошакова в присутствии И.А. Иванова. Для полноты картины приведем и этот документ с минимальными сокращениями.

«Летом 1948 года в наш Союз поступили сведения, что руководитель изостудии Областного дома художественного воспитания детей Лошаков Михаил Миронович по своей работе совершенно не отвечает требованиям советского педагога рисования и, самое главное, что Лошаков является низкопоклонником перед западно-буржуазным искусством, всячески восхваляя упадническое искусство Сезанна и других художников Франции.

Одновременно с этим рабочий Кировского завода, самостоятельный художник Иванов И.А., член ВКП(б), заявил нашему Союзу, что Лошаков, будучи у него на квартире и рассматривая его работы, восторгался музеем новозападного искусства, в котором, по его убеждению, представлено настоящее искусство (?). Что же касается искусства русских художников Репина, Сурикова, Левитана и других, а также произведений советской живописи, Лошаков заявил, что все это бездарно и учиться у них нечему. Обращаясь к Иванову, он настойчиво рекомендовал ему учиться только у Сезанна.

На основании этих материалов в стенгазете СХ помещена заметка о поклоннике Сезанна Лошакове. ОК ВЛКСМ была создана комиссия по проверке работы ДХВД, в том числе изостудии. От Союза в этой комиссии работал член ССХ художник и педагог Тарасов А.Е. Материалами обследования вполне подтверждены факты, указанные выше, и Лошаков был уволен с работы в ДХВД.

Из всего сказанного ясно, что Лошаков Михаил Миронович, долгое время проживавший в Париже,

за девять лет жизни в Советском Союзе ничему не научился, художником в действительности не является, педагогом тоже, и по своим убеждениям космополит и рьяный поклонник буржуазной культуры. Однако, несмотря на это, ему каким-то образом удалось устроиться сейчас в ДК завода имени С. Орджоникидзе, где вновь ему доверили работу в изостудии и, кроме того, преподавание рисунка в школе № 49. Лошаков М.М., по нашему мнению, совершенно не может быть допущен к этой работе, а потому президиум ОССХ просит Вас указать горотделу культпросветработы и ГОРОНО о недопустимости использования Лошакова на работе в ДК и в школе № 49.

Кроме того, ССХ считает вполне целесообразным в будущем этим организациям вопросы, связанные с кадрами художников, хотя и не членов творческого Союза, обязательно согласовывать с Союзом советских художников. Председатель Челябинского ССХ А.П. Сабуров»¹¹.

В комментарии к вышеприведенному тексту отметим, что Постановление ЦК 1948 г. явилось чем-то вроде компаса, обеспечившего продвижение в поисках художников с отмеченными отклонениями от столбовой идеологии, определенными как смертные грехи: низкопоклонство перед буржуазным западным искусством, космополитизм, упадничество. Все это происходило на фоне крупных событий в искусстве и музейном деле — Музей нового западного искусства вскоре после постановлений ЦК 1948 г. был закрыт, коллекции его расформированы и перераспределены в другие музеи — Эрмитаж, Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

Действия председателя Союза художников напоминают охоту, когда гончая, взяв след, преследует жертву до конца. Так было и с Лошаковым. По неотвратимому стечению обстоятельств, художника, жившего долгое время в среде новейшего французского искусства в сердце европейского мира в первой трети XX в. — в Париже (где он, судя по приведенным цифрам, оказался в 1920 г. и прожил там до 1939 г.), судьба занесла вглубь России, на Урал, который в советское время стал образцом, эталоном, моделью советского образа жизни и мышления. И хотя в этот период инакомыслящих уже реже называли врагами народа, но было бы наивной надеждой полагать, что «француза», «художника из Парижа» здесь, в Челябинске, пощадят. Исключение художника Лошакова из сферы искусства, его реальной практики шло последовательно и неуклонно: из Союза художников, из ДХВД, из изостудии ДК завода имени С. Орджоникидзе и школы № 49.

Акт комиссии Челябинского областного Дома народного творчества в составе методистов Плотникова В.М., Васильковской З.Д. и консультанта по изобразительному искусству, руководителя изостудии ДК Тракторного завода имени Сталина художника Блажевича С.Э. отражает главную тему инспектирования — состояние работы и методы пре-

подавания в изокружке ДК ЗСО художника М.М. Лошакова, руководителем которого он является. Предмет инспектирования сформулирован достаточно определенно и по существу. Действительно, благодаря участию в комиссии С.Э. Блажевича, широко образованного художника, окончившего Академию художеств, хотя и стоящего на строго соцреалистических позициях, но способного оценить другую педагогическую систему, комиссия установила и тем самым зафиксировала метод преподавания в студии Лошакова, принятый в Европе, отличающийся от традиционной русской художественной школы. Благодаря констатирующему тексту комиссии, мы имеем сегодня возможность хотя бы в общих чертах представить этот метод.

«Комиссия установила, что во всех представленных работах (воспитанников изостудии под руководством Лошакова — Г. Т.) отсутствует стремление к передаче реального живого мира, построенное не на знании сущности предмета, а на изображении его формы в механической передаче, без изучения предмета. Такое преподавание носит характер формального подхода к изучению живой действительности. Во всех просмотренных работах не было видно тематического рисования и не нашло места отображение нашей сегодняшней советской действительности.

Это явилось закономерным, ибо воззрения, высказанные Лошаковым на предмет искусства, ясно указывают, что он придерживается в оценке искусства не русского реалистического искусства передвижников в лице Репина, Сурикова и других, и советского изобразительного искусства в лице лучших его представителей реалистической живописи, а западно-европейского упаднического буржуазного в лице французских художников Сезанна, Ван Гога, Гогена и др. Чистосердечное высказывание своих взглядов делают честь тов. Лошакову [...]. Тов. Лошаков не сумел перестроить свою работу на правильный путь и не отказался от своих позиций...

Уверения Лошакова в том, что он не преподает своих взглядов придерживаться западноевропейского искусства, несовместимы с действительностью, поскольку он от них целиком и полностью не отказывается, а наоборот, подтверждает, что это искусство является передовым (западноевропейское искусство упадочных французских художников)... Он не отказался от своих взглядов, и выходит, что постановления партии и правительства по идеологическим вопросам не являются для него обязательными. Доказательством этому служит постановка работы в изокружке дворца.

Поэтому комиссия пришла к выводу о необходимости освобождения тов. Лошакова от обязанностей руководителя изокружка дворца культуры и о замене его руководителем, который бы отвечал требованиям нашего советского реалистического искусства, построенного на принципах партийности искусства»¹².

Итак, художник и педагог Лошаков был шаг за шагом вытеснен из художественной среды. Можно предположить, что он продолжал работать у себя дома — ведь не отказался же он от своих взглядов, значит, обладал стойкостью и принципиальностью как личность и как художник. Очень хотелось бы увидеть его работы. Но сохранились ли они? Пощадила ли его судьба на какое-то время, или жизнь его после этого наступления коллег вскоре прервалась? Сегодня у нас на эти вопросы нет ответа.

Пройдет еще десятилетие, и импрессионисты, постимпрессионисты, мирискусники уже перестанут быть пугалом упадничества и формализма, художники и любители искусства ринутся в музеи на выставки, чтобы открыть заново целые пласты искусства и культуры, которых в нашем отечестве поколения были лишены из-за господства идеологических запретов.

Несмотря на то, что мы так мало знаем о Лошакове¹³, мы можем констатировать, что этот «француз», как его прозвали в Челябинске, принял участие в искусстве Южного Урала: он заронил любовь и понимание искусства в души многих юных художников, которым предстояло жить и работать уже в иных условиях — в период свободного дыхания оттепели. Среди них Л.Н. Головницкий, А.П. Кудрявцев.

В истории отечественного искусства советского периода, особенно в драматические (1930—50)-е гг., заметную роль в корректировании крайностей идеологической направленности соцреализма играли художники, получившие художественное образование в дореволюционные годы и несшие своим творчеством полноту творческого процесса в русско-европейском искусстве 1900—1910-х гг. Это преимущественно поколение художников, родившихся в конце 1870-х, 1880-е и 1890-е гг. Некоторые по разным причинам оказались в Европе, затем в конце 1930-х, другие — уже после войны возвратились на родину (вспомним яркий пример — Р.Р. Фалька). Это было самое неблагоприятное время для искусства в Советском Союзе, так как искусство канонически существовало в строгих границах «классовости, партийности, идейности, народности».

Вспомним, как диссонировала с общей направленностью советского искусства живопись позднего Фалька с ее многослойностью фактуры, красочной массы — и абсолютной дематериализацией в пейзаже и портрете.

В среде художников провинции появились такие же «возвращенцы» — напомним хотя бы о Н.М. Гущине (1888—1965), уральском художнике со столичной школой МУЖВЗ, жившем после репатриации в Саратове¹⁴. Они представляли следующее за великим русским реализмом Репина и Сурикова поколение, они отталкивались от традиции не с точки зрения нигилизма, а входя в ритмы иных пластических вибраций следующего века. Они воспринимались почти как чужаки, их боязливо сторонились или

грубо осуждали. Но их творчество как зеркальце напоминало о смысле искусства: не протокольно фиксировать видимую оболочку реальности, а постигать ее в глубине, ее скрытую глубинную сущность. Их присутствие в искусстве как бы на задворках тем не менее исподволь напоминало современникам, что истина не сиюминутна, что исследования художниками живописно-пространственной реальности — Сезанном, Ван Гогом, Гогеном, Пикассо, Малевичем и Кандинским, Татлиным и Филоновым, — не отрицать нужно и варварски бороться с уже ушедшими в иной мир художниками, а понять их наследие, адресованное потомкам, и двинуть искусство дальше. Так исподволь готовилось обновление искусства, которое началось с конца 1950-х гг. и медленно продвигалось вплоть до конца 1980-х, когда по-настоящему началась публикация мастеров русско-классического авангарда.

Понятно, что все эти процессы происходили в Челябинске в более скромных масштабах, но, как свидетельствуют приведенные документы и факты, с не меньшим накалом. Пример с совершенно забытым, сегодня почти никому неизвестным М.М. Лошаковым — яркое свидетельство прямого и безаговорочного следования партийным постановлениям 1940-х гг. в последовательном вытеснении — «обезоруживании» художника, чьи взгляды на искусство отличались от канонов соцреализма. В понимании художественной школы он был не просто последователем Сезанна, но, судя по описаниям его педагогического процесса А.Е. Тарасовым и С.Э. Блажевичем, был сторонником метода анализа формы, который приняли на вооружение художники-педагоги новой художественной школы в 1920-е гг. — ВХУТЕМАСа в Москве и ГИНХУКа в Петрограде. Блажевичу, конечно, это было ясно, поэтому его экспертное заключение отличается сдержанностью. Не разделяя формальный метод, он упрекает Лошакова в пренебрежении следовать натурному воспроизведению действительности («живого мира»). Это ясно, так как Блажевич, учась в 1920-е гг. в Академии художеств, был ярким сторонником реализма традиционного передвижнического типа, обновленного новым советским содержанием¹⁵.

Нетерпимость к другой системе художественного освоения мира (которая получила принятое всеми претворение прежде всего в дизайне), резко проявленная по отношению к художнику и педагогу М.М. Лошакову в социалистическом индустриальном рабочем городе Челябинске, стойко сохранялась в течение следующих десятилетий. В 1925 г. Маяковский в своем стихотворении «Верлен и Сезанн» саркастически-язвительно писал о восприятии современниками творчества реформатора пластической системы Поля Сезанна, давшего толчок искусству всего XX в. и на дальнейшую перспективу: «...Как под хвост вожжа, бывало от Вашего имени, Бывало — сезон, наш бог — Ван Гог, другой сезон — Сезан. Теперь ушли от искусства вбок — не

краску любят, а сан»¹⁶. И в 1940-е гг. Сезанн продолжал быть пугалом для тех, кто «большущее имя взяли АХРР, а чешут ответственным пятки». Ведь известно, что принципы соцреализма базировались и на декларации АХРР (1922—1927), преобразованной в АХР (ассоциацию художников революции)¹⁷ и просуществовавшей вплоть до 1932 г., до знаменитого постановления ЦК «ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций»¹⁸, положившего конец всем группировкам и начало единым творческим союзам.

Жаждающим свободы творчества единичным художникам стремление работать не по указке, независимо от партийного приговора, из глубины собственного мировоззрения и чувства, в кругу когда-либо живших и творивших близких мастеров, в течение (1960—70)-х гг. приходилось пробиваться в одиночку, закаляя свой характер, укрепляя творческие силы верой в то, что это нужно искусству. Но движение обновления уже захватило страну и шло в 1960-е гг. повсеместно. Однако в 1940-е адепты искусства, а не социалистического реализма были обречены. И уходили в неизвестность. Вот почему сегодня мы так мало знаем о художнике М.М. Лошакове, вложившем частичку своей любви к искусству и творчеству в юных художников, ставших известными в наши дни.

Размышляя о смысле происшедшего последовательного вытеснения художника-педагога М.М. Лошакова из художественной среды Челябинска, в котором он волею судеб оказался в 1940-е гг., становится очевидно, что дело не только в политической и идеологической ситуации, в которую художник не вписывался. Суть — в самом пути отечественного искусства, его судьбе, его движении. Ведь осуждение непатриотичности и космополитизма — это осуждение западничества, которое в русской художественной культуре является конфликтным компонентом ее развития как разрыва и продолжения¹⁹. Самосравнение с Западом, отставание, разрыв с общеевропейским развитием, рывок к уравниванию за счет разрыва со своей ментальностью и традициями, поочередные устремления космополитизма и почвенности — эти процессы можно проследить в новое время, начиная от эпохи Петра. Мирискусники к началу XX в. выступили инициаторами разрыва с отечественной традицией, сознавая слишком большое удаление русского искусства от европейского. Без их свободного обращения с европейским искусством, прежде всего французским, невозможно представить новаторство русского классического авангарда, который на короткое время в апогее разрыва связал и продолжил одновременно и русскую и европейскую культурную традицию. Интересно, что восстановление связей, разорванных в отечественном искусстве господством соцреализма 1930—50-х гг., началось с конца 1950-х — нач. 1960-х во-первых, с мирискусников; во-вторых, с импрессионистов и постимпрессионистов, и прежде всего с возвращения Ван Гога, Сезанна, Гогена.

Таким образом, история забытого художника М.М. Лошакова, сегодня извлеченная нами из архивных документов — не просто частный случай преследования художника за его принципиальные творческие и «космополитические» убеждения. Лошаков, очевидно, воспитанный в молодости под влиянием мирискуснического западничества, относился к русской реалистической живописи передвижничества как провинциальной, отставшей от других европейских школ. В этой точке зрения в равной степени столько же истины, сколько и заблуждений. Мирискусники жаждали спасения национальной школы путем прививки западничеством. Представители направлений 1900—1910-х гг. мыслили в современном искусстве свободно обращаясь равно как свои отечественные, так и европейские достижения и традиции. Каноническая суженность программы соцреализма благодаря вторжению власти в сферу искусства и его закономерностей перевела эстетические отношения в разряд чистой идеологии и политологии. Последовал разрыв, исключение, вытеснение из искусства целого ряда его представителей, крупных, выдающихся и более скромных. Это неминуемо обеднило и усложнило последующее развитие русского искусства, над которым, по словам Д.В. Сарабьянова, вечно тяготеет идея разрыва.

Примечания

1. Об уникальной личности, художнике-педагоге Павле Петровиче Хожателеве (1895—1987): Ярков, С.П. Художественная школа Урала: к 100-летию Екатеринбургского училища им. И.Д. Шадра / С.П. Ярков. — Екатеринбург: Екатеринбургский художник, 2002. — С. 138—145.
2. Золотов, А.А. Причастность. Скульптор Лев Головинский: книга-альбом / А.А. Золотов. — Челябинск: АвтоГраф, 2008. — 204 с.: ил.
3. Там же. С. 15.
4. ОГАЧО. Р-274. Оп. 3. Ед. х. 381. — Л. 91—92. Благодарю Л.В. Шубарину за указание на документ.
5. Трифонова, Г.С. Николай Русаков (1888—1941). Жизнь и творчество. «...Я смотрел зачарованным глазом» / Г.С. Трифонова. — Челябинск: Челябинская областная картинная галерея, 2004. См. раздел «Воспоминания современников» М.А. Комиссарова (С. 137), Н.Я. Третьякова (С. 141).
6. ОГАЧО. Р-802-1-6. — Л. 343. 17.II.1944 г. Заседание президиума ЧОССХ. Вопрос о Лошакове Ш.-М.
7. Речь идет об известных постановлениях ЦК ВКП(б) от 14.08.1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”»; 26.08.1946 г. «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению»; 4.09.1946 г. «О кинофильме “Большая жизнь”»; «Об опере “Великая дружба”» В. Мурадели от 10.02.1948 г. // КПСС о культуре, просвещении и науке: сб. док. — М., 1963. С. 218—222, 228.
8. ОГАЧО. Р-802. Оп. 1, Ед. хр. 9. — Л. 121—128.
9. ОГАЧО. Р-802. Оп. 1, Ед. хр. 9. — Л. 347—348.
10. Там же. Л. 345—346.
11. ОГАЧО. Р-802. Оп. 1, Ед. хр. 9. — Л. 349
12. ОГАЧО. Р-802. Оп. 1, Ед. хр. 11. — Л. 179 (акт не датирован).
13. Лошаков Михаил Миронович, 1882 г. р. Окончил художественное училище в Кишиневе, живописец. До Бесарабии жил в Париже около 18 лет. Закончил пейзаж. Предупредить, если не проявит активность в течение 6 месяцев в творческой работе, будет снят с учета (ОГАЧО. Р-802. Оп. 1, Ед. хр. 6. — Л. 173. Протокол заседания президиума Челябинского областного Союза советских художников от 17—20 янв. 1944 г. по вопросу просмотра творческой деятельности художников).
14. Николай Михайлович Гушин (1888—1965): каталог выставки к 100-летию со дня рождения / авт.-сост. Л.В. Пашкова. — Саратов, 1991. — 42 с.: ил.
15. Трифонова Г.С. Блажевич, Сильвестр Эдуардович (1898—1969): Челябинск: Энциклопедия / Г.С. Трифонова; сост. В.С. Боже, В.А. Черноземцев. — Челябинск: Каменный пояс, 2001. — С. 98.
16. Маяковский, В. Стихотворения. Поэмы. Пьесы / В. Маяковский. — М.: Худож. лит-ра, 1969. — С. 154—155.
17. Северюхин, Д.Я. Золотой век художественных объединений в России и СССР (1820—1932): справочник / Д.Я. Северюхин, О.Л. Лейкинд. — СПб.: Изд-во Чернышева, 1992. — С. 23—28.
18. КПСС о культуре, просвещении и науке. — С. 213—214.
19. Сарабьянов, Д.В. Ситуация разрыва в истории русского искусства // Сарабьянов Д.В. Русская живопись. Пробуждение памяти. — М.: Искусствознание, 1998. — С. 56—65.

Поступила в редакцию 19 июля 2009 г.

Трифопова Галина Семеновна, доцент кафедры искусствоведения и культурологии, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Челябинского областного государственного музея искусств, член Союза художников России. Область научных интересов — отечественное искусство, художественная культура и творчество художников Южного Урала, музееведение. Автор монографий, каталогов, альбомов, научных статей по указанной проблематике. E-mail: blv@susu.arc.ru

Trifonova Galina Semenovna, the senior lecturer of faculty of art criticism and культурологии, the candidate of historical sciences conducting the scientific employee of the Chelyabinsk regional state museum of arts, a member of the Union of artists of Russia. Area of scientific interests - domestic art, art culture and creativity of artists of Southern Ural, museology. The author of monographies, catalogues, albums, scientific articles on the specified problematics. E-mail: blv@susu.arc.ru

**НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПРИНЦИПЫ
В УЧЕБНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ ЮУрГУ.
НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ НАД ВЫСТАВКОЙ «ВАСИЛИЙ
АНДРЕЕВИЧ НЕЯСОВ (1926—1984). ВОССОЕДИНЕНИЕ
ВОЛЖСКИХ НАРОДОВ С РОССИЕЙ, 1948—1983:
ИСТОРИЯ НЕНАПИСАННОЙ КАРТИНЫ»**

Г.С. Трифонова, Е.С. Логинова, Я.А. Русанов

**SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL APPROACHES
AND PRINCIPLES IN EDUCATIONAL ACTIVITY OF THE SUSU ART
MUSEUM. BY THE EXAMPLE OF PREPARATION OF THE
EXHIBITION “VASILY ANDREEVICH NEYASOV (1926—1984).
REUNION OF VOLGA PEOPLE WITH RUSSIA, 1948—1983:
STORY OF NOT PAINTED PICTURE”**

G.S. Trifonova, E.S. Loginova, Y.A. Rusanov

Статья посвящена описанию и анализу авторского метода работы над выставкой произведений южно-уральского живописца В.А. Неясова, объединенных в организованной экспозиции темой картины «Воссоединение волжских народов с Россией», работа над которой заняла более 30 лет, была доведена до картона и прервалась на заключительном этапе смертью художника. Отражены этапы реализации проекта экспозиции выставки в Зале искусств ЮУрГУ во время практики студентов-искусствоведов с разработкой концепции мультимедийной программы при университетском информационно-образовательном центре «Виртуальный филиал Государственного Русского музея». На примере выставки раскрываются возможности современного образовательного и воспитательного комплекса, каковым является университетский художественный музей.

Ключевые слова: художественная культура региона, методика преподавания искусствоведческих дисциплин, исследование творчества художника В.А. Неясова, творческая деятельность студентов, мультимедийные программы в образовательном процессе, университетский художественный музей.

The article considers the description and analysis of the authors method of preparation the exhibition of the South Ural artist Neyasov V.A. paintings, united in a well-organized exposition by the topic of “Reunion of Volga people with Russia”, a painting which took 30 years to work on, had its full-size cardboard sketch ready but was not completed due to the artist’s death. Here you can find the stages of the exposition project realization in the SUSU Art Hall during the internship of art criticism students, who also developed a concept of a multimedia programme in the university’s educational center “State Russian Museum’s Virtual Branch”. By the example of the exhibition the capabilities of the modern educational facility, which is the Art Museum of the university are revealed.

Keywords: regional art, university art museum, art of V.A. Neyasov.

В современном обществе университеты занимают особое место. Являясь аккумулятором традиций в образовании и различных отраслях науки, университеты, осуществляя насыщенный образовательный процесс, способствуют устойчивому развитию общества и его ориентации на перспективу. Университеты осуществляют динамичную связь

прошлого и будущего в настоящем. Сущностными функциями и своей миссией они переключаются с функциями другого института человеческой культуры, также имеющего древние корни — музея. Обладая гибкой инновационной структурой, университеты и музеи становятся центрами изучения, обогащения и сохранения культуры и науки, уча-

ствуют в решении социальных и духовных проблем современности. В обмен на ресурсы, которые им предоставляет общество, готовя будущих специалистов особых и редких, важных и нужных обществу профессий, университеты расширяют и обогащают научно-методические подходы, активно разрабатывают и внедряют в своей деятельности новые учебно-образовательные принципы.

Открытие в ЮУрГУ в 2002 г. новой специальности «Искусствоведение» стало предпосылкой к рождению новой университетской структуры с педагогическими и творчески-воспитательными целями. Речь идет о Зале искусств, в настоящее время переживающим новый этап обогащения и углубления своей деятельности в связи с открытием университетского музея искусств.

Выставочная программа Зала со времени его открытия 8 мая 2003 г. насыщена разносторонней направленностью, призванной раскрывать перед студентами вуза сокровища подлинного классического отечественного искусства из художественных музеев страны и региона. Выставки, развертываемые в Зале, дают возможность пятидесятитысячной студенческой аудитории вуза, воспитывая вкус и способность вступать в контакт, переживать подлинные эстетические ценности — произведения искусства древнего и современного (живопись, графику, скульптуру, декоративно-прикладное и народное искусство). В индустриальном крае и самом Челябинске — традиционном центре металлургии и машиностроения, в современном мире девальвации подлинных духовных ценностей эта деятельность Южно-Уральского университета беспрецедентна по своей значимости, глубоко гуманна и перспективна.

Отрабатывая принципы и методики в текущем учебном процессе искусствоведческой специальности, мы активно используем возможности Зала искусств как места проведения занятий по описанию и анализу произведений искусства, для практики по рецензированию, практическому закреплению курсов «История искусства Урала», изучению видов пространственных искусств, теоретических аспектов изучения истории искусств, углубленному изучению творческих проблем регионального искусства и персоналий современных художников. Студенты находят в Зале искусств, в его экспозициях, темы для своих научных работ, которые успешно разрабатываются ими нередко и в выпускных научных квалификационных работах.

Одним из важнейших этапов в подготовке специалистов в области искусствознания является производственная музейная практика. Без практики молодому специалисту сложно состояться как профессионалу. Студентам-дипломникам кафедры искусствоведения и культурологии ЮУрГУ, получившим за годы обучения в вузе «багаж» теоретических знаний по специальности, предоставляется возможность на практике применить их и проявить свои

способности в качестве участников арт-проектов, экспозиционеров, экскурсоводов и исследователей творчества того или иного художника. В ходе преддипломной практики студенты получают возможность применить накопленные знания и навыки, реализоваться как будущие специалисты в выбранной области. Для этого существуют все необходимые условия: Зал искусств, оборудованный специально под выставочные проекты, руководство ведущих в регионе специалистов теоретического и практического искусствознания, а также прекрасный художественный материал, при соприкосновении с которым студенты проникаются духом творчества и погружения в будущую профессию.

В данной статье обобщен опыт работы в 2007—2008 учебном году со студентами-искусствоведами во время производственной практики заключительного года обучения. Этот опыт послужил моделью для выработки некоего алгоритма, претворения этой модели на практике — в обучении и работе со студентами в соответствующем контексте над произведениями искусства и документальными материалами. Речь идет об изучении комплекса материалов художественного и архивного наследия выдающегося южно-уральского живописца В.А. Неясова (1926—1984) и публикации их в развернутой в Зале искусств экспозиции выставки, посвященной фундаментальной работе художника, которая длилась более 30 лет и осталась незавершенной. Когда уже все было готово к тому, чтобы картина осуществилась — работа прервалась ранней смертью художника.

Переход из современности в историческую реальность — испытание на подлинность для произведения искусства и для целого творчества художника. Василий Андреевич Неясов — художник-живописец, ушедший от нас в 1984 г., чье творчество разворачивалось в 40-х — начале 80-х гг. XX в., это испытание выдерживает. Более того, чем дальше движется время от границы его жизни, тем более раскрывается во всю ширь и глубину и наполняется смыслом его творчество, открываются все новые его аспекты.

В период своей бурной деятельной жизни и мощного масштабного творчества, разностороннего по направленности и мастерству, В.А. Неясов поражал современников — южно-уральских, московских, мордовских художников, в чьей среде ему приходилось жить и работать, — своим жизнелюбием и оптимизмом, составлявшими основу его художнического мироощущения. При этом он смог осуществить гигантскую работу — прожить среди людей в жизни и в искусстве, находясь в гуще жизненных, гражданских и творческих интересов и дел своего времени, оставаясь человека из народа, неся в своем мировоззрении и этике глубинные народные традиции, не обезличенные советским кодексом ценностей, и создать огромное количество этюдов, эскизов, зарисовок, росписей интерьеров общественных зда-

ний и законченных живописных произведений различных жанров — пейзажей, портретов, натюрмортов, картин на современные и исторические сюжеты российской и уральской истории, историко-революционные, на темы индустриализации, Великой Отечественной войны, индустриального, сельскохозяйственного и творческого труда — и все это в преломлении человеческих образов, характеров, судеб.

Происходя из малого народа на Волге — мордвы мокша, сохранившего свои традиции в деревенской глубинке, куда он в 1940-е гг. в молодости возил передвижные выставки мордовских художников, Василий Неясов знал его жизнь и мир, и был его достойным сыном, однако, без тени болезненных крайностей национализма. Соприкосновение с живыми древними традициями пробудили в молодом художнике глубокий интерес к прошлому и сформировали в нем глубоко личное понимание истории. История мордвы, соприкосновение судьбы народа в середине XVI в. с великим соседом — народом русским, и в этой связи личность Ивана Грозного, коренной вопрос о сохранении менталитета своей народности внутри русского и потом советского государства — эти вопросы лично волновали В.А. Неясова. Переживание истории своего народа и стремление к самосознанию собственной личности заставило художника встать на путь художественно-исторического исследования этой большой и сложной, с учетом политической ситуации в отношении национального вопроса в советские годы, темы. Формирование исторического мышления художника шло дальше, к современности: историческая реальность кипела вокруг, и с юности, с периода индустриализации и Великой Отечественной войны, он был вместе со всеми ее участником.

Оказавшись в самом начале 1950-х гг. на Урале, он прежде всего устремился туда, где бился мощный пульс индустриального труда, производившего металл, уголь, машины, обеспечивающего экономическую мощь страны. Копейские шахтеры, челябинские трубопрокатчики, железнодорожники, горнодобытчики руды на Бакале, строители энергетической артерии века — газопровода «Бухара-Урал» стали героями его портретов и картин в последующие десятилетия жизни и творчества на Урале. Но и сама природа поразила художника — он перенесся из раздолья Волги-Матушки в суровые горно-лесные пейзажи Урала-Батюшки. Воздушная перспектива горных далей, озера и отражающиеся в них леса, цветение лета и суровость зим — все это не переставало волновать даже тогда, когда из-за больного сердца он не мог сорваться и ехать в горы, как это бывало раньше. Как важны были эти поездки, осуществленные по Уралу, на Волгу, в Среднюю Азию для напоения глаза и насыщения палитры богатством природного колоризма! Когда уже не стало этой возможности, художник брал этюдник и стандартные листы плотной

бумаги и шел в пойму реки Миасс неподалеку от дома, и там рождались чудные пейзажи, поражающие и волнующие сегодня, два десятилетия спустя, свежестью чувств и вдохновляющие красотой...

И здесь, на Урале, раздумья о прошлом этой земли не давали художнику покоя. Он создает картины о старом быте уральских рудокопов и углежогов, где обостряет тему социальной несправедливости. Знаменитая картина «Рудовоз на старом Урале» 1954 г. (в собрании Екатеринбургского музея изобразительных искусств) была удостоена Диплома I степени на Всесоюзной выставке (эскиз — в собрании Челябинского музея искусств). «Последний расчет», этюды к неосуществленной картине «Златоустовский расстрел, 1903 г.), задуманной как эпопея народного гнева и кровавой расправы. Наконец, тема революции и гражданской войны на Урале, концентрированно выраженная в огромном полотне «Поход южноуральских партизан под руководством В.К. Блюхера» («По тылам белых») — в собрании Челябинского музея искусств и вариант большего формата в Верхнеуральском краеведческом музее; а также в ряде диорам на тему революции и гражданской войны: «Бой на горе Извоз» в Верхнеуральском музее, «Бой за станцию Челябинск», «Строительство Челябинского тракторного завода» и др.

Где бы ни был Василий Андреевич, за что бы ни брался, ничего он не делал слегка, скользя по поверхности. В каждом замысле присутствует большая напряженная внутренняя работа, обдумывание, поиск сути, а значит, поиск правдивых источников и достоверных образов.

Написание картины — процесс почти органического вынашивания будущего произведения, когда образ, как целостное видение, выверен и возникает на основе длительного и постепенного продвижения к сущности через отказ от несущественного, второстепенного. Так работали русские мастера исторической картины И.Е. Репин, В.И. Суриков. Это развитый принцип последовательности всех этапов, от первых композиционных эскизных набросков к проработке композиционного решения, увиденного как остановленное мгновение и красочная мизансцена, когда в композиции открывается не только главный смысл происходящего, но и место, роль каждого персонажа и группы, пространства и планов, жестов, поз, костюмов и утвари, природной среды, где все это происходит. Поэтому долгие годы идет поиск типажей, изучение материалов в музеях, чтение литературы. И постоянная параллельная работа по воплощению в рисунке, в красочных материалах: акварели, гуаши, темпере и масле. Наконец, когда материал созрел, художник выходит на картон в размере будущего полотна, тщательно отрисовывает композицию и ее героев, далее следует другой, третий картон, в которых находят продолжение изменения, уточнения замысла. Затем идут картоны, прописанные в цвете, и тоже не единственный, а следуют один за другим...

И наконец, рождается окончательно решенное художником полотно.

Этот процесс — трудный, мучительный, который невозможно искусственно ускорить, — прошли все картины Неясова. Но особенно богатой явилась разработка картины, о которой художник мечтал и шел к ней смолоду всю жизнь. Подсказанная когда-то в молодости мордовским краеведом-историком тема «Воссоединение волжских народов с Россией» стала сквозной в творчестве В.А. Неясова. Работая над множеством других произведений, он неизменно возвращался к ней. Для разработки этой темы художник осуществил огромный труд: многие часы провел в музеях Мордовском республиканском историко-краевом, Всесоюзном музее этнографии народов мира, Государственном историческом музее. Стремясь к подлинности, он обратился к историческим источникам и вел беседы с историками, изучал материалы костюма, быта, утвари, вооружения русских, мордвы, татар, делал зарисовки Казанского кремля, искал портретный образ Иоанна Грозного, прослеживал и вычерчивал карты похода русских войск летом 1552 г. Дочь художника, художница и педагог О.В. Гладышева вспоминает, как по выкройкам исторических костюмов, полученных в музеях, Василий Андреевич кроил и шил костюмы, наряжал в них натурщиков, а также сконструировал манекен, который ставил, сажал в различных позах, надевая на него то костюм стрельца, то мордовского воина, то думного дьяка-боярина, то татарский головной убор подобия чалмы. Результатом этой работы стали три больших, разных по формату картона (около 300 × 400; 300 × 500 см и более), написанных гуашью, акварелью и полностью подготовленных к переводу на холст. Однако чистый белый холст огромного формата так и не коснулась кисть: выверенная в картонах картина, осталась неосуществленной...

Художник вынашивал свой замысел исторического полотна, когда писали свои картины на темы исторического героического прошлого Родины А. Бубнов, М. Авилов, П. Корин, создавал свои исторические кинополотна «Александр Невский» и «Иоанн Грозный» С. Эйзенштейн. Тема исторического параллелизма о вождах и полководцах в послевоенный период как продолжение идеологии вождизма сталинской эпохи достаточно явно просматривалась, ассоциации, должно быть, были прозрачны. Ясно, что В.А. Неясов не мог быть абсолютно свободным от идеологии, в которой он был воспитан. Но как художник честный, не потерявший связи с народной совестью, он не мог не размышлять о переживаемом.

Современность и ее события меняли ракурс и оценки. В более ранних эскизах мы видим, как стоит, затем сидит на троне в левой части композиции Иоанн Грозный (кстати, зрелых лет, а не в том молодом возрасте, в каком он покорял татарское хан-

ство; ныне эти живописные эскизы далеко за пределами страны). Справа к нему направлено шествие воинов, возглавляемых впереди идущими мордовскими старейшинами Арзаем и Масаем с дарами. Проходит время, и вот уже эскизы — без Иоанна, и ярко выражен военный момент: полки стрельцов в ярких красных одеждах, бояре в шитых богатых зеленых кафтанах с высокими шапками, служки в ярких желтых кафтанах и зеленых портах, струги, копьа за спинами у мордовских воинов, защищавшихся от нападавших на них татар — и выразительная группа коленапреклоненных татарского мурзы и его сподвижника в халате золотой парчи с круглой серьгой в ухе, яростно и непокоренно косящегося на русого воина-мордвина в лаптях, стоящего за ним. В другом картоне важной составляющей выступает тема крещения мордвы, что исторически правомерно, как и то, что по имени проводников русского войска Ичалки и Ардатки названы селения — нынешние города, как и в память о первых принявших православную веру Арзае и Масае Иоанн Грозный повелел назвать новый город Арзамас — центр мордовских поселений.

Так постепенно от идеи вождя народов в своей композиции «Воссоединение волжских народов с Россией» В.А. Неясов приходит собственно к теме народа и его исторической судьбы и образно воплощает ее в последнем картоне — народа щедрого, трудолюбивого, несущего дары своего труда — мед, хлеба — в знак нового государственного союза.

Принимая во внимание богатство идей и развернутость масштабной работы по осуществлению замысла картины, совершенно беспрецедентной даже при незавершенности конечным этапом — ее написанием, этот комплекс материалов был представлен в экспозиции университетского Зала искусств как эталон и поучительный опыт творческого и исследовательского труда художника, как пример актуальности исторической темы в искусстве, независимо от того, какое нынче тысячелетие на дворе. Как уникальный опыт рождения картины в искусстве Южного Урала, — в надежде на то, что экспонирование этого комплекса живописного и исторического материала, освоенного и преобразованного художником, вызовет не только ответ в чувствах и сознании наших современников, но и поставит вопросы и откроет новые пути постижения современной, исторической и художественной реальности и заставит задуматься молодое поколение о главном: как и для чего живет человек. Забегая вперед, хочется сказать, что в процессе работы с уникальным историко-художественным комплексом родилась мысль о его музеефикации, а именно о включении его в коллекцию будущего университетского музея.

Опыт изучения творчества В.А. Неясова, начатый в 1985 г.¹ вылился в большую посмертную выставку в Челябинской областной картинной галерее в 1986 г., затем в выставку «Художественные дина-

стии Челябинска: Ольга Васильевна Неясова, Наталья Неясова-Хохлова памяти отца Василия Андреевича Неясова» в Выставочном зале Союза художников Челябинска 2002 г.², наконец, в издание книги альбома-монографии о художнике³. Все это дал основание определить тему для осуществления студентами-искусствоведами 5-го курса экспозиционного проекта в 2008 г., который вылился в исследование творчества художника, разработку материалов, связанных с классическим подходом к написанию исторической картины, сформировавшимся в русской художественной академической школе, начиная с XVIII в. Результатом этой работы стала экспозиция выставки с вышепоименованным названием, выпущен каталог выставки с текстами автора и руководителя проекта, куратора практики Г.С. Трифоновой и студентов Е. Логиновой, Я. Лукшиной, С. Морозовой, С. Николаевой, Е. Рожковой, разработавших исторические темы, связанные с картиной: «Взятие Казани Иоанном Грозным», «Русская старинная одежда высшей знати, служилых людей и духовенства XVI в.», «Мордовский национальный костюм»⁴.

Заложенная в основу проведения практики тема позволила методически четко сформулировать концепцию, выстроить цели и задачи, модель действия и последовательность всех этапов ее осуществления. Характер замысла картона «Воссоединение волжских народов с Россией», его масштабность и ценность определили основные подходы к представлению художественного материала, пути реализации проекта и этапы работы над экспозицией. Осознание значимости огромного труда, таланта и мастерства художника потребовали от участников и организаторов выставки большой ответственности и дали возможность студентам-дипломникам применить накопленные знания и навыки, полученные за годы обучения по специальности «искусствоведение». Это явилось мотивацией студентов-дипломников к активному участию в подготовке и личной заинтересованностью каждого.

На каждом этапе студенты решали определенные задачи практики. Формирование состава выставки, отбор и описание всего художественного материала в рамках изучаемой темы дали возможность получение опыта в области исследования, комплектования и экспонирования. Применение метода непосредственного общения с наследием В.А. Неясова дало возможность студентам погрузиться в творческую атмосферу мастерской художника, представить себе личность автора, что, несомненно, учитывалось при написании аннотаций, создании экспозиции и проведении экскурсий.

Следующий этап — исследовательская работа, изучение материала и сбор информации. В процессе подготовки выставки был собран большой информационный блок исторических данных, так как сюжет, положенный в основу данного комплекса —

исторические события XVI в., отсюда и требование к глубокому знанию исторического материала. Сфера исследовательской работы достаточно обширна, это и исторические сведения о походах Ивана Грозного, история мордовского этноса, народная мордовская культура, быт, фольклор, верования. Исследуется русская старинная одежда высшей знати, служилых людей и духовенства XVI в., мордовский национальный костюм. Теоретический материал подкрепляется визуальным рядом, акварельными работами с эскизами костюма, головным убором и нагрудным женским украшением, либо карандашными рисунками.

В исследовании мы шли как бы по следам художника, реконструируя его путь в освоении темы и движение в воплощении замысла произведения. Эта реконструкция обрела визуальную материализацию в экспозиции выставки, в экспонировании первых композиционных набросков будущей картины, эскизов, поиска композиционного решения до заключительного этапа — написания картона. Важное место также заняли портреты, графические архитектурные и живописные пейзажи, волжские и уральские. Таким образом, тема выставки и через нее творчество выдающегося живописца В.А. Неясова в экспозиции выставки раскрылись с полнотой благодаря равнозначности и органическому равновесию художественного материала и исторической информации.

В процессе подготовки выставки студентами был приобретен практический опыт транспортировки работ и их подготовки к выставке. В процессе их перемещения были получены практические навыки упаковки и хранения экспонатов — произведений искусства с учетом физических и химических свойств материалов. Из этого опыта было вынесено главное правило для искусствоведа, работающего с оригиналом, — «не навреди».

Следующий этап — развеска произведений, в ходе которой решалась еще одна задача практики — знакомство с основами проектирования музейных экспозиций. Идея выставки заключалась в отображении основных этапов работы художника: от первых набросков и подготовительных исторических материалов до заключительного картона. Важно было передать атмосферу мастерской художника, поэтому экспозиция должна была отразить сам процесс работы художника над произведением.

Важнейшим пунктом обязательной программы практики студентов-дипломников стала задача освоения методики проведения экскурсий. Студенты самостоятельно разработали планы экскурсий, основной целью которых было раскрытие основной концепции выставки — отображение всех этапов при создании данного произведения искусства. Логика ведения экскурсии была выстроена таким образом, что биографические данные, и характеристика творчества художника, факты из его жизни и

рассказ о самих представленных работах были связаны с экспозиционной структурой выставки. Разработанная методика характеризуется вариативностью в зависимости от состава группы (возраст, количество человек, уровень подготовленности).

Важно отметить еще один важный этап выставочной практики — организация и проведение вернисажа, а также проведение вечера памяти художника. На открытии выставки наиболее ярко был проявлен творческий подход. Необходимо было передать атмосферу творческого поиска, дух представленных работ и характер самого художника. Для этого всех гостей встречала «красна девица» с угощением подобно одному из персонажей картона («несущий дары») и сами персонажи, вырезанные художником из композиции из-за не устроивших его ракурсов, укрепленные на деревянных балках и используемые во время экскурсий как интерактивный элемент, наглядно демонстрирующий работу художника над композиционным решением. Вечер памяти послужил для студентов-искусствоведов еще одним поводом проявить свои артистические возможности и донести весь собранный материал в более доступной устной, и даже, игровой форме. Выступление ансамбля народных песен и разыгрывание мордовских легенд по ролям погрузили всех гостей вечера в прошлое, во времена Ивана Грозного, тем самым раскрыли ведущую тему выставки на глубоком эмоциональном уровне.

Работа с таким богатым материалом стала, своего рода, методическим пособием для искусствоведов последующих курсов в качестве наглядного примера практики студентов старшекурсников, для которых данный проект станет первым практическим опытом и самым запоминающимся событием в их уже профессиональной деятельности.

Принимая во внимание нацеленность университетского художественного музея на тесную связь с образовательным обучающим процессом, проект «...История ненаписанной картины» получил продолжение и закрепление в разработке мультимедийной программы по данной выставке с использованием возможностей информационно-образовательного центра «Виртуальный филиал Государственного Русского музея», открытого в 2005 г. в ЮУрГУ при кафедре искусствоведения и культурологии. Кроме непосредственно информационного мотива — запечатлеть в виртуальном и сетевом пространстве данное событие и сохранить его для памяти художественной культуры региона как этап в истории исследования творчества живописца В.А. Неясова, концепция мультимедийной программы о Неясове учитывает многообразие целей и задач. Они могут быть объединены следующими направлениями разработки темы в мультимедиа. Во-первых, данный продукт будет во многом выполнять функции каталога выставки. Однако возможности современных компьютерных и сетевых технологий позволяют развить видовую типологию подобного «каталога» до на-

учного электронного издания, при этом сохранить его иллюстративность и наглядность, значительно ее расширив. Во-вторых, мультимедийная программа позволяет углубить представление о личности и творчестве художника В.А. Неясова благодаря привлечению материала, обычно никогда не публикующегося при жизни и остающегося в мастерской художника, значит, совершенно неизвестного. В-третьих, работа с мультимедийной программой «...История ненаписанной картины» весьма эффективна для воспитания и развития творческого воображения, образного, структурно-логического и пространственного мышления, комбинаторного моделирования, причем, не только в среде студентов искусствоведческой специальности (направления), но и школьников, посещающих «Виртуальный филиал ГРМ» в ЮУрГУ, и студентов других гуманитарных и технических специальностей.

Приступая к разработке концепции программы, мы провели предварительный анализ аудитории, для которой предназначается данный продукт. В условиях деятельности информационно-образовательного центра «Виртуальный филиал Государственного русского музея» и Зала искусств ЮУрГУ среди реальной аудитории можно выделить несколько групп, и соответственно подгрупп:

1. Студенты высших учебных заведений:

- подгруппа специалистов (студенты-искусствоведы, историки, политологи);
- подгруппа студентов других специальностей, проходящие курсы общеобразовательных дисциплин.

2. Школьники:

- младшие классы;
- средние классы;
- старшие классы (абитуриенты);
- школьники с ограниченными возможностями.

3. Взрослые:

- преподаватели;
- учителя школ;
- сотрудники;
- аспиранты;
- подгруппа посетителей, интересующихся искусством, историей, краеведением и т. д.

Таким образом, в соответствии с потребностями той или иной аудитории мультимедиа программа может иметь как минимум три раздела. Первый раздел — репрезентативный. В нем необходимо представить непосредственно репродукцию самого картона, сведения об авторе, его биографию и сопроводительный материал к произведению. В данном разделе дается сжатая текстовая и визуально-изобразительная информация, раскрывающая основной замысел художника и историческое событие, которому посвящена картина, и его реализацию на стадии картона. В целом данный раздел берет на себя научно-просветительские функции презентации всего художественно-исторического комплекса, связанного с картоном В.А. Неясова «Воссоединение волжских народов с Россией», для широкой аудитории. Кро-

ме того, данный раздел осуществляет функции связи, «диспетчерские» или «карты сайта», позволяя перейти к статьям следующих разделов через гиперссылки не только текстовые, но и на иллюстрации.

Второй раздел более углубленно рассматривает творчество художника, затрагивает вопросы искусствоведческого исследования, эволюции художественного творчества мастера. Немаловажным аспектом здесь будут вопросы, посвященные подготовке и технологии создания крупномасштабных тематических полотен в творчестве В.А. Неясова. Необходимо развернуть жанровое богатство творческого наследия художника, уникальность его дарования портретиста, пейзажиста, мастера натюрморта и картины на современную и на историческую тему, батального жанра и индустриального труда и т. д. Универсальная одаренность рисовальщика и живописца, колориста и композитора может быть представлена через тематические комплексы, убедительно откомментированные текстами, организацией репродукционного материала с привлечением методов сравнительного и начертательного анализа (ярче всего дающего результаты в геометрическом анализе композиционных схем).

Третий раздел данной программы посвящен историко-этнографическим материалам, сгруппированным в соответствующие блоки: документы, карты, тексты и зарисовки с подлинных предметов утвари, костюмов и оружия в музеях нашей страны. По сути, это своеобразный визуальный словарь-гlossарий терминов, этнографических материалов, исторических дат, снабженный иллюстративным материалом, созданным самим художником.

Следующим шагом в разработке программы является анализ ресурсов. Это прежде всего авторские произведения В.А. Неясова — сам картон, множество подготовительных эскизов художника, его работы и заметки в архивах. Куратором выставки Г.С. Трифоновой совместно со студентами-искусствоведами были подготовлены статьи по истории события, этнографии волжских народов. Также создана методическая разработка экскурсии, в рамках которой раскрываются этапы создания исторической картины, от стадии эскиза к завершённой экспозиции. В культурную программу выставки были включены различные научные, научно-просветительные, образовательные и художественные события, материалы которых могут быть включены во второй и третий разделы программы.

Кроме того, рамки программы позволяют охватить все творчество художника в целом, если принять во внимание монографию и каталог наследия, вышедший в свет в 2006 г. (см. примеч. 3), и сделать это в виде хронологической ленты произведений, таким образом, позволяя наглядно представить эволюцию авторского художественного метода. Ее

можно сопроводить документальным и историографическим материалом, и образовать тем самым, исходя из ресурсов, четвертый раздел, который является сквозным в программе и позволяет быстрое переключение по разделам, что обеспечит удобство пользования данной программой.

Издание программы планируется в двух вариантах: первый на электронном носителе (компакт-диск), в котором программа предстанет в наиболее полном виде. Второй, усеченный, должен быть представлен в сети интернет.

В целом, подобные мультимедиа программы служат не только введением в тему выставки, но раскрывают концептуальные замыслы художника и искусствоведов. Подобные программы дополняют экспозиционный ряд электронными изображениями музейных предметов, которые невозможно выставить по причине нехватки площадей или по условиям хранения (например, графики). Интерактивные программы дают возможность дополнить пространство художественной выставки, оживить экспликацию печатного текста аннотаций и в тоже время дать наиболее полную информацию об экспонатах. Масштабные мультимедиа проекции и инсталляции впоследствии возможно использовать как прием экспозиционного дизайна. Реконструкции утраченных предметов и модели незавершенных художественных объектов становятся самостоятельными электронными экспонатами наряду с живописью, графикой и т. д. Кроме того, создание подобных программ — это важный шаг в формировании электронных ресурсов в образовательной, музейной и научной деятельности. При размещении подобных программ в сети интернет возможно осуществить постоянный доступ к творчеству художника и исследованиям специалистов-искусствоведов, историков, этнографов.

Таким образом, изучение студентами в период производственной практики творчества В.А. Неясова и особенно углубленное исследование всех архивных и художественных материалов, связанных с подготовкой к созданию композиции будущей картины «Воссоединение волжских народов с Россией», осуществление экспозиции, сопровождаемой аннотациями по названным выше темам, работа в Зале искусств по транслированию изучаемой темы со студенческими и преподавательскими экскурсионными группами, осуществление культурной программы (Вечер памяти и творчества В.А. Неясова), издание каталога выставки и трансляция всего историко-художественного, творческого материала через мультимедийную программу в информационно-образовательном центре «Виртуальный филиал ГРМ» в ЮУрГУ позволили в высшей степени эффективно осуществить соединение изучаемого предмета и активное творческое усвоение студентами содержательного, исторически и творчески насыщенного материала.

Успешно осуществленный проект позволяет методически обобщить новые авторские подходы и принципы учебно-образовательной деятельности на перекрестке профессиональных дисциплин в реальной педагогической практике.

1. Постановка целей и задач проекта, осуществляемого студентами в залах университетского музея искусств под руководством преподавателя искусствоведческих дисциплин, должна базироваться на предварительной тщательной проработке материала самим руководителем.

2. Предлагаемый к исследованию и публикации художественный материал должен содержать элемент открытого исследования, где есть возможность творческого приложения исследовательской инициативы студента.

3. Объект, предмет и материал исследования должен представлять собой подлинные произведения искусства высокого художественного достоинства (независимо от степени завершенности — эскизы, этюды, наброски, сделанные рукой мастера, имеют столь же сильное поле воздействия, еще более обнажают творческий процесс художника и соприкосновение с ним студента вызывает мощное формирующее созидательное воздействие). Усиление благотворного всестороннего воздействия на личность и духовный мир студента оказывает подлинная среда, в которой рождалось то или иное произведение, где происходило творчество художника. В рассматриваемом репрезентативном примере — это мастерская художника В.А. Неясова, одновременно жилой дом его семьи, построенный руками художника; сопровождение всей исследовательской работы и работы по отбору (этюдов, рисунков, набросков с натуры, в исторических музеях, пейзажей, портретов типажей, многочисленных эскизов композиции, выполненных в графических и живописных техниках) комментариями и объяснением дочери художника, художника-педагога О.В. Гладышевой; наконец, объект исследования — три огромных картона в натуральную величину предстоящей картины (300 × 500 см) и окончательный вариант картона. Все это, безусловно, стало одним из сильнейших впечатлений в процессе формирования будущих искусствоведов. Этот контакт был продолжен при перенесении произведений В.А. Неясова (уже для более широкого круга студентов) в Зале искусств университета.

4. Непременным условием осуществления данного научно-методического подхода является творческое участие всех студентов, занятых в проекте, постановка задачи индивидуального самоопределения в проекте, атмосфера творческого доверия и совместного труда, будящая фантазию и инициативу поиска самостоятельной темы внутри проекта.

5. Участие студентов наряду с руководителем во всех видах работ, связанных с выставкой: отбор работ для экспозиции на основе изученного мате-

риала, описание для каталога, упаковка и перевозка произведений, решение экспозиции, оформление графических работ, поиск оборудования, подготовка текстов аннотаций, этикетаж. Наконец, игровой элемент, наглядно показывающий поиск художником композиционных групп, изъятие одних и внесение других, на основе чего, благодаря творческой мысли студентов, был введен в экспозицию интерактивный элемент включения посетителей в атмосферу мастерской художника и его творческого процесса. Результатом данной методики стало приобретение студентами реального опыта работы с произведениями искусства и организации выставки по предложенной концепции, от отбора в мастерской до воплощения замысла в экспозиции.

6. В процессе осуществления проекта в совместной работе руководителя и студентов шло воспитание личной ответственности за добровольно принятую на себя исследовательскую задачу и ощущение себя внутри единого целого, результат которого зависит от каждого.

7. Опыт осуществления проекта дал возможность реализовать методику воспитания специалиста реальным творческим делом, когда теория и практика наглядно и убедительно сплавлены в творческом контакте, а замысел художественного события осуществляется творчески через включение всех накопленных знаний, прежде всего об искусстве, в реализацию через деятельность. Включение деятельностного концепта в воспитание будущего искусствоведа в процессе обучения, осуществление значимого проекта на завершающей стадии обучения — на производственной практике, подготавливает студента к выходу в художественный мир для самостоятельного творчества, дает ему возможность — как своего рода испытание — поверить в свои силы и вполне осмысленно идти на защиту научной темы в дипломном сочинении.

Вышесказанное позволяет обозначить данный образовательный и воспитательный метод как метод непрерывного творчества, передающегося по коммуникативной сети «художник и его произведения — искусствовед-преподаватель (теоретик, критик, историк, исследователь искусства и воспитатель молодых искусствоведов) — студент-искусствовед, который умеет применить накопленные искусствоведческие знания в реальной практике. Это метод непрерывного творчества, сопровождающегося органическим ростом личности, мировоззрения, профессионализма в искусствоведении как науке и практической деятельности. Создание мультимедийных программ, посвященных конкретной теме, фиксирует данный метод в действии. Его дальнейшая разработка и совершенствование открывает многообразие путей творческого развития и инноваций в образовательном процессе с привлечением практически неисчерпаемых возможностей,

Дед Никита.
Картон, масло. 49 × 34

На Волге. Картон, масло. 61 × 86

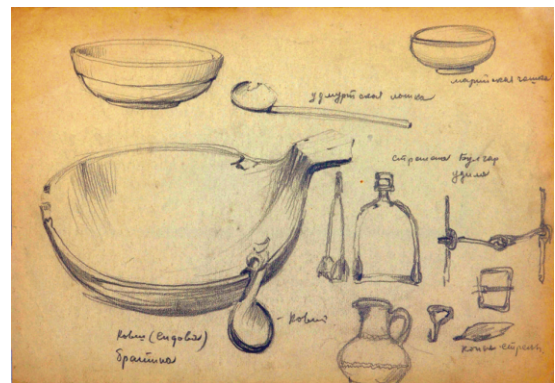

Набросок фигуры старейшины.
Бумага, карандаш. 26,5 × 20

Стрелец в красном кафтане.
Бумага, акварель. 44 × 29

Рисунок утвари. Бумага, карандаш. 26,5 × 40,5

(Галатеев) Верхняя одежда мордвы (мужья)
с Приамурья. Восточнорусские узоры
нач. 1920.

Эскиз костюма
(верхней одежды
мордвы).
Бумага, акварель,
карандаш. 40 × 28

Нагрудное
женское
украшение.
Бумага, акварель.
29 × 40,5

Воссоединение волжских народов с Россией.
Картон к картине. Окончательный вариант.
Бумага, уголь, акварель, гуашь. 1947—1984.

В.А. Неясов в мастерской за работой.
Начало 1980-х гг.

Картон с пленными татарами (вариант).
Картон, гуашь. 244×300.

Вечер памяти художника В.А. Неясова на выставке в Зале искусств ЮУрГУ. 27 февраля 2008 г.

которые предоставляют традиционные музейные институции, концептуальные новации и современные научно-технические средства. Программное объединение их функций дает очевидные практические результаты как в профессиональном образовании по специальности «Искусствоведение», так и в воспитании студентов других специальностей, а также школьников и молодых преподавателей в диапазоне классики и современной художественной культуры с использованием богатства возможностей университетского художественного музея.

Примечания

1. Василий Андреевич Неясов. 1926—1984. Живопись, рисунок, акварель: каталог выставки / вступ. ст. Г.С. Трифоновой. — Челябинск : ЧОКГ, 1985. — 47 с.: ил.

2. Художественные династии Челябинска. Ольга Васильевна Неясова, Наталья Неясова-Хохлова посвящают юбилейную выставку живописи памяти отца Ва-

силия Андреевича Неясова: каталог выставки / Г.С. Трифонова. — Челябинск : ЧОСХ/ ЧОКГ, 2002. — 12 с.; Художественные династии Челябинска. Ольга Васильевна Неясова, Наталья Неясова-Хохлова посвящают юбилейную выставку живописи памяти отца Василия Андреевича Неясова: каталог выставки 35-летию Челябинской государственной академии культуры и искусства. / Г.С. Трифонова. — Челябинск : ЧГАКИ, 2003.

3. Василий Андреевич Неясов. 1926—1984. Личность и творчество: каталог творческого наследия, альбом / вступ. ст., сост. каталога, перечня выставок, библиографии Г.С. Трифоновой: Челябинск, 2006. — 182 с.: цв. ил.

4. Василий Андреевич Неясов (1926—1984). Воссоединение волжских народов с Россией, 1948—1983. История ненаписанной картины: каталог выставки / авт. и рук. проекта, авт. вст. ст., сост. кат. Г.С. Трифонова совместно с Е. Логиновой, Я. Лукшиной и др. — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2008. — [30 с.]: цв. ил.

Поступила в редакцию 23 июля 2009 г.

Трифопова Галина Семеновна, доцент кафедры искусствоведения и культурологии, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Челябинского областного государственного музея искусств, член Союза художников России. Область научных интересов — отечественное искусство, художественная культура и творчество художников Южного Урала, музееведение. Автор монографий, каталогов, альбомов, научных статей по указанной проблематике. E-mail: blv@susu.arc.ru

Trifonova Galina Semenovna, the senior lecturer of chair of art criticism and cultural science, the candidate of historical sciences, the conducting scientific employee of the Chelyabinsk Regional State museum of arts, member of the Union of artists of Russia. Area of scientific interests — Russian art, art culture and creativity of artists of Southern Ural Mountains, museum studies. The author of monographs, catalogues, albums, scientific articles. E-mail: blv@susu.arc.ru

Логинова Екатерина Сергеевна, аспирант кафедры искусствоведения и культурологии ЮУрГУ, которую окончила в 2008 г. по специальности «Искусствоведение». Работает над диссертацией, исследующей роль современных художественных галерей в художественно-творческом процессе. E-mail: blv@susu.arc.ru

Loginov Ekaterina Sergeevna, the post-graduate student of chair of art criticism and cultural science SUSU. Has ended SUSU in 2008, a speciality «Art criticism». Works over the dissertation on a theme of modern art business. E-mail: blv@susu.arc.ru

Русанов Ярослав Алексеевич, преподаватель кафедры искусствоведения и культурологии ЮУрГУ. В 2005 г. окончил ЮУрГУ по специальности «Искусствоведение». Область научных интересов — древнерусская иконопись и ее поздние традиции на Урале. E-mail: blv@susu.arc.ru

Rusanov Yaroslav Alekseevich, the lecturer of chair of art criticism and cultural science SUSU. In 2005 has finished SUSU on a speciality «Art criticism». Area of scientific interests — history of tradition an Old Russian iconography and its late traditions in Ural. E-mail: ja-ru@mail.ru

ПРОБЛЕМА СТИЛИСТИЧЕСКИХ ИСТОКОВ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ИКОНОПИСИ ГОРНОЗАВОДСКОГО УРАЛА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Н.В. Трофимова

STILISTIK ORIGINS OF BELIEVERS ICON PAINTING AT THE MINING URAL: HISTORIOGRAPHICAL ASPECT

N.V. Trofimova

В статье охарактеризованы основные этапы изучения стилистических истоков старообрядческой иконописи Урала. При анализе исследований особое внимание было уделено их источниковой и методологической основам, что позволило проследить процесс изменения подходов в изучении иконописи Урала от узко искусствоведческого до комплексного, включающего как искусствоведческие, так и исторические методы исследования.

Ключевые слова: иконопись, старообрядчество, «невьянская школа иконописи».

This article characterizes the basic steps of studying the stylistic origins of Ural's Old Believer's icon painting. While analyzing the researches a special attention was given to their original and methodological basics, which made it possible to trace the process of changing the approaches to Ural's icon painting from specifically art critical to complex, which included both art critical and historical methods of research.

Keywords: icon painting, Old Believing, Nevyansk School of icon painting.

Известно, что уже в XVII в. Урал и Сибирь становятся местом поселения старообрядчества. Будучи противниками церковной реформы, староверы бежали от сыска туда, где контроль церкви и государства был ослаблен расстоянием, слабостью местных властей и тайной поддержкой их заводовладельцами. Позже, в 1734 г., началась также выгонка старообрядцев из Керженца, их расселение на демидовских заводах. Каждая старообрядческая семья несла с собой чтимые иконы «дониконовского» письма.

Своего иконописания у старообрядцев первоначально не было, но постепенно складывались центры, где налаживался старообрядческий иконописный промысел по старым, дореформенным, традициям. За два столетия на Урале старообрядцами был создан огромный пласт иконописи, особенностью которого являлось сохранение древнерусских традиций в условиях, когда Россия ориентировалась на европейскую модель культуры. Это художественное явление только с 80-х гг. XX в. стал предметом научного исследования.

Дореволюционное изучение вопроса было эпизодично и не носило глубокой научности. В последней четверти XIX в. изучение регионального культурного наследия сосредоточилось в губернских археологических обществах и архивных комиссиях, имевших свои печатные органы, а также в древлехранителях и церковно-археологических музеях, создававшихся в старинных русских городах (Владимире, Новгороде, Ростове Великом, Ярославле и др.). На Урале, в Екатеринбурге, в 1870 г. появляется

«Уральское общество любителей естествознания» (УОЛЕ), на общем собрании которого в 1923 г. С. Дюлонг сделал первую попытку обратить взор интересующихся древностями, коллекционеров и ценителей на старообрядческую иконопись Урала. В докладе С. Дюлонг констатировал: «На Урале была целая серия иконописцев, которые до сего времени сохранили настоящую традицию иконописания, и потому их работа стоит по достоинству, безусловно, выше московских иконописцев нашей эпохи»¹. В докладе он основывался на изучении икон уральских старообрядческих часовен и частных домов беспоповцев (часовенных) Екатеринбурга, с. Шарташ, Невьянского и Нижнетагильского заводов, и, что особенно ценно, на сведениях, сообщенных автору современными ему иконописцами-старообрядцами. Отметим также, что хронологически докладу С. Дюлонга предшествовало только упоминание о существовании иконописцев-старообрядцев на Урале в фактически забытых к началу XX в. публицистических очерках Д.Н. Мамина-Сибиряка 1890-х гг., где автор писал: «Невьянские иконописцы известны всему миру на Урале, как Богатыревы или Чернобровины»². Но все это были только эпизодические моменты и научного изучения уральской иконописи древнерусской традиции не велось.

Если в 1920-е гг. еще были попытки осветить данный вопрос, то в период сталинизма конца 20—50-х гг. какая-либо научная деятельность по данной проблеме затухает. В 1929 г. прекращается работа УОЛЕ, уходят в прошлое попытки изучения уральской иконописи,

начинается реорганизация музеев, в ходе которой многие архивные материалы утрачиваются. В период антирелигиозной борьбы 30-х гг., изучение иконописания на Урале останавливается. Икона воспринимается исключительно как предмет культа. При закрытии церквей и часовен лишь немногие иконы передаются в музеи. В лучшем случае их прячут по домам верующие, большинство же из них уничтожается.

После Великой отечественной войны в музеях страны началась сверка и инвентаризация собраний, в связи с чем, для атрибуции коллекций в уральские музеи были командированы из центральных хранилищ Москвы и Ленинграда ведущие научные специалисты. Так, с иконами Свердловского краеведческого музея работал профессор И.В. Горбачев. Была проведена атрибуция икон, поступивших в 1928 г. в Уральский областной государственный музей из Спасской церкви, среди которых были подписные и датированные иконы невянских мастеров. И.В. Горбачев, определил их как «новострогановские», или «подстрогановские», и датировал первой четвертью XVIII в., а иконы, написанные на листах металла, — как работы крепостных Демидовых из Тагила³. Однако в целом уральская иконопись в советский период, вплоть до 1980-х гг., считалась продолжением иконописных традиций строгановской школы.

Искусствоведческое осмысление отечественной иконописи XVIII—XIX вв. началось в 1960-е гг., а на Урале — десятилетием позже. В 1970-е гг. екатеринбургским краеведческим музеем были организованы летние историко-бытовые экспедиции по выявлению памятников иконописи на территории Свердловской области: Талицкого, Кушвинского, Красноуфимского, Шалинского, Нижнетагильского и ряда других районов. Основная же масса икон была собрана на территории Невьянского района. Таким образом, шел процесс собирания и накопления материала.

Начало глубокого научного осмысления древнерусских традиций в иконописи Урала относится к концу 80—90-х гг., что было связано со сложными переменами в политической системе и духовном сознании общества.

Обратившись к изучению уральской иконы, ученые выделяют целый пласт икон, созданных в старообрядческой среде, что ставит перед исследователями задачи определения имен иконописцев, поиск и атрибуцию самых ранних памятников, а, следовательно, уточнения времени сложения уральского старообрядческого иконописания, определения стилистических особенностей и истоков уральской иконы.

В данной статье предлагается уделить внимание освещению в отечественной историографии проблемы стилистических истоков древнерусских традиций уральской старообрядческой иконописи.

Как известно, на горнозаводском Урале проживали старообрядцы разных согласий и толков, каждый из которых имел здесь определенные центры. «По-

морцы» в основном проживали в селе Таватуй близ Невьянска и Краснопольской слободе, центр «австрийцев» («белокриничских») находился в Златоустовской обители около озера Тургояк, «часовенные» концентрировались в Невьянске и Нижнем Тагиле. В данный момент учеными четко выделена невянская школа иконописи⁴, отождествляемая с часовенным согласием. Иконопись других согласий не освещена в науке. Поэтому традиционно уральская иконопись пока ассоциируется лишь с невянской иконописной школой.

Сложился круг ученых, занимающихся невянской школой иконописи. Над вопросами, касающимися истоков стиля, стилистических особенностей старообрядческой иконы, времени сложения невянской школы работают исследователи Г.В. Голынец, Н.А. Гончарова, Т.А. Рунева, В.И. Колосницин, В.И. Байдин и коллекционеры Л.Д. Рязанова, Ю.М. Рязанов, Е.В. Ройзман.

Впервые статью, посвященную невянской иконописи, опубликовала в литературно-публицистическом журнале Л.Д. Рязанова. Исследовав городской музей Карабаша, в подсобном помещении она нашла три иконы: «Апостол Павел», «Богоматерь Тихвинская», «Богоявление Христа». На основе стилистического анализа этих икон автор пришла к выводу о существовании «невьянских приемов письма». Впервые Л.Д. Рязанова поставила вопрос об истоках стиля: «В невянском стиле ощутимы традиции нескольких центров», однако каких, автор не уточнила⁵.

Следующим этапом освещения вопроса стала статья Г.В. Голынец «Невянская иконописная школа второй половины XVIII—XIX вв. и ее стилистические особенности». Опираясь на материалы, полученные в ходе экспедиции по описанию культурно-исторических памятников Урала, проведенной под руководством Р.Г. Пихои, Т.А. Руневой, В.И. Колосницина, на основе изучения икон, хранящихся в уральских музеях, частных собраниях и религиозных учреждениях, и проведения систематизации собраний Свердловского государственного объединенного историко-революционного музея (СГОИРМ) и Свердловского музея изобразительных искусств (СМИИ), исследовательница выстроила свою концепцию невянской школы иконописи. По мнению автора на формирование местной старообрядческой иконописи оказали влияние несколько иконописных центров. «Отправной точкой» эволюции иконописания на Урале Г.В. Голынец называет произведения московской, новгородской, строгановской, северной иконописи, попавшие на Урал не позже XIX в. Однако решающую роль в этом процессе автор оставила за строгановской школой: «Некоторое исключение нужно сделать для строгановской школы иконописи, занимающей в искусстве Урала особое место. Ее столичной ветви было уделено много внимания исследователей, судьба же провинциального направления остается малоизученной. А именно оно, как мне представляется, могло бы пролить свет на истоки уральской живописи»⁶.

Г.В. Голынец указала прямой и опосредованный пути, по которым строгановская иконопись могла проникать на Урал. Прямой путь — это колонизация края: «Естественно предположение, что строгановская традиция переходила вместе с колонизацией из Прикамья на горный Центральный Урал и в Зауралье, где могла быть воспринята первыми местными монастырями. Очевидно, здесь же могли оседать и сольвычегодские изографы, особенно после закрытия иконных горниц Строгановых». Однако автор отмечает, что это только лишь гипотеза, которая нуждается в тщательной проверке. Второй путь, опосредованный, «как бы зеркально преломленное, восприятие уральской иконописью строгановских традиций через искусство Западной Сибири»⁷. Эти предположения о путях проникновения на Урал строгановской иконописи действительно во многом были гипотетичны, так как у исследовательницы отсутствовала опора на документальные источники.

Помимо строгановских влияний на уральскую старообрядческую иконопись Г.В. Голынец указала на наличие влияния московской школы, так как «закрепленное в лицевых иконописных подлинниках искусство XVII в. в целом было образцом, своего рода протографом, для всего позднего иконописания», именно поэтому многие невяньские иконы первой половины XVIII—XIX вв., по мнению Г.В. Голынец, принимались за строгановскую школу, школу Оружейной палаты или московско-ярославскую иконопись второй половины XVII в. Спектр стилистических влияний автор расширила до Поволжья: «Отмечая в невяньской школе и строгановские, и московские влияния, хочется особое внимание обратить на традиции Ярославля, Ростова и Костромы, и притом не только конца XVII в., но и первой половины XVIII в.»⁸. Таким образом, опираясь на стилистические особенности невяньской иконы Г.В. Голынец обозначила многообразие её возможных стилистических истоков: иконопись московской Оружейной палаты, городов Поволжья и Русского Севера. Но определяющее влияние оставила за строгановскими иконописными традициями.

О.П. Губкин, изучая позднюю иконопись невяньской школы, иконы мастерских Богатыревых и Чернобровиных, согласился со множественностью традиций, повлиявших на формирование особенностей стиля икон невяньской школы. Однако, помимо уже указанных Г.В. Голынец иконописных центров, О.П. Губкин отметил еще и конкретное северное влияние Великого Устюга и Холмогор, а также наиболее тесные контакты с Москвой: «Известно множество факторов влияния, которые оказали на местную художественную традицию различные иконописные центры: Холмогоры, Великий Устюг, Ярославль и Поволжье, иконопись мастерских Тобольска и Долматовского монастыря. Но наиболее тесные контакты в первой половине XIX в. Богатыревы имели с пришлыми из Москвы и Владимирской губернии раскольниками-иконописцами»⁹. Заслугой О.П. Губкина можно считать то, что он впервые пытается стро-

ить свои выводы не только на искусствоведческом анализе, но и вводит в научный оборот документальные архивные материалы с биографическими сведениями об иконописцах. Анализ этих материалов показывает, что многие уральские иконописцы были родом из Московской губернии. Однако автор строит свои выводы на биографиях поздних иконописцев XIX в., когда невяньская иконописная школа уже оформилась.

Ю.М. Рязанов, екатеринбургский коллекционер древностей, также говорил о влиянии «многих» школ на невяньский иконописный стиль. Проведя композиционный, колористический анализ домашней иконы «Рождество Богоматери» он отметил, что «в иконе ощущается влияние ярославского письма. Исследователи нашли документы, подтверждающие, что в XVIII—XIX вв. в Невьянке работали иконописцы — выходцы из Ярославля, а также из Устюга, Москвы, Владимира»¹⁰. Указаний на найденные документы Ю.М. Рязанов не приводит. Возможно, здесь он имел в виду, указанную выше статью О.П. Губкина.

С определяющей ролью влияния строгановской школы на уральскую старообрядческую иконопись в целом согласилась Л.Ю. Яковлева в своей обзорной статье, посвященной иконописи нового времени в собрании Челябинского краеведческого музея: «Памятники уральской иконописи стилистически близки к строгановским письмам». На основе композиционного и колористического анализа икон «Воскресение. Сошествие во ад» и «Рождество Христово» из собрания Челябинского краеведческого музея Л.Ю. Яковлева заключила: «В среде старообрядцев своеобразное преломление воспоминаний о строгановском искусстве. Они стремились к близкому строгановской школе колориту, узорочью, утонченности и миниатюрности». Далее автор продолжает: «Памятники уральской иконописи стилистически близки строгановским письмам»¹¹.

Можно заключить что, период конца 1980-х — первой половины 1990-х гг. в изучении проблемы стилистических истоков старообрядческой горнозаводской иконы характеризуется началом осмысления ранее накопленного материала, формированием первых концепций, Исследователями выдвигается множество предполагаемых центров истоков стиля, при сохранении ведущей роли строгановского иконописания. Однако в целом характер исследований остается во многом гипотетичным, что связано с недостатком ранних уральских икон и документальных источников.

Со второй половины 1990-х гг. начинается новый виток исследований, характеризующийся расширением круга найденных икон, документального материала, что позволило ученым углубить уточнить и конкретизировать знания об истоках уральской иконописи. Основные исследования сосредотачиваются вокруг невяньской школы иконописи. В.И. Байдин вводит в научный оборот документальный материал архивов Пермской, Свердловской, Тюменской

областей, проводит его тщательный анализ, реконструирует биографии первых иконописцев-старообрядцев¹². Таким образом, наметилось комплексное изучение уральской иконописи, единство искусствоведческого и исторического подхода к поставленным проблемам. Изыскания в данном направлении представлены в статьях В.И. Байдина, Г.В. Голынец, Н.А. Гончаровой, О.П. Губкина, Т.А. Руновой, В.И. Колосничина.

Впервые корректировка точки зрения по вопросу прозвучала в статье Г.В. Голынец «Уральская икона» в ежегоднике «Сезоны. Хроники российской художественной жизни». Автор разделила всю уральскую иконопись на три «потока». Первый — заказы официальной церкви, второй — старообрядческая, основанная на древнерусской и византийской традиции, и третий — фольклорная, бытовавшая в широких слоях народных масс. Второй поток распространялся, прежде всего, по горнозаводскому Уралу. Автор, опираясь на уже использованный метод, т. е. анализ композиционных, колористических особенностей произведений конца XVIII — первой половины XIX вв., отвергла ранее выдвинутый вывод об определяющем влиянии строгановской иконописи и констатировала: «Главным для невянской иконы оказались не строгановские, а ярославские, ростовские, костромские традиции конца XVII — первой половины XVIII столетий, которые, в свою очередь, закладывались Московской Оружейной палатой в середине XVII в. Верхневолжское влияние невянская школа испытывала не только в период формирования, но и на протяжении многих лет своего развития»¹³.

В 1997 г. вышел альбом-монография «Невянская икона», посвященный невянской школе иконописи, где были подведены предварительные итоги десятилетнего периода исследований горнозаводского старообрядческого иконописания. Альбом включил статьи Г.В. Голынец, В.И. Байдина, О.П. Губкина. Анализ статей позволяет говорить о единстве взглядов по вопросу истоков древнерусских традиций невянской иконописной школы.

Г.В. Голынец повторила выводы, сделанные ранее о ведущей роли московско-ярославской, верхневолжской школ иконописи на невянскую икону. В.И. Байдин опубликовал в статье повествовательные и документальные источники по истории старообрядческого иконописания на горнозаводском Урале в XVIII — начале XX в. Это стало важным достижением. Основываясь на источниковедческом анализе, автор заключил: «Так, по публикуемым ниже письменным источникам достаточно хорошо прослеживается влияние на уральскую икону в период ее становления живописи Поволжья и школы Оружейной палаты XVII — начала XVIII вв.»¹⁴. (С этими выводами полностью соглашается Г.И. Пантелеева, автор статьи к альбому-каталогу коллекции иконописи Челябинской областной картинной галереи¹⁵).

О.П. Губкин на основе анализа колорита, композиции, рисунка икон мастерской династии Богатыревых, деятельность которых пришлась на конец 1770 — начало 1860-х гг. корректирует ранее выдвинутый вывод о доминирующем влиянии на иконопись Богатыревых московских иконописцев. Исследователь делает вывод о «близости богатыревской иконописи по колориту, композиции, пропорциям к ярославской иконописи последней трети XVIII в, ориентированной на поздний период творчества одного из мастеров школы Оружейной палаты Федора Зубова». Вывод О.П. Губкина подтверждает О.Б. Кузнецова, научный сотрудник Ярославского художественного музея, специалист по ярославской иконописи XVIII—XIX вв.¹⁶.

Таким образом, исследователи на основе документальных и искусствоведческих материалов пришли к единому выводу о поволжских и московско-ярославских истоках невянской школы иконописи старообрядцев горнозаводского Урала.

Согласившись в целом с влиянием на старообрядческую иконопись Урала иконописных центров, указанных Г.В. Голынец и В.И. Байдиным, Н.А. Гончарова, О.П. Губкин и Т.А. Рунёва определили иную последовательность этих влияний. Исследовав историю уральского иконописания в целом, они установили, что «иконапись Урала долгое время представляла собой одну из ветвей провинциальной сибирской культуры, постепенно приобретая особые черты, характерные для горнозаводского Урала». Проанализировав биографии первых иконописцев, их сохранившиеся произведения, авторы пришли к выводу о множественности традиций оказавших влияние на уральскую иконопись в целом, однако, по их мнению, шел этот процесс постепенно: «Состав первых иконописцев и многие сохранившиеся их произведения (или описания несохранившихся) говорят о том, что в развитии иконописания на Урале большую роль играли традиции Новгорода, Великого Устюга, строгановских «иконных горниц» к усилению влияний Москвы и Ярославля». Далее авторы сделали вывод о том, что «местные иконописцы ориентировались на иконы, привезенные переселенцами с севера, из центра и даже с юга России. Поэтому на Урале и в Сибири бытовали иконы практически всех местных школ». Выделив из всего уральского иконописания старообрядческое направление, исследователи сконцентрировали свое внимание на невянской школе. «Сведения о первых невянских иконописцев очень скудны. Известно, что среди приезжих мастеров были переселенцы из Московской, Тульской, Олонецкой, Нижегородской губернии. Следовательно, иконописцы могли ориентироваться на достаточно широкий круг традиций, принимая за образец в основном иконопись XVI—XVII вв.»

Свои выводы указанные исследователи выстроили, прежде всего, на основе изучения биографии Паисия Заверткина и созданных им миниатюр к Апокалипсису. По их мнению, в творчестве этого масте-

ра «слились традиции Ярославля, Москвы и, возможно некоторые новые веяния Петербурга». Авторы статьи связали начало нового направления в невянской иконописании с творчеством Богатыревых, так как «они ориентировались на поволжские иконописные традиции XVII—XVIII вв., заложенные мастерами Оружейной палаты в середине XVII в.». Иконы Богатыревых «периода расцвета их мастерской (первая треть XIX в.) по колориту, рисунку, композиции, прорисям наиболее близки к образцам ярославской школы иконописи последней трети XVIII в., ориентированным на зубовскую традицию XVII в., его поздний период творчества»¹⁷.

Проведя анализ невянских иконописных ликов, исследователи в одной группе отметили новгородское влияние, а в другой — великоустюжское. «Самое выразительное в иконах невянских мастеров — прекрасные лики. Один тип ликов идет, вероятно, от иконописи XVII в., которая была продолжением новгородских традиций. В ликах второго типа просматриваются великоустюжские традиции, преломленные в ярославской иконописи уже испытавшей влияние Федора Зубова»¹⁸.

Таким образом, Н.А. Гончарова, О.П. Губкин и Т.А. Рунёва более ранним считают московско-ярославское влияние, а поволжское, по их мнению, начинает преобладать только с конца XVIII в., когда на Урале уже работало несколько поколений иконописцев. В целом эти исследователи, указывая иную последовательность влияний на уральскую старообрядческую иконопись от московской иконописной традиции до поволжской, не исключили и северное влияние Новгорода, Великого Устюга и даже расширили возможные влияния до новой живописной манеры Санкт-Петербурга в творчестве П. Завёрткина.

Эти выводы повторены в справочном издании «Уральская историческая энциклопедия», в статье о невянской школе иконописи Т.А. Рунёвой и В.И. Колосницина¹⁹.

Еще более расширили возможный круг влияний иных иконописных центров на невянскую иконопись коллекционеры Л. Рязанова и Ю.М. Рязанов, конкретизируя ранее выдвинутый вывод о множественности этих стилевых влияний. Помимо московского и ярославского влияний они обозначили вятское и пермское: «Нам невянская икона с самого начала представляется как драгоценный сплав, полученный в мощном творческом тигле. В нем соединились в целое, причем оригинальное целое, детали многих школ течений и направлений. В невянских иконах, особенно в ранних, очевидны влияния в первую очередь и более прочих ярославского, а также московского, вятского, позднего строгановского, пермского и других писем и манер»²⁰.

Е.В. Ройзман, во вступительной статье к первому выпуску «Вестника» музея «Невянская икона», внутри невянской школы иконописи для XVIII в. выделил четыре различных направления. Среди них в так называемом «овальном письме» автор отметил

северное влияние, а в «рельефном» — как северное, так и московское²¹.

В целом, не смотря на сложность проделанной работы по выявлению стилистических истоков старообрядческой иконописи на Урале, исследователи затрудняются говорить о влиянии какой-либо конкретной иконописной традиции. География влияний, таким образом, получается достаточно обширная: московское, ярославское, поволжское, новгородское, устюжское, вятское, пермское и др. Это связано, прежде всего, с тем, что большинство памятников первой половины XVIII в., когда происходило зарождение уральского иконописания, не сохранилось, что в свою очередь затрудняет изучение первых икон, попавших на Урал и ставших источником стилистической традиции для всего дальнейшего уральского иконописания. Имея дефицит источников, исследователи часто основываются на иконах различного времени создания, что и приводит к подобной широте предположений о возможных влияниях. Проблема конкретизации стилистических истоков уральской иконописи, сравнительного изучения ее произведений с иконами различных иконописных центров, привлечение документальных источников для реконструкции биографий и деятельности первых иконописцев — все это подтверждает необходимость изучения уральского старообрядческого иконописания на основе комплексного подхода, применения искусствоведческих и исторических методов исследования.

Отметим, что в настоящее время ведется поиск исторических данных об иконописных мастерских на территории южной части горнозаводского Урала. Я.А. Русановым проводится стилистическое, композиционное, иконографическое изучение коллекций, сформировавшихся на территории южно-уральского региона. Исследователь, изучая иконы Кыштыма, Каслей, Катав-Ивановска, Сатки, ставит вопрос о существовании мастерской, снабжавшей эти заводы иконами, и проблему стилевого разнообразия внутри школы. Отмечая близость икон к кругу невянских, автор вместе с тем говорит и об их специфике: «Здесь мы видим особые черты, объединяющие их в единую коллекцию, делающую ее цельной, и позволяющей сделать вывод о единой манере, характерной для одной мастерской, существовавшей на территории Южного Урала»²².

Итак, в ходе изучения уральской старообрядческой иконописи с конца 1980-х гг. учеными выявлен невянский иконописный центр, введено в научный оборот понятие «невянская школа иконописи» и поставлен вопрос о ее стилистических истоках. Исследования показали, что невянская икона не является провинциальной ветвью строгановской школы иконописи, а имеет иные корни — живопись Поволжья, Ярославля, Костромы, Ростова, школы Оружейной палаты и некоторых других центров. Однако, не смотря на накопленный материал, проблема истоков стиля уральской старообрядческой иконы остается

открытой. Исследования продолжают носить во многом гипотетический характер. Предполагаемая множественность стилистических истоков уральской иконописи, ставит задачу ее тщательного сравнительного анализа с произведениями других иконописных центров. Встает вопрос о роли невянской школы в развитии иконописи Урала, о существовании других иконописных центров в данном регионе.

Примечания

1. Цит по: Байдин, В.И. Повествовательные и документальные источники по истории старообрядческого иконописания на горных заводах Урала в XVII — начала XX вв. / В.И. Байдин // Невьянская икона. Альбом. — Екатеринбург, 1997. — С. 233.

2. Мамин-Сибиряк, Д.Н. Статьи и очерки. Самоцветы / Д.Н. Мамин-Сибиряк. — Свердловск : Изд-во ОГИЗ, 1947. — С. 260.

3. Гончарова, Н.А. Невьянское иконописное наследие в музеях Екатеринбурга. Страницы истории / Н.А. Гончарова // Невьянская икона. Альбом. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1997. — С. 221—222.

4. Понятие вводится: Гольнец, Г.В. Невьянская иконописная школа второй половины XVIII — XIX вв. и ее стилистические особенности / Г.В. Гольнец // Из истории художественной культуры Урала: сб. науч. тр. — Свердловск, 1988. — С. 31; См также: Гольнец, Г.К. К истории уральской иконописи XVIII—XIX вв.: Невьянская школа // Искусство. — 1987. — № 12. — С. 61—68.

5. Рязанова, Л.Д. «Писань бысть... в невянском заводе» / Л.Д. Рязанова // Урал. — 1986. — № 12. — С. 148.

6. Гольнец, Г.В. Невьянская иконописная школа второй половины XVIII—XIX вв. и ее стилистические особенности / Г.В. Гольнец // Из истории художественной культуры Урала. — Свердловск. 1988. — С. 32.

7. Там же. С. 33.

8. Там же. С. 37.

9. Губкин, О.П. Богатыревы — династия невянских художников — иконописцев / О.П. Губкин // Из истории художественной культуры Урала: сб. науч. тр. — Свердловск, 1988. — С. 135.

10. Рязанов, Ю.М. Встреча с «белоликими» / Ю.М. Рязанов // Уральский следопыт. — 1991. — № 10. — С. 2—3.

11. Яковлева, Л.Ю. Иконопись нового времени в собрании Челябинского областного краеведческого музея / Л.Ю. Яковлева // Древнерусские традиции в культуре Урала: сб. науч. тр. — Челябинск, 1992. — С. 137—144.

12. См: Байдин, В.И. К вопросу о старообрядческом иконописании на горнозаводском Урале в XVIII—XIX вв. / В.И. Байдин // Древнерусская традиция в культуре: сб. науч. тр. — Челябинск, 1992. — С. 18—41; Он же. Заметки об иконописцах-старообрядцах на горных заводах Урала в первой половине — середине XVIII в.: новые имена и новое об

известных мастерах (к вопросу об источниках и времени складывания невянской иконописной школы) / В.И. Байдин // Вестник музея «Невянская икона». — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2002. — Вып. 1. — С. 58—81; Он же. Пути-дороги инока Паисия / В.И. Байдин // Уральский следопыт. — 1994. — № 4. — С. 41—44.

13. Гольнец, Г.В. Уральская икона / Г.В. Гольнец // Сезоны. Хроники российской художественной жизни. Ежегодник. — М, 1995. — С. 74—85; См. также Гольнец, Г.В. Горнее и дольнее. Невьянская школа иконописи / Г.В. Гольнец // Образ Урала в изобразительном искусстве. — Екатеринбург : Сократ, 2008. — С. 68—84.

14. Байдин, В.И. Повествовательные и документальные источники по истории старообрядческого иконописания на горных заводах Урала в XVII — начала XX вв. / В.И. Байдин // Невьянская икона. Альбом. — Екатеринбург, 1997. — С. 233—244; См. также: Он же. Заметки об иконописцах-старообрядцах на горных заводах Урала в первой половине — середине XVIII в.: новые имена и новое об известных мастерах (к вопросу об источниках и времени складывания невянской иконописной школы) // Вестник музея «Невянская икона» — Екатеринбург. Изд-во Урал. ун-та, 2002. — Вып. 1. — С. 58—79; Он же. Традиции и быт старообрядцев / В.И. Байдин // История культуры старообрядчества. — <http://www.eunnet.net/oldbelief/main.html>.

15. Пантелеева, Г.И. Памятники Древней Руси. Из собрания Челябинской картинной галереи. Ч. 1. Иконопись / Г.И. Пантелеева. — Челябинск. — 2003. — С. 5—15.

16. Губкин, О. П. Династии невянских иконописцев старообрядцев Богатыревых и Чернобровиных / О.П. Губкин // Невьянская икона. Альбом. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1997. — С. 227.

17. Гончарова, Н.А. Иконописное наследие Урала: истоки и пути развития / Н.А. Гончарова, О.П. Губкин, Т.А. Рунёва // Уральская икона. Живописная, резная и литая икона XVIII — начала XX. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1998. — С. 8.

18. Там же. С. 9—12.

19. Рунёва, Т. А. Невьянская школа иконописи / Т.А. Рунёва, В.И. Колоснидин // Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург : Академкнига, 2000. — С. 361.

20. Рязанова, Л. Невьянская икона: от истоков к закату / Л. Рязанова, Ю.М. Рязанов // Уральский следопыт. — 1999. — № 2. — С. 62—68.

21. Ройзман, Е. В. Как это было / Е.В. Ройзман // Вестник музея «Невянская икона». — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2002. — Вып. 1. — С. 12—17

22. Русанов, Я.А. Южно-уральские памятники старообрядческой иконописи конца XIX — начала XX вв. / Я.А. Русанов // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Социально-гуманитарные науки». — 2008. — Вып. 10. — С. 79—81; Он же. Памятники старообрядческой иконописи на Южном Урале / Я.А. Русанов // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Социально-гуманитарные науки». — 2009. — Вып. 12. — С. 74—77.

Поступила в редакцию 23 июля 2009 г.

Трофимова Наталья Васильевна, аспирант кафедры «Искусствоведения и культурология» ЮУрГУ. В 2008 окончила Челябинский государственный педагогический университет по специальности «История и культурология». Область научных интересов — историография древнерусского искусства и его традиций на Урале.

Trofimova Natalia Vasilivna, post-graduate student of art and cultural studies department. Graduated from the Chelyabinsk State Pedagogical University in 2008, specializes in history and cultural studies. Field of academic interests — historical studies of Ural ancient art.

Социология и политология

ББК С55.54

РОЛЬ ИНСТИТУТОВ СЕМЬИ, ОБРАЗОВАНИЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Н.В. Бредихина

ROLE OF INSTITUTIONS OF FAMILY, EDUCATION AND PUBLIC HEALTH IN FORMATION OF HEALTHY LIFE-STYLE OF POPULATION

N.V. Bredikhina

Проблема экологии, социально-экологических условий жизни, питания, развития здравоохранения на территории России, а особенно Челябинской области, является крайне актуальной. Очевидно, что необходимо провести анализ процесса ориентации человека на здоровье и здоровый образ жизни.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, здоровье, социальный институт, институт семьи, функции семьи, социализация, образование, здравоохранение, профилактика, диагностика.

The problem of ecology, socially-ecological living conditions, food, public health services development in territory of Russia, and especially Chelyabinsk area is the extremely actual now. It is obvious that it is necessary to carry out the analysis of process of orientation of the person on health and a healthy way of life.

Keywords: a healthy way of life, health, social institute, institute of a family, family function, socialisation, education, public health services, preventive maintenance, diagnostics.

Отклонения в состоянии здоровья человека как правило формируются в детстве и юности и часто являются результатом нездорового образа жизни. На территории России, а особенно Челябинской области, экология, социально-экономические условия жизни, питание, развитие здравоохранения на современном этапе не отвечают требованиям общества. Для сохранения здоровья при указанных объективных факторах, актуальной является задача обучения населения основам здорового образа жизни, то есть формирования четких установок, ориентаций и навыков сохранения и укрепления здоровья для каждого человека. В данном случае речь идет о влиянии на субъективные факторы, к которым относятся также уровень информированности и реальная практика постоянного самопобуждения к реализации требований здорового образа жизни.

Очевидно, что ориентации на здоровье и здоровый образ жизни не могут возникать у человека сами по себе. Их формирование происходит в результате воспитания и образования. Поэтому ведущую роль в этом процессе играют семья, учебное заведение и здравоохранение. Именно они, начиная с раннего детства, должны прививать человеку навыки профилактики заболеваний, сохранения здоровья и формирования здорового образа жизни.

Поэтому необходимо подробно рассмотреть роль институтов семьи, образования и здравоохранения в формировании ориентаций на ЗОЖ.

Совершенно понятно, что образ жизни личности особенно на ранних этапах её развития напрямую зависит от той семьи, в которой родился человек. Школа, среднее или высшее учебное заведение, вносят свои коррективы в дальнейшее развитие образа жизни личности. Поддержание здоровья человека, формирование ориентаций на здоровый образ жизни не всегда зависит от него самого, для этого нужны условия, в которых формируется личность, факторы, воздействующие на этот сложный социальный процесс. Ведущими факторами должны выступать институты семьи, образования и здравоохранения. Однако, успешное формирование здорового образа жизни личности в современных условиях возможно лишь при их взаимодействии, координации деятельности по целенаправленному формированию здорового образа жизни личности. Именно поэтому образование, семья и здравоохранение — важные научные категории, требующие анализа.

Социологическое видение семьи, образования и здравоохранения состоит, прежде всего, в понимании их как социальных институтов, включённых в систему социальных отношений. Данный подход

позволяет определить место каждого из них в обществе, проанализировать функции, которые выполняет каждый социальный институт.

Категория «социальный институт» позволяет рассматривать семью, образование и здравоохранение как важные социальные институты общества, детерминирующие формирование ориентаций населения на ЗОЖ. Специфика семьи заключается в том, что она должна формировать установку на ЗОЖ с момента рождения человека. Образование должно заниматься этим на первом уровне. Что касается института здравоохранения, то он должен не только констатировать наличие болезни и осуществлять лечение, но главным образом, заниматься профилактикой заболеваний и формированием здорового образа жизни.

В России 2009 год объявлен годом семьи. В последние два три года государство и СМИ вели активную пропаганду молодой семьи, рождения детей, а особенно второго ребенка в семье обеспечивая определенную поддержку материальными выплатами, предоставлением ипотечных кредитов и пр. Но рождение ребенка остается дорогим «проектом» особенно для молодых семейных пар.

Репродуктивная функция семьи, связанная с воспроизводством её членов и воспроизводством населения страны является одной из важнейших. Она напрямую связана со здоровьем человека. Реализация этой функции предполагает формирование установки на деторождение, в свою очередь, рождение здорового ребенка предполагает ориентацию будущих родителей на здоровый образ жизни.

Семья выполняет функцию социализации личности, приобщения её к тому социальному опыту, который выработало человечество, способствует человеку вхождению в общество. В ходе процесса социализации человек формирует свой образ жизни. От того, насколько удачно проходит этот процесс зависит, будет ли образ жизни здоровым или нет.

В настоящее время существенно трансформируется культурная функция семьи: функция культурного взаимного обмена. Семья всегда являлась местом вхождения человека в культуру, приобщения к её ценностям и нормам. Для современной семьи характерно культурное противоречие между родителями, живущими старыми нормами и ценностями культуры, и детьми — приверженцами всего нового.

Социально-психологическая функция семьи, сущность которой связана с оказанием взаимной поддержки членов семьи, их эмоциональной стабилизацией, напрямую связана с поддержанием психического здоровья человека.

Важной функцией семьи является хозяйственно-бытовая то есть ведение совместного домашнего хозяйства. XXI век существенным образом изменил быт человека, его образ жизни. Изменилась и хозяйственно-бытовая функция семьи. Не случайно

западные социологи сущность этой функции видят в поддержании физического здоровья членов общества, и каждого члена семьи. Налаженный быт высвобождает время для активной деятельности личности, в том числе, физической активности¹. Это, в свою очередь, помогает не только формировать ориентации на ЗОЖ, но и следовать ему.

Экономическая функция семьи связана с экономической поддержкой, оказанием экономической помощи нетрудоспособным и несовершеннолетним членам семьи.

Как отмечает М. С. Мацковский², в современных условиях возрастает роль сексуальной функции семьи, связанной с удовлетворением сексуальных потребностей личности, поддержанием физической и духовной гармонии между супругами. Эта функция лишь в последние 10—15 лет изучается в отечественной социологии. Между тем, это одна из важных сторон семейной жизни, которая связана, как с физическим, так и с психическим состоянием человека.

Мы затронули основные функции семьи как социального института. При этом каждая из них вносит свою лепту в формирование здорового образа жизни, поддержание здоровья, как личности, так и различных социальных групп в целом. Как видим, все функции семьи в идеале должны способствовать формированию как ориентаций на здоровый образ жизни, так и самого ЗОЖ.

Рассмотрев семью, перейдем к анализу образования как социального института.

Так например, Г. Е. Зборовский даёт следующее определение: «образование может быть определено как социальный институт, реализующий в процессе взаимодействия социальных общностей функции социализации, развития личности и общественных (экономических, политических и иных структур)³. На наш взгляд, это определение наиболее полно характеризует образование как социальный институт. Здесь образование выступает не просто как связывающий общество и личность социальный институт. Возникновение любого социального института связано с необходимостью удовлетворения потребностей в той или иной сфере общественной жизни. Образование не является исключением. Практически с начала своего существования в обществе возникает необходимость в особых, специфически человеческих формах и способах передачи социального опыта, поскольку биологических программ и механизмов для этих целей человек не имел. Образование, таким образом, становится одним из важнейших способов реализации механизма социального наследования, преемственности, имеющим сугубо культурный (человеческий, социальный) характер. Удовлетворение потребности в передаче социального опыта, социализации в институциональной форме посредством образования становится, с одной стороны, нормой общества, с другой — целью, поскольку меняющиеся и развивающиеся образова-

тельные потребности требуют адекватного их удовлетворения. На наш взгляд, каждый из элементов института образования оказывает влияние на формирование как ориентаций на ЗОЖ, так и сам ЗОЖ личности. Это может происходить за счёт непосредственного влияния — введения специальных курсов (валеология, ОБЖ, физическая культура и др.) так и за счёт косвенного — личный пример педагога, воспитательная работа в учебном заведении и т. д.

Образование — фундамент культуры не только с точки зрения институциональной, но и личностной. Ведь получение образования есть не что иное, как процесс пробуждения и реализации потребностей в созидании, потреблении и распространении ценностей культуры. Культурная функция образования состоит в воспроизводстве и развитии материальной и духовной культуры самых различных групп и слоев населения.

Названная функциональная характеристика образования как социального института имеет значение для любых образовательных структур. Их всех сближает функция формирования личностного «ядра» общества.

Характеристика функций образования позволяет определить его весьма заметное место и значительную роль, как в общественной жизни, так и в жизнедеятельности личности. Нетрудно заметить, что институт образования, обучая, воспитывая, давая знания, должен формировать ориентации на особый способ жизнедеятельности личности, что связано с её здоровьем.

Перейдём к анализу роли института здравоохранения.

В «Советском энциклопедическом словаре» читаем: «Здравоохранение — система государственных и общественных мероприятий по сохранению здоровья, предупреждению и лечению болезней и продлению жизни человека»⁴. В данном определении мы видим системный подход к понятию «здравоохранения». Однако в нём остаётся неясным вопрос о характере мероприятий.

Социологический подход к анализу здравоохранения, позволяет характеризовать его как важный социальный институт общества.

Мы полагаем, что здравоохранение — социальный институт, в котором осуществляется социальное взаимодействие между людьми по поводу сохранения и поддержания здоровья населения, детерминированное объективными и субъективными факторами.

Одной из главных функций является лечебная, что связана с лечением заболеваний человека. Однако ещё Ф. Бэкон писал: «... первая обязанность медицины — сохранить здоровье, вторая — лечение болезней»⁵. Поэтому важной функцией здравоохранения в современных условиях выступает санологическая функция. Отечественное здравоохранение практически на протяжении всего своего существования уделяло особое внимание здоровью

«больного человека». В современных условиях резко встаёт проблема охраны, улучшения и воспроизводство «здоровья здоровых». Именно с этой функцией связано генеральное направление института здравоохранения, которое воплощает в себе идеи и принципы социальной политики и стратегии охраны здоровья населения. Реализация этой функции на практике ведет к сокращению смертности и заболеваемости населения России.

Не менее важной функцией является охранительная: охрана материнства и детства, что представляет собой систему государственных и общественных мероприятий, направленных на охрану здоровья матери и ребенка.

Забота института здравоохранения о здоровье населения предполагает и наличие в его арсенале курортно-оздоровительной функции, которая связана с представлением человеку услуг по полноценному проведению своего отдыха в профилакториях, домах отдыха и санаториях.

Социально-профилактическая функция включает в себя систему социально-экономических мероприятий, направленных на профилактику болезней и заботу о здоровье населения. Как отмечает Н.А. Семашко, социально-профилактическая функция связана с различными сферами деятельности человека, включая деятельность по преобразованию условий труда, быта, самого образа жизни личности, направленную на охрану здоровья населения, предупреждение причин и факторов риска заболеваний. Мы видим, что в таком широком понимании данная функция выходит за пределы института здравоохранения. Для ее реализации необходимы как условия, создаваемые в институте здравоохранения, так и поддержка государства. Здесь возникает противоречие. Как нами уже отмечалось ранее, несмотря на то, что социально-профилактическая функция должна играть ведущую роль в рамках института здравоохранения, в современных условиях, реально, она не работает.

Важной функцией института здравоохранения является, диагностическая. Суть этой функции состоит в том, что ее реализация направлена на укрепление здоровья и трудоспособности населения, на предупреждение возникновения и распространения заболеваний и создание наиболее благоприятных условий внешней среды, формированию ориентаций на ЗОЖ. Мы согласны с Ю.П. Лисициным в том, что через эту функцию здравоохранение осуществляет синтез двух других функций — социально-профилактической и лечебной⁶. Это должно достигаться, во-первых, за счет активного обследования определенных групп населения и выявления факторов риска возникновения заболевания. Их учет осуществляться путем проведения диспансерных и различных профилактических осмотров, а также посредством выявления больных с наличием различных клинических проявлений болезни при первичном обращении к врачу. Во-вторых, за счет бес-

печения правильного физического развития и сохранения здоровья здоровых, предупреждения возникновения у них заболеваний путем своевременного и длительного проведения намеченных оздоровительных мероприятий.

Функция социальной, медицинской экспертизы — одна из важных функций института здравоохранения. Именно медицинские работники, с одной стороны, должны сегодня являться экспертами принимаемых в обществе административных, государственных и т. д. решений, касающихся проблем здоровья человека, а с другой — экспертами трудоспособности населения.

Пропагандистско-воспитательная функция включает в себя информирование населения, проведение мероприятий по пропаганде здорового образа жизни, что ведет к формированию ориентаций населения на ЗОЖ. Это могут быть мероприятия, проводимые совместно с институтом образования и спорта. Важное место здесь должны занимать оздоровительные мероприятия, проводимые при самих медицинских учреждениях.

Мы согласны с мнением Т. Максимовой о том, что важной функцией является информационная⁷. Современная ситуация в России в целом и в здравоохранении, в частности, требует нового взгляда на статистическую, информационную деятельность института здравоохранения. Статистически-информационная деятельность должна ориентироваться, в первую очередь, не на оценку уровня заболеваемости, а на развитие служб здравоохранения и отслеживание этапов этого развития. Реализация этой функции связана с информационным обменом об использовании современных средств лечения, профилактики и диагностики заболеваний между специалистами — медицинскими работниками. Информирование органов управления (федерального и местного уровней) в отношении современных проблем здоровья и медицинского обеспечения населения является важной составляющей функции института здравоохранения.

На наш взгляд, важной функцией является культурная функция института здравоохранения, связан-

ная с формированием определенных норм и ценностей, направленных на развитие у различных социальных групп культуры здоровья, а фактически ориентаций на здоровый образ жизни. Реализация этой функции на практике должна превратить «моду на здоровье» в здоровье как важную жизненную ценность и формирования на этой основе стратегии оздоровительной практики личности.

Мы обозначили лишь основные функции института здравоохранения. Понятно, что все они направлены на поддержание и сохранение здоровья человека, на формирование ориентаций на здоровый образ жизни.

Таким образом, все три рассмотренных нами социальных института призваны формировать ориентации на ЗОЖ. От их взаимодействия зависит то, какой образ жизни будет вести личность. Мы прекрасно понимаем, что все описанные нами функции характеризуют должное, то, что должны делать семья, образование и здравоохранение в целях формирования ориентаций на ЗОЖ, и стремлении обеспечить ЗОЖ личности.

Какова сегодня реальная включенность этих институтов в процесс формирования ЗОЖ можно выяснить лишь с помощью эмпирического анализа.

Примечания

1. См. Naraven, Tamara K. Family Time and industrial time / Tamara K. Naraven. — Cambridge : Cambridge University press, 1982; Giddens Population. Health. Age. Cambridge. 1990 и др.
2. Мацковский, М.С. Социология семьи (проблемы, теории, методологии и методики) / М.С. Мацковский. — М., 1989.
3. Зборовский, Г.Е. Социология образования / Г.Е. Зборовский. — Ч. I. — Екатеринбург, 1993. — С. 38—39.
4. Советский энциклопедический словарь. — М., 1988. — С. 187.
5. Бэкон, Ф. О достоинстве и приумножении наук. Соч. в 2 т. / Ф. Бэкон. — Т. I. — М., 1971. — С. 264.
6. Лисицын, Ю.П. Социальная гигиена и организация здравоохранения / Ю.П. Лисицын. — М., 1992. — С. 105.
7. Там же. — С. 145.

Поступила в редакцию 22 июля 2009 г.

Бредихина Наталья Васильевна родилась в г. Челябинске в 1974 году. В 1997 году окончила исторический факультет Челябинского Государственного Университета. С 1997 года работает на кафедре социологии ЮУрГУ. В 2006 году защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Ориентации населения на здоровый образ жизни: региональный аспект» по специальности социология культуры, духовной жизни. Кандидат социологических наук. Автор одной монографии и более десятка статей.

Bredihina Nataliya Vasilievna was born in Chelyabinsk in 1974. In 1997 has ended historical faculty of the Chelyabinsk State University. Since 1997 works on chair of sociology ЮУрГУ. In 2006 has defended the dissertation on the theme: «Orientations of the population to a healthy way of life: regional aspect» on a speciality sociology of culture, a spiritual life. The candidate of sociological sciences. The author of one monography and more than ten articles.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ОБЩЕСТВА

В.А. Гоглева Ю.А. Лукина

THE POLITICAL ACTIVITY YOUTH HOW ARE RESULT THE POLITICAL TIMES OF THE SOCIETY

V.A. Gogleva, Y.A. Lukina

В статье предпринята попытка сравнительного анализа политической активности французской и российской молодёжи. Молодёжь представлена как специфическая социальная группа, которая является своеобразным индикатором активности всего общества.

Ключевые слова: реалистическая теория международных отношений, национальная безопасность, однополярность, многополярность, государственные интересы.

On the basis of September 2008's speeches of the Democrats' Michael McFall and the Republicans' Condoleeza Rice the article investigates the following: how the foreign political elite of America evaluates the international relationships' crisis of August 2008; which theoretical approaches they use to analyze the situation and find the action strategy; what changes are taking place in the American view of the international problems due to the crisis.

Keywords: international relationships realistic theory, national security, unipolarity, multipolarity, state interests.

Исследование молодежи, её особенностей и деятельности в политике сегодня чрезвычайно актуально. Стоит отметить, что исследователи до сих пор не уделяли достаточного внимания проблемам молодежной политики. Сегодня интерес к молодому поколению возрос, также требуется пополнение знания о молодежи как социальной группе и резерве общества. Если советская молодежь изучена достаточно подробно, то молодому поколению постсоветской России уделялось мало внимания, а между тем это новое поколение имеет существенные отличия, как в ценностных установках, так и в проявлениях политической активности, с этой точки зрения изучение данной категории очень перспективно. 2009 год объявлен годом молодежи в России, что может быть сигналом для ученых к началу активных исследований в области молодежной политики, молодежной активности.

Понятие, сущность и основные характеристики молодежи активно изучаются в социологии, где выделено даже специальное направление — социология молодежи, а также развивается такое направление исследований как ювенология¹. Политологи не проявили такого пристального интереса к данной демографической группе, ограничиваясь констатацией факта значимости молодого поколения для воспроизводства политической системы общества. Таким образом, на сегодня исследова-

ний о молодежи как об особом политическом акторе в политической науке практически нет.

Сегодня молодежь достаточно разнородная социальная группа, которая обладает собственной структурой и функциями, то есть молодежь можно рассматривать как систему. Молодое поколение это люди, которые через двадцать лет будут находиться у власти, и то какие принципы, установки и мнения заложены в них сегодня будет влиять на все общество в целом. Нельзя надеяться, что поколение выросшее в эпоху кризиса как экономического, так и морального будет носителем высоких идеалов. Но есть надежда, что сегодняшняя молодежь сможет выработать собственные ориентиры и не будет повторять ошибок предшествующих поколений.

Сегодня в России сформировалось понимание важности молодежной политики, важности воспитания молодого поколения. Ежегодно издаются программы по поддержке молодежи, была издана «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации» или, так называемая, «Программа 2020», программа содержит большой блок, напрямую касающийся молодежи и ее положения. Сегодня государство обратило внимание на молодое поколение, однако ещё раньше потенциал молодежи оценили политические партии и общественные организации. Каждая уважающая себя партия считает нужным иметь молодежное

объединение. Сегодня также действуют Молодежные общественные палаты.

Можно ли сегодня говорить о повышении молодежной политической активности? Наверное, можно, так как сегодня много говорится о выступлениях молодежного отделения Единой России — Молодой Гвардии, деятельности молодежного Яблока и других организаций. Сегодня наблюдается тенденция к тому, что государство и элита государства начинают направлять действия молодого поколения. В этом можно увидеть как плюсы, так и минусы. К бесспорным плюсам относится снижение популярности националистических движений, а также уменьшение популярности криминальных структур, сегодня молодежь стремится в другие сферы жизни. Это несомненное достижение государства, так как молодежь занята другим делом, что может способствовать уменьшению количества правонарушений в нашей стране. Такое внимание со стороны государства к молодому поколению может способствовать возрождению массовых молодежных организаций сильных и способных влиять на власть и общество. Однако при этом возникает опасность того, что вся деятельность молодежи будет определена государством, в таком случае молодое поколение может восприниматься как монолит без собственных мнений и течений под эгидой государственной идеи.

Необходимо отметить, что созданная «Программа 2020» дает обществу временную направленность, ориентирует на достижение определенных целей в определенный срок. Возможно, это приведет к более эффективной политике в области распределения общественного и политического времени, что, учитывая направленность программы, влияет на молодежь и молодежную политическую активность.

Каждый народ, государство имеют свои особенности, связанные с территорией, климатом, традициями, обычаями и культурой. Все эти факторы влияют на жизнь людей, на их мироощущение, формируя особый уклад жизни, особое отношение к миру. Каждый народ своеобразно понимает и ощущает время, есть люди, вся жизнь которых направлена на историю, на достижение определенных целей, другие народы стремятся жить сегодняшним днем. В каждом обществе устанавливается свой темп жизни и ритмы политических изменений, главным фактором этого является тип политического времени общества.

Тип политического времени зависит от многих факторов, например, от политической культуры, господствующей в обществе. Исследователи Алмонд и Верба выделили несколько типов политической культуры, одним из типов является активистская политическая культура. Она предполагает участие граждан в жизни государства и общества, активное отстаивание собственных интересов.

Очевидно, что общество любого типа политической культуры воспроизводит себя в молодом по-

колении, передавая через воспитание господствующие ценности и принципы. Молодежь является носителем определенного типа политической культуры, что будет определять цели, средства их достижения, методы деятельности, а также уровень согласия в группе.

Видимо, можно говорить о том, что одна и та же проблема может вызвать разные реакции в странах с разными политическими культурами. Активистская политическая культура будет стимулировать общество к активным действиям, к отстаиванию собственных позиций и прав, в то время как представители других типов культур не проявят собственного недовольства.

В данной статье мы рассмотрим представителей двух политических культур, а именно молодежь Франции и России. Молодежь Франции активно проявляет себя в политике, защищая не только свои права, но и выступая по поводу международных событий. На слуху постоянные выступления молодежи во Франции, студенческие бунты. Российская молодежь на сегодня не проявила себя столь активно, хотя поводов для этого также достаточно.

Конечно, можно говорить о том, что российские молодые люди не привыкли к активным действиям в сфере политики, в то время как французское общество имеет давнюю историю политической борьбы. Следовательно, каждое общество воспитало свое подрастающее поколение по-своему. Однако, можно ли говорить, что граждане СССР не вели политической жизни? Советское общество привыкло к манифестациям и выступлениям по разным вопросам, писались коллективные письма в редакции газет, велась политическая пропаганда. Другое дело то, что в СССР вся политическая активность была ограничена строгими идеологическими рамками и жестко регламентировалась. Но, несмотря на строгий идеологический контроль, граждане проявляли себя в политике, а значит, имеют опыт и знания по политической борьбе.

Нужно отметить, что поколение современной российской молодежи уже не знает идеологического давления, но не знает оно и политического воспитания. Сегодня в России политическая активность молодежи контролируется государством, деятельность молодежи осуществляется с позволения государства, это и Молодежные общественные палаты, и молодежные отделения российских политических партий. В этом и отличие от действий французской молодежи, которая действует в пику государству, показывает в основном негативную реакцию на деятельность правительства.

Очень интересен тот факт, что сегодня большинство российской молодежи понимают как опору и поддержку действий правительства, например, противопоставляя активистов партий членам националистических движений, большинство упоминаний о деятельности молодежных отделений партий свя-

заны с выступлениями протестного электората. Французские молодые люди проводят массовые акции в ответ на действия правительства, противопоставляя себя государству, деятельность французской молодежи носит характер реакции. Можно выделить две основных причины недовольства французской молодежи это реформы в области образования, а также деятельность на международной арене, например, антивоенные движения.

Анализ политической активности французской молодежи предоставляет наиболее обширный фактический материал, так как ни в одной стране мира действия молодых людей не были столь частыми и носили такой обширный характер. Молодежь во Франции является катализатором политической активности всего общества, но в тоже время она является индикатором социального недовольства. Уже говорилось о событийности политического времени, именно события определяют течение политического времени. Такая наполненность событиями политической истории Франции ведет к ускорению политического времени общества. Молодежь, как наиболее чувствительная к переменам, часть общества, привыкает жить в ускоренном времени, принимая его как должное, и стремится в дальнейшем воспроизводить такой его темп.

Российская молодежь не только не знает о возможности влияния на власть, но и не привыкла к решительным действиям, к ускоренному политическому времени. В истории нашей страны, уже отмеченная, цикличность привела к тому, что общество сменяет возбужденное состояние в периоды кризиса на полную апатию и безразличие. Сегодня как раз и наблюдается пренебрежение политическими делами большинством населения нашей страны, сегодня именно та фаза цикла, когда население восполняет растрченную в начале 90-х годов энергию. Однако стоит помнить, что за каждым спадом активности обязательно следует подъем.

Существует интересная гипотеза, что ритм политического времени страны определяется ритмом обновления элиты, это так называемая, поколенческая теория. Представители данного направления, среди которых Мангейм, Ортега-и-Гасет, Шлезингер, полагают, что политическая жизнь общества определяется сменой поколений, которая происходит примерно через тридцать лет, при этом первые 15 лет новое поколение тратит на завоевание власти, а следующие 15 лет новое поколение находится у власти. Применяя данную концепцию к политической истории России, можно увидеть, что с момента коренного изменения нашей страны, то есть конца 80-х начала 90-х прошло около 15—20 лет. Это дает возможность говорить о том, что новое поколение должно скоро заявить свои права на власть. Следовательно, политическая активность российской молодежи должна существенно возрасти.

Анализируя политическую историю Франции, можно увидеть, что многие лидеры молодежных движений остались в политике и сегодня.

Изучая проявления политической активности молодежью Франции можно выделить две основные причины к началу активных действий: это войны и реформы образования. Как правило, именно эти явления и давали повод к началу молодежной политической деятельности.

Военные действия являются достаточно важной причиной для проявления обществом своей активности, война это такое явление в жизни общества, которое вызывает напряжение всех его систем. Война не может не стать причиной активности населения, например, согласие с действиями правительства или же наоборот.

Можно выделить две причины, почему война влияет на молодежь, во-первых, именно молодежь, как правило, ведет боевые действия, именно из молодых людей формируется солдатский корпус. Конечно, можно списывать антивоенные выступления на нежелание молодых людей служить, а главное погибать. Однако, как правило, антивоенная активность объясняется аморальностью войны, безнравственностью убийств людей. Кроме того, война несет много расходов, подрывая национальные экономики, а значит, ухудшается материальное положение населения. Война также наносит вред самосознанию общества, встает вопрос о реабилитации участников военных действий, об оправдании необходимости боевых действий и убийств людей.

История Франции во второй половине XX века знает две войны, которые вызвали выступления молодежи. Это 1958—1961 год демонстрации против войны в Алжире, и 1965—1968 выступления против войны во Вьетнаме.

С 1954 по 1962 год шла война за независимость Алжира от Франции, которая принесла независимость Алжиру. Исследователи называют данную войну антиколониальной. В российской новейшей истории тоже существовала подобная ситуация в Чеченской республике. Было две чеченские войны, официально они назывались контртеррористическими операциями, однако всё общество понимало, что это война. Нужно отметить, что французское правительство до 1999 года называло войну в Алжире операцией по восстановлению порядка. С 1958 года во Франции проходили демонстрации молодежи, которые носили характер антивоенных выступлений, большое количество митингов прошло в студенческих городках Франции. Французское общество активно реагировало на боевые действия, отстаивая свое право на мирную жизнь.

В России ситуация иная, так как к названным причинам возможной антивоенной активности молодежи добавляется еще и третий фактор, а именно терроризм. Боевые акции проводились не только в Чечне, но и также и в других городах России, в Москве,

Буйнакске и Волгодонске произошли террористические акты. Военные действия перенесены на территорию России и опасности подвергались все граждане. Но даже в такой ситуации российская молодежь не выступила с неодобрением политики официальных властей. По данным Фонда «Общественное мнение» на январь 2001 года 42 % лиц в возрасте от 18 до 35 лет не одобряют действия российских военных в Чечне². Это значительная часть молодых людей, которая никак не проявила себя, не выразила недовольства, не заявила своей позиции.

Несмотря на то, что около 40 тысяч человек было убито за две чеченские кампании³, несмотря на то, что процент недовольных политикой властей достаточно высок, несмотря на то, что военные действия ведутся на территории России, несмотря на все это, российская молодежь не выступала против войны в Чечне. Нельзя говорить, что российская молодежь стремится к войне и одобряет убийства людей, также нельзя говорить, что российские люди боятся войны, конечно, многие не желают служить в армии, но также существуют люди, которые добровольно идут на войну.

Можно предположить, что у молодых людей в современной России нет понимания необходимости активных действий. Вообще в российском обществе существует мнение, что всё разрешится само собой, каждый человек считает, что ситуация должна измениться без его участия, без его вмешательства, существует уверенность, что действия одного гражданина не могут влиять на все общество в целом, это же подтверждается и народными поговорками, например, один в поле не воин. Ряд исследователей выделяет следующие черты русского человека, это общинность и коллективизм, это доверие мнению большинства, это рождает безответственность в отношении собственных действий, достижение общественных целей становится задачей не каждого гражданина, а некоего абстрактного общества. У современной молодежи наблюдается та

же надежда на решение проблем кем-то, но не самими молодыми людьми.

Таким образом, для формирования активной гражданской позиции и понимания необходимости активных действий у российской молодежи должно пройти определенное время. Возможно, источником этой активности станет борьба за власть между поколениями, то есть смена элит, однако в этом случае молодежная политическая активность не будет массовой. Массовость политической активности французской молодежи, можно объяснить тем, что во Франции существуют студенческие городки, в которых сконцентрировано большое количество молодых людей, также во Франции существует организация студентов, которая объединяет молодых людей по всей стране. В современной России такой организации нет, также нет больших объединений молодых людей, таких как студенческие города, во многом этим определяется, что пока политическая активность не носит массовый характер и остается делом не многих.

Примечания

1. Можно выделить несколько авторов, которые исследуют молодежную социальную группу: Павловский, В.В. Социология молодежи и ювенология / В.В. Павловский // Социс. — 1999. — № 5. — С. 46—52; Ручкин, Б.А. Молодежь и становление новой России / Б.А. Ручкин // Социс. — 1998. — № 5. — С. 89—95; Чупров, В.И. Молодежь в общественном воспроизводстве / В.И. Чупров // Социс. — 1998. — № 3. — С. 93—106; Данилин, П.А. Новая молодежная политика 2003—2005 / П.А. Данилин. — М.: Европа, 2006. — 292 с.; Социальная работа с молодежью: учебное пособие / под ред. д. п. н., проф. Н.Ф. Басова. — М.: Изд.-торг. корп. «Дашков и К», 2008. — С. 328.

2. Тишков, В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны) / В.А. Тишков. — М.: Наука, 2001. — С. 532.

3. Ситуация в Чечне (Отчет о проведенном исследовании), 2001 // База данных фонда «Общественное мнение». — http://bd.fom.ru/report/cat/reg_ros/check/_chechnya_position/dd010326.

Поступила в редакцию 23 июля 2009 г.

Лукина Юлия Александровна в 2007 г. окончила Южно-уральский госуниверситет, преподаватель кафедры политологии ЮУрГУ. Научные интересы: проблема политического времени, а также взаимовлияние религиозной и политической активности.

Lukina Julia Alexandrovna in 2007 graduated from South Ural State University. Lecturer at the Political Science department, SUSU. Professional interests: problem of political time and interference of religious and political activity.

Гоглева Валентина Александровна в 2009 г. окончила Южно-Уральский госуниверситет по специальности «Политология», ассистент кафедры политологии ЮУрГУ. Научные интересы: взаимосвязь политического времени и политической активности.

Gogleva Valentina Alexandrovna In 2009 graduated from South Ural State University in the major "Political Science". Assistant at the Political Science department, SUSU. Professional interests: interconnection of political time and political activity.

ТЕОРИЯ Ю.М. ЛОТМАНА И ФРАНЦУЗСКАЯ И ИТАЛЬЯНСКАЯ СЕМИОТИКА

Р.А. Зайнетдинова

THEORY OF U. M. LOTMAN AND BOTH FRENCH AND ITALIAN SEMIOTICS

R.A. Zaynetdinova

Работы Ю.М. Лотмана повлияли на теоретическую постановку вопросов в отношении семиозиса художественного текста не только в России, но и на Западе. Пространственность как принцип организации, произведение искусства как конечная модель бесконечного мира и другие идеи явились важнейшим вкладом Лотмана в дискуссию об отношениях между текстом и действительностью. Его идея семиосферы вписывается в контекст семиотических разработок многих современных западных мыслителей, с которыми Ю. Лотман поддерживал контакты.

Ключевые слова: семиотика, знак, текст, московско-тартуская школа, Ю.М. Лотман, французская школа семиотики, итальянская школа семиотики, семиосфера, семиозис, семиотическое пространство

The works of Lotman Y.M. have influenced the theoretical basis of semiosis of literary text not only in Russia, but Europe as well. Spatiality as an organizational principle, a piece of art as the final model of the infinite world and other ideas are the greatest contribution of Lotman into the discussion on relations between text and reality. His idea of semiosphere fits into the context of semiotic workings of many modern European thinkers, whom Y. Lotman has been communicating with.

Keywords: semiotics, text, Moscow-Tartu school, Y.M. Lotman, French and Italian schools of semiotics.

Анализ сферы деятельности человека как символической сферы предпринимается в русской философии еще до оформления семиотики как метода в бывшем СССР («пневмосфера» П.А. Флоренского, «ноосфера» В.И. Вернадского). В 1960-х годах в Италии и Франции выходят первые труды семиотиков, работающих в то время в Москве и Тарту. В центре этой новой области исследований — в качестве связующего звена и точки опоры (в частности, благодаря серии «Трудов по знаковым системам») — стояло имя Юрия Михайловича Лотмана, который исходил в своих работах из структуралистского подхода к феномену сигнификации и коммуникации (впервые на Западе в статье — «Точные методы в советской гуманитарной науке» — появившейся в 1967 году в журнале «Strumenti critici»¹, которая основывалась в основном на выводах теории информации, кибернетики, структурной лингвистики). В 1968 году Юлия Кристева опубликовала в журнале *Tel quel* (№ 35) первый французский перевод работ тартуских семиотиков. Вместе они основали Международную Ассоциацию Семиотики; хотя Ю.М. Лотман был «невъездным» (когда в 1964 г. вышли «Лекции по струк-

туральной поэтике», заложившие основу тартуской школы, и последовавшие за ними выпуски «Трудов по знаковым системам», почти сразу выяснилось, что они враждебно воспринимаются чиновниками официальной филологии) и не мог покинуть Советский Союз, чтобы присутствовать на учредительном конгрессе в Варшаве, он стал вице-президентом Ассоциации в 1968 году².

Сложность определения взаимоотношений теории Ю.М. Лотмана и теорий западных мыслителей заключается в том, что Лотман не проявлял интереса к философскому и методологическому обоснованию своих концепций. В определенной мере это было связано с идеологическим прессом: структурализм тартуской школы плохо вписывался в марксистскую догму, но дело и в отношении Ю.М. Лотмана к самой философии — он не претендовал на философское значение своих исследовательских принципов. Когда в 1960-е гг. Ю.М. Лотман разрабатывал принципиально новый научный подход, он стремился избегать философских аллюзий, лишь незадолго до смерти он позволил себе некоторые генерализации, приближающиеся к философскому дискурсу. Заглавие программной статьи Лотмана «-

Литературоведение должно стать наукой»³ в полной мере отражает основную идею семиотического движения шестидесятых годов. Ощущение непреложности семиотического мира находит свое выражение в наукообразии семиотической теории, в ее стремлении следовать «научному методу», логически правильному и неукоснительно соблюдаемому, как методы математики и естественных наук, какими они выглядят в представлении гуманитариев. Сам язык семиотических исследований создает ощущение абстрактного порядка, возвышающегося над конкретными личностями и конкретными обстоятельствами. Субъективность позиции исследователя, метафоричность и эклектичность языка описания признаются нежелательным отступлением от принципов твердой науки.

Тотальность ранней семиотики, размывание границ между областями знания, идеями и методами, служила отрицанием официозно-традиционалистской науки, укорененной в национальных академических традициях и институциях, будь то советская, или французская, или американская академическая элита. Политические взгляды представителей семиотики также были диссидентскими: специалист по структуральной и генеративной лингвистике, структуральной поэтике и антропологии, семиотике культуры бросал вызов не только традиционной науке, но и официальной идеологии и ортодоксальности социального поведения (связи между правозащитным движением в СССР в 1960-е годы и «тартуско-московской» семиотикой, французской семиотикой с левым движением). Универсальность и четкость семиотических методов делала несущественными на начальном этапе различия контекстов, реальных человеческих судеб, характеров, интересов, культурной родословной всех тех, кто создавал себя «носителями» семиотической идеи. И это осознавалось как торжество универсальной объективности научного метода. Полная понятность общего подхода и научного языка давала возможность проводить поступивший извне «текст» в свою собственную среду, делая его естественной составной частью своего мира. Работы московских и тартуских семиологов периодически продолжали появляться на страницах «Tel Quel», где они соседствовали с политической и литературной полемикой, ведущейся с левосоциалистических или коммунистических позиций, статьями, трактующими марксистско-ленинскую диалектику и восторженными откликами на китайскую культурную революцию, выяснением отношений между экзистенциализмом и психоанализом, и т. д. Соответственно, в СССР работы Якобсона, Тарановского, Леви-Стросса, Барта, Кристевой, Тодорова, Бремона, Эко ходят по рукам, служат предметом рефератов и дискуссий на семиотических семинарах, оберегаемых от официальной

цензуры, фигурируют в качестве библиографических отсылок в работах по семиотике.

В 1972 году в Италии вышла книга Лотмана «La struttura del testo poetico» — самое известное из всех произведений семиотики литературы, также повлиявшее на теоретическую постановку вопросов в отношении *семиозиса художественного текста*, и не только в России, но и на Западе — во Франции и Италии. Пространственность как принцип организации, произведение искусства как конечная модель бесконечного мира, событие, в котором есть выход персонажа за границы семантической области, явились важнейшим вкладом Лотмана в дискуссию об отношениях между литературой и действительностью, развернувшуюся в Италии в конце 60-х годов. Размышления Лотмана о многогранности произведения искусства, предусматривающей для критика плюрализм подходов и гибкость используемых приемов, отозвались в текстуальных теориях Умберто Эко: от книги «Opera aperta», в которой автор говорил о произведении искусства как об области вероятности, где многообразие означающих воплощается в одно означаемое; через анализ сюжетной схемы в «La struttura assente» к пониманию текста как «презупционного устройства» в «Lector in fabula». В смысле утверждения образа читателя, который является частью смыслопорождающего механизма самого текста; и понятия истолкования как семантической актуализации того, что текст как стратегия призван выражать посредством сотрудничества со своим «Образцовым Читателем»⁴.

Во Франции во второй половине 1960-х — начале 1970-х годов начинает преобладать стремление вырваться из тотальности семиотического порядка, показать роль центробежных сил, противоречий, непоследовательности в работе знаковой системы. Уже в 1962 году Леви-Стросс, взамен концепции «структурной антропологии», строящейся в категориях структурных оппозиций, выдвинул идею «бриколажа» — произвольного наложения и слияния разных смысловых компонентов, внеположного какой-либо системной соотносительности. Более радикальный разрыв с традиционным структурализмом представляет собой отвергнутая докторская диссертация Мишеля Фуко «История безумия в классическую эпоху», где был нанесен удар *принципу системности* в развитии культуры, языка и духовного мира личности (теория литературной эволюции Тынянова, теория стадийного развертывания фонологических признаков Якобсона, теория универсальных стадий развития психики Пиаже)⁵. Широкий резонанс получили в шестидесятых годах идеи Жака Лакана. Отрицая подход к индивидуальному сознанию как к системному целому, формирование и развитие которого следует универсальным внутренним законам, общим для каждого индивидуума, Лакан видит ос-

нову психического мира личности не в эгоцентрической системности, а в диалогическом «желании»; личность не может существовать без «другого». Одним из источников нового направления явились работы Бахтина; «Проблемы поэтики Достоевского» (вышли в 1963 г.), «Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (в 1965 г.). Понятия «чужое слово», «диалогизм», «карнавализация», «гетероглоссия» сегодня используются западным постструктурализмом. Если в России такие идеи, как монтаж разнородных кодов и «точек зрения» в композиции произведения, «принцип противоречий» и введение «чужой речи» в литературное повествование, воспринимали не как отрицающие структурный подход, но как его усиливающие, делающие его более гибким, то на Западе, начиная с ранней Кристевой (конец 1960-х гг.), Бахтин воспринимался в контексте «деконструкции» художественных и культурных текстов и критики лингвистического структурализма и формального литературоведения: «Будучи не только «ученым», но и писателем по призванию, Бахтин одним из первых взамен статического членения текстов предложил такую модель, в которой литературная структура не *наличествует*, но *вырабатывается* по отношению к *другой* структуре. Подобная динамизация структурализма возможна лишь на основе концепции, рассматривающей «литературное слово» не как некую *точку* (устойчивый смысл), но как место *пересечения текстовых плоскостей*, как диалог различных видов письма — самого писателя, получателя (или персонажа) и, наконец, письма, образованного нынешним или предшествующим культурным контекстом»⁶. Наибольшего размаха эти моменты достигли к концу 1960-х годов. Приехав в Париж в 1966 г., Кристева использовала свое знание русского языка для распространения идей Бахтина в качестве альтернативы структурализма. Развитие идеи полифонии и чужого слова приводит Кристеву в 1969 году к формулированию понятия, ставшего одной из основных категорий постструктурного анализа — интертекстуальность. Сходную направленность имело понятие «письма», занявшее центральное место в книге Ж. Деррида «О грамматологии» (1967) и работах Барта конца 1960-х — начала 1970-х гг. Текст — многомерное пространство, в котором многообразии написанного, но не оригинального, смешивается и сталкивается. Текст не просто обладает несколькими смыслами, но он сам есть воплощенная неизбежная множественность смысла, он пересечение значений, поэтому нуждается не в интерпретации, но во взрывании, в рассеивании. Единственная возможность автора состоит в том, что он может смешать написанное новым способом. Растворение текста и его значения в процессе «письма» означает «смерть автора» как раз и навсегда заданной индивидуальности, поэтому все претензии «дешиф-

ровать» текст оказываются совершенно пустыми. Клод Леви-Стросс говорил: «У меня нет чувства, что я пишу мои книги, у меня есть чувство, что мои книги пишутся через меня ..., я никогда не имел, и все еще не имею, чувства моей персональной идентичности. Я обращаюсь к себе как к месту, где что-то происходит, но там нет никакого «Я», никакого «меня»⁷. Письмо отказывается видеть в тексте (или слове) какой-либо окончательный смысл. Как и Лакан, Барт отрицает традиционные правила и критерии научного исследования. Сформулированный им новый принцип «от науки к литературе» звучит как отрицание прежнего: «литературоведение должно стать наукой»⁸.

Общим для этих авторов является противостояние господствующей традиционной идеологии, согласно которой язык и культура «разумно» устроены (с определенной степенью свободы), интегрированы и упорядочены и соответственно должны стать предметом «научного» изучения. Для французских философов и литературных критиков такой взгляд традиционной лингвистики и семиотики является очередной попыткой скрыть стремление сохранить традиционный порядок и расположение сил, находящихся наверху традиционной социальной и духовной иерархии. Чем сильнее вера в единство и урегулированность культурных языков, тем легче манипулировать сознанием общества, навязывая ему ценности общепринятых и общеобязательных «кодов» мышления и поведения. «Деконструкция» — метод анализа, предложенный Ж. Деррида — знакового феномена (отдельный текст, автор или культурный язык) направлена на выявление присутствия множества взаимно противоречащих и взаимно друг друга уничтожающих голосов в том, что традиционно принимается за некое целое. А также на разоблачение стремления к конформизму, который стоит за претензией данного феномена на единство и упорядоченность.

Формирующаяся в это время концепция «другого» разрушает иллюзию культурной монолитности, обнаруживая противоречие в том, что прежде выглядело «системой» (этому способствует путешествие в 1974 году Барта и Кристевой в Китай). Лакан, например, оценивает стремление проецировать себя на другого как то, в чем личность нуждается для себя самой. «Другой» оказывается нужен для того, чтобы увидеть свой собственный мир в его разноречии и множественности, в свободе движения противоречивых сил. В СССР в это время возникают явления достаточно сходные с тем, что происходило во Франции. Начиная с 1971-го Лотман выступил с серией работ по «типологии культуры»⁹, ознаменовав новый этап его деятельности. Лотман противопоставляет два культурных механизма, построенных на принципиально различных семиоти-

ческих основаниях. Эту противоположность между двумя типами он описывает в различных работах каждый раз в новых, но родственных категориях, так что в сумме они образуют «целую типологическую парадигму». Согласно этой парадигме, работа одной из систем регулируется эксплицитными правилами и законами, применяемыми абстрактно, вне зависимости от конкретных лиц и обстоятельств; другая опирается на имплицитное знание традиции, которая неотделима от человеческого фактора и ситуаций, в которых она воплощается. Первая система основывается на рационально построенном, кодифицированном и универсально соблюдаемом порядке, вторая представляет собой органическое коллективное начало, основанное на общей памяти, традиции и конкретном личностном взаимодействии в русле этой традиции.

Хотя типология культуры Лотмана строится как всеобщая семиотическая теория, показывающая различные аспекты, действующие в каждой культуре, его рассуждения неизменно сопровождаются конкретными примерами, в которых западный мир выступает на одном типологическом полюсе, а мир «традиционных» русских ценностей на другом. Заимствования, которые Лотман осуществлял в области методологии и понятийного аппарата у таких смежных дисциплин как логика, статистика, теория моделей, топология, структурная лингвистика, культурная антропология и т. д., могут рассматриваться как попытки преодоления методологических трудностей в культурологии. Функция заимствований заключалась в том, чтобы с помощью дополнительных методов и структурных единиц получить контроль над неповторимо индивидуальным, над самой жизнью, несмотря на неуловимое многообразие. Заимствованные понятия пригодные благодаря своему характеру для более систематического, чем прежде, исследования помогли выделить дискретные единицы нового рода (такие понятия как «универсалия», «фон/передний план», «множество», «окружение», «граница» и т. д.).

Борис Гаспаров считает, что с Бартом и Кристевой Лотмана роднит то, что он также ищет альтернативу рационалистической картине мира с помощью «другого» — не просто структурированного иным образом, но принципиально вырывающегося из самого понятия структуры¹⁰. Только в глазах французских семиологов «другой» (обитатель «восточного» культурного пространства китаец, а также русский), обладает ценностями, к которым стремится западный мыслитель: способностью принять непоследовательность как позитивное начало, не страшась создать интеллектуальный хаос, возможностью бросить вызов монопольному положению рационалистического сознания, не подывая тем самым ценность культуры, принятием

коллективности и диалогизма как естественного и необходимого способа существования личности. У Лотмана же освобождение от утопического рационализма совершается путем конструирования «другого» обитателя «западного» пространства, последователя римско-имперской и римско-католической традиции, с ее культом законов и институций. Этот «другой» принимает на себя все отрицательные признаки, все то, чем культура (и ее модель) не должна быть: абстрактность, формальную жесткость, пренебрежение человеческим аспектом культуры.

Если Барт, Кристева, Деррида пытаются создать новое духовное пространство, атакуя «тоталитарный» духовный порядок с периферии, извне, как бы с позиции «другого», то Лотман добивается сходного результата путем оттеснения этого рационалистического порядка на периферию своего мира, возлагая ответственность за этот самый порядок на «другого». Выделяя «прагматико-активную напряженность» советской семиотики У. Эко подчеркивал проблематичность некоторых вопросов идеологического характера в культуре страны, как, например, проблему отношения между теорией отражения, нейтральностью семиотической науки и законами знаковых систем. Возникшая в среде лингвистов, кибернетиков, математиков, и, таким образом, поначалу освобожденная от необходимости считаться с официальным марксизмом, семиотика все же в конечном итоге не уходила от обдумывания ключевых вопросов своей культуры и, в этом смысле, выступала как некий провоцирующий элемент в академической среде. «Служители системы» и Правые и Левые несомненно почувствовали нечто подрывное в лотмановских размышлениях: «Истина без сомнения рождает фанатизм. Истина вне сомнения, мир без смеха, вера без иронии — это не только идеал средневекового аскетизма, это и программа современного тоталитаризма»¹¹. Во-первых, таковым было его понимание текста как модели культуры, не в качестве филологического феномена, но как сложной деятельности, которая творит смысл — семиотической деятельности. Такое понимание перевело фокус с текста на его окружение, посредством этого погружая текст в историю и социум: текст порожден не только внутренней игрой лингвистическими элементами в пределах закрытой структуры, но также действиями и движениями культуры. Лотман выделял общий принцип важности среды для произведения и показывал произведение как наиболее типичную ее манифестацию, что впоследствии отразится в его концепции *семиосферы*.

В результате, язык искусства не может быть изучаем простым перенесением лингвистических моделей, как Jakobson и некоторые структуралисты до сих пор утверждали. Параллельно с концептом интертексту-

альности Юлии Кристевой, Лотман разработал понимание искусства как «вторичной моделирующей системы». Хотя Ф. де Соссюр и подчеркивал важность отношений знаков к друг другу, одна из слабостей структуралистской семиотики — тенденция трактовать индивидуальные тексты как дискретные, ограниченные объекты и фокусироваться исключительно на их внутренних строениях. Первая аналитическая задача структуралиста часто видится как задача разграничить систему (что должно быть включено и что исключено), которая является логически понятной, но онтологически проблематичной. Даже оставаясь в пределах парадигмы структурализма, мы можем увидеть, что коды выходят за рамки структур. Кристева рассматривает тексты в терминах двух параметров: горизонтальная ось, соединяющая автора и читателя текста, и вертикальная ось, которая соединяет текст с другими текстами. Объединение этих двух параметров используется кодами: каждый текст и каждое прочтение зависят от предшествующих кодов, каждый текст находится под юрисдикцией других дискурсов, которые налагают на него универсум. Прежде чем рассматривать структуру текста, мы должны изучить его «структуриацию» (как строение возникло). Это подразумевает расположение его внутри всего множества предыдущих или синхронных текстов.

Интертекстуальность — это гораздо больше, чем влияние авторов друг на друга. Для структуралистов, язык имеет полномочия, которые не только превышают индивидуальное управление, но также и определяют субъективность. Структуралисты стремились противостоять тому, что они рассматривали как смещение в литературной и эстетической мысли, которая подчеркивала уникальность и текстов и авторов. Идеология индивидуализма (и связанные с ней концепции авторской «новизны», «творческого потенциала» и «выразительности») — наследие пост-Ренессанса, которое достигло его пика в Романтизме, но которое все еще доминирует в популярном дискурсе. «Авторство» было историческим изобретением. Концепций типа «авторства» и «плагиата» не существовало в средневековье. Современные теоретики считают, что язык говорит посредством субъекта, скорее, чем субъект посредством языка. Когда авторы пишут, они также написаны¹².

Введение Лотманом термина «моделирующая» по отношению к «системе» в теоретическом смысле необычайно расширило определение, данное Соссюром. Лотман перестает говорить о «знаке»: искусство рассматривается им не как система знаков, а как моделирующая система, — иными словами, система, позволяющая построить «модель». Модель отличается от знака как такового не только тем, что занимает место денотата (референта), но и прекрасно заменяет его в гносеологическом и нормативном процессах. Знак как культурная единица,

в которой прежде всего важно *signifie*, берет начало в русской литературной критике XVIII века, чьей характерной чертой было отражение общественных проблем в литературе. По Лотману основанное на естественном языке, искусство тем не менее феномен другого, «сверхструктурного» порядка: оно перераспределяет первичную логику языка согласно новым логическим правилам, даря человеческой природе новые когнитивные возможности, отличные принципы логики для реконструкции себя самого и мира. С этой точки зрения, семиотика была для Лотмана наукой, которая исследовала *интеркоммуникацию* и перестроение информации и структур как сущностных фактов культуры, как сущности культурной и социальной жизни. Он утверждал, что не может быть ни культуры, ни ее изучения без принятия в расчет *трансформационной сущности значения*, а идея эта поднимала проблему и для формализма, и для догматизма. Лотман применял этот семиотический или теоретический концепт не только к русской истории культуры, в особенности к исследованию «Евгения Онегина» Пушкина, но и к Вольтеру, Монтескье, Веласкесу.

В 1985 году в Италии выходит «*La semiosfera. L'asimmetria e il dialogo nelle strutture pensanti*» (она собрала по большей части неопубликованные в СССР труды исследователя, которые он написал в 80-х годах, таким образом итальянский читатель стал «идеальным читателем» нового лотмановского сообщения), стало возможным наряду с исследователями из той культурной среды, в которой сформировалось научное сознание Лотмана, назвать и имена крупных ленинградских ученых 20-х годов — таких, как нейрофизиолог Ухтомский или биолог Вернадский, своими «Размышлениями натуралиста» (где широко использованы принципы симметрии, асимметрии, энантиоморфизма) способствовавший более детальной проработке Лотманом концепции диалога.

Результаты, которых достиг Лотман в анализе теории коммуникации и художественного языка в частности, являются прочной основой международных семиотических исследований. В среде итальянских ученых особое значение придается лотмановской мысли о неизбежности «двойной реальности» в культуре: культура как система-модель и культура как текстопорождающее устройство; как система памяти и динамический процесс запоминания; как язык и речь; как граница обозначения и как его отправная точка, а также анализу эвристических возможностей, которые представились с момента обращения семиотики к проблемам культурной типологии. Внимание к акту прочтения, интерпретации, сотрудничеству или кооперации с адресатом в целом присуще как Лотману, так и его итальянским коллегам. Чтобы текст функциониро-

вал как смыслопорождающий механизм, необходимо наличие собеседника. В действительности, текст в своем функционировании может быть описан (и может постигать сам себя) на основе различных культурных моделей. Ему присуща полисемическая природа, благодаря которой он никогда не перестает создаваться, но и не отрывается от своих корней: следовательно, он может быть декодирован разными способами, каждый из которых законен, если отличается последовательностью. Границы истолкования совпадают именно с правами текста, а не с правами его автора. Речь идет опять же об утверждении образа истолкования, подчиненного законам интертекстуальности.

Изучение культуры как универсального единства и изучение отдельного текста — то есть культурология и литературная критика — выступают в качестве единой области исследований с применением одних и тех же методов. Тенденция к пересмотру отдельных произведений в свете предложенной Лотманом концепции семиосферы, то есть с точки зрения взаимосвязи, взаимодействия и единства всех звеньев в цепи, довольно близка к понятию «энциклопедии» как «семиотического постулата» (*postulato semiotico — tessuto rizomatico di proprieta culturali*) того же Эко. Анализ игры символических воспроизведений с интерпретирующими моделями, информации с общением, творения культуры с ее потреблением, приводит к лотмановской «*La cultura e l'esplosione*» («Культура и взрыв»), где анализ многообразия потенциальных связей между элементами смысла позволяет выявить многомерное смысловое пространство как в синхронии, так и в диахронии¹³.

В 1992 году из тартуской кафедры русской литературы выделилась кафедра семиотики — ее возглавил Лотман. В это время статьи Лотмана продолжают публиковаться за пределами Эстонии: в Москве, в Ленинграде, в Западной Европе. Также выходят книги; ученый получил почетный заказ от английского издательства «I. B. Tauris & Co. Ltd.» на книгу о семиотике, и она вышла в 1990 г. в переводе Анн Шукман и с предисловием У. Эко: *Yuri M. Lotman. Universe of the Mind: a Semiotic Theory of Culture*. London; New York. Уже посмертно книга вышла в первоизданном виде: «Ю. М. Лотман Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история»¹⁴. И самая последняя книга — «Культура и взрыв»¹⁵. Всемирная популярность Лотмана способствовала его избранию в престижные редколлегии научных изданий, в члены-корреспонденты Британской Королевской академии, в члены Норвежской академии наук. В Эстонскую АН он был принят только в 1990 г.

Структурализм Лотмана отправляясь от строгого определения структуры, через понятия вторичной моделирующей системы (открывающее интерструк-

турную перспективу) и семиосферы (пространства, в котором реализуется знаковая жизнь человека) доходит до утверждения значения непредсказуемости в механизме развития систем. Несмотря на замечание Натальи Автономовой¹⁶ о том, что Лотмана проще представить в обществе Р. Якобсона или К. Леви-Стросса, чем в обществе постструктуралистов, к которым он был ближе по возрасту, Лотман в полной мере не был ни структуралистом, ни постструктуралистом, он стремился получить более точные и новые положения о тонких отношениях между действительностью, текстом, моделью мира, обществом и человеком с помощью дополнительных методов и структурных единиц. Западных комментаторов смущала его всегда-предположение существования материальной реальности за знаками и цифрами (для Р. Лакмана и Ю. Кристевой этот поиск обозначаемого за обозначаемым прямо противоречит у Лотмана концепции динамических моделей, т. к. ограничивает творческие потенции текста), но многие центральные позиции последних работ Лотмана — концепция взрыва и динамики непредсказуемого, движение к диалогу, обращение к метафоре и личным наблюдениям — имеют постструктуралистский характер.

Примечания

1. См. М. Де Микиел О восприятии работ Ю. М. Лотмана в Италии // Лотмановский сборник 1. — М., 1995. — С. 295.
2. См. Julia Kristeva On Yury Lotman // Publications of the Modern Language Association (PMLA) 109(3). — С. 375—376 (1994).
3. Вопросы литературы. — 1967. — № 1. — С. 90—100.
4. См. М. Де Микиел. — С. 297.
5. Лотман считал, что в каждый момент времени любое общество имеет свои модели сигнификации и свои модели коммуникации, признавая одни из них центральными, другие относя к периферии. Подобным же образом М. Фуко описывает проблему признания, что есть правда, что есть ложь: общество борется за то, чтобы те или иные тексты были признаны более правильными, нужными; одни из них начинают вытеснять другие, осуществляя это за счет внимания критики, внесения в списки для обязательного чтения в школе и в университете и т. п.
6. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Ю. Кристева; пер. с фр. Г.К. Косинова; — М.: Прогресс, 2000. — С. 428.
7. См.: Chandler, Daniel Semiotic for beginners [Electronic resource] // <http://www.aber.ac.uk>
8. См. Гаспаров, Б. В поисках «другого» (Французская и восточно-европейская семиотика на рубеже 1870-х годов) / Б. Гаспаров // НЛЮ. — 1996. — № 14.
9. «Статьи по типологии культуры», вып. 1 (Тарту, 1970); «Проблема «обучения культуре» как ее типологическая характеристика» Труды по знаковым системам, 5 (Acta et commentationes universitatis Tartuensis, 284). — Тарту, 1971. — С. 167—176; «О двух моделях коммуникации в системе культуры» Труды по знаковым системам, 6 (Acta..., 308). — Тарту, 1973. С. 227—243; «Договор» и

«вручение себя» как архетипические модели культуры». Труды по русской и славянской филологии, 32 (Аста..., 513). — Тарту, 1981. — С. 316.

10. См. Гаспаров Б. Указ. соч.

11. Лотман, Ю. Выход из лабиринта / Ю. Лотман // Эко У. Имя розы. — М., 1998. — С. 650—669.

12. См.: Chandler, Daniel Semiotic for beginners [Electronic resource] // <http://www.aber.ac.uk>.

13. См. М. Де Микиел Указ. соч. — С. 300.

14. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров / Ю.М. Лотман. — М. : Языки русской культуры, 1996, при участии Тартуского университета.

15. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. — М. : Гнозис, 1992.

16. Дмитриева Е. Московско-парижская одиссея, или Цена интеллектуального бесстрашия (о тематическом номере журнала «Critique», посвященного современной России) / Е. Дмитриева // «НЛЮ». — 2002. — № 55.

Зайнетдинова Регина Аликовна, старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Института международных связей г. Екатеринбург.

Zaynetdinova Regina Alikovna, senior lecturer at the Humanities, Social and Economic Disciplines department of International Relations Institute, Yekaterinburg.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ*

Е.И. Поддубнова, М.А. Деменева

INSTITUTIONAL ASPECT OF POLITICAL ACTIVITY IN POST-INDUSTRIAL SOCIETY

E.I. Poddubnova, M.A. Demeneva

Центральной проблемой данной публикации является процесс институционального оформления политической активности субъектов в условиях постиндустриального общества. Особое внимание уделено принципу организации современных институтов, анализируется степень эффективности иерархических и сетевых структур в новых условиях.

Ключевые слова: политическая активность, политическое участие, политические институты, иерархии, политические сети, электронное правительство, Интернет

The general problem of this article is the process of institutional appearance of the political activity of the subjects in terms of post-industrial society. The author gives a special attention to the principle of organization of modern institutes and analyzes the efficiency degree of hierarchical and net structures in new conditions. As an example of successful institutionalization of political activity of social subjects the author describes an electronic government. It is built on the net principle with hierarchical elements, which allows to combine different forms and displays of political activity within the limit of one institute, which functions in the virtual space.

Keywords: political activity, political collaboration, political institutions, political network, electronic government.

Возрастающая с каждым десятилетием сложность общественной жизни, изменение ее масштабов и содержания неизбежно оказывают влияние на социально-политическое бытие людей. Формы политической активности как важной составляющей этого бытия не могут оставаться неизменными на протяжении долгого периода времени. Большой толчок трансформации политической активности в последние десятилетия дал процесс демократизации, проходящий во многих странах мира, в том числе и в России. Это привело к возникновению (в некоторых обществах — к возрождению) таких форм активности граждан, как деятельность в политических партиях (в том числе оппозиционных) и участие в их мероприятиях, голосование на альтернативных выборах, развитие прямого взаимодействия избирателей со своими депутатами и др. Однако, смена политического режима — не единственная возможная причина трансформации политической активности субъектов. В «старых» демократиях социально-политическая жизнь тоже не стоит на месте и неизбежно влечет за собой сдвиги в поведении граждан. Проблема заключается в

том, чтобы найти возникающим и изменяющимся формам активности населения адекватное институциональное выражение, направив их таким образом в конструктивное русло и получив возможность вырабатывать эффективные регуляторы поведения субъектов.

Необходимость развития, будь то в социальной, экономической, политической сферах, требует обоюдного участия и кооперации, распределения властных полномочий среди адекватного числа акторов, межорганизационных групп как публичного, так и частного сектора. Соответственно, и ответственность за принимаемые решения тоже расплывается, и эти решения принимают большую легитимность.

Одним из самых интересных авторов, работающих над проблемой поиска новых институциональных форм политической активности, удовлетворяющих современным потребностям и условиям, является Роберт Даль. Он связывает уровень гражданской компетентности и политической активности и указывает на то, что современные институты не в состоянии обеспечить даже минимально приемлемого для демократического государства уровня политической компетентности населения. Даль выделяет три причины того, что традиционные спо-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ № 08-03-85304а/У.

собы решения проблем повышения гражданской компетентности и политической активности становятся неэффективными сегодня. Эти причины: 1) изменения масштабов общественной жизни; 2) возрастающая сложность общественной жизни; 3) изменения в технологии коммуникаций.

В качестве новой институциональной формы, отвечающей современным требованиям, автор предлагает создание Гражданской Ассамблеи — некоей организации граждан, отобранных наугад, которая будет служить для органов власти источником информации о позициях населения, а для населения — источником аналитической информации¹.

Примечательно, что, констатируя недостаток внимания, которое уделяется новым технологиям в деле повышения гражданской компетентности и политической активности, сам Даль ищет решение проблемы в плоскости, не использующей возможности этих технологий. В том же направлении работают и многие отечественные исследователи, рассматривая в качестве наилучшей институциональной формы политической активности граждан, отвечающей на вызовы современности, Общественную палату².

Анализируя особенности современной социально-политической жизни, выделенные Далем, можно констатировать, что самыми «революционными» из них являются изменения в технологии коммуникаций. В этой связи логичным представляется искать решение проблемы, отталкиваясь именно от этого условия. В пользу данного направления исследований говорят и очевидные тенденции современной политической практики: падение уровня доверия населения средствам массовой информации и политическим партиям, абсентеизм, снижение авторитета традиционных политических институтов и уменьшение интереса к политике в целом. Указанные тенденции предопределяют низкую эффективность организаций типа Гражданской Ассамблеи и Общественной палаты в выполнении задач по институционализации общественного диалога и созданию условий для реализации потенциальной политической активности населения. Низкая эффективность изначально заложена в организации такого типа по той причине, что в основе их лежат способности коммуникации, присущие традиционным институтам.

На наш взгляд, генераторами и распространителями новых идейных ориентиров и ценностей, координаторами социального, политического, экономического и культурного прогресса в современном социуме могут выступать сетевые структуры. Сетевая форма организации, присущая, в том числе, и политической сфере, на сегодняшний день как нельзя лучше отвечает требованиям растущей сложности современного общества, его технологического и коммуникативного совершенствования, трансформации политической активности граждан.

Политические сети включают институционализацию верований, ценностей, культур и определенных форм поведения. Они есть организации, которые конструируют отношения и поведение и проистекают из повторяющегося поведения. Следовательно, они исключают необходимость принятия сложных решений единственно уполномоченным органом, помогая упорядочить поведение, и упрощают политический процесс посредством ограничения действий, проблем и решений³.

В «сетевом» государстве публичная администрация не рассматривает граждан только как избирателей, налогоплательщиков и потребителей, которые выбирают для себя те или иные службы на основе предоставляемой информации. В таком государстве граждане не являются и клиентами, на которых можно оказывать влияние через каналы коммуникации. Напротив, они рассматриваются как активные члены общества, обладающие правами и обязанностями, которым открыта администрация, прежде всего для того, чтобы дать возможность войти в процесс выработки публичной политики через усиление средств воздействий, которые превращают простых граждан в уполномоченных.

Кроме того, сети могут обеспечить дополнительные, неформальные каналы связи между сферами принятия решений на внутри- и межорганизационном уровнях. Подобные неформальные каналы связи, построенные на коммуникации и доверии, пересекаются с институциональными структурами координации и связывают различные организации независимо от характера их формальных отношений. Сети не используются напрямую как механизм для выработки политических решений, но они обеспечивают акторов информацией, коммуникацией и оказывают влияние на подготовку решений. К тому же политические сети снижают транзакционные издержки в многосоставном процессе принятия решений, т. к. они строятся на общем знании, опыте и нормативной ориентации.

Сетевая организация имеет еще одно преимущество, которое влияет на активность людей в политике. Внутрисетевые связи создают возможность для коллективного действия. Акторы с общими интересами, взаимодоверием и переплетенные тесными коммуникативными связями, наиболее вероятно будут участвовать в коллективном действии. Таким образом, эти связи внутри сети могут использоваться для политической мобилизации.

Распространенный сегодня неинституциональный подход рассматривает социально-политические институты как определенные способы принятия решений, создаваемые акторами политической системы для удовлетворения их потребностей. Это позволяет рассматривать и подобные институты как результат взаимодействия стратегий акторов, принимающих участие в том или ином политическом

взаимодействии и связанных между собой разнообразными сетевыми отношениями.

В современных условиях не мыслится возможным противопоставление друг другу двух принципиальных форм организации — сетевой и иерархической. Необходимо искать пути, ресурсы, благодаря которым эти институты смогут действовать более эффективно. Иерархическая структура использует сетевые элементы в качестве средства стабилизации; в свою очередь, сетевая структура при определенных обстоятельствах может трансформироваться в структуру иерархическую, заменив собой рухнувшую в результате кризиса иерархию⁴. Во взаимопереходах сетей и иерархий один из важнейших ресурсов их выживания и дальнейшего развития.

Сетевая активность

в рамках электронного правительства

Большинство специалистов склоняется к убеждению, что «сетевое общество», по крайней мере, в ближайшие десятилетия, будет оставаться метафорой в том смысле, что это будет не общество, построенное из одних только сетей, а некая смешанная модель, в которой сетевые структуры будут сосуществовать, взаимодействовать и переплетаться с бюрократическими организациями. Подобная синтезированная иерархо-сетевая структура общества создает условия для развития так называемой «экспансивной (расширенной) демократии» (*expansive democracy* — термин Марка Уоррена). Экспансивная демократия предполагает четыре основных аспекта активного взаимодействия: участие граждан в механизмах прямой демократии при решении локальных вопросов (мелкого масштаба), упрочение связей граждан с крупными политическими институтами и организациями, распространение демократических методов на сферы, лежащие вне традиционного политического поля и принятия решений с участием всех заинтересованных лиц⁵.

Идеальные институциональные рамки для воплощения экспансивной демократии представляет собой электронное правительство; оно дает возможности для реализации политической активности по всем четырем указанным аспектам. Не подменяя собой существующие политические институты, электронное правительство берет на себя ряд их функций по организации и реализации политической активности субъектов. Синтез традиционных и инновационных форм политической активности составляют специфику этого института.

Начиная с традиционных форм гражданского участия, следует в первую очередь упомянуть о таких его конвенциональных формах, как электоральная активность — голосование на альтернативных выборах. Не изменяя его сущности, электронное правительство создает новые организационные формы для голосования путем использования возможностей современных технологий. Нет причин сомневаться в том, что выборы в режиме «он-лайн»,

когда каждый избиратель сможет отдать свой голос за кандидата посредством сети Интернет, прямо из дома, затратив на это всего лишь пару минут, существенно повысит электоральную «явку». Необходимость интенсификации данной формы политической активности является заметной проблемой для многих стран — в первую очередь, стран Западной Европы. В 2001 году на участки в Великобритании пришло рекордно низкое количество избирателей — 59 %. Сразу за этим последовало заявление председателя Палаты Общин британского парламента Робина Кука о том, что граждане смогут голосовать через Интернет уже на следующих парламентских выборах. Таким образом парламентарии надеялись вовлечь в электоральные процессы аполитичную молодежь. Проведенные в 2007 году выборы в местные органы власти с использованием Интернет-технологий показали положительные результаты⁶.

Продолжая тему традиционных форм политической активности, необходимо вспомнить институт обращения граждан в представительные и исполнительные органы власти. В отличие от электоральной, эта форма активности не проявляет тенденцию к понижению, — тем более важен вопрос о создании новых институциональных рамок для ее реализации. В России уже на данном, начальном этапе становления электронного правительства значительную часть обращений граждан составляют электронные их формы. Проблемой до сих пор остаются конкретные методы работы с обращениями. На данный момент в России «используется ряд методов: работа как с обычными традиционными обращениями только с учетом электронной формы; прием комментариев и информационных сообщений; работа с накоплением обращений и выдачей затем на сайтах обобщенных ответов по темам; прием и публичные ответы на сайтах по каждому общезначимому электронному обращению; конференции, гостевые книги и некоторые другие»⁷. Проблемы того же рода решают и европейские правительства. Очевидно, что для полноценной институционализации данной формы политической активности в рамках электронного правительства необходимо создание соответствующей нормативно-правовой базы.

Институт обращений граждан закладывает основы для третьей формы политической активности — своеобразных политических дебатов. Так, в Шотландии работает система подачи прошений (*e-petitioning*), которая позволяет каждому гражданину предложить для рассмотрения любой вопрос. Все запросы рассматриваются, и на каждый готовится ответ⁸. Принципиально важными в этом случае являются два аспекта: обязательность рассмотрения гражданских петиций в профильном органе (например, парламентском комитете) и обеспечение обратной связи. Только при соблюдении обоих условий становится возможной организация политических дискуссий.

В случае заинтересованности одного из участников дискуссии (будь то индивид или представитель организованной группы) и высокой степени значимости вопроса для этого участника, может иметь место такая традиционная форма политической активности, как лоббирование. Таким образом, свободные политические дискуссии, инициированные «снизу», допускающие неограниченно широкий круг участников и потенциально включающие всех заинтересованных лиц, являются важнейшим каналом реализации политической активности субъектов (как граждан и их организаций, так и государственных и муниципальных учреждений) в русле экспансивной демократии.

Инновационной формой активности в рамках института электронного правительства является свободное общение граждан посредством виртуальных «дискуссионных площадок» — Интернет-форумов на сайтах, организационно составляющих этот институт. От политических дискуссий, описываемых выше, эти форумы отличаются тем, что они объединяют только граждан (и представителей гражданских организаций) по конкретному вопросу. Важным моментом в подобных формах общения является то, что они позволяют гражданам «разрядиться», в процессе общения снять эмоциональное напряжение и перенаправить энергию в мирное русло, предотвращая таким образом ее аккумуляцию и трансформацию в «уличные» формы активности.

Говоря о формах активности, непосредственно не связанных с интеракциями, следует сделать акцент на способах представления и получения информации в рамках электронного правительства. Естественно, что стихийное насыщение информационного поля не создает организованного пространства и только препятствует усвоению информации гражданами. Поэтому крайне важна системность и логичность в размещении данных на порталах электронного правительства.

Что касается сфер, напрямую не являющихся традиционно политическими, то и им в рамках электронного правительства отведено значительное место. Участие гражданских организаций в конкурсах и тендерах, проводимых с помощью Интернет-технологий, пользование социальными услугами, предоставляемыми органами власти населению через порталы электронного правительства и многие другие возможности, несомненно, воспитывают граждан как активных, компетентных, готовых к получению, осмыслению информации и к формулированию собственной позиции.

Таким образом, электронное правительство, являясь уникальным для политической системы «изоб-

ретением» нашего времени, представляет собой идеальное институциональное образование, способное дать мощный толчок развития как традиционных, так и инновационных форм активности. Включение в данный институт, помимо граждан, государственных и муниципальных учреждений вносит в его деятельность неизбежный элемент иерархичности, что в какой-то мере способствует упорядочиванию отношений внутри электронного правительства. В то же время сетевая составляющая института — объединение ресурсов (в первую очередь, информационных) на основе неформальных связей, — позволяет повысить эффективность политических (государственных и негосударственных) и гражданских организаций. Электронное правительство, как любая социальная сеть, не является органом принятия решений — они по-прежнему принимаются компетентными органами. Однако оно эффективно служит для обмена информацией, выработки новых идей, лоббирования, способствует развитию индивидуальных и групповых гражданских инициатив, повышению социально-политической активности субъектов.

Примечания

1. Даль, Р. Проблемы гражданской компетентности / Р. Даль // Пределы власти. — 1994. — № 1. <http://old.russ.ru:8080/antolog/predely/1/dem2-3.htm>
2. Кулинченко, А.В. О современных формах взаимодействия гражданского общества и государства (к вопросу о развитии новых форм институционализации общественного диалога в современной России) / А. В. Кулинченко // Без темы. — 2007. — № 1(3). — С. 90—98.
3. Marsh, D. Understanding Policy Networks: towards a Dialectical Approach / D. Marsh, M. Smith // Political Studies. — 2000. — Vol. 48. — № 1. — P. 6.
4. Сергеев, В.М. Механизмы эволюции политической структуры общества: социальные иерархии и социальные сети / В.М. Сергеев, К.В. Сергеев // Политические исследования. — 2003. — № 3. — С. 12.
5. Цит. по: Hajer Maarten A. Deliberative Policy Analysis: Understanding Governance in the Network Society / Maarten A. Hajer & Hendrik Wagenaar. — Cambridge University Press, 2003. — P. 7.
6. Сундатова, О.Ю. Развитие «электронной демократии» в странах Запада / О.Ю. Сундатова, Э.В. Ходина // Аналитический вестник Совета Федерации. — 2008. — № 9 (354). — С. 42—43.
7. Горский Ю.И. О работе с обращениями граждан в условиях электронного правительства / Ю.И. Горский // Технологии информационного общества — Интернет и современное общество: труды VII Всероссийской объединенной конференции. Санкт-Петербург, 10—12 ноября 2004 г. — СПб. : Изд-во фил. ф-та СПбГУ, 2004. — С. 174.
8. Сундатова, О.Ю. Указ. соч. — С. 43.

Поступила в редакцию 23 июля 2009 г.

Поддубнова Елена Игоревна, окончила с отличием Южно-Уральский государственный университет по специальности «Политология», преподаватель кафедры политологии, автор научных работ, размещённых на сайте www.polit.susu.ac.ru

Poddubnova Elena Igorevna graduated with honours from South Ural State University in the major “Political Science”, lecturer at the Political Science department, author of articles posted on the site www.polit.susu.ac.ru.

Деменёва Мария Александровна, окончила с отличием Южно-Уральский государственный университет по специальности «Политология», ведущий специалист Информационно-аналитического центра АНО «Забота».

Demenyova Maria Alexandrovna graduated with honours from the South Ural State University in the major “Political Science”, leading expert of the Information Analytical Centre ANO “Zabota” (Care).

ВЛИЯНИЕ ШОКОВЫХ СОСТОЯНИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ СУБЪЕКТОВ*

В.Е. Хвощёв

INFLUENCE OF STATES OF SHOCK UPON POLITICAL AWARENESS OF SUBJECTS

V.E. Khvoshev

Политическое сознание личности и общества тесно и прямо зависит от окружающих условий. Оно особенно податливо для манипулирования в периоды кризисов и чрезвычайных обстоятельств. Пользуясь этим, современные политики всё чаще конструируют искусственные ситуации, на фоне которых продвигают узкогрупповые интересы в ущерб основной части общества. Статья направлена на повышение общественного иммунитета к шоковой терапии.

Ключевые слова: *политическая активность, информированность масс, политическая информированность, духовный кризис, шоковая терапия, шоковая теория.*

Political awareness of a person and society is largely dependent on the outer conditions. It is especially easy to manipulate in times of crises and emergencies. Taking this into account, modern politicians often create artificial situations, on the background of which they push up their own profits, but at the cost of the most of the society. The article is aimed at increasing the social immunity to the shock therapy.

Keywords: *political activity, mass awareness, political awareness, spiritual crisis, shock therapy, shock theory.*

Политическое сознание людей тесно и прямо зависит от уровня их социально-политической активности и условий, способствующих или препятствующих реализации этого важнейшего человеческого качества¹. Но бывают экстремальные обстоятельства, нарушающие привычную логику реагирования, когда человек безропотно принимает чужие решения, заведомо противоречащие его интересам.

Поведение людей в экстремальных условиях всегда интересовало политиков и политологов. Уже к середине XX века стало очевидным, что массовое сознание наиболее податливо манипулированию в периоды стихийных бедствий, войн и прочих самых разных чрезвычайных ситуациях. Подобное «размягчение» политического сознания наблюдается и в кризисы общественного развития.

Принято считать, что кризисы вызывают объективные обстоятельства и задача политики — вывести общество из кризисного состояния. В современной, политизированной жизни всё обстоит сложнее: кризис, нередко, становится рукотворным политическим продуктом, призванным сопровождать непопулярные социальные действия сомнительными методами. При этом позитивные послед-

ствия кризисов пожинаяют исключительно узкие и вполне предсказуемые общественные группы, а негативные — основная масса населения.

С начала 2009 года в мировой литературе стал нарастать поток публикаций о кризисе, изначально носившем глобальный характер. В работах российских политологов и экономистов на эту тему поначалу преобладало представление о кризисе, как всеобщей универсальной болезни, поразившей всю мировую систему и угрожающей миропорядку. Сегодня не остаётся сомнений, что внезапно вспыхнувший мировой кризис неравномерен по степени вовлечения в него разных стран и неоднороден по охвату в них социальных сегментов жизни. Россию, паразитирующую на природных ресурсах, кризис, казалось, и вовсе мог обойти стороной, не считая уменьшения тоннажа американских «ценных» бумаг, на которые мы легкомысленно обмениваем природные богатства. И если этого не случилось, то только из-за пассивной внутренней политики и обнажившейся зависимости страны от внешних факторов. В очередной раз жизнь шлёт нам сигналы об опасности утраты самодостаточности и предупреждение о зыбкости оптимистических надежд на решение своих проблем путём интеграции в мировое хозяйство.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ № 08-03-85304а/У.

Расширяющийся дискурс о кризисе в стране и мире содержит многочисленные суждения и оценки о пределах кризисного падения. Вот примерно тот рельеф «дна», который обозначился, по мнению некоторых экспертов, весной 2009 года в России: 50-процентное падение рубля к доллару по сравнению с осенью 2008 года, сокращение на треть золотовалютных запасов за тот же период, 20-процентный дефицит бюджета, общий спад производства (в металлургии более чем на 50 %), более чем на треть снижение железнодорожных перевозок, заметный и мало поддающийся учёту рост безработицы, высокий уровень инфляции и т. д.

Материальным проявлениям кризиса всегда сопутствует духовный кризис, кризис сознания. Трудно выявить причинно-следственную зависимость между этими компонентами кризиса, но с уверенностью можно констатировать: каждая из них может провоцировать усиление другой, а может быть и эффективным средством взаимного лечения.

Ещё Платон заметил и спрогнозировал упадок человеческого сознания, угрожающий существованию человечества. Неотвратимый характер кризиса сознания отмечали в своих работах О. Шпенглер, А. Швейцер, Э. Фромм. Последний даже косвенно указывал на отчуждение, отделение человека от себя (синоним развивающейся глобальной пассивности!) как на причину непреодолимого декаданса. А. Ортега-и-Гассет, К. Манхейм, Г. Маркузе сумели увидеть и описать отражение кризиса сознания в формах культуры и искусства.

Однако все догадки и выводы великих мыслителей далёкого и близкого прошлого меркнут перед смекалкой современных политтехнологов, стараниями которых, начиная с середины прошлого века, стали масштабно исследоваться и широко внедряться психологические методы дезориентации больших групп населения в социальном пространстве. Особое место в наборе средств такого воздействия занимает так называемая «шокотерапия», в которой шок далеко не всегда используется как лечебное средство. В конечном итоге, шоковое состояние связывает проявления социальной и политической активности, заставляет пострадавших от шока безропотно мириться с материальными потерями, не замечать истинных виновников собственных бедствий.

В обществе, где велики социальные контрасты, не может быть единого мировоззрения, но даже разобщённая масса нуждается в некоторых, пусть временных, духовных опорах. Роль таких поддержек в развитых странах выполняют доктрины. Одной из таких доктрин — доктрине шока — посвящена обширная работа талантливой канадской публицистки Наоми Клейн², небезупречно переведённая недавно и на русский язык. Понять угрозу, вполне сопоставимую с оружием массового поражения, незримо нависшую над человечеством уже сегодня, помогают даже небольшие фрагменты этой книги, призы-

вающей к бдительности относительно участвовавших покушений на политическое сознание масс.

Некоторые учёные испытывают обострённую ответственность за свои открытия, если результаты их достижений могут пойти во вред людям. В отличие от них Милтон Фридман не страдал от комплекса вины по случаю собственных «успехов» в использовании шоковых состояний общественного сознания. Своё предназначение он декларировал просто: «Я пришёл, чтобы понять доктрину шока». Две доктринальные идеи характеризуют сущность всех конструкций М. Фридмана, реализованных в разных частях света: неприятие социализма, под которым он понимал любые формы национализации, огосударствления общественной собственности, и устремлённость к приватности, которая немыслима в современном обществе без сопровождения обманом или шоком. Только в чрезвычайных условиях, как он считал, «политически невозможное становится политически неизбежным». Кстати, эта чрезвычайность, только и гарантирующая успех, является верным признаком несправедности шокового метода как испытанного инструмента умножения «бедствий капитализма».

М. Фридман был не только выдающимся теоретиком «чистого рынка», его политические опыты в Америке и Европе, в Чили, Китае, Великобритании, России и других странах всегда имели значительные, хотя и неоднозначные последствия. Заслуги М. Фридмана ещё долго будут оцениваться и переоцениваться почитателями и критиками, но одно можно утверждать уверенно и сейчас — «фридманизм» оставил глубокий след в политико-экономической науке и практике. Несомненно, что его доктрины и способы их внедрения в общественную жизнь лишены гуманистического содержания и, возможно, будут признаны когда-нибудь преступными. Все доктрины М. Фридмана, в конечном счёте, умножают «бедствия капитализма», раскрывая в авторе фундаменталиста, не склонного к компромиссам и сосуществованию с инакомыслием, фундаменталиста, опирающегося на идеологию катаклизмов и насилия. Вероятно, что учёные изыски М. Фридмана остались бы относительно безобидным фрагментом политической науки, если бы не содержали мощного методологического инструментария внедрения антигуманных идей в условиях шока общественного сознания.

Этой порочной методологией пыталась воспользоваться группа безответственных российских политиков в начале 90-х годов XX века. Человеческая алчность, заложенная в её фундаменте, должна была стать на практике основой «национальной идеи» россиян, принципиально трансформировав их политическое сознание. Естественно, что идеологическая сущность подобных перемен тщательно скрывалась за либеральной риторикой.

Как ни прискорбно, но ставка на жадность, которая должна была стать двигателем для восстанов-

ления России, привела к тому, что американские советники, их жены и подруги, соратники Б. Ельцина и его семейство, приняли непосредственное участие в начавшемся безумии³. Но самое удивительное, что ряд американских граждан, участвовавших даже косвенно в российском грабеже 90-х, преследовались за это у себя на родине. Так, правительство США осудило некоторых своих соотечественников (Шлейфера, Хея, других участников «гарвардского контракта»), участвовавших в тот период в незаконных сделках в России, сохранив тем самым, по крайней мере, образ поборников справедливости и демократии.

Радикальное «реформирование» наших социальных отношений и, непосредственно связанное с ним покушение на общественное сознание, предпринятое в начале 90-х, до сих пор подаётся в литературе как назревшая необходимость или, в лучшем случае, подвергается поверхностной критике, не затрагивающей сущности случившегося. Между тем, со временем картина тех перемен проясняется. Становится всё очевиднее, что ограбление населения властью было не главным намерением реформаторов, а всего лишь увертюрой к последующему либретто. Целью такого вступления в длинную череду антинародных преобразований было погружение населения в шоковое состояние, когда проблемы выживания напроочь затмили заботу об общественных и природных богатствах страны. Началось остервенелое растаскивание этих благ отдельными гражданами и их стаями.

Уже вначале «реформ», по мнению Н. Клейн, было ясно, что Россия не станет повторением Чили. Скорее, это было Чили в обратном порядке: Пиночет организовал военный переворот, распустил демократические учреждения и только потом проводил шоковую терапию; Б. Ельцин начал шоковую терапию при демократии, затем, защищая начатое, свёртывал демократию и осуществлял политический переворот. Антиобщественные реформы, иницируемые президентом и его окружением, не могли не вызывать протеста российских законодателей, находившихся во вполне адекватном (не шоковом) состоянии. Претензии Б. Ельцина на расширение личной власти наталкивались тогда на сопротивление парламента, препятствующего развитию задуманной «шокотерапии». В итоге человек, который пришёл к власти, защищая парламент, теперь в прямом смысле поджег его, оставляя после своих действий обугленный, не белый, а черный дом, пишет Н. Клейн. Противоположный чилийскому сценарию порядок политических преобразований прочно связал в сознании россиян последующие «бедствия капитализма» с демократией, надолго скомпрометировав последнюю в глазах всего населения. Мало того, наспех принятая в условиях шока и без серьёзного общественного обсуждения государственная Конституция, безусловно, не может не нести в себе

отпечатка чрезвычайности того времени, затрудняя развитие демократического процесса.

События начала 90-х прошлого столетия вызвали настоящий шок или, по крайней мере, «глубокое замешательство» у большей части нашего населения. Рабочие часто даже не знали, что их заводы, фабрики и шахты были проданы — уже не говоря о том, как они были проданы или кому (позднее, по утверждению Н. Клейн, сценарий повторился в Ираке). Особенностью российской приватизации было также то, что иностранный капитал не допускался к покупке государственных активов, а внутреннего капитала фактически не было. В результате приватизация крупной собственности проходила не просто без аукционов и подешёвке, но и осуществлялась за общественные (бюджетные) средства. Так в России была создана «свободная зона мошенничества», а в последствии страна стала клондайком для международных фондовых спекулянтов. Эти процессы существенно повлияли на общественное сознание, особенно на политическое сознание молодёжи.

Многие теоретики и практики того времени быстро поняли порочность планов российской власти. Но на своевременный попятный шаг в силу черт своего характера российский президент оказался не способен, отчего, по мнению Н. Клейн, будет оценен историей, в большей мере, как коррумпированный клоун, чем жесткая и сильная личность⁴. Нельзя забывать, однако, о восторженной американской поддержке антидемократических и антиконституционных действий Б. Ельцина, когда демократия была принесена в жертву сомнительным рыночным свободам. А не привыкшие к признанию своих ошибок российские руководители поставили себе в заслугу то обстоятельство, что провальное реформирование якобы убергло страну от гражданской войны.

Решив искать национальное спасение в использовании человеческой жадности («чикагские мальчики») России и их советники не думали о плане дальнейших действий после того, как они закончат уничтожение российских государственных институтов. Преступное недомыслие власти на фоне шокового состояния общества привело к появлению целого букета «бедствий капитализма»: за 10 лет Россия потеряла 10 % населения, приобрела 715 000 (а по данным Детского фонда ООН 3,5 млн) беспризорных детей, вдвое возросшее пьянство, увеличившееся на 3 порядка (более 4 млн чел.) число наркоманов, 1 млн (50 000 в 1995 г.) ВИЧ-инфицированных, 4-х кратное увеличение тяжких преступлений⁵

Такого рода процессы и обусловленные ими контрасты богатства и бедности возможны только при отсутствии демократии в обществе, подавленном шоком и террором. Именно при таких обстоятельствах расцветает коррупция, а чикагская модель переустройства экономики исключительно способствует этому расцвету. Опыт Аргентины, Боливии, Ирака, Китая, Чили подтверждает, что необузданная

коррупция и экономическая шоковая терапия сопутствуют друг другу, что коррупция — неизбежная составляющая часть «бедствий капитализма», а эффективная борьба с коррупцией тождественна борьбе с капитализмом, вступившем после распада СССР в откровенно монополистическую стадию развития.

Весьма поучительны могут быть для нас и фрагменты американского опыта приватизации в сфере образования, процессы в котором оказывают существенное влияние на трансформацию политического сознания, прежде всего, молодых людей. Известно, что образовательная система США, особенно среднего уровня, расположена преимущественно в государственном секторе экономики. Простые американцы видят в этом гарантию гражданского равноправия в сфере образования и не дают приверженцам тотального рынка организовать приватизацию государственных образовательных учреждений. Ваучерная доктрина денационализации системы образования, разработанная по рецептам М. Фридмана и поддерживаемая республиканцами во главе с бывшим президентом США Д. Бушем, не имела шансов на внедрение в период благополучной жизни американцев. Её сторонники могли рассчитывать на успех лишь при чрезвычайных обстоятельствах, способных вызвать шок общественного сознания. Удобный случай представился в связи с разрушительным наводнением в Новом Орлеане.

Новоорлеанская операция умирающего гуру «чикагской школы» (больному М. Фридману в то время было за 90) по переводу образовательных учреждений в частную собственность оказалась удачной на фоне массового шока, вызванного стихийным бедствием. В считанные дни, по данным Н. Клейн, число частных школ в разрушенном городе увеличилось с 7 до 31, профсоюз учителей был распущен, преподаватели уволены, а вновь принятые в образовавшиеся частные заведения получили меньшую зарплату⁶. Подобного рода преобразования антиглобалистка Н. Клейн называет «организованными набегами на общественную сферу», «рыночным захватом», что приводит к негативным последствиям под общим названием «disaster capitalism» («бедствия капитализма»).

Фридмановские последователи строят планы по распространению новоорлеанского опыта в национальных и даже глобальных масштабах. В современной России настроения рыночного реформирования системы образования также имеют распространение вопреки неприятию большинством населения ваучерной приватизации начала 90-х, выполненной в целом по модели М. Фридмана. Тем не менее, настырные попытки постепенного движения в этом направлении (через повышение самостоятельности, «автономизацию» государственных образовательных учреждений) не прекращаются. И российскому обществу не лишне напомнить опыт новоорлеанской «лаборатории».

Шок общественного сознания — важное условие для проведения антисоциальной политики. Но любой политик быстро смекнёт, что дожидаться ураганов, наводнений и прочих стихийных бедствий, жертвами и разрушениями приводящих общество, как правило, к шоковым состояниям, вовсе не обязательно. Несомненно, что шоковую ситуацию можно сформировать искусственно. К счастью, уверенно управлять стихией человечество не умеет: землетрясения и цунами, засухи и наводнения остаются случайными природными явлениями. Но нельзя забывать об огромном арсенале «шокеров» социального происхождения, способных размягчать общественное сознание и готовить его к непопулярному реформированию. Войны, террор, эпидемии, аварии, кризисы — лишь часть из них, после которых следует ожидать активных действий, не обременённых нравственностью политических деятелей, нацеленных на внедрение антиобщественных доктрин.

По мнению Н. Клейн есть основания (их она приводит в своей книге) предполагать, что программы шоковой терапии проектируются в секретных бункерах в Ла-Пасе и Москве. Надо полагать, что список адресов ценителей шоковых методик воздействия на общественное сознание, гораздо шире. В западной науке и публицистике идея активного создания серьезного кризиса для осуществления «шоковой терапии» теперь обсуждается открыто.

Можно сделать вывод, что **современный мир входит в эпоху конструирования шоковых ситуаций**, на фоне которых властвующие группы будут проводить государственную политику в своекорыстных интересах. При этом шоковая методика оказывается настолько универсальной, что даёт ощутимый эффект не только при реализации масштабных идей и стратегий по отношению к обществу или отдельным его группам, но и при внедрении тактических замыслов, направленных против конкретного индивида.

Уместно напомнить, что индивидуальное шоковое воздействие на обыденном языке называется пыткой. Однако современный палач ломке костей и физическому истязанию плоти предпочитает насилие над психикой своего объекта, избегая при этом прямых и точных определений своих действий. Мотивы психического вмешательства в человеческую конституцию прикрываются в таких случаях гуманностью и могут принимать наукообразные формы. Практическое же воплощение такого рода действий во всех без исключения случаях аморально и преступно.

В практике решения разнообразных задач воздействия на индивида шоковым методом, по мнению Н. Клейн, особенно преуспел Эвен Камерон — экспериментатор с немалыми способностями к анализу и тесными связями с ЦРУ. Его методика включала простую последовательность действий: полная изоляция объекта вмешательства от внешнего влияния, стирание прошлого в памяти объекта, напол-

нение «чистого листа» новым содержанием. Н. Клейн в своей книге живописует способы изоляции людей в такого рода экспериментах, доводящие подопытных до шизофренических состояний. Ещё бесчеловечнее выглядят приёмы стирания памяти, основанные на электрошоке или химической обработке «пациентов». Не удивительно, что в наполнении «освободившегося» психического пространства Э. Камерон и его последователи не преуспели вовсе: «чистый лист» оказался испорченным и непригодным для каких бы то ни было записей.

Научные идеи Э. Камерона оказались несостоятельными, но побочные продукты экспериментов того времени над людьми (вторая половина XX века) и сегодня не дают покоя любителям решать проблемы погружением человека в шоковое состояние. Нет сомнения, что попытки такого рода были и будут продолжаться — такова логика развития капитализма и вытекающих из него бедствий.

Современной России вновь приходится освобождаться от плена не сбывшихся иллюзий: идеалы революции, коммунизма, общественной собственности не нашли замены в идеалах контрреволюции, антикоммунизма, приватизации. И вновь наша стра-

на становится опытной площадкой для иноземных экспериментаторов, которые, вспоминая сегодня годы российского лихолетья, разводят руками — слишком много шока было в те времена, слишком мало терапии.

Относительно новое явление в современной политике — конструирование шоковых ситуаций — приводит, как видно, к банальному заключению: действия власти легко переходят пределы гуманности, если не сопровождаются активным участием в них широкой общественности. Только в активной среде появляется возможность организовать противодействие вероятным шоковым ударам и обезопасить общество от посягательств государства.

Примечания

1. Хвощев, В.Е. Теория активности: от истоков к началам: монография / В.Е. Хвощев. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ; Изд-во ЮВИГ, 2008. — 168 с.
2. Naomi, Klein. The shock doctrine: the rise of disaster capitalism. Author of no logo. — 701 p.
3. Там же. С. 296.
4. Там же. С. 299.
5. Там же. С. 300.
6. Там же. С. 7.

Поступила в редакцию 23 июля 2009 г.

Хвощев Владимир Ефимович, заведующий кафедрой политологии ЮУрГУ. Председатель Челябинского отделения Российской ассоциации политической науки, кандидат философских наук, доцент. Автор более 60 научных работ, участвовал в руководстве 6 научными проектами РФФИ, РГНФ и Минобразования. Научные интересы — проблемы безопасности и пограничной политики, теория политической активности субъектов, геополитика.

Khvoshev Vladimir Efimovich, the Head of the Political Science department of SUSU. Chairman of the Chelyabinsk branch of Russian association of political science, candidate of science in Philosophy, associate professor. Author of more than 60 papers, participated as manager in 6 scientific projects of The Russian Foundation for Basic Research, Russian Humanitarian Science Foundation and Ministry of Education. Professional interests — problems of security and frontier policy, theory of political activity of subjects, geopolitics.

Философия

УДК 1/14

ББК 71.0

АУТЕНТИЧНЫЕ ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ

Н.И. Антонова

AUTHENTIC BASES OF THE CULTURAL

N.I. Antonova

Статья рассматривает соотношения имплицитного и эксплицитного порядков как философскую проблему в контексте сущностных оснований культуры. Культура представляется в аспекте системы взаимоотношений Человека и Мира. Проводятся параллели между учениями древности и современными доктринами научно-философского дискурса. Прослеживается изоморфизм концепций, лежащих в основе древних систем и принципов неклассической рациональности.

Ключевые слова: *анамнесис, концептуальный изоморфизм, культура, номенальный уровень, религия, сущностные основания, имплицитная и эксплицитная реальности, бинарные и тернарные культурные системы, феноменальная реальность, ведийская гносеология.*

This article considers the correlation of implicit and explicit bases of the cultural as philosophical problem. The author draws parallels between ancient doctrines and contemporary scientific researches. The cultural is fully examined by the author of the given article in a context of a system of the relation between Man and Word.

Keywords: *anamnesis, authentic basis, binary and ternary cultural systems, conceptual isomorphism, culture, phenomenon, implicit and explicit realities, noumenon, religion, Vedic tradition.*

Культура — это показатель отношений Человека и Мира не только в самом широком, но и в конечном смысле. Культура диагностирует состояние человеческого общества, проявляет его мировоззренческие, гносеологические и ценностные интенции. Являясь сложной системой, она обладает известной упорядоченностью, организованностью и развивается в соответствии с определенными законами. Очевидно, что понимание этих законов гармонизирует существование Человека в Мире. Не случайно на протяжении последних десятилетий интерес к таким составляющим культуры, как наука, искусство и религия, остается неизменным не только в рамках философского, но и общенаучного дискурса. Причем, пристальное внимание исследователей привлечено к проблеме соотношения названных понятий, проявляющейся в глобальном выражении как «столкновение цивилизаций». В соответствии с авторитетным геополитическим прогнозом, самые значительные конфликты будущего развернутся «вдоль линий разлома между цивилизациями» (цивилизация понимается как самый широкий уровень культурной идентичности людей), при этом идеология и экономика как основные источники конфликтов прошлого уходят на второй план: важнейшие границы, разделяющие человечество, будут определяться культурой¹. Культурно-религиозный аспект становится, таким образом, преобладающим при решении самых актуальных

проблем современности. В данном контексте очевидна особая и все возрастающая роль религии. Показательно, что процесс десекуляризации мира — «рванш Бога» (Ж. Кепель) — отмечается как одно из доминирующих социальных явлений конца XX столетия². Таким образом, понятие «религия», став объектом пристального внимания, рассматривается не только как путь духовной трансформации человека и коррелирует одной из слагаемых его психофизической природы, но и как определяющий фактор социально-культурной коммуникации.

В данном исследовании нам хотелось бы остановиться на еще одном аспекте, связанном с предметным полем понятия религия: а именно, на вопросе соотношения имплицитного и эксплицитного порядков, рассматриваемом в контексте сущностных оснований культуры. Вопрос экзистенции названных порядков (реальностей) как философскую проблему впервые озвучил Е.А. Торчинов, говоря о связи онтологической релевантности опыта религиозной психотехники с современной научной парадигмой³. Нам показался интересным названный ракурс в плоскости выявления аутентичных начал морфологии, структуры, типизации, трансформаций и прочих характеристик и проявлений культуры. Начнем рассмотрение проблемы с ретроспективы научно-философского дискурса конца минувшего столетия.

По мере продвижения процесса деидеологизации в отечественной науке религия избирается

предметом исследований все большего числа ученых и мыслителей — уже не как оппозиция «научному атеизму», а как явление самоценное, и изучается преимущественно в контексте соотношения с другими сферами, составляющими духовную культуру. Именно данную тему называет главной в научных дискуссиях периода перестройки академик В.С. Степин. При этом ученый подчеркивает, что вопрос соотношения науки, философии и религии, которому посвящена обширная зарубежная и отечественная литература, обретает особую актуальность⁴. Таким образом, религия, вскоре заняв место «подсистемы в системе культуры», одной из трех «могучих сфер духовной жизни человечества» и «духовных потенциалов сознания», одного из «ключевых смыслов культуры», наконец, став элементом «системной триады», — полноправно закрепляется в научных трудах, рядом с наукой (либо философией) и искусством⁵. В этой связи можно сослаться на имена следующих отечественных авторов, в различных аспектах рассматривающих соотношение религии с другими элементами духовной культуры: Р.Г. Баранников, П.П. Гайденок, К.М. Кантор, В.А. Лекторский, А.Л. Любичев, И.Т. Касавин, Л.А. Маркова, Л.Н. Митрохин, В.В. Налимов, А.Н. Ромашов, В.П. Рыжов, В.М. Степанов, В.С. Степин, Е.Л. Фейнберг и др.

Не вызывает сомнения связь названных исследований с духовным наследием русской философии рубежа XIX—XX столетий. Как известно, гносеология В.С. Соловьева критически обосновывает возможность отвлеченного мышления, эмпирического знания и веры как трех источников познания. Учение «о вере как об источнике знания и духовной силы, дающей живое содержание построениям абстрактной мысли», разработано славянофилами и воспринято вслед за В.С. Соловьевым и С.Н. Трубецким целой плеядой мыслителей⁶. С другой стороны, утрату веры, «секуляризацию культуры и возрастание в ней религиозного индифферентизма»⁷. считал причиной кризиса европейской культуры В.В. Зеньковский.

Как известно, идея противопоставления чувственного и идеального миров, в своих различных интерпретациях пронизывающая всю европейскую метафизику, легла в основу многих учений, философских школ и направлений. В соответствии с историей философии «объективно-идеалистические учения первоначально возникают на Востоке (*Веданта, Конфуцианство*)⁸. Философия Платона признана классической формой объективного идеализма. Дальнейшее развитие названные идеи получают в неоплатонизме, мистицизме, средневековой теологии, томизме, затем в философии Декарта, Канта, Шеллинга и Гегеля. В XX столетии широкое распространение получили такие формы объективного идеализма, как экзистенциализм, неопозитивизм, неотомизм, философия жизни, философская антропология, герменевтика, феноменология. Идея противопоставления чувственного и идеального

миров подвергается переосмыслению. Е.А. Торчинов даже утверждает, ссылаясь на С. Грофа⁹, о возможности изменения парадигмы под влиянием открытий глубинной психологии, связанных с изучением религиозной практики. Существует немало авторитетных трудов отечественных и зарубежных авторов, делающих серьезные научные заявления о трансперсональном опыте. Позволим себе привести одну из цитат: «Концепция Бома об имплицитном и эксплицитном порядках и идея о том, что некоторые важные аспекты реальности недоступны опыту и изучению при обычных обстоятельствах, имеют прямую значимость для понимания необычных состояний сознания. Индивиды, испытывавшие различные необычные состояния сознания, и в их числе высокообразованные и высокоискусшенные ученые разных специальностей, часто сообщают, что они входили в скрытые области реальности, которые кажутся аутентичными, в некотором смысле имплицитными для повседневной реальности и превышающими ее по порядку. А в содержание этой «неявной реальности» входят, кроме прочего, элементы коллективного бессознательного, исторических событий, архетипических и мифологических явлений, динамики прошлых воплощений»¹⁰. В рамках строгой философской темы, некогда обозначенной И. Кантом и последующими школами, мы направим наше внимание на «скрытые области», аутентичные и имплицитные для повседневной реальности (*трансцендентальные*, в терминологии Канта), но, по нашему убеждению, оказывающие на эту реальность непосредственное влияние. И для этого обратимся к ведийской *шабде*, трансцендентному звуку (*«шабда-брахман»*), творящему слову Ригведы и Библии.

Следует заметить, что в основе многих древних религиозных традиций и культов лежит представление о божественной силе звука и слова. Так, в космологии эфиопов утверждается, что Бог создал Вселенную, произнеся собственное имя. Египетский Тот сотворил Вселенную, призвав к себе воды фразой: «Придите ко мне!...», Вавилонские боги, порожденные Тиамут в водах жизни, не могли явить своего существования, пока не получили имена¹¹. В Библии «творящее слово» произносилось Богом, проявляя предмет в реальности: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (Быт. 1,3). Брахма (Ригведа) слышал слово, которое рождало в нём образ, в свою очередь, трансформирующийся в ту или иную форму жизни, в предмет. Например, услышанное «го» (санскр. корова) преобразовывалось в корову. Платон в тексте «Седьмого письма» воспроизводит процесс в обратном порядке, описывая восхождение от предмета и его Имени к «эйдетичным» Определению, Образу и, наконец, Знанию (Миру Идей). Таким образом, во всех названных источниках не трудно распознать единый метод трансформации имплицитной реальности в эксплицитную (и наоборот) посредством звука. Этапы данной трансформации и ее механизм — принципиальны в нашем исследовании,

так как именно с ними связаны аутентичные свойства сознания, дающие начало явлениям эксплицитного порядка, прежде всего как своеобразным «каналам связи» между уровнями мира. Рассмотрим это положение подробнее как сущностное основание последующей демаркации феноменальных явлений и их трансформации в элементы эпистемологического характера и составляющие «культуры».

Если посмотреть на экзистенциальную реальность глазами Иммануила Канта, то можно выделить в ней четыре уровня:

- 1) ноуменальный мир «вещей-в-себе» (соответствующий платоновскому миру «идей» и «миру-как-воле» Шопенгауэра);
- 2) уровень интеллектуального размышления (разум);
- 3) уровень ментальных построений (рассудок);
- 4) феноменальный мир явлений, чувственный уровень восприятия.

(В данном случае уместно замечание Е.А. Торчинова о настоящей востребованности кантовского классического наследия в связи с развитием квантовой физики, которое в свое время игнорировалось представителями науки, как не вписывающееся в рамки естественнонаучной парадигмы¹²). Не трудно обнаружить, что данные **четыре уровня реальности** И. Канта коррелируют с демаркацией Шопенгауэра¹³, также как и с четырьмя уровнями (*чатваривак*) трансцендентного звука *шабда* (теологического Логоса) — манифестациям основ «речи» в Ригведе и Веданте (Брахма-сутра)¹⁴, которые, в свою очередь, соответствуют следующим порядкам:

1. Трансцендентный звук «пара-вак», ноуменальная реальность, где звук не отличен от предмета, «вещи» («вещь-в-себе», «мировая воля», «мир идей»).
2. Уровень звука «пашьянти» — «то, что можно увидеть» (звуковой образ); плоскость буддхи соответствующая кантовскому «разуму»: здесь звук не отличен от образа вещи.
3. Уровень звука «мадхьяма», расположен на платформе ума («манас»), соответствует кантовскому «рассудку»; этап дальнейшего преобразования звукового образа, его логической трансформации, «сумонастроения».
4. Уровень звука «вайкхари» — чувственно-вербальный уровень, низшая, физическая градация звука грубая речь («феноменальный мир»¹⁵).

Следует заметить, что первые три уровня не воплощены в грубом звуке, и лишь четвертый, «вайкхари», проявлен в физическом эквиваленте и локализован. Сам механизм преобразования трансцендентной реальности в тонкоматериальную и физическую формы можно проследить, анализируя процесс творения Брахмой материальной Вселенной, описанный в Ригведе²¹. «Конструктор Вселенной» начинает творить, «услышав» трансцендентный звук «флейты», *шабда* или *пара-вак*. Брахма, тело которого состоит по описанию исключительно из чистого элемента разума («буддхи»), своеобразного «водораздела» между ноуменальным и феноменальным мирами,

трансформирует чистый звук-пара в образы эксплицитной, чувственной реальности, или тонкие формы различных проявлений жизни. Эти формы, преобразовываясь на двух последующих этапах, наконец, обретают грубую плотность.

Проанализировав содержание приведенных нами древних источников и проведя параллели с названными философскими трудами, можно выделить следующие свойства в качестве составляющих аутентичной природы сознания: 1) образно-идеальное мышление (на уровне «разума»), 2) мыслительно-логические операции (понятия, схемы и т. д.), анализ эмоциональных проявлений, чувствований и желаний (на уровне «рассудка»). Ведийская *шабда* приоткрывает природу основ психических способностей человека, их градации и зависимости от идеальной реальности, соотносительности с ней. Становится понятной первичность ноуменального порядка и вторичность феноменального. Получает объяснение, почему из трех путей познания ведийской гносеологии *шабда* является главным (также как и в философии Владимира Соловьева и его последователей: почему вера, как главный источник знания дает абстрактным построениям живое содержание). В соответствии с демаркацией реальности, приведенной во всех названных выше источниках (Платон, Кант, Шопенгауэр, Ведийские *шастры*) четко различаются два порядка: трансцендентный, идеальный (ноуменальный) мир-как-воля, мир вещей-в-себе, «пара-вак» и материальный (феноменальный), чувственный мир-как-представление, эксплицитная реальность грубых материальных объектов. Напомним, что «граница» миров, в соответствии с концепцией *шабды* проходит между первым, трансцендентно-ноуменальным порядком и уровнем «разума» («пашьянти»), от которого нисходят два последующих уровня чувственного мира («мадхьяма» и «вайкхари»). Итак, в контексте раскрываемой нами концепции эксплицитная реальность *мира-представления* вторична по отношению к трансцендентной и аутентичной. Соприкасаясь с ней, индивид, подлинная природа которого ноуменальна, начинает думать о себе в категориях и понятиях иллюзорной бытийной реальности. Будучи носителем двух противоположных миров, он сохраняет имманентную способность считывания идеальной информации, сообщаясь с трансцендентным миром в себе самом и используя как канал связи уровни *шабды*. От реализации этой способности зависит качество экзистенции индивида в проявленном мире, определяются градации качества. Так, на основе изначального, аутентичного знания-прообраза возникает вторичный мир-подобие. При этом ноуменальные образы-желания, сущностные стремления, посредством четырехуровневого механизма «чатваривак» трансформируются в собственные феноменальные эквиваленты. «Механизм» трансформации как целостное явление в результате дифференциации образует самостоятельные начала различных форм проявления сознания (как ветви дерева, имеющие единый ствол). В данной логике интересна точка зрения

Гегеля на *религию, философию*, а так же *искусство* как на формы Абсолютного Духа, то есть Духа, представляющего Себя в определенной ипостаси (например, в философии — Дух мыслит Себя в *понятиях*). При этом все названные *формы* имеют единый предмет — вечную истину. Различаются же религия, философия (и искусство) между собой только *методом* «занятия Богом». Именно в аспекте взаимосвязи двух реальностей посредством *шабды* по-новому звучит мысль П.А. Флоренского о «*феургии*» (богоделании) как «материнском лоне всех наук и искусств». Продолжение этих идей, также как и определенный параллелизм и близость с ними, можно обнаружить в неклассических и постнеклассических исследованиях отечественных и зарубежных ученых и мыслителей. Особый интерес в этой связи представляет, например, трансцендентная феноменология Э. Гуссерля. Концептуальная общность прослеживается при анализе интегральной теории познания социальной реальности П.А. Сорокина, выделяющей три аспекта: рассудочный, сенсорный и интуитивный, каждому из которых соответствуют специфические познавательные методы и соответствующий тип культуры; интересен подход Р.Г. Баранцева и его «принцип неопределённости-дополнительности-совместности», выраженный в семантической формуле «интуицио-рацио-имоцио» применительно к изучению триадических структур в науке-искусстве-религии; в рамках демаркации идеалов рациональности как способа связи и взаимодействия с миром заслуживают пристального внимания труды отечественных философов М.К. Мамардашвили, В.С. Степина, В.В. Ильина, так же как философско-религиоведческие исследования Е.А. Торчинова; в культурософском плане нам близки идеи Ю.М. Лотмана, А.С. Ахизера, В.А. Кутырева и др. Таким образом, очевиден определенный изоморфизм концепций, лежащих в основе древних традиционных учений и теорий современного научно-философского дискурса. Следующим шагом нашего исследования (но уже за пределами данной статьи) будет соотнесенность культурных систем «бинарного» и «тернарного» типов (Ю.М. Лотман) с понятием *двойственность* ведийской гносеологии для «снятия поляризации» как возможного пути решения «проблемы экологии мировой культуры»¹⁶.

Примечания

1. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон — М. : АСТ, 2003. — С. 34—35.
2. Торчинов, Е.А. Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния / Е.А. Торчинов. — СПб. : Центр «Петерб. востоковедение», 1998. — 384 с.
3. Степин, В.С. Философия религии в социокультурном контексте (памяти Л.Н. Митрохина) / В.С. Степин // Вопросы философии. — 2008. — № 7. — С.6.
4. Выдержки приводятся из следующих работ соответственно: Латышева, Ж.В. Религия, наука и искусство как феномены современной культуры: специфика, точки соприкосновения и расхождения / Ж.В. Латышева // Материалы II международной научно-теоретической конференции. — Владимир, 2007. — С. 89; Кантор К.М. // Вопросы философии. — 2002. — № 12. — С. 50—54; Фейнберг, Е.Л. Наука, искусство и религия / Е.Л. Фейнберг // Вопросы философии. — 1997. — № 7; Налимов, В.В. Критика исторической эпохи: неизбежность смены культуры в XXI веке / В.В. Налимов // Вопросы философии. — 1996. — № 11. С.71
5. Трубецкой, С.Н. Курс истории древней философии / С.Н. Трубецкой. — М. : Гум. изд. центр ВЛАДОС; Русский Двор, 1997. — С. 7.
6. Зеньковский, В.В. Русские мыслители и Европа / В.В. Зеньковский; сост. П.В. Алексеева; подгот. текста и примеч. Р.К. Медведевой; вступ. ст. В.Н. Жукова и М.А. Маслина. — М. : Республика, 1997. — С. 23.
7. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : Политиздат, 1991. — С. 150.
8. Гроф, С. За пределами мозга: Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии / С. Гроф. — М. : Наука, 1993. — С. 107.
9. Капра, Ф. Дао физики: Исследование параллелей между современной физикой и мистицизмом Востока / Ф. Капра. — СПб. : Лань, 1994. — С. 108—122.
10. Эндриус, Т. Сакральные звуки / Т. Эндриус; пер. с англ. Ю.Б. Барер — СПб. : Будущее Земли, 2004. — С. 18.
11. См.: Торчинов, Е.А. Указ. соч.
12. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр. — Т. 2. — М. : Просвещение, 1993. — С. 76.
13. Ригведа. Мандалы 1—4 / под ред. Т.Я. Елизаренковой. — М. : Наука, 1989. — 767 с.
14. Сокол, В.Б. Онтология сверхчувственного аспекта «Слушания» в Европейской и Ведической традициях дис. ... канд. филос. наук. / В.Б. Сокол. — Тюмень : ТГУ, 2005. — С. 41.
15. Елизаренкова, Т.Я. Слова и вещи в Ригведе / Т.Я. Елизаренкова. — М. : Восточная литература, 1999. — С. 240.
16. Тимошук, А.С. Традиционная культура: сущность и существование : дис. ... д. филос. наук / А.С. Тимошук. — Нижний Новгород, 2007. — С. 31.

Поступила в редакцию 23 июля 2009 г.

Антонова Наталья Ивановна, старший преподаватель кафедры связей с общественностью Уральского государственного университета физической культуры. Направление: Философия культуры E-mail nari108@mail.ru

Antonova Nataliya Ivanovna, Senior teacher of Pulpit of the communications with public of Uraliskiy state university of the physical culture. Directions Fililosofiya cultures. E-mail nari108@mail.ru

КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ф.М. Землянский, А.И. Никонов

CULTURAL AND EDUCATIVE ROLE OF EDUCATION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

F.M. Zemlyanskiy, A.I. Nikonov

В статье представлены проблемы, связанные с процессом модернизации системы высшего образования. Выделены тенденции, направленные на разрушение целостности образовательного процесса. Особое внимание уделено культурно-воспитательной роли образования в условиях глобализации.

Ключевые слова: *Глобализация, образование, технологизация, воспитание, культура, либерализация, информационные технологии, социальная эффективность, социокультурные приоритеты, социокультурные цели.*

The article presents the problems connected with the process of upgrading the system of higher education. The specified tendencies are aimed at destroying the unity of educational process. A special attention is given to the cultural educational role of teaching in terms of globalization.

Key words: *globalization, education, IT, social efficiency, sociocultural priorities, sociocultural goals.*

Образование как исторически сложившийся социокультурный институт представляет собой целостное единство обучения и воспитания. Сложившиеся в системе образования традиции во многом детерминированы особенностями соответствующего исторически определенного типа культуры, и сам процесс образования призван эффективно воспроизводить в обществе (прежде всего, посредством воспитания молодого поколения) свойственные этой культуре духовные ценности (идеалы, нормы социальных отношений, ценностные ориентации и т. д.). Только сохраняя внутреннее, органичное единство обучения и воспитания («воспитывающее обучение» и «обучающее воспитание»), а также соответствующую социокультурную ориентацию, образование может эффективно реализовать свои социальные функции.

Универсализация социальных процессов, общая либерализация общественной жизни, многообразная по формам ее глобализация стимулируют технологизацию различных сфер общественной жизни, в том числе и процесса образования. Однако, наряду с исторически обусловленными положительными явлениями, технологизация образования (особенно как быстро нарастающий и слабо контролируемый процесс) приводит к явным издержкам, которые, на наш взгляд, связаны с негативными тенденциями технологизации. Отметим некоторые из них.

Все более широкое внедрение современных технологий в сферу образования неизбежно нарушает целостность образовательного процесса, чет-

кую структурированность его содержания, снижает социокультурную ориентацию образования, поскольку стираются особые культурные, духовно-ценностные приоритеты. Образование все в большей степени сводится к обучению, безразличному к культурным ориентирам. И это в значительной степени связано с тем, что формализации, технологизации (в силу своего предметного содержания) подлечит именно обучающая составляющая образования, направленная на формирование специалиста в той или иной области. Технологизация способствует сведению образования к обучению в ущерб воспитанию, которое, являясь по сути своей ценностно-мировоззренческим, культурно-ориентированным, выпадает из активного процесса технологизации. Важно заметить, что это разрушение целостности самого образовательного процесса по сути не может быть компенсировано в полной мере многообразным по формам внеучебным воспитанием, что безусловно не умаляет роли такого воспитания.

Образование, по мере того, как оно утрачивает воспитательную направленность, определенную социокультурную ориентацию, становится все более потребительски-рыночным. Образование разворачивается как потребительская практика, в сфере которой познавательная активность обучающегося вытесняется потребительской активностью, мотивированной соображениями индивидуальной полезности, индивидуальной свободой выбора, стремлением к удовольствию («игровой развлекательности»). Благодаря этому образование стано-

вится менее значимым фактором ценностно-мировоззренческого, культурного становления личности, формирования ее гражданских качеств. Снижается роль образования в реализации культурной преемственности общественно-исторического развития, а следовательно, и в сохранении, воспроизведении национальной культуры в ее многообразных формах. Ярким примером тому является сложившаяся в нашем обществе критическая ситуация с русским языком — важнейшей формой закрепления и социально-исторической трансляции национальной культуры.

Потребительское отношение к образованию проявляется и в том, что образование утрачивает самоценность, значимость как познавательный, интеллектуальный процесс, как процесс умственного труда, требующий усилий воли, памяти и других способностей человека (и их развивающий). Это обстоятельство сказывается и на идейно-содержательном аспекте образования. Утрата четких социокультурных приоритетов и связанный с этим познавательный и моральный релятивизм в известной мере обесценивают учебный материал, придают ему эклектичность, снижают его смысловой потенциал.

Технологизация, либерализация образования приводят к возрастанию роли слабоструктурированного информационно-образовательного пространства, и, как результат, ослабляют роль институционализированного образования. Это создает возможность еще большей ценностной дезориентации образования, снижения его социокультурной значимости. Рекламируемое в обществе многообразие технологизированных образовательных услуг без их должной социокультурной структуризации, ценностной приоритетности, социокультурной ориентации усиливает негативность ситуации в сфере образования.

Отмеченные выше особенности современного образования снижают его социальную эффективность, поскольку содействуют социокультурной индифферентности образования, а вместе с тем затрудняют социокультурную ориентацию обучающегося, делают неопределенной его культурную перспективу и эффективность его социализации.

Серьезная проблема, возникающая в области образования, связана с тем, что распространение информационно-компьютерных технологий не редко приводит к подмене знаний как социокультурного феномена информацией. При этом информация сводится к некоторому формализованному предметному содержанию. Отрицательные последствия этого особенно пагубны в сфере гуманитарного образования. Для гуманитарного знания существенна не только его информационно-содержательная составляющая, но и социокультурная, ценностно-мировоззренческая ориентированность. Это предполагает выработку личностного отношения человека к такому знанию, осмысление этого знания в опреде-

ленном социокультурном контексте. Информационные образовательные технологии силу преобладания в них формализованных (компьютерных) методов подачи информации существенно затрудняют такое усвоение гуманитарного знания.

Широкое использование в этом процессе информационно-компьютерных технологий освобождает обучающегося от необходимости усваивать специальные понятия и развивать навыки правильного их использования. Так, в широко используемых для обучения и контроля знаний компьютерных тестах обучаемый имеет дело с уже сформулированными вопросами и возможными вариантами ответов на них. Выбор правильного ответа не предполагает активного использования языка, не требует умений самостоятельно конструировать ответ, аргументировать его и грамотно, логически последовательно излагать. В результате такого тестирования проверяется и оценивается в лучшем случае память ученика, а не система его знаний, не его мыслительные способности, связанные с умением оперировать понятиями, самостоятельно формулировать требуемые ответы и обосновывать их. И уж тем более в данном случае речь не идет о навыках полемики, о готовности и умении аргументированно отстаивать собственные убеждения.

Образование, взяв на свое вооружение современные информационные технологии, посредством их занимается передачей нацеленных на быструю отдачу достаточно узких, но существу фрагментарных технократически сориентированных знаний, умений и навыков. Что же касается формирования у учащихся целостной картины окружающего человека материального и духовного мира, способствующей осознанию принадлежности каждого из них к единому человеческому сообществу, трансляции из поколения в поколение ценностей духовных, культурных, нравственных в их национальном и общечеловеческом понимании, то эти образовательно-воспитательные, гуманитарные по своей природе цели зачастую лишь декларируются. Если к этому добавить усредненные, унифицированные критерии оценки знаний, то на выходе получаем «продукт» достаточно серый, бесперспективный, способный только к определенной узкой функциональной деятельности. Такая тенденция в системе образования неминуемо ведет к негативным социальным последствиям.

В заключение следует особо подчеркнуть, что суть дела не в устранении или ограничении современных технологий в сфере образования, а в том, чтобы восстановить нарушенное единство, целостность обучения и воспитания в процессе образования, обеспечить ориентацию образования на приоритетные социокультурные цели. Этому может содействовать модель образования, адекватная исторически сложившемуся в нашем обществе типу культуры и включающая соответству-

ющим образом современные образовательные технологии. Эта актуальная тема предполагает

специальное обсуждение и может стать предметом особой публикации.

Поступила в редакцию 30 июля 2009 г.

Землянский Феликс Матвеевич, родился в 1937 г., в 1959 г. окончил физико-математический факультет Челябинского педагогического института. В 1965 г. окончил аспирантуру по философии при Московском государственном педагогическом институте и защитил кандидатскую диссертацию по методологии научного познания. В 1974 г. окончил институт повышения квалификации при Московском государственном университете. В 1982 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Развитие научных понятий в процессе дифференциации и интеграции знаний». Заведующий кафедрой философии ЮУрГУ, доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Автор более 100 работ по философии, в частности, по проблемам теории познания и проблеме человека.

Zemlyansky Felix Matveevich was born in 1937, in 1959 graduated from the Physics and Mathematics faculty of Chelyabinsk Pedagogic Institute. In 1965 completed post-graduate studies in Philosophy at Moscow State Pedagogic Institute and presented a candidate thesis on methodology of scientific cognition. In 1982 presented doctoral thesis "Development of scientific notions in the process of differentiation and integration of knowledge". Head of the Philosophy department of SUSU, PhD, professor, honoured worker of higher professional education of the Russian Federation. Author of more than 100 papers on philosophy, particularly problems of epistemology and problem of a man.

Никонов Анатолий Иванович, родился в 1945 г. В 1972 г. окончил естественно-географический факультет Челябинского педагогического института, в 1976 г. окончил аспирантуру по философии при Челябинском педагогическом институте и защитил кандидатскую диссертацию по методологии научного познания. В 1985 г. окончил институт повышения квалификации при Киевском государственном университете. Проректор по учебной работе Уральского социально-экономического института Академии труда и социальных отношений, кандидат философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Автор более 50 работ по философии, в том числе по методологии и гносеологии научного познания, философии человека и социальной философии.

Nikonov Anatoly Ivanovich was born in 1945. In 1972 graduated from the Natural Science and Geography faculty of Chelyabinsk Pedagogic Institute, in 1976 completed post-graduate studies in philosophy at Chelyabinsk Pedagogic Institute and presented a candidate thesis on methodology of scientific cognition. Pro-Rector for academic affairs of Ural Social-Economic Institute of Academy of Labour and Social Relations, candidate of Science in Philosophy, professor, honoured worker of higher professional education of the Russian Federation. Author of more than 50 papers on philosophy, including such topics as methodology, epistemology of scientific cognition, philosophy of a man and social philosophy.

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ СРЕДИ ДРУГИХ ФОРМ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

М.Ю. Зырянов

TO THE QUESTION ABOUT THE PLACE OF LEGAL CONSCIOUSNESS AMONG THE OTHER FORMS OF PUBLIC CONSCIOUSNESS

M. Zyryanov

В статье предпринимается попытка переосмыслить взаимосвязь правосознания со смежными формами общественного сознания в современных российских условиях. Акцентируется внимание на проблемах реализации правовой теории в реальной общественной жизни. Это позволяет определить сущность правового сознания с точки зрения необходимости его развития, одним из важнейших способов которого выступает правовое воспитание.

Ключевые слова: правосознание, общественное сознание, правовое воспитание, политика, политическое сознание, экономика, мораль (нравственность), духовность, ценностный подход, формирование правосознания.

In the article an attempt to rethink the interrelation of legal consciousness with the adjacent forms of public consciousness in modern Russian conditions is undertaken. The focus is brought to the problems of realization of the legal theory in real public life. By means of this the essence of legal consciousness is defined from the viewpoint of necessity of its development. Legal education is one of the major ways thereof.

Keywords: legal consciousness, public consciousness, legal education, politics, political consciousness, economy, morals, spirituality, valuable approach, formation of legal consciousness.

Правосознание, без преувеличения, принадлежит к числу ключевых категорий социально-философской мысли. По его характеристике можно судить о жизни общества в целом. Причинами являются, как огромная роль права в регулировании общественных отношений, особенно возросшая в трансформационный период развития российского общества, так и теснейшая взаимосвязь правосознания с другими формами общественного сознания. В Российской Федерации сейчас особенно актуализируются процессы, связанные с переосмыслением «наследства» распавшегося Советского Союза, самоопределением и выбором путей дальнейшего развития. Идет активное обновление не только окружающей действительности, но и общественной теоретической мысли.

В задачи настоящей статьи входит проанализировать правосознание с позиции соотношения с сознанием политическим и нравственным, показать его место и относительную специфику с учетом современных условий, рассмотреть диалектику правосознания в реальной жизни и теории. Также мы намерены сформулировать определение правового сознания, учитывающее ценностный аспект, потому как в современных условиях только оно позволит создать наиболее пригодный теоретический инструментарий для его формирования.

Мы ни в коем случае не претендуем на завершающую полноту и окончательность. Настоящая ста-

тья есть лишь попытка разобраться в столь непреходяще важных для социальной жизни вопросах, которые в современных условиях приобретают новую значимость.

В этой работе понятия «мораль» и «нравственность» используются как синонимы, тем самым мы абстрагируемся от некоторых расхождений, которые вкладывались в них в ходе исторического развития научной мысли. Политическое сознание трактуется нами в большей степени как отражающее экономические и другие ключевые интересы человека.

Вопрос о соотношении права и правосознания играет важную роль, ввиду невозможности их раздельного рассмотрения. В учебной литературе указывается, что право «как общественное явление состоит из правового сознания (теоретического и обыденного), правовой деятельности, правовых отношений, правовых норм и правовых институтов. Все они находятся в тесной взаимной связи». Здесь право видится как правовая система. Следовательно, правосознание целиком входит в него.

Четкого подразделения общественного сознания на правовое, политическое, нравственное и т. д. не может быть на практике. Как хорошо известно, мы видим их настолько тесное взаимодействие и переплетение, что подчас затруднительно выделить отдельные составляющие. Это особенно очевидно просматривается на примере правосознания. Его невозможно объективно определить без прояснения отно-

шений экономики, политики, морали и права. Также это трудно сделать без обращения к реальной общественной жизни, потому что тогда и только тогда просматривается его действительная сущность. Итак, остановимся на этом более обстоятельно.

Выглядит весьма обоснованно замечание В.А. Затонского, считающего что «от того, как трактуется право, от правопонимания зависит в теоретическом плане соотношение права и политики, права и экономики и т. д. Правовая жизнь... теснейшим образом взаимосвязана прежде всего с политической и экономической, «выступает по отношению к последним в виде своеобразной формы», оказывая вместе с тем на экономику и политику и обратное воздействие стимулирующего либо сдерживающего плана»¹. На наш взгляд, это утверждение выглядело бы почти безупречно, если бы не обделялась вниманием нравственная сторона жизни общества, без которой многое может превратиться «в произвол и беззаконие». Хотя и нельзя забывать, что ключевое назначение права — регулировать распределение и присвоение общественных благ. Следовательно, оно не может быть нейтральным по отношению к интересам людей.

Нужно учитывать, что социальные классы и отдельные индивиды имеют определенное правосознание, соответствующее их интересам. «Правосознание — одна из форм общественного сознания того или иного класса (в социалистич. обществе в период развернутого строительства коммунизма — всего народа), обусловленная в конечном счете материальными условиями жизни этого класса (всего народа)»².

С другой стороны, социально-классовый подход, при котором право максимально сближается с политическим сознанием, а иногда и просто с ним отождествляется, не является допустимым. Хотя хочется не согласиться и с теми, кто говорит о марксистско-ленинском классовом понимании права без соответствующих на то поправок. С аксиологической точки зрения классовое видение права в этом учении не признается идеалом, скорее оно выступает объектом критики и последующего преодоления, также и правосознание должно стать общенародным. Так в Манифесте коммунистической партии в полемической форме отстаивается следующее: «Ваши идеи сами являются продуктом буржуазных производственных отношений и буржуазных отношений собственности, точно так же, как ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса»³.

Не трудно заметить направленность обвинения именно на изобличение в использовании изначально справедливого, высокого назначения права, для поддержания существующего, часто «преступного» общественного порядка. Понятно, что учение о классовости права породила сама среда, когда правовые идеалы только провозглашались, действительность же была противоположной. Конечно, следует признать, что марксизм чрезмерно гипертрофирует по-

литизированность правосознания в ущерб многим другим не менее важным его сторонам. Но факт остается фактом — без обращения к политике и экономике любые попытки определения этого явления останутся в лучшем случае бесплодными. Применительно же к современным условиям можно сказать, что «методологически правильный путь — не догматизировать марксизм, не превращать его в икону, а, критически осмысливая и сохраняя преемственность, разумно использовать те достижения, которые наряду с идеями других выдающихся мыслителей прошлого сохраняют свое значение и в современных условиях»⁴.

В учебной литературе до сих пор можно встретить замечания, что «наиболее характерная особенность права выражается в его определении как воли господствующих социально-классовых сил, возведенной в закон или узаконенной государственной воли. Правовые нормы, законы закрепляют прежде всего жизненно важные для господствующих социальных сил правила поведения. В каждом праве существуют еще и нормы, имеющие общечеловеческий, внеклассовый характер». Примечательно, что здесь автор идет даже дальше традиции советской науки. Если тогда подчеркивалось, что из классового, право превращается в общечеловеческое, то здесь этого практически нет. Данное утверждение имеет очень серьезные последствия, так как буквально переворачивает основы современной юриспруденции. Взглянув с этой стороны, становится ясно, что юридическая наука со всеми ее принципами и понятиями скорее говорит о должном. Но, в то же время, в данном определении правового сознания дается трезвый взгляд на существующую государственно-правовую практику. Представляется, что положение может улучшиться с развитием духовного смысла правосознания.

Не представляет труда заметить, что классовое право и правосознание теряют всякую самостоятельную сущность помимо лишь средства для выражения чьих-либо интересов, естественно, отличных от воли народа. Право становится необходимым для закрепления «удобного» общественного порядка, придания ему своеобразной «легитимности». Оно перестает быть мерой справедливости, носителем всеобщих интересов. По сути, классовость и право — вещи противоположные. Не представляет сомнения, что с этимологической точки зрения слова «право» и «закон» должны ассоциироваться в общественном сознании именно с правым, правильным, должным, призванным быть выражением справедливости и порядка. Если признать классовое видение права нормальным, то вряд ли может идти речь о правовом воспитании, имеющем целью формирование законопослушного поведения как внутренней потребности на основе осознания ценности права, уважения к праву. «Правовое воспитание — это целенаправленный, планомерный и организованный процесс формирования и развития системы социально-правовых ценностей, убеждений, внутренней готовности к активной правомерной деятельно-

сти. Оно раскрывает не только «букву», но и «дух» права, правовых явлений, показывает их действительную миссию, предназначение»⁵.

Переходя к рассмотрению соотношения правосознания и морали, нужно сделать ряд существенных замечаний. Имеет право на существование точка зрения, согласно которой общечеловеческая (общенародная) сущность права во многом заимствована из нравственности, при этом значительная часть нравственных принципов (справедливость, равенство, гуманизм и т. д.) приобретают правовую принадлежность, адаптируясь в новой специфической среде. Затем они часто указываются как изначально правовые. В этом ключе выглядит весьма обоснованно точка зрения О.В. Мартышина, который считает, что «в нашей юридической литературе возникла странная тенденция объявлять универсальные (по широте охвата отношений между людьми) ценности не имеющими иного содержания, кроме правового, правовыми по своей природе». При этом он справедливо утверждает, что в этом случае «нравственность как высшая категория упраздняется. Иерархия ценностей нарушается. Право, конечно, ценность, но второстепенная, потому что оно служит средством для реализации высших ценностей — справедливости в первую очередь»⁶. Но, с другой стороны, в процессе исторического развития общества многие нравственные принципы глубоко проникли в правовую среду, получив при этом значительное развитие. Следует заметить, что разграничение права и нравственности в данном контексте имеет скорее теоретическое значение, чем прикладное, и случит более глубокому осмыслению правовых явлений. Моральные принципы, постепенно интегрируясь в правовую систему, способствуют ее совершенствованию, а если рассуждать применительно к человеку, то происходит развитие его правового сознания.

Весьма важно также уяснить пределы возможного переплетения права и нравственности. Г.В.Ф. Гегель, несколько в специфической манере подразумевая правосознание, при его определении исходит из различия позитивного закона и закона «должного»: «Человек не останавливается на налично существе, а утверждает, что внутри себя обладает масштабом правого: он может подчиниться необходимости и власти внешнего авторитета, но никогда не подчиняется им так, как необходимости природы, ибо его внутренняя сущность всегда говорит ему, как должно быть, и он в себе самом находит подтверждение или неподтверждение того, что имеет силу закона»⁷. Ниже Гегель добавляет: «Мысль о праве не есть нечто такое, чем каждый обладает непосредственно; лишь правильное мышление есть знание и познание предмета, и поэтому наше познание должно быть научным»⁸. Тем самым он предостерегает видение возможного субъективизма в оценках права. Исходя из гегелевского понимания, можно сделать очень важный вывод о том, что правосознание — это не только знание законов, действующих в определенном месте и времени, а так-

же обеспечиваемых принудительной силой государства, правовое сознание — это значительно большее. В первую очередь человек обращается к самому себе, как бы заглядывая в свой внутренний мир за оценкой того, что является действительно должным. Последующее замечание о невозможности непосредственного понимания сущности права имеет без преувеличения колоссальное значение, так как предупреждаются попытки представить лишь субъективным естественно данное каждому чувство должного. Указывается, что оно должно быть непременно научным. Действительно, в реальной жизни, только научно выверенные естественные принципы права могут быть основой законодательства и правомерного поведения индивидов. В противном случае каждый мог бы абсолютизировать свою волю. А в обществе бы господствовали хаос и произвол.

Сходным образом видит правосознание И.А. Ильин. Он в своей знаменитой работе «О сущности правосознания» пишет, что «нормальное правосознание можно изобразить как особый способ жизни, которым живет душа, предметно и верно переживающая право в его основной идее и в его единичных видоизменениях (институтах)»⁹. А затем он добавляет: «этот строй душевной жизни есть, конечно, нечто идеальное, однако не в том смысле, чтобы этот «идеал» был неосуществим. Напротив, этот способ жизни уже дан в зачатке каждому из людей, и от каждого из нас зависит — осознать, развить и упрочить в себе этот зачаток»¹⁰.

Весьма примечательно утверждение Ильина о том, что «...уродливое, извращенное правосознание остается правосознанием, но извращает свое содержание; оно обращается к идее права, но берет от нее лишь схему, пользуется ею по-своему, злоупотребляет ею и наполняет ее недостойным, извращенным содержанием; возникает *неправое право*, которое, однако, именуется «правом» и выдается за право, компрометируя в сознании людей самую идею и подрывая веру в нее»¹¹. Здесь также подразумевается вывод о том, что правосознание является не только знанием действующих законов (которое, по нашему мнению, могло бы частично совпадать с его подлинной сущностью только в случаях, когда закон действительно правовой), правосознание для Ильина — нечто значительно большее и является высоким личностным духовным развитием. Согласно Ильину, правосознание является нормальным только в случае отражения действительной сущности права.

Конечно, можно усомниться в том, что идеал столь высокого сознательного поведения осуществим. Немного тех, кто руководствуется в своем поведении высшими ценностями, значение которых для жизни не так легко понять. Экономический интерес, деградировавший в корысть повсеместен. Так А.А. Ларин, говоря о кризисе правосознания, потребительских ценностях и деградации личности, отмечает, что «основным фактором, сдерживающим личность от совершения противоправных действий

в таких условиях, становится не правосознание и правовая культура, а перспектива лишиться возможности пользоваться привычными материальными благами»¹².

Вопрос о сущности правосознания весьма не прост. Прежде всего, стоит разобраться в том, является ли правосознание только отношением (не важно хорошим или плохим) к праву и правовому регулированию. Или же следует говорить именно о достаточно высоком уровне уважения к праву, признания его самостоятельной ценности и т. д., как мы пытались обосновать это выше. Высказываются разные точки зрения.

Так, О.Г. Щедрин утверждает, что «правосознание — это форма сознания, выражающая отношение к праву (действующему и желаемому), к практике его реализации и к государству, его создающему, которая формируется на основе полученного знания о праве и государстве, а также под влиянием этнических и национальных особенностей, — далее автор продолжает. — Правосознание существует в каждом субъекте права и независимо от своего уровня, вида и стадии (курсив наш. — М. З.), способно регулировать юридически значимое поведение своего носителя, как правомерное, так и неправомерное»¹³. Представляется, это понимание правосознания в плане правового воспитания малопродуктивно, так как объявляется, что правосознание существует независимо от уровня своего развития (что же тогда понимать, когда говорят про его деформацию).

На наш взгляд (и для нашей цели), Ю.В. Шумова занимает более обоснованную позицию полагая, что «правосознание — это, по существу, оценка права, существующая в обществе, выражающая критику действующего права и формулирующая определенные надежды и пожелания к правовой сфере, ее изменениям, определяющая, что считать правомерным, а что неправомерным»¹⁴. С аксиологической точки зрения, это определение выглядит основательнее, так как ведет к более определенному разграничению правомерного и неправомерного, общественно полезного и вредного. Но, по нашему мнению, допустимо пойти еще дальше. Ценностный аспект можно существенно развить. Ведь очевидно, что самими упоминаниями о деформациях правосознания, о необходимости его формирования, развития, укрепления и т. д. подразумевается, что им может быть далеко не любое отношение к правовому регулированию, а уж тем более не правовой нигилизм.

Нужно отметить, что выделение нами наряду с общим и ценностным подхода к определению правосознания не имеет целью умалить научность предыдущего. Подобные размышления инициированы необходимостью развития теории правового воспитания. И использование того или иного инструментария зависит от целей и задач исследования. Полагаем, что правосознание можно понимать в относительно нейтральном аспекте по отношению к общественной самоорганизации, а также ценностном (при максимальном учете общественного

блага), видя правосознание, либо как оно есть в реальной жизни без учета должного состояния, либо подразумевая ценностно-целевой его характер. Определение Щедрина, хотя и позволяет разграничивать должное и его противоположность, но характеризует общество с позиции, скорее, незаинтересованного и «невключенного» наблюдателя. С его точки зрения и высокий уровень осознания реальной ценности права и правовой нигилизм могут являться равноценными разновидностями правового сознания. Как уже упомянуто, когда говорят о деформации правосознания, деградации личности, о необходимости правового воспитания, об укреплении правового сознания, то уже этим подразумевается, что существует и его состояние, которое должно быть. Именно так его видят Гегель и Ильин.

Этот подход применим и ко многим иным правовым явлениям. При определении политико-правовых категорий следует учитывать, содержат ли они характеристику настоящего или же ориентирует относительно желательной цели в общественном развитии. В частности, это можно отнести к Конституции РФ, многие положения которой ориентированы на будущее.

Итак, с позиции ценностного подхода можно сформулировать другое определение. При таком видении, правосознание — это форма общественного сознания, такой уровень развития когнитивных, эмоциональных и поведенческих элементов на основе сформированных духовно-нравственных качеств человека, когда экономические и другие важнейшие интересы личности облагораживаются нравственными принципами, что обеспечивает гармоничное сосуществование ее с обществом. С этой точки зрения правосознание является высоким уровнем осознания значимости принципов права в общественной жизни и соответствующего законопослушного поведения, правовой активности, играющими важную роль в улучшении правового регулирования и росте стабильности, нормализации социальной обстановки.

Ценностное видение правового сознания концентрирует внимание на человеке. Можно с уверенностью утверждать, что среди таких «социальных формул» как правовое государство, демократические процедуры и т. д. незаменимым «... субъектом отношений гражданского общества, его основой и смысловым центром является индивид во всей полноте своих прав как носитель определенной социально-правовой инициативы. Атрибутами такого индивида... должны быть социальная и правовая активность, наличие осознанной позиции по отношению к обществу и праву, развитие правосознания и соответствующая ему личная правовая культура»¹⁵. Нужно отметить, что такое понимание правосознания служит надежной основой развития гражданского общества и демократии. Только когда мы сами изменимся, то одновременно и наше общество можно будет назвать полноценно демократическим. «Утверждение политической демократии, обретение ее институтами необходимой устойчивости возмож-

но лишь при приобщении подавляющей части общества (включая не только политические, общественные организации, институционализированные группы интересов, но и массовые слои населения) к ценностям демократии, то есть когда массы осознают ее как наиболее совершенную форму политического устройства по сравнению со всеми другими его формами»¹⁶. Принятие ценностей происходит при осознании их роли для собственного благополучия.

В современной России в связи со многими обстоятельствами, главными из которых выступает переходный период и нестабильность, существенно деформировались многие общественные институты. Нравственные нормы, непосредственное значение которых не всегда уловимо, стремительно теряют свой престиж в общественном сознании. Право подвержено большинству тех же разрушительных процессов. Проблема формирования правосознания встает особенно остро и для этого требуется соответствующая теория. Ценностный аспект правосознания имеет важное методологическое значение в плане правового воспитания. Мы снова подходим к мысли, что учения классиков как упомянутых нами, так и многих других обретают в современных российских условиях новую актуальность и, следовательно, новую жизнь. Так, «учение Ильина о правосознании может иметь продуктивное преломление в свете сегодняшних российских социально-политических реалий: именно творческое развитие и углубление этой области общественного сознания должно вести к гармонизации социально-политических и правовых взаимоотношений. Теория правосознания Ильина актуальна и в практическом плане: она может быть востребована в области воспитания правосознания личности и общества в целом, в области законотворчества, правоприменения, в сфере формирования государственной правовой идеологии и разработки программ социального развития»¹⁷.

Примечания

1. Затонский, В.А. Правовая активность как качественное состояние правовой жизни / В.А. Затонский // Право-

вая политика и правовая жизнь. — 2003. — № 3. — С. 12.

2. Энциклопедический словарь правовых знаний (Советское право) / ред. кол. ... В.М. Чхиквадзе (глав. ред.). — М.: Сов. энциклопедия, 1965. — 512 с.

3. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Т. 4. — М.: Госполитиздат, 1955. — 618 с.

4. Байтин, М.И. О методологическом значении и предмете общей теории государства и права / М.И. Байтин // Государство и право. — 2007. — № 4. — С. 5.

5. Шафиров, В.М. Естественно-позитивное право (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... д. юр. наук / В.М. Шафиров. — Нижний Новгород, 2005. — 59 с.

6. Мартышин, О.В. Нравственные основы теории государства и права / О.В. Мартышин // Государство и право. — 2005. — № 7. — С. 6.

7. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Гегель Г.В.Ф.; пер. с нем.: ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. — М.: Мысль, 1990. — С. 57.

8. Там же. — С. 58.

9. Ильин, И.А. Общее учение о праве и государстве / И.А. Ильин. — М.: АСТ, АСТ Москва; Хранитель, 2006. — С. 186.

10. Там же. — С. 189—190.

11. Там же. — С. 186.

12. Ларин, А.А. Роль экономических факторов в развитии права: автореф. дис. ... канд. юр. наук / А.А. Ларин. — Нижний Новгород, 2007. — С. 21.

13. Щедрин, О.Г. Этнические особенности русского правосознания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.Г. Щедрин. — Ростов-на/Д, 2004. — С. 7.

14. Шумова, Ю.В. Философский анализ генезиса правосознания: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ю.В. Шумова. — Челябинск, 2007. — С. 7.

15. Смоленский, М.Б. Правовая культура как элемент социокультурного пространства: перспективы становления в современной России: автореф. дис. ... д. соц. наук / М.Б. Смоленский. — Ростов-на/Д, 2003. — С. 38.

16. Вайнштейн, Г. Общественное сознание и трансформационный процесс в России (о проблеме взаимосвязей) / Г. Вайнштейн // Мировая экономика и международные отношения. — 1999. — № 12. — С. 15.

17. Окара, А.Н. Правосознание — центральная категория философии права И.А. Ильина / А.Н. Окара // Государство и право. — 1999. — № 6. — С. 93.

Поступила в редакцию 23 июля 2009 г.

Зырянов Михаил Юрьевич, в 2005 году окончил Кузбасский юридический институт по специальности юриспруденция, аспирант кафедры философии и социологии Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, член Союза российских писателей, автор 10 изданных художественных книг. E-mail: mik-zyr@rambler.ru

Zyryanov Michael, the post-graduate student of philosophy and sociology faculty of Krasnoyarsk state pedagogical university that was named after V.P. Astafev, the member of the Union of Russian writers, the author of 10 published art books, E-mail: mik-zyr@rambler.ru

ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ВЕЩИ В ДИАЛЕКТИКЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И КОЛЛЕКТИВНОГО

О.А. Ковтун

THE PROBLEM OF PHILOSOPHICAL CONCEPTION OF A THING IN DIALECTICIAN OF INDIVIDUAL AND COMMUNAL

О.А. Kovtun

В статье обоснована необходимость философско-антропологического изучения вещи в диалектике коллективного и индивидуального. Вещь рассматривается как форма выражения индивидуального начала человека через потребляемую вещь. Определены условия и механизмы формирования и проявления личностного начала человека через потребляемую вещь. Вещь определяется как важная составляющая культуры личности, выступающая в качестве условия гармонизации коллективного и индивидуального.

Ключевые слова: вещь, индивидуализация, стиль потребления, идентичность.

The need of philosophical and anthropological study of a thing in dialectician of communal and individual is being validated. Things are being studied as a form of expression of unique human basis in terms of a consumable thing. The terms and mechanisms of unique human basis formation and development in terms of a consumable thing are being defined. Besides the trends of interrelation between material production growth and the character being formed in the process of individual establishment are also determined.

Keywords: political activity, mass awareness, political awareness, spiritual crisis, shock therapy, shock theory.

Человеческая жизнедеятельность развивается в рамках диалектического дуализма телесного и духовного, индивидуального и коллективного, свершенного и потенциального. Эти, присущие человеку противоречия, являются самыми фундаментальными и определяют его жизнь¹. Жизнь человека можно проанализировать с точки зрения того, как в ней проявляется каждое из указанных противоречий, в том числе противоречивое единство индивидуального и коллективного, как неотъемлемая черта собственного Я человека. Взаимодействие коллективного и индивидуального характеризует социальность человека и определяет тип культуры.

Динамика соотношения индивидуального и коллективного определяется в каждом конкретном случае отдельно. Вместе с тем существует и общая закономерность, связанная с радикальным изменением соотношения индивидуального и коллективного в ходе истории человечества. Этой закономерностью определяется фундаментальное различие культур Запада и Востока. По мысли М.С. Кагана, история человечества «первоначально в Западной его части, а затем и в приобщившейся к ней Восточной отличается мерой активности личности»². Масштаб этих индивидуальных качеств расширяется от «долично-стотно-традиционалистских» культур востока к западной культуре личностно-креативного типа. В данном явлении можно наблюдать тенденцию взаимосвязи процессов роста материального производ-

ства и формируемой в процессе становления личности индивидуальности человека. Противоречивое единство коллективного и индивидуального определяет всё многообразие взаимоотношений человека с вещным миром. Модель отношения человека с вещью можно рассматривать, с одной стороны, как воплощение индивидуальной неповторимости, с другой стороны, всеобщности. Если в отношениях человека с миром определяющим становится всеобщее, и люди отождествляют свои индивидуальные интересы с групповыми, то вещь становится независимой и абстрагируется от индивида и его частной жизни. При этом материальное бытие становится единообразным, все исключительное нивелируется, форма предметов становится унифицированной. Обезличенность людей и обезличенность вещей оказываются сторонами одной медали. Вещи приобретают те же лишённые индивидуальности черты, становясь функциональными объектами. Отказ человеку в праве иметь свое личное пространство, недостаток вещей может использоваться как наказание, что практикуется в тоталитарных государствах как вспомогательное средство для управления людьми. Отношение человека к самому себе находит свое выражение в отношении к вещам

Когда же в отношениях человека к миру получают приоритет интересы индивида, то это проявляется, в том числе, и в стремлении выразить свою индивидуальность через вещи, которыми он владе-

ет, реализуя ценностную установку на обладание. Любопытно в этом смысле, исследование В. Фриче, в котором автор устанавливает, что наличие плюса единичного в сознании человека делает вещь самостоятельным предметом и самодовлеющей темой картины. Автор обосновано замечает, что окончательное выделение натюрморта в самостоятельный жанр живописи стало возможным в буржуазной Голландии, где царил индивидуалистическое мироощущение.

Это еще раз подтверждает тождество человека с создаваемой им вещью. Установлено, что чем богаче вещная сторона культуры, тем более объективных оснований для доминирования личностных ценностей в обществе. И, наоборот, «невещественные» культуры, когда человек в первую очередь идентифицирует себя с социумом, не предусматривают личностное отношение с вещью, оно заменяется инструментальным. Таким образом, модель отношения человека с вещным миром может служить ключом к пониманию индивидуальности человека.

Понятие индивидуальности тесно связано с понятием индивидуализации. Форма социальности общества зависит от того, как решается задача индивидуализации. По мысли З. Баумана, «смысл индивидуализации состоит в освобождении человека от предписанной, унаследованной и врожденной предопределенности его социальной роли»³.

Вещь как одна из форм выражения индивидуально неповторимого начала человека является одним из средств индивидуализации. Если в античной культуре человек являлся «мерой всех вещей» и воспринимал себя как прекрасную вещь, то и свой индивидуальный опыт он реализовывал, создавая собственноручно вещь.

В современном обществе потребления одним из средств индивидуализации человека становится акт личного выбора вещи. Рядом авторов общество потребления понимается как совокупность общественных отношений, в которых ключевое место занимает индивидуальное потребление. (В. Ильин, Ж. Бодрийар, З. Бауман и др.) В обществе потребления основные критерии проявления индивидуальности сосредоточены уже не вокруг процесса труда и права собственности, а определяются процессом индивидуального потребления и идентификация человека обретается посредством личного выбора стилей потребления.

Существуют различные точки зрения на процессы, приведшие к возникновению общества потребления. От критики потребления, как области исключительного отчужденного существования человека, до защиты и признания его сферой самовыражения человека, инновационной практикой, творческим процессом освоения вещного мира и жизненной необходимостью. Очевидно, что анализ проблематики потребления и потребительских практик выходит за рамки экономической теории. Свидетель-

ством этому может служить тот факт, что основная часть исследований практики потребления развернулась в области философии и культурологии. Можно сказать, что потребление — это характеристика духовной реальности современного общества, новый тип отношения между человеком и вещью, где личность проявляет себя через вещи.

Развитие индивидуально-уникального в человеке связывал с формированием частной собственности и капиталистическим способом производства М. Вебер. Также К. Маркс отмечал успехи капитализма в сфере создания материальных условий развития личности, которые он связывал со зрелостью индивидуального развития человека и бытием людей как товаропроизводителей. Немаловажную роль он отводит в этом процессе конкуренции. С одной стороны, конкуренция стимулирует производителей и производство высококачественных вещей, имеющих культурную ценность. С другой стороны, порождает конкуренцию потребителей. Человек в обществе потребления стремится потреблять так, чтобы быть не «хуже» других, и в то же время не слиться с толпой. Процесс конкуренции ведет к постоянному совершенствованию продукта, что приводит к усложнению вещей, предлагающих все возрастающее количество функций и форм. Вещи становятся все более совершенными, целесообразными и «культивируемыми», при этом практическое значение вещи отходит на второй план. Потребители должны осваивать новую вещь, чтобы подтянуть свои потребности к возможностям вещи. По мнению Т.Ю. Быстровой, соответствовать вещи такого уровня, можно только будучи наделенным такою же человеческой и культурной полнотой. Автор делает вывод, что «подобно книгам или произведениям искусства, вещи способны подтягивать человека в эмоциональном и интеллектуальном отношении и совершенствовать его»⁴. Для того чтобы пользоваться множеством вещей, — писал К. Маркс, — человек должен быть способен к пользованию ими, т. е. он «должен быть в высшей степени культурным человеком»⁵. Потребительская деятельность превращается в творческий процесс освоения вещи. При этом потребность человека в вещах, как средство удовлетворения утилитарных потребностей, заменяется потребностью в вещах, отвечающих уровню культуры потребления человека. Таким образом, результатом дизайнерской деятельности становится создание индивидуализированных вещей, которые не столько товары, но символы образа жизни.

Важной характеристикой культуры человека является и образ жизни. Образ жизни выражает диалектическое единство коллективного и индивидуального в поведении, общении, укладе жизни. В качестве социально-эстетической составляющей образа жизни и важного средства индивидуализации человека выделяют стиль жизни. Ядром же стиля жизни в современном обществе по замечанию

многих исследователей становится стиль потребления⁶. Стиль потребления, как совокупность форм индивидуального поведения потребителя, будучи привязанным к конкретному товару, является моделью отношения человека с внешним миром. Источником стиля выступает личность человека в единстве коллективного и индивидуального. Стиль с точки зрения культуры, как и его творцы, представляет диалектическое единство коллективного и индивидуального «таинственное тождество формы внешних и внутренних проявлений, которое возникает из стремления к обретению идентичности, т. е. стремление стать законченным целым»⁷. Диалектический синтез целого и частей, внешнего и внутреннего, субъективного и объективного, коллективного и индивидуального подчеркивается в определении стиля, данном А.Ф. Лосевым. «Художественный стиль не есть нечто личное и индивидуальное, но он в такой же мере, как индивидуально личное содержит в себе и общественное»⁸.

Это определение справедливо как в отношении художественного стиля, так и стиля жизни. Стиль как прием и средство индивидуализации проявляется, прежде всего, в сфере искусства и повседневной жизни, в этом случае речь идет о стиле жизни. Целостность как атрибутивное качество стиля отмечается и в социологическом подходе. «Стиль — тождество внутреннего и внешнего, возникающее из стремления к обретению идентичности, то есть стремления стать законченным целым, образом, имеющим собственный центр, посредством которого все элементы его бытия и деятельности обретали бы единый и объединяющий их смысл», — замечает Г. Зиммель. Современное потребление представляет собой процесс, в который вовлекается человек ради обретения персональной идентичности посредством свободного выбора стиля потребления. С одной стороны, стиль потребления предоставляет индивиду свободу выбора, с другой, ограничивает его, что позволяет определить его как меру человека, выводимую в процессе его культурного взаимодействия с другими. Это детерминировано нормативностью стиля, что предполагает умение ограничивать себя в процессе потребления.

В условиях стилевого многообразия современного вещного мира и предоставляемых им возможностей выбора собственного стиля, распадается первоначальное единство субъекта и объекта, обусловленное нормативностью и целостностью стиля. Стиль обретает независимое от человека существование, становясь товаром и превращаясь в отрасль рыночного производства. Поэтому, справедливее будет назвать стремление к личному выбору своего жизненного стиля в условиях общества потребления стилизацией жизни.

В целом по сравнению со стилем, стилизация более адаптирована к восприятию и диалогу. Поскольку заявленный в стилизации прообраз дает

возможность возобновления того, что уже состоялось, что доставляет психологическое удовольствие.

В то же время, как новые стили из-за эстетической неосвоенности сначала могут вызывать негативную реакцию, стилизация как прием индивидуализации и самовыражения субъекта, по мнению Т.Ю. Быстровой, была присуща целому ряду культурных эпох: Ренессансу, барокко, модерну и, в том числе, постмодерну⁹.

Обращение к стилизации в девятнадцатом веке проявилось в эклектике, что было обусловлено духовными потребностями общества. «Эклектичная стилизация» отвечала запросам массового человека и, затронув, прежде всего, сферу материальной культуры, стала методом дизайна. Стилизация возможна при формировании нового типа сознания, ориентированного на диалог с историей, а не на пользование.

Постмодернистская стилизация, направленная на удовлетворение эстетической потребности, строится на конкуренции стилей потребления и предполагает их свободный выбор. Таким образом, стилизация занимает важное место в процессе поиска идентичности и создания своего культурного образа, являясь выражением активности субъекта по отношению к уже созданному ранее в жизни.

Еще одним фактором становления и развития индивидуального в человеке является вкус. Значение вкуса как одной из устойчивых форм поведения человека, определяет его роль в формировании индивидуальных предпочтений и делает его одним из средств конструирования стиля жизни. Между тем, роль вкуса в формировании индивидуальных предпочтений и его значение как средства построения стиля жизни не получили должного объяснения в экономической социологии. Габитус — термин для обозначения индивидуальных вкусов и предпочтений, употребляемый в социальной философии. Габитус — система приобретенных схем поведения, практика потребительского поведения, граница между освоенным и неосвоенным, а также диалектическое единство индивидуального и коллективного. Коллективное в индивидуальном вкусе охватывает общечеловеческое, национальное, групповое. Наличие в человеке этого коллективного позволяет ему в процессе восприятия на основе индивидуально присущих ему механизмов сознания идентифицировать вещь с определенной культурой. Став владельцем товара, которым владеют все, человек приобщается к коллективным ценностям и становится частью общества. Таким образом, любой индивидуальный вкус можно рассматривать как единичное выражение общего. На протяжении веков соотношение всеобщего и единичного в культуре варьировалось.

Для дизайнера индивидуальный вкус — ориентир деятельности, позволяющий создавать продукцию, рассчитанную на воспроизводство в массовом масштабе, являющийся одновременно реализацией

индивидуального вкуса. Индивидуальный вкус можно рассматривать в качестве основания построения различных стилей потребления и в качестве идентификатора, объясняющего различия в потреблении разных групп людей. Таким образом, вещную среду можно рассматривать как сферу стиля жизни, индивидуального вкуса и выражением индивидуальности человека. Ведь именно вещи создают соперничество стилей и мод, выделяют и определяют индивидуальный вкус.

В современной культуре формирование собственного стиля, вкуса, имиджа обусловлено требованиями модного стандарта. Конструирование своего образа Я, повышение его привлекательности, связанное с оформлением внешности, выражается в принадлежности модному стандарту, в обладании модными вещами, идентификации со значимым другим. Чаще всего объектом идентификации являются имена модных «звезд», манекенщиц и мировых фотомоделей, выступающих в качестве живых знаков модных стандартов, воплощенных в вещах, усиливая их привлекательность. В данном примере вещь средство реализации модного стандарта потребления, то есть определенной модели поведения человека. Мода — система ценностей, определяющая характер жизнедеятельности человека, его отношение с предметным миром и с самим собой. Мода существует как на массовом, так и на индивидуальном уровнях и зависит как от духа эпохи, так и индивидуального вкуса личности. Для одних участников моды — форма, позволяющая индивиду продемонстрировать своё «Я», для других способ удовлетворения необходимости идентификации с определенной социальной группой. «Сопрягая желание общности с желанием изоляции» — мода представляет пример диалектики отношений между индивидом и обществом» (Г. Зиммель). Таким образом, мода служит одним из средств формирования собственного Я индивида, что особенно явно находит выражение в поиске и создании индивидуального стиля в одежде. Мода ориентирована на преодоление противоречий существования человека, гармонизации личности и общества и повышении личностной меры совершенства.

Особенности функционирования вещи в диалектике коллективного и индивидуального, утилитарного и художественного являются коренной проблемой теории и практики дизайна, а также выявляют

философскую проблему взаимозависимости индивидуального и коллективного в современном обществе. Вещь, воплощая единство коллективного и индивидуального, играет роль символической границы, усиливая процессы самоидентификации человека в условиях общества потребления. Отражая особенности индивидуального потребления, вещь также является воплощением коллективного, что позволяет человеку конструировать свою идентичность.

Если потребление, по мнению В.И. Ильина, инструмент конструирования социальной идентичности, то стиль потребления, опосредованный в вещной форме можно считать способом обретения персональной идентичности в условиях общества потребления¹⁰.

В заключении можно еще раз подчеркнуть значение вещи как духовно-нравственного фактора, являющегося условием гармонизации коллективного и индивидуального, материального и духовного в жизни человека. Подводя итог, можно сказать, что в систему гармоничного общения с человеком может быть вовлечен не только человек, но и вещи, созданные руками человека.

Примечания

1. Барулин, В.С. — М. : Академ-книга, 2000. — С. 2.
2. Каган, М.С. Системный подход и гуманитарное знание: изб. статьи. — / М.С. Каган. — Л., 1991. — С. 43.
3. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. — М. : Логос, 2002. — С. 181.
4. Быстрова, Т.Ю. Вещь. Форма. Стиль: Введение в философию дизайна / Т.Ю. Быстрова. — Екатеринбург, 2001. — С. 288.
5. Маркс, К. Сочинения. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Т. 46. М. : Политиздат, 1975. — С. 386.
6. Бауман, З. Мыслить социологически / З.Бауман. — М. : Аспект-Пресс, 1996. — С. 217.
7. Ильин, Л.Г. Социология культуры путь в новое тысячелетие: уч. пос. для вузов / Л.Г. Ильин, 3-е изд. перераб. — М.: Логос, 2000. — С.194.
8. Лосев, А.Ф. Проблема художественного стиля / А.Ф. Лосев. — М., 1994. — С. 199.
9. См. подробнее Быстрова, Т.Ю. Вещь. Форма. Стиль: Введение в философию дизайна / Т.Ю. Быстрова. — Екатеринбург, 2001. — С. 30.
10. Ильин, В.И. Образ и стиль потребления: [электронный ресурс] / В.И. Ильин — <http://www.consumers/narod/ru/Lectons/constyle/htm/> / Проверено: 30.10.2008.

Поступила в редакцию 23 июля 2009 г.

Ковтун Ольга Автономовна, старший преподаватель кафедры искусствоведения и культурологии ЮУрГУ. В 1990 году окончила факультет искусствоведения Уральского государственного университета. Область научных интересов: философия культуры, философская антропология, история и теория дизайна.

Kovtun Olga Avtonomovna is Senior Teacher of the Art History and Cultural Studies Department of the SUSU. In 1990 she graduated from the Art History Faculty of Ural State University.

ТЕАТР И СЕЛЬСКАЯ ПУБЛИКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ И.Л. Куличков

THEATRE AND RURAL AUDIENCE: HISTORY AND MODERN TIMES I.L. Kulichkov

В статье рассматривается взаимодействие театрального искусства и сельского зрителя.

Основываясь на проведённых теоретических исследованиях и социологических опросах, автор показывает специфику общения сценического искусства с жителями села, выявляет вкусы и предпочтения сельской публики, говорит о проблемах и путях повышения её эстетической культуры.

Ключевые слова: театральное искусство, сценическое искусство, эстетическая культура, общение искусства с жителями села.

This article is about the interrelation of dramatic art and rural audience. On the basis of the conducted theoretical research and the public opinion polls the author explains the peculiarities of drama and countrymen communication, distinguishes tastes and preferences of the villagers, and explains the problems and ways to increase their aesthetic culture.

Keywords: dramatic art, stage play, aesthetic culture, drama and countrymen communication.

Русский профессиональный театр всегда считал своим благородным долгом приобщение к сценическому искусству широких масс зрителей. Причём это относилось и к горожанам, и к жителям села.

В 1924 году журнал «Рабочий зритель» сообщал, что в ряде городов спектакли целиком продаются рабочим организациям. Получая от них материальную поддержку, эти театры ориентируются прежде всего на вкусы рабочей массы¹.

После революции 1917 года началось активное проникновение театрального искусства не только в рабочую среду, но и в деревню, которая до тех пор фактически не была знакома с профессиональными исполнителями. Приобщение сельского жителя к искусству шло двумя путями: гастрольные выезды профессиональных коллективов на село и создание широкой сети кружков художественно само деятельности.

По данным Уральского областного статистического отдела, опубликованным в журнале «Просвещение на Урале», в 1927—1928 гг. в 1011 сельских драмкружках при избах-читальнях участвовало 17 862 крестьянина. Драмкружки по числу участников стояли на первом месте среди 30 различных по тематике кружков. В 1927 году участники драмкружков выступали перед крестьянами одной деревни в среднем не менее 10 раз. В 1928 году в 1207 сельских избах-читальнях Уральской области состоялось 14 429 спектаклей и концертов².

С большим успехом в 1929—1930 гг. проходили гастроли Уральского областного передвижного дра-

матического театра. В среднем каждый спектакль, данный этим театром на селе, посещало более 250 человек. Как правило, клубы не могли вместить всех желающих. Сборы от спектаклей превышали сметные предположения.

Приобщение к сценическому искусству коснулось и жителей южноуральской деревни. В 1919 году на базе Троицкого общества поощрения татарского сценического искусства и музыки был образован профессиональный театр. В 20-е годы в Кузе создаётся агитбригада «Синяя блуза», которая давала концерты и спектакли в населённых пунктах района. В 1932 году в Челябинске было организовано областное отделение Всероссийского театрального общества, одной из целей которого провозглашалось развитие и пропаганда театрального искусства на Южном Урале. Большую роль в популяризации сценического искусства сыграли и повсеместно открывавшиеся в сельской местности дома культуры.

Осуществлявшаяся культурная революция была отмечена рядом безусловных достижений, среди которых не только ликвидация неграмотности, создание сети культурно-просветительных учреждений, но и формирование у различных слоёв населения интереса к классическим формам культуры, в частности, к искусству театра.

Во время войны многие клубные учреждения оказались закрытыми по причинам стратегического переориентирования. Эвакуированные на Урал театры не могли в тех условиях ставить перед собой специальную задачу целенаправленной работы

с сельскими зрителями. Зато в послевоенные годы формы общения сельских жителей с искусством театра становились всё более интенсивными и разнообразными. Знакомство с ним входило в качестве важнейшей части эстетического воспитания в программы сельских школ и домов культуры. Организацией выездов на село профессиональных творческих коллективов как составной части большой работы культурного шефства города над селом занимались отделы культуры местных органов власти. Повсеместно шло строительство новых домов культуры. В 1950 в Челябинской области действовало 200 клубных учреждений министерства культуры, в 1960 — 431, в 1970 — 563. Наряду с ними существовали также клубы, находящиеся в собственности колхозов³. В итоге практически в каждом районе Челябинской области имелся собственный дом культуры, который был центром всей культурно-просветительной работы с местным населением. Его сценическая площадка использовалась как для театральных постановок силами местной самодеятельности, так и для выступления гастролирующих городских театров.

Развернувшаяся в послевоенные годы активная практическая деятельность, направленная на развитие культуры села, нуждалась в научном обосновании и планировании.

В 60—70 годы XX в. стали выходить фундаментальные обобщающие труды по коренным проблемам теории культуры. Духовная культура становится объектом исследований ряда отечественных социологов и культурологов: А.И. Арнольдов, Э.А. Баллер, Л.Н. Коган, Э.С. Маркарян, В.М. Межуев, и др.

Значительный вклад в изучение культуры Урала в том числе и культуры его села в те годы внесла научно-исследовательская деятельность сектора социологии культуры Института экономики Уральского научного центра Академии наук СССР во главе с Л.Н. Коганом.

В составе этого подразделения, автором данной статьи в 1972—1975 гг. было проведено изучение места и роли театрального искусства в духовной культуре села. Оно было осуществлено в сельских районах Оренбургской, Челябинской и Свердловской областей. В ходе исследования использовались: отчетная документация областных и районных отделов культуры, формы, заполненные работниками сельских Советов и домов культуры о социально-бытовой и культурной оснащённости обследованных сёл и работе местных учреждений культуры, анкетный опрос членов сельских трудовых коллективов.

Общий массив опрошенных по трём областям составил 1456 человек. Если принять за генеральную совокупность всё сельское население трёх областей, то выборка составила 0,1 % генеральной совокупности, что для целей нашего исследования было вполне достаточным.

Проводились нами массовые опросы зрителей, пришедших на те или иные спектакли, интервью с руководителями театров, а также беседы с актёрами по специально разработанной форме «Актёр о публике театра».

Прежде всего, нас интересовали формы контактов театра с сельскими жителями. Анкетный опрос директоров и главных режиссёров 22 театров Урала и Западной Сибири показал, что помимо посещений сельским зрителем спектаклей на стационаре, в ту пору широко практиковались летние гастроли театров в сельскую местность, круглогодичные выезды на село с отдельными спектаклями, организовывались так называемые «малые гастроли», когда театр выезжал в сёла на несколько дней с одним или двумя спектаклями. Популярными в те годы были абонементные спектакли, выезды бригад с концертами и фрагментами спектаклей на полевые станы. Оказывалась шефская помощь самодеятельным коллективам и народным театрам. Заключались договоры о постоянном сотрудничестве театров с колхозами или совхозами. Открывались постоянно действующие филиалы театров в крупных сёлах (например, такой филиал существовал в колхозе имени Ленина Тальменского района Алтайского края). Были созданы и успешно действовали передвижные профессиональные театры.

Однако, вряд ли сегодня стоит идеализировать все без исключения мероприятия того времени. Например, многие выездные спектакли сами же театральные работники а также сельские зрители рассматривали как неполноценные, отмечая их обеднённое оформление, плохие сценические площадки, транспортные и бытовые трудности и т. д. Поэтому не случайно половина опрошенных руководителей театров высказывалась либо за выездные спектакли, но на хорошей сценической площадке в хорошо оборудованном сельском клубе, либо за приезд сельского зрителя на спектакль в город, где он сможет увидеть полноценный в художественном отношении спектакль.

Известно, что потребление ценностей и благ культуры может иметь как домашний, так и внедомашний характер. Пользование книгами, газетами, журналами, радио и телевидением, составлявшими сферу домашнего потребления культуры, к концу XX века уже прочно вошло в духовную жизнь крестьянства. Здесь различия между городом и деревней более или менее успешно преодолевались. Сельская местность существенно отставала в сфере внедомашнего потребления культуры (посещение музеев, выставок, театров) и этот фактор серьёзно влиял на отношение селян к сценическому искусству.

Так по данным наших опросов, в сёлах Свердловской, Челябинской, Курганской и Оренбургской областей, имевших свои библиотеки, устойчивый приём телевизионного и радиовещания тем не менее оказалось почти в шесть раз больше тех, кто

никогда не бывал в театре, по сравнению с городскими жителями этих же областей.

Опросы, проведённые нами в Карталинском и Красноармейском районах Челябинской области позволило выделить три группы факторов, снижающих частоту посещения учреждений культуры:

1. Эпизодичность выездных спектаклей, концертов и удалённость городских учреждений культуры от дома (суммарно эти причины отметили 66,8 % опрошенных).

2. Недостаток времени, связанный с семейными обстоятельствами, а также занятостью общественными и производственными делами (28,0 % опрошенных).

3. Просмотр театральных спектаклей, художественных фильмов, передач об искусстве и т. д. по телевидению (22,9 % опрошенных).

Помимо этих факторов участники опроса указывали также на плохую транспортную связь, на усталость после рабочего дня, на трудности, связанные с приобретением билетов.

Таким образом, факторы, ограничивающие контакты с искусством, связаны во многом с региональными особенностями и спецификой сельскохозяйственного труда. Удалённость сельских населённых пунктов от города с его учреждениями культуры, сезонный характер сельскохозяйственного производства, его высокая интенсивность и продолжительность — всё это уменьшало возможности сельского населения приобщаться к сценическому искусству. Прежде всего речь шла о районах отдалённых от промышленного центра. В нашем исследовании такими были сёла Карталинского района Челябинской области.

Впрочем, вывод об отсутствии интереса к театру у жителей сельской глубинки был бы не верен. Анализ соотношения спектаклей, просмотренных ими на стационарной сцене и в местном клубе, показал, что чем дальше от города расположено село, тем охотнее люди бывали на выездных спектаклях и концертах.

Внехудожественные факторы (отсутствие выездных спектаклей, плохая транспортная связь с городом и т. д.) были существенными и для жителей сёл, находящихся в непосредственной близости от областного центра. Так в селе Миасское Челябинской области, расположенном недалеко от столицы Южного Урала более половины опрошенных тем не менее сослались на редкие выездные спектакли как на главную причину нерегулярного общения с театральным искусством.

Но зато в ближних сёлах внехудожественные факторы в большей мере, чем в глубинке, дополнялись факторами художественно-эстетическими. В частности, здесь обнаружилось более требовательное отношение к репертуару театров, к качеству концертных программ, актёрскому исполнению, художественному оформлению спектаклей и т. д.

В ходе исследований удалось выяснить, что на отношение селян к театру существенное влияние оказывает и телевидение, хотя его роль как средства распространения художественной культуры отнюдь не одинакова для жителей отдалённых и близлежащих от города сёл. Если для первых, испытывающих дефицит во внедомашних формах потребления искусства, характерна установка на живой контакт с ним, то среди вторых оказалось больше людей, отдающих предпочтение телевидению.

Выбор в пользу телевидения, по словам респондентов, обусловлен следующим: в поселениях, расположенных близко к городу, чаще выезжают на гастроли концертные бригады, театры, цирковые коллективы и т. д. Поэтому культурное потребление, имеющее публично-зрелищный характер, здесь более привычно и соответственно местные жители проявляют по отношению к предлагаемой им художественной продукции куда большую избирательность. Нужно также учитывать, что спектакли и концерты многих профессиональных коллективов, созданные в расчёте на стационарную сцену, во время их показа в сельском клубе с меньшей сценической площадкой, без необходимого технического оборудования и световой аппаратуры «адаптировались» к местным условиям, теряя свою художественную ценность. Поэтому на сельских сценах оказывались хотя и далеко не лучшие программы, но зато не требовавшие сложного оборудования и большого количества участников, что вызывало нарекание со стороны местных жителей.

Показательны в этом отношении данные нашего опроса о причинах неудовлетворённости выездными спектаклями и концертами.

Ответы жителей сёл Красноармейского и Карталинского районов Челябинской области распределились следующим образом.

Привозят не лучшие спектакли — 22,5 %;

Неинтересный репертуар — 12,6 %;

Плохое художественное оформление — 11,9 %;

Неудобное, непригодное помещение местного клуба — 11,7 %;

Низкий уровень исполнительского мастерства — 7,9 %;

В итоге определённая часть сельских жителей вообще не испытывала никакой потребности в прямом общении с исполнительскими видами профессионального искусства и отдавала предпочтение телевидению.

Изучение эстетической культуры села требовало не только выяснения частоты контактов его жителей с теми или иными видами искусства, но и изучения «верхнего» слоя — потребностей, интересов, ориентаций в сфере искусства.

В анкету, распространённую среди директоров и главных режиссёров театров Урала был включён вопрос об отличиях сельской публики от городской, об особенностях её восприятия. Шестеро из двад-

цати двух участников этого опроса заявили, что по мере роста образовательного и культурного уровня трудящихся села возникает тенденция к стиранию различий между понятиями «сельский» и «городской» зритель.

Показательны следующие ответы: «требования сельского зрителя такие же, как у городского»; «зритель стал хорошо разбираться в театре»; «пожилые люди ещё отличаются от городских зрителей, а молодёжь — нет».

Больше половины опрошенных руководителей театров отметили непосредственность, искренность сельского зрителя, большую активность в восприятии спектакля, большую заинтересованность, доверчивость. Среди ответов были и такие: «сельский зритель тоньше, воспитаннее, добрее городского», «сельского зрителя отличает очень хорошее непосредственное восприятие, благодарное и точное понимание самого сложного драматургического материала».

Впрочем, участники опроса одновременно отмечали всё-таки более высокую эстетическую требовательность городского зрителя, его большую искущённость и избирательность, более высокую театральную образованность.

Пытаясь разобраться в предпочтениях сельских жителей, мы предложили им следующую гипотетическую ситуацию: «Если на одно и то же время Вы могли получить билет в театр, в кино, на эстрадный концерт, в цирк, на спортивный матч, на вечер танцев, то какой из этих билетов был бы выбран Вами в первую очередь?»

В результате оказалось, что 44,1 % выбрали бы билет в театр, 25,5 % — на эстрадный концерт, 10,7 % выразили желание попасть в цирк, 8,4 % — остановили свой выбор на билете в кино, 7,7 % — предпочли бы спортивный матч, 1,0 % — выбрали бы билет на вечер танцев и 2,5 % остались бы дома.

Таким образом, на селе было отдано предпочтение тем видам культурного досуга, которые дают возможность непосредственного общения с «живыми» исполнителями.

Что же привлекало сельского жителя в общении с искусством, имеющим публично-зрелищный характер? Какие функции этих видов искусства ценились им более всего?

По нашим данным мотивы посещения сельскими жителями спектаклей, концертов, представлений и т. д. были таковы:

1. Желание расширить свой кругозор, узнать новое, получить возможность для размышления — 36,3 %.

2. Возможность развлечься, отдохнуть от обычных житейских дел — 23,7 %.

3. Встретиться с любимыми актёрами и исполнителями — 19,7 %.

4. Возможность побывать на людях — 16,1 %.

5. Яркая зрелищность художественного представления — 14,1 %.

6. Непосредственность восприятия художественного действия — 12,8 %.

7. Коллективность восприятия и переживания — 10,7 %.

8. Праздничность и необычность обстановки — 10,2 %.

9. Возможность побывать на спектакле всей семьёй — 10,2 %.

Из приведённой таблицы следует, что для сельского жителя театр являлся носителем двух изначально присущих искусству функций: познавательной и развлекательной.

В первую очередь театр для него выступал в качестве источника информации о мире, о жизни, дающего повод для работы мысли. Это вполне объяснимо. Будучи источником художественной информации, искусство одновременно служит и своеобразным средством познания. Его общественная роль во многом определяется тем, что оно способно дать художественно-образное отражение действительности, быть концентрированной формой познания жизни. Однако, преимущественная ориентация публики на познавательную функцию театрального искусства свидетельствует об ограниченном понимании специфики театра. Первоочередное внимание к событийному содержанию спектакля говорит о довольно узком и прагматичном понимании сущности и функций этого вида искусства.

На втором месте у сельского зрителя стояла функция развлечения. Сюда включаются ориентации на необычность обстановки, на возможность встретиться с друзьями и т. п., а также и на специфические зрелищные моменты — музыку, декорации, саму игровую ситуацию, сюжет и другие.

Лишь на третий план вышли мотивы, представляющие художественно-эстетические аспекты восприятия: сопричастность к творческому процессу, оценка исполнительского мастерства и т. д. Значительная часть сельской публики всё же не в полной мере осознавала природу театрального искусства, его особое место в системе искусств. Здесь очевидно сказывались и недостатки эстетического воспитания, и сравнительная локальность социального поля деятельности театра, влияние средств массовой информации, приучавших человека к опосредованному восприятию художественных ценностей.

О недостаточно высокой требовательности к собственно эстетической стороне искусства свидетельствовало и отношение сельских жителей к самодеятельному театру. Проведённый нами опрос жителей Сорочинского района Оренбургской области, где на протяжении многих лет активно работал народный театр, показал его значительно большую привлекательность, чем театр профессиональный. Однако в ходе опроса зрителей нам удалось выяснить, что высокий интерес к самодеятельному театру объяснялся не тем что качество его спектаклей действительно выше, чем у профессиональных коллекти-

вов. Здесь скорее особую роль играл психологический момент восприятия игры актёров-любителей. К выступающему на сцене человеку из той же социально-профессиональной среды, что и находящиеся в зрительном зале люди, публика относится как «к одному из нас», а это и вызывало своеобразную зрительскую реакцию. Повышенный интерес к народному театру на селе, следовательно, во многом оказывался обусловленным факторами внеэстетического порядка.

В целом изучение зрительской аудитории показало, что далеко не все жители села воспринимали искусство «эстетически», и это давало основание утверждать, что между интересом к нему и реальной эстетической культурой оставалась ещё значительная диспропорция.

Собранный нами и другими исследователями к тому времени социологический материал позволил понять специфику художественных запросов на селе и указывал на главные направления дальнейшей работы по повышению эстетической культуры его жителей. Перед общественными организациями, образовательными и культурно-просветительскими учреждениями а также перед соответствующими государственными органами вставали задачи перехода от эпизодических мероприятий к реализации продуманной системы подъёма эстетической культуры села.

Однако реформы девяностых годов сняли все эти задачи с повестки дня или, по крайней мере, сделали их решение делом далеко не первостепенной важности.

С исчезновением социалистических форм собственности и управления сельским хозяйством, многие клубы пришли в упадок, городские театры, попавшие в систему рыночных отношений, отказались от проведения шефских спектаклей на селе. Безработица и отток молодёжи из сельской местности изменили состав деревенской публики. Высокие цены на билеты сделали посещение сельскими жителями местных городских театров, а тем более столичных гастролирующих коллективов делом нереальным.

Насажение средствами массовой информации низкопробной культуры деформировало в сознании сельской молодёжи социально приемлемые эстетические и нравственные стандарты.

Наконец и сами театры в борьбе за выживаемость, т. е. за привлечение зрителя любой ценой оказались вынужденными пересматривать свою репертуарную политику и снижать художественно-эстетические критерии своих спектаклей.

Фактически многое из того, что было наработано на протяжении десятков лет в области развития духовной культуры села, перестало существовать.

Наряду с отрицательными элементами, бытовавшими в работе советских учреждений культуры

(формализм, погоня за количественными показателями, идеологическая непримиримость и т.д.), были преданы «метафизическому отрицанию» и вполне успешные формы работы с сельскими зрителями.

Со значительными трудностями столкнулась и социологическая наука. Общеизвестно, что с её помощью общество может познать само себя. Вопрос заключался лишь в том, насколько оно в 90-е годы нуждалось в таком научном, объективном знании?

При всех известных идеологических издержках в (60—80)-е перед социологической наукой всё-таки ставились фундаментальные вопросы, на которые она так или иначе пыталась ответить. В 90-е же годы выживали главным образом те исследования, на которые имелись платёжеспособные заказчики и которые служили сиюминутным потребностям отдельных лиц или организаций. Примером тому могут быть различного рода маркетинговые исследования или выявление рейтингов тех или иных политических персонажей или партий, проводившихся в периоды избирательных компаний.

Понесла потери и социология села. Отсутствие бюджетного финансирования и незаинтересованность частного капитала сделали невозможными глубокие фундаментальные научные исследования духовной культуры села как основы для теоретически обоснованной и систематической работы по её развитию.

Определённый оптимизм стал намечаться лишь в начале XXI века. Улучшение экономической ситуации в стране, оживление интереса государства к вопросам социальной и культурной политики, стали создавать некоторые предпосылки для появления позитивных изменений, как в сфере самой духовной культуры, так и в организации её научного изучения.

Особую роль в жизни страны, по замыслу современных руководителей государства, должно сыграть возрождение российского села. В начале XXI века оно стало одним из приоритетных национальных проектов.

Думается, что предполагаемый в нем подъём сельскохозяйственного производства невозможен без проведения эффективной социальной политики и роста культуры сельского населения. Не последнее место в этом важном государственном деле должно занять и развитие художественно-эстетической образованности жителей современного села, что в свою очередь привлечёт к её изучению новое поколение современных исследователей.

Примечания

1. Рабочий зритель. — 1924. — № 28. — С. 1.
2. Просвещение на Урале. — Свердловск, 1930. — Серия 6. — Т. VIII. — С. 373—374.
3. Челябинской области — 70: стат. сб. — Челябинск: Челябиноблкомстат, 2004. — С. 225.

Поступила в редакцию 23 июля 2009 г.

Куличков Илья Валерьевич родился в 1946 году. В 1969 окончил Челябинский государственный педагогический институт и начал работать на кафедре философии Челябинского политехнического института (ныне ЮУрГУ). В 1979 году в Ленинградском государственном университете защитил кандидатскую диссертацию по специальности «Философия». Профессор, автор публикаций по вопросам интеллектуальной культуры и обществе.

Kulichkov Ilya Lvovich was born in 1946. In 1969 graduated from Chelyabinsk State Pedagogic Institute and started working at the Philosophy department of Chelyabinsk Polytechnic Institute (now SUSU). In 1979 presented a candidate thesis in Leningrad State University in the major "Philosophy". Associate professor, author of papers on problems of intellectual culture of society.

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЙ НОВОГО ВРЕМЕНИ В ТРУДАХ Б.Н. ЧИЧЕРИНА

Е.В. Миронов

ANALYSIS OF SOCIAL-PHILOSOPHICAL CONCEPTS OF NEW TIME IN WORKS OF B.N. TCHITCHERIN

E.V. Mironov

В статье представлен анализ социально-философских концепций Нового времени известного российского философа и политолога Б.Н. Чичерина, который явился прочным основанием его собственных оригинальных концепций общества и государства.

Ключевые термины: концепция, естественное право, государство, нравственность, монархия, аристократия, демократия, справедливость, равенство, свобода.

In article the analysis of socially-philosophical concepts of New time of the known Russian philosopher and political scientist B.N. Tchitcherin which was the strong basis of its own original concepts of a society and the state is presented.

Keywords: the concept, the natural justice, the state, morals, a monarchy, aristocracy, democracy, justice, equality, freedom.

В построении своей социально-философской и политической концепции Чичерин опирался на весь корпус европейской философии от Платона до Гегеля. При этом он полагал, что в Новое время в философских взгляда на общество и государство происходит радикальный переворот, который требует пристального внимания философов, занимающихся данными проблемами. Он начинает с Гоббса, объявляя его учение о государстве первым полным и систематическим. Чичерин показывает, что Гоббс выводит всю свою теорию из чистых начал естественного права. Очень хорошо это видно в его работе «De Cive» («О государстве»). Цель учения Гоббса Чичерин видел в утверждении примата королевской власти над своими подданными.

Философское обоснование своей концепции Гоббс берет у Декарта, который утверждал, что протяжение сущего есть свойство материи, но в отличие от Декарта английский философ сводил к протяженности и мысль. В таком ракурсе мысль представала в виде невещественной субстанции и внутреннего движения; все понятия сводились к чувственным представлениям, а опыт объявлялся низшей ступенью, лишь воспоминанием о последовательностях движения. Таким образом, указывает Чичерин, Гоббс строит свою теорию государства на идеях чистого сенсуализма.

«Все действия человека выводятся Гоббсом из личных физических наклонностей, однако в силу закона необходимости»¹. Исходя из данной посылки, Гоббс заявляет, что «человек в обществе ищет собственного блага, а не чужого»². Свободы воли как таковой нет, человек движется по линии наибольшего мотива, тезис опять же протестантского толка. В сообществе люди сдерживают друг друга, точнее своими желаниями, которые часто диаметрально противоположны. «Между людьми, не сдержанными высшей властью, господствует взаимный

страх, проистекающий из опасения зла», — пишет Гоббс³. Опасение зла рождает здравый смысл. Отсюда следует, что «настоящее право (Jus) есть свобода употреблять естественные силы сообразно здравому разуму»⁴. Естественное право человека порождает принцип *bellum omnium contra omnes*, а это входит в противоречие с мотивом самосохранения. Поэтому основным законом человеческого общества должен закон — *Quaerendam esse pacem* (нужно искать мира), этот постулат вызывает к жизни вереницу законов, являющимися краеугольными столпами мира в человеческом сообществе:

1. *Contractus*: человек отказывается от своего права на все, таким образом он переносит часть своего права на другого, это и есть контракт.

2. *Pactum*: подобный перенос права имеет продолжение в неопределенном будущем, то есть человек берет на себе обязательство соблюдать первый закон постоянно.

3. *Pactis standum est*: третий закон суммирует два предыдущих — обязательства необходимо соблюдать»⁵.

Нарушение третьего постулата есть *Injuria* (несправедливость), которой нет в рамках естественного права, где имеет значение только нанесение физического вреда (и нет моральных ограничений). Несправедливость, как следует из всего вышесказанного, представляется несправедливостью только в отношении других лиц. Так возникают и моральные обязательства людей, английский философ приводит около двадцати моральных законов.

В общем виде, полагает Чичерин, теория государства у Гоббса предстает стройной логической цепочкой, проистекающей из естественного права человека, которое со временем трансформируется в моральные принципы. Так, «весь естественный закон сводится к сохранению мирного общежития»⁶. «Для

соблюдения естественного закона нужна безопасность (*Securitas*), последнее можно получить только объединением людей на добровольных началах (*Unitio*) и подчинению воли одного; единая воля и конституирует государство как таковое (*Civitas*)»⁷.

Гоббс различает, опираясь на свои рассуждения, несколько типов государственного объединения на основе единоначалия. Устройств государства по Гоббсу может быть три, согласно началу власти. Гоббс здесь не оригинален:

1. Монархия;
2. Аристократия;
3. Демократия⁸.

Тем не менее Гоббс пишет, что все так называемые извращения политических устройств, описанные древними, просто невысказаны. Нет и смешения политических устройств, так как это противоречит единому началу власти, что ведет к полной анархии. Лучшим правлением объявляется монархия: Царь есть народ. Чичерин отмечает стремление Гоббса везде теоретически обосновать абсолютную монархию.

Чичерин видит ошибку великого английского мыслителя в том, что тот смешивает в своем учении два разных понятия — государство и нравственность, по сути, объявляя их понятиями тождественными. Это видно и в религиозной подоплеке учения Гоббса, который высшей ведущей силой человеческого общества рассматривал царство божье. В естественном проявлении царство божье принимало вид государства, тогда как пророческое начало царства божьего представало в книгах Гоббса в виде заветов святого писания.

Еще одним мыслителем, оказавшим определенное влияние на творчество Чичерина был Спиноза, который свои рассуждения о политическом устройстве общества выводит из основного постулата: «Человек является игрищем страстей»⁹. Человеческие страсти необходимо каким-то образом уравновесить между собой. Здесь Спиноза близок к воззрениям Гоббса, однако выход видит не в установлении абсолютной монархии, а в учреждении общества, которое самоуравновешивается, или лучше сказать сдерживается. Основа такого общества есть общественный договор, однако договор не есть раз и навсегда установленный порядок, договор — предмет, изменяющийся с течением времени. «Каждый договор существует ровно настолько, насколько он приносит пользу»¹⁰. Договор есть не только для мира в человеческом сообществе, потому что «мир не есть только отсутствие войн, это — согласие душ»¹¹. Цель договора в создании государства, «цель государства — свобода его членов»¹². Отсюда вытекало, что власть, установленная свободными лицами, выше той, которая приобретена войной. «Пацифизм» Спинозы приобретает абсолютный характер. Однако свободное волеизъявление — плод серьезной внутренней работы. В обществах, где рабская психология господствовала в течение многих лет, очень трудно добиться полного проявления доброго начала в человеческом существе. «Толпа наводит страх,

если сама не трусит». Спиноза уверен, что свобода и рабство нелегко соединяются вместе.

«Делать все тайно от граждан и хотеть, чтобы они не судили ложно о делах и не толковали их вкривь — признак величайшего невежества. Если бы толпа умела себя умерять, воздерживать свое суждение насчет того, что ей мало известно, и из немногих данных выводить верные заключения, она была бы достойнее властвовать, нежели стоять под властью. Но природа у всех одна. Все кичится властью, все наводят страх, если сами не трусят, и везде правда нарушается страстями и своеволием, особенно там, где властвует один или немногие, которые имеют в виду не право и не истину, а только умножение своего достояния»¹³. В силу всего сказанного Спиноза заявляет: «Воздерживать свои суждения — редкая добродетель»¹⁴. Так как в реальном мире подобное встречается редко, необходима совокупность суждений. Именно поэтому аристократия сильнее монархии в качестве политического устройства. Аристократию отличает от монархии тем, что:

1. Собрание людей не нуждается во внешних опорах, тогда как монархия не может ничего решить, не выслушав его мнения;

2. Собрания людей вечны, тогда как царь подвержен возможности внезапной смерти;

3. Из второго пункта вытекает, что собрания в меньшей степени подвержены случайности;

4. В довершение всего, воля многих людей значительнее воли одного;

Таким образом, идеальное государственное устройство виделось Спинозе, по мнению Чичерина, как некое политическое образование, подпадающее под определение, либо конституционной монархии, либо аристократической республики.

Голландское начало Спинозы наложило свой отпечаток на воззрения философа. Аристократия видится им не как земельная, а как коммунальная. Лучшим для образования государства Спинозой объявляется союз независимых городов, каждый город имеет свое правление, общие дела решаются сенатом, из патрициев каждого города, здесь свою роль и играет семья как ячейка общества. Количество избираемых человек соответствует городским коллегиям. Общее законодательное право принадлежит всем патрициям городов участников, тем не менее, само общее собрание устраивает свои заседания редко. Раз принятые законы неизменны, в этом известное противоречие Спинозы: договор — предмет изменяющийся, закон — нет. Обсуждение законов происходит по городам, кроме этого, существует надзирающая власть в лице синдиков, которых городские общины посылают наблюдать за обсуждением и принятием законов в сенате, правда без права голоса.

Чичерин видит в учении Спинозы начало перехода к учениям нравственным.

Главного мыслителя нравственного течения в новой философской мысли Чичерин видит в Лейбнице. Немецкий философ привлекателен для Чичерина своим рационализмом и универсализмом. База

всего учения — критика Лейбницем картезианского учения. Картезианцы различали два начала материю и разум. «Лейбниц выступает с позиций чистого спиритуализма»¹⁵.

Чичерин выкристаллизовывает главную этическую мысль Лейбница — «наилучший порядок тот, который не нарушается»¹⁶. Эта мысль очень созвучна с общим фоном философских изысканий самого Чичерина. Порядок представляет все сущее в мире по степеням, право и человеческое общежитие подчиняются этому же закону. «Ничто человеческое мне не чуждо» — эта фраза показывает жизнь человека как первую ступень, в ней господствует отрицательное право, вытекающее из правды уравнивающей. Справедливость, вытекающая из правды распределяющей, знаменует вторую стадию человеческого общежития. Когда справедливость вытекает из правды распределяющей, с этого момента начинается разделение людей по принципу «каждому свое воздавать по заслугам». Последняя стадия возвышается над человеческой жизнью — это благочестие, вытекающее из правды всеобщей. Главный императив такого общества — жить честно. Республика, по Лейбницу, должна быть единой, но сила, на которой держится власть, тройка. Совесть, первая составляющая верховной власти, подчиняет императора и князей Богу, уважение (реверенция) подчиняет князей императору, собственно сила подчиняет поданных князьям. В самой верховной власти заключено два элемента: Поземельная верховность и Державство. Именно поэтому, в отличие от Пуфендорфа, Лейбниц считал Священную Римскую Империю германского народа государством.

Индивидуализм — учение, по Чичерину, материальное, эмпирическое. Его зачинателем русский мыслитель называет Локка, который представляет миру начала теории сенсуализма. С политической точки зрения Локк — один из основателей концепции разделения властей: «Государственная власть есть право устанавливать законы, охраняемые наказаниями для устройства и ограждения собственности, а также употреблять общественные силы для исполнения этих законов и для защиты от внешних нападений, притом все это единственно во имя общего блага»¹⁷. Однако собственность трактуется Локком неоднозначно, она имеет свою внутреннюю структуру. Под собственностью он понимает жизнь человека, его свободу и имущество. Все перечисленное есть неотъемлемые человеческие права. Право проявляется в равенстве: «Естественное равенство есть только равное право каждого на свою свободу без всякого подчинения другому»¹⁸. Равенство достигается посредством закона, разновидностей которого Локк различает три: божественный — известный при помощи разума или через божественное откровение, гражданский — воплощенный в идее государства, и закон общественного мнения. Государственная власть призвана ограничивать взаимные претензии индивидов — членов общества — для обеспечения равенства между ними. Для этого Локк разделяет власти государства

на три ветви: законодательную, которая есть власть высшая, исполнительную и союзную (федеративную). Законодательная власть, несмотря на свой верховный характер, не имеет, однако, права на жизнь и имущество граждан, на создание частных законов, любой закон имеет всеобщий характер. Исполнительная ветвь занимается претворением решений высшей власти в жизнь, федеративная имеет право войны и мира.

В политическом здании, возведенном Локком, Чичерин усматривает развитие идей индивидуализма с точки зрения народного правления, что не вполне приемлемо ему по духу, поэтому гораздо больше внимания он уделяет другому классику индивидуализма и разделения властей — Шарлю Монтескье: «Французский философ положил истинное основание учению о конституционной монархии... Закон есть, прежде всего, отношение идей, а потом уже отношение вещей»¹⁹. Таким образом, закон проистекает из человеческого разума, он рационален. Для Монтескье и Чичерина данный тезис принимает эмфатическую форму — закон есть человеческий разум вообще, все остальное есть частные его случаи. Локк писал о правительствах, Монтескье писал о законах: «Это было то учение, которое в древности излагал Полибий в своей Римской истории»²⁰. Однако у Монтескье оно было развито во всей своей полноте, считал Чичерин.

Естественные законы проистекают из первых начал человеческого бытия: мир, пища, семья, стремление к общежитию. К естественным законам добавляются законы, вызванные нравственным критериями, которые обусловлены различными внешними факторами. Законы должны соответствовать характеру страны. Для описания факторов, воздействующих на формирование того или иного нрава, Монтескье разрабатывает «Теорию климатов», в этом он идет в русле Аристотеля и Бодена. К теории климатов примыкает теория почв, однако основной упор в своих исследованиях Монтескье делает на политической плоскости государства.

Не будучи оригинальным мыслителем по части классификации типов политических устройств: республиканская форма правления, монархическая, деспотическая — Монтескье своеобразен в интерпретации подобной системы. Его главная мысль — противоположение законных и незаконных типов правления. Законными формами он видит республиканскую в ее демократическом или аристократическом виде и монархическую, тогда как незаконной формой выступает деспотизм. Разница между ними именно в законах. «Монархия от Деспотии отличается как раз тем, что первая управляется постоянными законами, а в последней господствует произвол, поэтому существенным различием между двумя типами правления становится тот факт, что в монархической системе есть определенные сдержки, по крайней мере, в подчиненных сферах, а в другой они исчезают. Значение этих сдержек, более нравственных, нежели юридических, далеко не мало важно для Монтескье и Чичерина.

От природы различных политических форм Монтескье отличает их начало. Под данным словом он понимает нравственную силу, действующую в государственном строе. Демократия держится доблестью, аристократия — умеренностью, деспотизм — страхом, а монархия — честью. Кроме этого, исходя из уже упоминавшихся теорий «климатов и почв», Монтескье выводит несколько правил. Так, республиканская форма может держаться только в малых государствах, в больших странах неравномерность распределения приводит к деспотизму, удел монархии — государства средней величины. Практический вывод — государства нельзя не увеличивать и не уменьшать без риска изменить дух страны, однако есть выход в виде федерализма. Союзное государство сочетает преимущества малой державы, которая с трудом может защитить себя, и большой, где мало свободы. Свобода интерпретируется Монтескье следующим образом:

1. «Свобода есть право делать то, что дозволяется законом.

2. Свобода существует только в умеренных правлениях, где работают сдержки.

3. Свобода есть двух видов: личная и политическая»²¹.

«Вечный опыт человеческого рода показывает, что всякий человек, облеченный властью, стремится ею злоупотреблять, пока он не доходит до своих пределов»²². Законы полагают определенные границы допустимого, тем не менее для совершенных законов необходимо, чтобы умы были к ним приготовлены — эта мысль очень близка Чичерину. «Если нужно изменить нравы, то лучше изменить их не законами, а нравами противоположного свойства»²³. Нравы важны везде. Например, «в деспотических правлениях опасно касаться установленных обычаев, последние занимают там место законов. Подданные тем более дорожат ими, что под правлениями этого рода люди всего менее склонны к переменам в жизни... Дух законодательства — дух умеренности»²⁴. Законы, по Монтескье, должны быть точными и ясными, но не слишком уточнены или подробны без нужды. Они не есть предмет частого изменения, не следует стремиться и к их единообразию. Одним словом, все сводится к золотой сере-

дине, которая так устраивает Чичерина, несмотря на индивидуалистский характер учения Монтескье: «Вся сущность мысли Монтескье заключается в указании на необходимость сдержек во всяком образе правления; как скоро они исчезают, такое правление превращается в деспотию. Мысль меткая и тонкая»²⁵, — подводит итог Чичерин.

Таковы основные оценки и характеристики русского политолога, посвященного анализу социально-философских концепций мыслителей Нового времени. Именно в этом анализе в первую очередь искал и находил основания для своей собственной политической концепции — концепции «либерального консерватизма».

Примечания

1. Чичерин, Б.Н. Политические мыслители Древнего и Нового мира / Б.Н. Чичерин. — М., 1897. — С. 245.

2. Там же. С. 247.

3. Там же.

4. Там же.

5. Там же. С. 248.

6. Там же. С. 250.

7. Там же. С. 251.

8. Там же. С. 254.

9. Чичерин, Б.Н. История политических учений / Б.Н. Чичерин. — Т. 2. — М., 1872. — С. 107.

10. Там же. С. 112.

11. Там же. С. 119.

12. Там же. С. 120.

13. Там же. С. 124.

14. Там же. С. 123.

15. Там же. С. 182.

16. Там же. С. 183.

17. Там же. С. 325.

18. Чичерин, Б.Н. Политические мыслители... — С. 322.

19. Там же. С. 357.

20. Чичерин, Б.Н. История политических учений... — С. 355.

21. Чичерин, Б.Н. Политические мыслители... — С. 384.

22. Там же. С. 385.

23. Там же. С. 400.

24. Там же. С. 401.

25. Чичерин, Б.Н. История политических учений... — С. 364.

Поступила в редакцию 23 июля 2009 г.

Мионов Евгений Владимирович родился в 1944 году. В 1972 году окончил философский факультет УрГУ по специальности «Философия», обучался в философской аспирантуре МГУ. В 1984 году защитил диссертацию по теме «Гносеологические и социальные функции научной теории» по специальности «Философия». С 1991 года работает на кафедре социологии ЮУрГУ. Заведующий кафедрой. Автор 2 монографий и более 35 статей, посвященных творчеству Б.Н. Чичерина.

Mironov Evgeny Vladimirovich was born in 1944. In 1972 has ended philosophical faculty of the Ural state university in Ekaterinburg on a speciality «Philosophy», it was trained in philosophical postgraduate study of the Moscow State University. In 1984 has defended the dissertation on the theme «Gnoseological and social functions of the scientific theory» on a speciality «Philosophy». Since 1991 works on chair of sociology of the South Ural state university. Managing chair. The author of 2 monographies and more than 35 articles devoted to creativity of B.N. Tchitcherin.

УЧЕНИЕ О НРАВСТВЕННОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Б.Н. ЧИЧЕРИНА

Е.В. Миронов Е.И. Трошкин

MORALITY THEORY IN SOCIAL-PHILOSOPHICAL CONCEPT OF B.N. TCHITCHERIN

E.V. Mironov, E.I. Troshkin

Проблема философского обоснования нравственного начала человека является одной из важнейших в творчестве Б.Н. Чичерина. Мыслитель отвергает материалистические и утилитаристские концепции и выстраивает свою оригинальную и целостную концепцию, опирающуюся на философию Канта и Гегеля.

Ключевые термины: *нравственность, этика, свобода, закон, нравственный идеал, право, субъект, позитивизм, пантеизм, эгоизм.*

The problem of a philosophical justification of the moral beginning of the person is one of the major in B.N. Tchitcherin's works. The thinker rejects materialistic and utilitarian concepts and builds the original and complete concept, based on the philosophy of Kant and Hegel.

Keywords: *morals, ethics, freedom, the law, a moral ideal, the right, the subject, positivism, пантеизм, egoism.*

Согласно Б.Н. Чичерину, возможность для человека осуществления себя в качестве нравственного субъекта есть ключевой момент современного цивилизованного общества и государства. Выдвижение им в качестве идеального политического устройства конституционной монархии основывалось на том, что именно она наиболее пригодна для культивирования в человеке нравственного начала, опирающегося на его внутреннюю свободу. Вот почему в мировоззрении Бориса Николаевича Чичерина вопросам этики отводится существенная роль, несмотря на то, что сам философ больше склонен к размышлению над общими отвлечённо-теоретическими проблемами мироздания. Тем не менее, он утверждает: «Существо нравственности состоит в установлении известной нормы или закона, с которым должна соотнобразоваться деятельность человека»¹.

Этическое учение Чичерина имеет чисто рациональный характер. Рационализм есть та путеводная нить, которая, словно нить Ариадны, проходит от начала и до конца философского и не только философского творчества Чичерина.

Все нравственные понятия Чичерин выводит из процесса самоопределения субъекта: «Самоопределение есть выражение отношения разума к себе или тождества его с собой в реальном действии: разум настолько остаётся тождественным с собой, насколько он сам себя определяет. В этом состоит внутренняя положительная его свобода. Поэтому свобода составляет неотъемлемую принадлежность всякого разумного существа»². Отрешение от внешних определений, по логике Чичерина, есть способность от-

решения от условного; последнее даёт безусловность. Отсюда вытекает, что положительная и отрицательная свобода субъекта предполагают способности сознавать безусловное. «Субъект, как разумное существо, есть носитель безусловного. В этом состоит его достоинство»³. Свобода, как положительная и отрицательная, выражает положительную и отрицательную необходимость, соответственно.

Закон, по Чичерину, определяет взаимодействие субъектов, что даёт ему содержание. В жизни субъекта закон принимает вид требования. «Однако данная необходимость, — пишет Чичерин, — не есть необходимость физическая, определяемая отношениям к другому; она есть необходимость нравственная, вытекающая из самоопределения: разумное существо должно само определяться отношением к тому, что требуется его природой. Это составляет его долг или обязанность, но обязанность свободно исполняемую. Нравственный закон есть закон свободы, в противном случае, он перестаёт быть нравственным»⁴. В библии нравственный закон был оговорён словами: «поступай так, как хочешь, чтобы поступали с тобой» Библейская цитата была в последствии переработана Кантом, выведшим из последней свой категорический императив: «Действуй так, чтобы правило твоих действий могло быть общим законом для всякого разумного существа».

Таким образом, основание нравственного закона составляют метафизические определения субъекта как разумного существа. «Без всего этого нравственности, — утверждает Чичерин, — просто нет. Все

эти определения всегда присущи сознанию человека, хотя, может быть, и не всегда в ясной форме»⁵.

я — доказывает, что человек есть метафизическое существо, которое, даже не сознавая ясно и отчетливо метафизических начал, руководствуется ими по внутреннему внушению»⁶. Опорой внутренних требований, обыкновенно служит религия, которая, как уже не однократно указывалось Чичериным, в той или иной форме содержит в себе все нравственные начала. «Научного же основания нравственности вне метафизики нет и не может быть»⁷. Все попытки, на взгляд философа, вывести нравственность вне метафизики основаны на путанице понятий и представляют пустую софистику, чью несостоятельность обличает простой анализ. Нравственность зависит от явлений мира лишь косвенно. Она обладает рациональной природой бытия, поэтому рациональное сознание нравственного закона формируется по мере развития осознания метафизических начал. В субъективном мире признание безусловного нравственного закона ведёт к признанию абсолютного разума, составляющего источник этого закона, на основании этого бытие бога представляет необходимый постулат нравственного закона.

Определяя взаимодействие разумных субъектов, нравственный закон служит их связью. «Так как осуществление нравственного закона есть долг, то субъект должен стремиться к осуществлению нравственного союза разумных существ. Последнее и составляет нравственную цель всей его деятельности»⁸. Начало этой деятельности есть любовь или стремление к нравственному единению с другими разумными существами.

Подобную цель нравственного закона можно достичь только посредством состояния свободы. Единичный субъект есть частная сила среди бесчисленного множества частных сил, мыслящих и материальных, а поэтому осуществление его целей подвержено закону частного, то есть случайности. Нравственный союз на основе любви остаётся для него идеалом, осуществление которого зависит от внешних для него условий. Тем не менее, в силу безусловности нравственного закона последний должен быть осуществлен в системе мироздания, и это носит характер необходимости. Безусловная необходимость существует только в совокупном процессе, поэтому и нравственный идеал может осуществляться только в совокупном процессе. «Он составляет конечную цель процесса или идеал будущего»⁹.

«Осуществление нравственного идеала имеет целью нравственное удовлетворение соединяющихся существ. Само осуществление лежит в отдалённом будущем, поэтому в настоящем, те, кто исполняет нравственный закон, остаются неудовлетворёнными. Данное противоречие закону, предъявляющему безусловное требование и, тем самым, по-

лагающим безусловное удовлетворение нуждается в разрешении. В этом состоит начало нравственной справедливости»¹⁰. Помимо совокупного идеала для каждого субъекта, действующего в совокупном процессе, существует и личный, персональный идеал, этот личный идеал не может осуществляться в жизни, подверженной случайностям. «Тем не менее, субъект, как субстанция, не подлежит уничтожению. Поэтому осуществление личного идеала возможно при иных условиях существования. В этом — абсолютное требование нравственного закона»¹¹.

При взгляде на субъект как на нравственную субстанцию бессмертие становится уже не отвлечённым чаянием, а требованием согласным с естественным законом и выясняющим этот закон. «Как субстанция, единичный разум не может уничтожаться, это положение составляет безусловную истину»¹². Другой вопрос, в какой форме сохраняется субъект: в своей индивидуальности или в слиянии с Верховным Разумом, от которого он произошёл. Понятие и теория субстанции допускает и первое и второе. Чичерин сводит эту проблему к тому факту, что для нравственного закона продолжение индивидуального существования составляет необходимый постулат. «Абсолютный закон требует безусловного исполнения». Между тем, в борьбе частных сил, принадлежащих области относительного, в которую погружён единичный разум, нравственный закон часто нарушается или остаётся неисполненным. Поэтому существующая действительность не может дать нравственное удовлетворение разумному субъекту. Подобное удовлетворение возможно только при условии продолжение индивидуального существования, которое является, в силу этого, требованием нравственного закона. Как носитель сознания абсолютного субъект возвышается над область относительного и может найти удовлетворение, только будучи изъятым из этой области. Высшее призвание составляет залог бессмертия, разумно-нравственный субъект не есть только орудие высшей судьбы: как носитель нравственного закона, он сам себе цель и, как таковой, должен найти удовлетворение, а это не даётся одним бессильным сознанием исполненного долга.

Необходимо отметить, что нравственное учение Чичерина находило полное непонимание со стороны многих российских мыслителей. Его обвиняли в узком взгляде на вопрос, на вычленение из него разных проблем и рассматривание последних в отрыве от цельной концепции. Однако Чичерин был одним из немногих, кто пытался создать цельную концепцию нравственности, по меньшей мере, обосновать ее более фундаментально, но в нем продолжали видеть правоведа и математика. Все его попытки подвести общий метафизический закон и под нравственность вызвали разнообразную критику. Особенно Чичерину доставалось за разграничение понятий права и нравственности. Несмотря на все это Борис Николаевич оставался последовательным при изло-

жении своих взглядов и, как бы то ни было, его концепция выгодно отличалась от всего, что имелось на тот период в философском пространстве России.

Для Чичерина человек, в своей практической деятельности, движется побуждениями двоякого рода. С одной стороны, как чувственное существо, он ищет удовольствия и избегает страдания. Стремления к счастью составляет высшую цель его жизни. С другой стороны, как существо нравственное, он различает добро и зло; руководится понятием об обязанности, которой он подчиняет свои личные влечения. Высшим решающим началом является здесь не стремление к удовольствию, а совесть, которая верховным законом человеческой жизни полагает деятельность не для себя, а для других. Таковы, по мнению Чичерина, факты, признанные всеми.

С этих позиций Чичерин ведет критику позитивистских концепций нравственности, господствующих в его время. Первое, с чем сталкиваются учёные при разработке этических вопросов, это цель деятельности человека, его движущие мотивы. Многие философы видели естественную цель человеческой деятельности в нахождении удовольствий или счастье, как сумме удовольствий. Чичерин рассматривает счастье только как гедонистическое понятие и ведёт против него полемику. Он писал: «Ни в коем смысле нельзя допустить, что достижение счастья, то есть, возможно, большей суммы удовольствий, составляет нормальную цель нашей практической деятельности. Нормальная цель есть добро; добро же есть начало чисто субъективное, если мы удовольствие поставим себе целью, то мы всё дело сведём к делу личного вкуса»¹³.

Материальные наслаждения свойственны природе человека, он состоит не из одной души, а из души и тела. Несмотря на то, что материальные наслаждения менее прочны, чем другие, зато они повторяются часто, к тому же достигнуть их несравненно легче, чем противоположные им духовные удовольствия мысли. Чичерин определяет материальные удовольствия только как отправление физиологических потребностей организма, но к практической деятельности человека относятся не только материальные, но и эстетические, умственные наслаждения. Если удовольствие есть высшая цель деятельности, то естественно, человек будет направлять свою деятельность именно в русле этих чувственных наслаждений, что для Чичерина абсолютно недопустимо, так как это приведёт к полной анархии, и, как следствие, к отсутствию гармонии.

Подвергая таким образом критике позитивистские и пантеистические теории, Чичерин указывал на тот, факт, что они, в своей основе, устраняют нравственный вопрос: «Следовательно, при таком взгляде все необходимо и все хорошо, понятия о добре и зле представляются не более как предрассудками или способами понимания ограниченного ума, — пишет Чичерин, — который, не возвышаясь

к созерцанию целого, считает себя центром вселенной и всё обсуждает и рассматривает с точки зрения личного своего удовлетворения. Именно так смотрел на этот вопрос высший представитель натурализма нового времени Спиноза»¹⁴.

Чичерин различает несколько способов объяснения нравственности. Низший способ объяснения дается, по его мнению, материализмом. Следуя общепринятой материализмом методе построения общего из частного, нравственность необходимо выводить из эгоизма. Данный метод для Чичерина абсолютно не приемлем. Для философа это также бессмысленно, как и выводить разум из материи. Невозможно выводить нравственность из того, что ей прямо противоположно, что составляет её отрицание. Если следовать данной теории, то Чичерин не видит в человеке другого побуждения, кроме эгоизма. Добродетели оказываются ничем иным как верным расчётом. В доказательство своей теории материалисты приводят только общие фразы о пользе взаимных услуг и не хотят видеть, что в человеческой жизни расчёт добродетели бывает весьма часто неверен. Вся система материализма видится Чичерину как ряд внутренних несообразностей, более того, он утверждает, что коренная несостоятельность материализма нигде так не обнаруживает себя, как в объяснении нравственных вопросов бытия.

«Немногим выше, — пишет Чичерин, — а по логической необходимости даже гораздо ниже теории эгоизма стоит и нравственная концепция утилитаризма»¹⁵. В сущности, утилитаризм в мировоззрении Бориса Николаевича есть синтетическое кредо, которое за недостатком теоретического основания, прибегает к опытному началу пользы, а значит, к материализму. «От теории эгоизма это воззрение отличается тем, что польза может быть понятна и как личная и как общая. Это даёт утилитаристам возможность отвергнуть возмущающее чувство и логику начала эгоизма, заменив его формулой: наибольшее счастье наибольшего количества людей. В таком виде утилитаризм является у своих основоположников Бентама и Милля»¹⁶. Здесь Чичерин не находит ничего, кроме происходящей, по его словам, от неясности мысли подтасовки понятий. Попытки вывести стремление к общему из искания личного удовольствия основаны на полнейшей путанице понятий. «Утилитаризм ничто иное, как замаскированная теория эгоизма, которая, с помощью неясности выражений старается превратить личное начало в общее, но через это впадает только в ещё большие противоречия, чем теория собственно эгоизма»¹⁷.

Утилитаризм и эгоизм в крайнем своём развитии сами себя разрушают. Тем не менее, из этого Чичерин не делает вывода, что люди не могут руководствоваться ими как правилами. Эгоизм имеет и положительные стороны в вопросах нравственности. Например, эгоизм умеет весьма хорошо рассчитывать и ограничивать себя всякий раз, когда нахо-

дит это для себя полезным. Конечно, эгоизм, в этом Чичерин уверен, не удовлетворяет высшим требованиям нравственности, но в практической плоскости он бывает просто незаменим. Эгоизм составляет совершенно такое же естественное свойство человеческого организма, как и доброжелательство. «По своей природе эгоизм ничто иное, как предпочтение своей пользы чужому интересу. Это весьма реальный и общераспространенный факт. Для этого не нужно ни безусловной противоположности двух субъектов, ни утверждения какой-либо другой бездны между ними, как на это указывал в своих работах Владимир Соловьев»¹⁸.

Эгоизм и утилитаризм возникает из чувств, а значит согласно концепции Чичерина, из множественности. Такая точка зрения неминуемо, опять же в силу логической необходимости, показанной Чичериным, впадает в односторонность суждений. Множественность может и должна контролироваться чем-то единым. Чичерин называет это единое — Разумом. Разум должен быть судьёй чувств, потому что он один, находясь от них в стороне, способен сравнивать их, определять им цену.

В оценке подлежащих его суждению влечений и чувств Чичерин рассматривает разум в нескольких аспектах, вернее ступенях его развития. На низшей ступени как чисто страдательное начало разум может ограничиваться выбором между различными побуждениями, ибо человеческие влечения противоречат друг другу. Необходимо высшее, господствующее над влечениями начало, чтобы уравновесить их, сдерживая одно другим и, таким образом, достигнуть наибольшей суммы удовольствий, какая возможна при данных обстоятельствах. Как об этом уже говорилось, роль судьи в этих вопросах принадлежит разуму. Однако, принимая данную роль на себя, разум становится в служебное положение. Ему принадлежит только выбор средств; целью всё-таки остается удовольствие, окончательная оценка которого зависит только от личного вкуса. Всё это ничто иное, как теория эгоизма, которая, таким образом, составляет в системе Бориса Николаевича Чичерина лишь низшее положение.

На другой, более высокой ступени имеет место быть нечто противоположное — Разум как верховное начало. Разуму предоставляется оценка не одних только средств к достижению удовольствия, но и сами удовольствия, то есть, решение вопроса, которое из них хорошо, а которое плохо. Для этого, — заявляет Чичерин, — требуется высшее мерило, которое не может уже заключаться в самих удовольствиях, но с которыми последние должны соотносываться. Откуда берёт разум это мерило? Чичерин даёт недвусмысленный ответ: единственно из самого себя. «Разум, в существе своём, есть общее начало, чистое сознание закона. Подчинение частного общему составляет для него необходимое требование, выражение внутреннего его естества.

Когда разум ставит сознание общего закона выше всяких частных отношений, он в этой оценке выражает только собственную свою сущность; он признаёт себя верховным мерилем опыта, господствующим началом в жизни человека как разумного существа. И это сознание имеет силу для всех разумных существ, потому что во всех разум является определяющим началом их познания и деятельности»¹⁹.

По словам Чичерина, всё это ничто иное, как категорический императив практического разума, разработанного Кантом, в его приложении к верховному нравственному закону, проистекающему из существа самого разума. Как и все определения чистого разума, этот закон имеет характер формальный. Он не говорит, что именно человек должен делать, содержание деятельности даётся жизнью, следовательно, зависит от опытных данных, но высшим мерилем всякого опыта он ставит подчинение частных стремлений сознанию общего закона. Такое подчинение называется обязанностью. В этом сознании заключается достоинство человека как разумного существа. Им человек выделяется из чувственного мира и становится носителем высшего господствующего над ним начала. «Удовольствие остаётся делом личного вкуса. Разум есть сознание абсолютных законов, а поэтому нравственным законом своей деятельности он признает абсолютное, имеющее силу всегда и везде. Всякое от него отступление роняет достоинство человека и лишает его того высшего удовлетворения, которое следует за чувством исполненного долга. В нём водворяется внутренний раздор, который называется угрызениями совести»²⁰. Нравственные понятия не ограничиваются жизнью отдельного существа; из них возникает умный мир нравственных отношений. Несмотря на свой формальный характер, нравственность выводится Чичериным как закон, имеющий своё отвлеченно-общее содержание, вытекающее из самой его формы. Содержание даётся понятием о законе как связи разумных существ между собой. Отсюда берут начала необходимые отношения разумных существ между собой. Каждое человеческое существо как носитель абсолютного начала имеет абсолютное достоинство, следовательно, рассуждает Чичерин, оно всегда должно быть целью, и никогда не может быть унижено на степень простого средства. Из всего вышесказанного, отрицательно Чичерин выводит требование уважения личности каждого, а положительно — требование живого осознания связи и истекающей из неё деятельности на пользу других, то есть, требование любви к ближним. «Что должен делать человек в силу этих побуждений нравственный закон не определяет. Закон ограничивается лишь формальными предписаниями:

1) Не делай другим того, чего ты не хочешь, чтобы делали тебе.

Делай другим то, что ты желаешь, что бы делали тебе самому»²¹.

В этих древних правилах Чичерин постигает всю сущность нравственного закона в отношении к другим равным разумным существам. Однако всем этим нравственный закон не исчерпывается. Будучи абсолютным он не только определяет частные отношения тех или других соприкасающихся между собой лиц, но, подобно закону тяготения в физическом мире, он связывает всё бесчисленное множество разумных существ настоящих, прошедших и будущих в одно мировое целое. Во всём духовном мире закон один и тот же, и везде частные отношения разумных существ являются выражением нравственного единого порядка. Источником всего этого, Чичерин объявляет «только единый и абсолютный разум, которому все разумные существа являются причастными»²². Сила нравственного закона в том, что он составляет безусловное требование разума и необходимую принадлежность всякого разумного существа. «Тем не менее, — продолжает рассуждать Чичерин, — полнота определений нравственного мира немислима без владычества в нём божества»²³. Можно сознать в себе нравственный закон, но нельзя окинуть умственным взором всё необъятное пространство нравственного мира, управляемого данным законом, не возвышаясь вместе с тем к Божеству, которое составляет верховный конечный закон и средоточие всего мира. В этом Чичерин уверен абсолютно.

Излагая свои взгляды на нравственность, Чичерин делает очень существенную на его взгляд оговорку. Он пишет, что ни в коем случае не надо связывать вопросы нравственности, представленные в ракурсе абсолютного разума, с христианской моралью. «Мы так привыкли связывать подобные понятия с христианской нравственностью, что когда они выражаются в форме философских истин, мы готовы считать их заимствованными из Евангелия. Между тем, — продолжает Чичерин, — они составляют неотъемлемое достояние всякой спиритуалистической философии, необходимое последствие тех начал, на которых зиждется это мирозерцание»²⁴. Чичерин приводит пример философии нравственности Стоиков, чья школа существовала до появления христианства, чтобы весомее подтвердить свою мысль. «Нравственная точка зрения составляет самую сущность спиритуалистической философии, которая даёт нравственным началам даже одностороннее и исключительное значение, безусловно, подчиня ей все остальное. Спиритуализм есть философия нравственного порядка»²⁵, — таков вывод Чичерина. Любая односторонность учёного устроить не может, спиритуализм не исключение. Как философ, претендующий на истинное научное значение, он пытается достичь в своих построениях полноты, а значит и точности определений. «Спиритуализм не в состоянии объяснить, что противо-

речит нравственному закону. Он объясняет добро, но не объясняет зла»²⁶. «Как же может, — задаёт вопрос Чичерин, — человек отклониться от добра?»²⁷.

В божестве источник найти невозможно, ибо тогда получается серьёзное противоречие, остаётся человек, который имеет способность отклоняться от установленного для него закона. Для спиритуализма с его детерминизмом подобное просто невозможно. Такая ситуация имеет место только при наличии в человеческом духе двух противоположных элементов, находящихся во взаимодействии, борьбе. Противоположные начала сочетаются в единичном существе, которое сознаёт себя как единое лицо, следовательно, подобное сочетание невозможно представить в виде двух независимых друг от друга сил, которые находятся в постоянной борьбе, и из которых, при данных обстоятельствах, то одна, то другая может получить перевес. В единичном существе, уточняет Чичерин, возможно только одно господствующее начало и этим началом в человеке может быть только разум, потому что очевидно общий закон не может подчиняться частным определениям, и наоборот, если человек допускает в себе преобладание частных влечений над общим законом, то это допущение может быть только делом владычества элемента его души, то есть разума. В самом разуме должно произойти раздвоение. Нравственное зло состоит не в преобладании частных идей над общим законом, а в том, что разум в себе самом признаёт правила, допускающие это преобладание. Именно это, по мнению Чичерина, разумел Кант. Само раздвоение разума Чичерин объясняет диалектическим законом развития, который выведен философией идеализма. «В силу этого же закона, разум установленное противоположение опять сводит к единству. Противоположность определений заключается в том, что разум, являясь сознанием общего закона или связи разумных существ, осознаёт себя, в то же самое время, отдельным существом или самостоятельным частным центром»²⁸. Момент, в который данная самостоятельная единица, признавая себя исключительным началом, ставит свое Я в противоречие с общим законом и есть явление зла. Становясь на это точку зрения, человек отрицает собственную внутреннюю природу, те вечные и бесконечные начала, которые лежат в основании его существа как разумного бытия. Повод к подобному действию Чичерин находит в сочетании разума с физическим элементом человека. Соединяясь с чувственным элементом, разум является владыкой физического мира. Отсюда поползновения или искушение выделиться из подчинения общему закону и сделаться самостоятельным центром. «Так как это поползновение вытекает из самой природы человека, как отдельной особи, то можно сказать, что оно ему имманентно. На этом основании лежит невозможность существования человека, изъятого из зла»²⁹.

Из общего источника существования человек черпает и такие понятия как добро, альтруизм, справедливость, милосердие. Все они противопоставляются эгоизму как основному движущему мотиву человеческой деятельности. «Если альтруизм в реальной жизни играет весьма малую роль в сравнении с тем же эгоизмом, все же в человеческих отношениях необходимо сознание высших начал, возвышающих людей над физической природой, с её естественными законами, делающих человеческое существо членом мира разумно-свободных существ»³⁰. Почему все-таки происходит так, что эгоизм превалирует в современном мире? Добро есть доминанта человеческой жизни, но несмотря на это добра очень мало. Чичерин доказывает, что на современном этапе развития человеческой личности его осознание абсолютного не дошло до необходимого уровня понимания. «Добро человеку присуще и должно по природе духа, но: 1) не все желают должного; 2) из тех, кто всё же желает должного, не все могут преодолеть свои дурные физические наклонности; 3) те немногие, кто достигли победы добра над злом, бессильны победить то зло, в котором лежит весь мир»³¹.

Разумное существо есть вместе с тем свободное существо. Оно исполняет нравственный закон не в силу естественной необходимости, а на основании собственного разумного выбора. «Как скоро человек признает существование в другом человеке нравственного закона, так он необходимо должен признать в нём и свободу»³². Всякое действие есть действие нравственное, если оно совершается свободно, а не по принуждению. Только в этом случае, человек может быть признан ответственным за свои действия. «Здесь рождаются понятия о заслуге и вине и вытекающие из них понятия о наградах и наказаниях»³³.

Чичерин приходит к выводу, что существенный характер человеческого существа как разумного существа состоит именно в том, «что он внутренне свободен, не будучи связан никакими частными определениями»³⁴. Свобода человека объясняется только присутствием в нём двух противоположных начал, бесконечного и конечного, и их взаимодействием. «Только свободой объясняется, — пишет Чичерин, — неизмеримый скачок от бесконечного к конечному и обратно. Путём естественной необходимости, идущей от частной причины к частному следствию, такой переход невозможен. Для этого требуется абсолютное самоопределение разумного существа»³⁵. Для нравственности свободная воля составляет первое и необходимое условие. «Без него нет ни понятия о законе, как обязательного предписания, ни понятия о должном. И то, и другое имеет смысл единственно в отношении к существам, одарённым свободной волей, а не к тем, кто повинуются закону как естественному влечению или физической необходимости»³⁶. Свобода воли, таким образом, необходимый постулат любой нравственной

концепции, считает Чичерин. «Нравственно только то, что человек делает не по необходимости, а по свободному внутреннему изволению»³⁷.

Чичерину абсолютно ясно, что данные начала раскрываются единственно философией, которая есть познание абсолютного, и особенно, в этом за-слуга идеализма, который понимает дух как сочетание противоположных начал: бесконечного и конечного. Однако нравственный закон не ограничивается чисто формальным началом, независимым от содержания. Кант при анализе нравственного закона установил чисто формальный категорический императив, но он же указал и на царство целей как необходимое содержание этого формального закона. «Еще более детально, — продолжает Чичерин, — это было выяснено Гегелем, который показал недостаточность отвлеченной морали и необходимость перехода к конкретным формам, в которых осуществляются нравственные требования»³⁸.

В этике Чичерин, конечно, ближе к Канту, чем к Гегелю уже по одному тому, что признает абсолютное значение личности и учит о метафизической сущности человека. Но источник свободы все же не в самом абсолютном начале уже просто в силу того факта, что свобода «предполагает возможность уклоняться от закона, то есть от разума». Поэтому Чичерин приходит к объяснению свободы из того, что в человеке наличествуют два противоположных начала — бесконечное и конечное. Последовательный спиритуализм, по Чичерину, неизбежно ведет к детерминизму, к отрицанию свободы. Лишь присутствие «низшей природы» дает возможность проявления свободы, лишь наличность чувственной стороны в человеке раскрывает тайну свободы в сверхчувственном начале человека. Но то же начало свободы, которое вытекало из противоположности сверхчувственного и чувственного начала в человеке, предохраняет личность от поглощения обществом и государством.

Личность для Чичерина — не есть только мимолетное явление, а известная, пребывающая сущность, которая признает своими, вытекающие из нее действия в прошедшем и будущем. Этим самым личность определяется как метафизическое начало. Права и обязанности личности превращаются в чистейшую бессмыслицу, если мы не признаем единства личности, если она сводится для нас к ряду меняющихся состояний. «Личность есть сущность единичная. Это не общая сущность, разлитая во многих особах, а сущность, сосредоточенная в себе и отдельная от других, как самостоятельный центр силы и деятельности». Следуя в целом метафизике и философии права Гегеля, Чичерин не согласен с его тезисом о растворении личности в Абсолюте, ибо это лишает ее внутренней свободы, снимая ответственность за содеянное; источник и смысл свободы в осознании человеком своей безусловной сущности и независимости, в том, что человек, как

носитель абсолютного начала, сам по себе имеет абсолютное значение и потому может быть признан свободным лицом.

Примечания

1. Чичерин, Б.Н. Мистика в науке / Б.Н. Чичерин. С. 24.
2. Чичерин, Б.Н. Основание логики и метафизики / Б.Н. Чичерин. СПб., 1894. С. 309.
3. Там же. С. 310.
4. Там же. С. 311.
5. Там же.
6. Там же. С. 312.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же. С. 313.
10. Там же. С. 314.
11. Там же.
12. Там же.
13. Чичерин, Б.Н. Метафизика в науке. Вопросы философии / Б.Н. Чичерин. М., 1891. С. 25.
14. Чичерин, Б.Н. Наука и религия / Б.Н. Чичерин. — М., 1879. С. 123.
15. Там же. С. 126.

16. Там же. С. 126—127.
17. Там же. С. 131.
18. Чичерин, Б.Н. О началах этики. Вопросы философии / Б.Н. Чичерин. 1891. С. 251.
19. Чичерин, Б.Н. Наука и религия... С. 135.
20. Там же. С. 136.
21. Там же. С. 136—137.
22. Там же.
23. Там же. С. 138.
24. Там же. С. 139.
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же. С. 142.
29. Там же.
30. Чичерин, Б.Н. О началах этики... С. 252.
31. Там же. С. 263.
32. Чичерин, Б.Н. Наука и религия... С. 143.
33. Там же.
34. Там же. С. 146.
35. Там же.
36. Чичерин, Б.Н. Вопросы философии / Б.Н. Чичерин. М., 1891. С. 230.
37. Там же.
38. Чичерин, Б.Н. О началах этики. С. 247.

Поступила в редакцию 23 июля 2009 г.

Миронов Евгений Владимирович родился в 1944 году. В 1972 году окончил философский факультет Уральского государственного университета в Екатеринбурге по специальности «Философия», обучался в философской аспирантуре МГУ. В 1984 году защитил диссертацию по теме «Гносеологические и социальные функции научной теории» по специальности «Философия». С 1991 года работает на кафедре социологии Южно-Уральского государственного университета. Заведующий кафедрой. Автор 2 монографий и более 35 статей, посвященных творчеству Б. Н. Чичерина.

Mironov Evgeny Vladimirovich was born in 1944. In 1972 has ended philosophical faculty of the Ural state university in Ekaterinburg on a speciality «Philosophy», it was trained in philosophical postgraduate study of the Moscow State University. In 1984 has defended the dissertation on the theme «Gnoseological and social functions of the scientific theory» on a speciality «Philosophy». Since 1991 works on chair of sociology of the South Ural state university. Managing chair. The author of 2 monographies and more than 35 articles devoted to creativity of B.N. Tchitcherin.

Трошкин Евгений Иванович родился в 1948 году. В 1973 году окончил философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова по специальности «Философия». С 1975 года работал в Институте философии АН Грузинской ССР. С 1991 года работает доцентом на кафедре социологии Южно-Уральского государственного университета. Препоает философию, социологию и теорию измерений в социологии.

Troshkin Evgeny Ivanovich was born in 1948. In 1973 has ended philosophical faculty of the Moscow state university on a speciality «Philosophy». Since 1975 worked at Institute of philosophy at Academy of sciences of the Georgian Soviet Socialist Republic. Since 1991 works as the senior lecturer on chair of sociology of the South Ural state university. Teaches philosophy, sociology and the theory of measurements in sociology.

О СООТНОШЕНИИ ГЕНЕЗИСА ОБЩЕНИЯ И КОНЦЕПЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ

В.Г. Мушич-Громыко

ABOUT CORRELATION OF ORIGIN THE COMMUNICATION TO CONCEPTION OF COMPLEMENTARITY

V.G. Moushich-Gromyko

Статья направлена на разъяснение возможных транскрипций понятия «принцип дополнителности» в применении этого принципа на ином материале, чем материале, связанном с квантовыми событиями. При этом противопоставляются понятия «принцип дополнителности» и просто «дополнителность», с последующим обозначением выхода на понятие «целостность».

Ключевые слова: принцип дополнителности, дополнителность, репрезентация, оператор, дуальность, «свобода выбора», определённое, неопределённое, целостность, типология общения.

The paper is devoted to explanation the possible transcriptions of notion “Principle of Complementarity” in its applying to the other material than in quantum events. Moreover, the author makes a contrast between such notions as “principle of complementarity” and simply “complementarity” with further emphasizing on the notion “integrity”.

Keywords: principle of complementarity, complementarity, representation, operator, duality, “freedom of choice”, certain, uncertain, integrity, typology of communication.

Э.Д. Шукуров (г. Фрунзе) в своей статье «Концепция дополнителности и проблема генезиса общения» при рассмотрении возможностей применения принципа дополнителности для анализа проблем генезиса общения исходит из принципа (объясняющего возможность перенесения способов мышления, выработанных в одной области знания на другую область знания), согласно которому: «Единство научного знания, вытекающее из материального единства мира, выражается в том, что инструменты мышления, возникшие и успешно применённые в одной его области, оказываются пригодными и в других областях. Естественно, в ходе употребления они претерпевают определённые изменения»¹. Обманчивая видимость вещей повседневности скрывает закономерности — тем более в такой сложной области познания, как гуманитаристике, связанной с осмыслением форм и сущности общения между людьми. В статье Э.Д. Шукурова принцип дополнителности объясняется традиционным способом — через указание на его сходство с принципом относительности и необходимости ориентироваться на понятие целостности «для полного отражения объекта в применении одновременно несовместимых приёмов исследования»². При этом автор статьи, на которого мы ссылаемся (как, впрочем, и многие другие исследователи), объясняет, что «картины» исследуемого объекта (полученные противоречивыми способами) нужно рассмотреть вместе, тог-

да они исчерпают природу целостного объекта. Неясным, при таком рассмотрении принципа дополнителности, является механизм этого рассмотрения, так как именно в нём-то и содержится сущность принципа дополнителности. Решимость гуманитария использовать принцип дополнителности для анализа своей области познания на этом останавливается, а дальше просто идут рассуждения о силе принципа дополнителности без конкретного приложения этой силы к объектам гуманитаристики при соответствующих исследованиях (если уж столь велика сила принципа дополнителности, то почему бы её не использовать на все сто процентов!?). Мы, со своей стороны, предлагаем взять в расчёт те стороны принципа дополнителности, на которые философы не обращают внимания как на значимые.

Эти стороны принципа дополнителности, вместе с теми, о которых уже упоминалось, составят определённый реестр, где и нужно искать ответы на множественные проблемы различных областей знания: а) о принципе дополнителности можно говорить только в тех случаях, когда исследуемый объект при различном к нему подходе репрезентируется противоречивым образом; б) когда при измерительных процедурах отдельных свойств этого объекта пропадает попеременно информация то об одной измеряемой величине, сопряжённой с дополнителной другой, то о другой величине — тоже дополнителной к первой и сопряжённой с ней;

в) когда парные операторы, соответствующие измеряемым величинам, не коммутируют друг с другом; г) когда в субъектно-объектной детерминации противоречивых описаний исследуемого объекта удаётся отделить друг от друга эти детерминации (в квантовой механике это выражается тем, что удаётся осознать влияние прибора на эксперимент, и затем в теоретических построениях устранить это влияние, которое (т. е. устранение) только и может привести к целостному знанию); д) когда удаётся доказать, что измеряемые величины являются сопряжёнными и одновременно дополнительными (а это возможно только тогда, когда применяемые операторы не коммутируют друг с другом, а их попеременное последовательное воздействие на исследуемый объект даёт разные результаты; условно это можно записать следующим образом:

$\hat{A} \cdot \hat{B} \neq \hat{B} \cdot \hat{A}$ (\hat{A} и \hat{B} — это операторы)). Операторы вообще — есть преобразователи (в квантовой физике они преобразуют теоретические объекты и переводят их в другие «состояния»). Буквы \hat{A} и \hat{B} символически выражают эти преобразования. е) когда удаётся найти соответствующие абстракции и формализмы, благодаря которым противоречивые репрезентации объекта сводятся к некоему целому, тогда и удаётся адекватное представление об исследуемом объекте.

Обратимся и мы к концепции дополнителности для того, чтобы как-то по-новому взглянуть на феномен общения. Жизнь людей характеризуется активной устойчивостью не только к разрушительным внешним воздействиям природы, но и к разрушительным воздействиям других людей (мы будем иметь ввиду прежде всего ментальные построения людей, их мыслепосылы, лингвистическую структуру этих построений и посылов).

При этом, видимо, нужно брать в расчёт не просто необходимое количество информации, благодаря которому может быть обеспечена адекватная реакция, но и качество этой информации. Информация сама по себе является ценностью и в этой связи определённым качеством. Развитие человека и цивилизации в целом характеризовалось тем, что постепенно выстраивалась лестница оснований и основ жизни человека, где основами в первую очередь оказывались принципы жизнеутверждающие, а не разрушающие. Но существование противоположных принципов создаёт дуальность устремлений людей, что в целом и требует создания принципа дополнителности, благодаря которому можно было бы адекватно объяснить жизненные коллизии, а значит, адекватно наметать мероприятия для устранения противоречий устремлённости людей.

Противоречия, о которых мы говорим, касаются как социальных групп, так и отдельных людей в целом. Человек дуален в своих мотивациях. Данный факт, как мы считаем, не требует особых доказательств. Дуальность мышления субъекта есть определённая пропозициональность, когда субъект, в определённой ритмологии, попадает то в ареал воз-

вышенного (созидающего) своим мышлением, то в зону низового (разрушающего) как самого себя, так и окружающего пространства.

Э.Д. Шукуров приводит цитату из сочинения Ф. Энгельса, которая утверждает следующее: «...Каждый прогресс в органическом развитии является вместе с тем и регрессом, ибо он закрепляет одностороннее развитие и исключает возможность развития во многих других направлениях. <...> Глаз, который бы видел все лучи, именно поэтому не видел бы ровно ничего...»³.

Академик А.Б. Мигдал в сходном ключе, но в применении понятия «видеть» в физическом смысле, пишет следующее: «...Полная интенсивность света от звёзд, лежащих внутри сферы, пропорциональна радиусу этой сферы, и если бы Вселенная была бесконечна, то яркость неба лимитировалась бы только ничтожным поглощением света в межзвёздном пространстве. Небо должно было бы сиять «ярче тысячи солнц»... Скачок в понимании Вселенной, связанный с переходом от плоского пространства евклидовой геометрии к пространству, имеющему кривизну, аналогичен тому скачку, который сделало человечество, обнаружив, что земля не плоская, а имеет форму шара»⁴ (благодаря тому, что кванты света, в результате искривлённости пространства, движутся по кривым линиям, большая часть квантов не попадает на землю — т. е. не воспринимается. Прим. наше — В.Г. М.-Гр.).

В генезисе общения наличие «кривизны» (как и «прямизны») обуславливает, следовательно, пропозициональность мышления (а значит, и общения), а далее и невозможность видеть мир целостно. Фундаментальной основой в жизни человека можно считать убеждённость каждого человека, что в целом-то он является «хорошим» человеком. Скачок в понимании человека только как сугубо позитивной личности, к его «пространственному» пониманию, когда он являет собой формальное единство позитивного, негативного, промежуточного в своём мышлении, был бы обязан «внесением» — условным — в общепринятое представление о человеке ещё и понятия «кривизны». Разрешение этого формально единого пространства, а сущностно противоречивого, могло бы составлять формуляр некоторого принципа дополнителности для разрешения проблем противоречий генезиса общения.

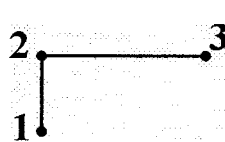
Оговорим момент нашего понимания принципа дополнителности с учётом того, что было изложено несколько выше. Смысл принципа дополнителности заключается в том, чтобы найти условия, благодаря которым можно было бы через опору на противоречивые описания объекта (человека, генезиса его общения) адекватно объяснить исследуемый объект, но опять же при условии, что в объекте исследования были выделены дополнительные и сопряжённые величины, и доказано, что операторы, им соответствующие, не коммутируют друг с другом. Объектом в нашем исследовании является генезис общения (по сути, сам человек). Теперь необ-

ходимо найти противоречивые репрезентации этого объекта. Лучше всего это можно осуществить, если обратиться к литературе, поэзии, лингвистике, философии, социологии и т. д.

Мы обратимся, ввиду малого формата статьи, к жанру афоризмов. В энциклопедии афоризмов⁵ (разделы — «общительность», «общение») находим: «Самое важное в общении – услышать то, что не было сказано. П. Дракер»; «Очень важное значение имеет, с кем ежедневно общаешься и кого слушаешь. В словах любого человека таится добрый или дурной дух. Пока мы их слушаем, мы этот дух впитываем. Г. Скворода»; «Совершенствование человека связано с общительностью. Ж. Порталис»; «Кто садится за стол с глупцами, встаёт из-за стола дураком. В. Швებель».

Итак, в выделенных нами афоризмах объект под именем «общение» репрезентирован тем или иным афоризмом. Первые два афоризма говорят о том, что информация об одной из сторон пропозициональности мышления пропадает, что в целом представляет собой один из признаков возможного формулирования принципа дополнительности. Два других афоризма противоречат друг другу. Один из этих афоризмов настаивает на том, что при общении происходит совершенствование человека. Другой афоризм утверждает: «с кем поведёшься, от того и наберёшься». Наша задача, в соответствии с основной идеей статьи (возможного использования принципа дополнительности для анализа объектов гуманитаристики), заключается в том, чтобы найти принцип дополнительности для третьего и четвертого афоризма.

Найдём в третьем и четвертом афоризме величины, с помощью которых измеряется общение (впрочем, они есть и в первых двух афоризмах). Общение измеряется одновременно мерой доброты и мерой дурного в человеке. Являются ли они сопряжёнными? Безусловно! Мы это увидели, обращаясь к различным высказываниям. Являются ли они дополнительными? Для этого нужно доказать некоммутативность операторов. Что же мы примем в качестве операторов? В качестве операторов необходимо принять общение с соответствующим знаком общения. «В словах любого человека таится добрый или дурной дух. Пока мы их слушаем, мы этот дух в себя впитываем». Г. Скворода, озвучив свою мысль данными словами, по сути дела, сказал следующее: 1) каждый человек «излучает», если можно так выразиться, добро или дурной «дух»; 2) это «излучение» (соответствующего знака) таится, т.е. сразу и не определишь, на каком уровне твой коммуникант с тобой общается (за исключением редких случаев); слушая, второй коммуникант этот «дух» впитывает. Но возникает вопрос – можно ли этим словам Г. Сквороды доверять? Поскольку «излучение» коммуниканта может быть того или другого знака, то соответствующее «излучение» может быть воспринято («впитано») только при условии сходности, родственности «излучений».

Предположим, что сопряжённые величины в коммуникации того и другого субъекта мы, условно-символически обозначили двумя отрезками, пересекающимися под прямым углом (рис.). А почему под прямым углом? Потому, что они радикально отрицают друг друга (а это возможно только тогда, когда одно свойство и другое не могут «спроецироваться» друг на друга в значимой величине; «проецируясь» же, они в противоположном качестве будут являться «точкой», т.е. свёрткой «спроецированного» качества). С другой стороны, мы можем составить суждение о человеке. Предположим, что оно выражается фразой: «Этого человека я знаю как большой доброты человека, но с одновременным существованием в нём толики недоброты». Переставить слова невозможно в этом предложении. Если мы запишем: «Этого человека я знаю как большой недоброты человека, но с одновременным существованием в нём толики доброты», то зададим предложению совершенно другой смысл. Следовательно, в общении операторы (в виде доброго и недоброго) не коммутируют друг с другом. В целом, видимо, одни логические операции могут выражать или задавать коммутативность, другие же не имеют такой возможности при соответствующем отнесении к той или иной лингвистической структуре. «В логике свойством коммутативности обладают, например, конъюнкция и дизъюнкция (как неразделительная, так и разделительная), что отражает то свойство союзов «и» и «или» естественного языка, которое проявляется в равнозначности таких предложений как 1) «Москва — большой город и столица России» и 2) «Москва — столица России и большой город»⁶.

Итак, информация об измеряемых величинах в афоризмах пропадает; измеряемые величины являются сопряжёнными и дополнительными, — следовательно, мы имеем полное право говорить о возможности формирования принципа дополнительности для выписанных нами противоречивых репрезентаций понятия «общение».

Принцип дополнительности замещает необходимость одновременного и точного измерения дополнительных величин тем, что заранее предполагая «неравнозначность» величин, о которых мы ведём речь, обращается к той величине, которая не «скрывается» от «прибора» и регистрируется прибором (в содержании той или иной репрезентации); далее «он» находит связанные элементы в репрезентациях и тем самым начинает выявлять условия целостности объекта; далее «он» создаёт специальные формализации, благодаря которым выявленная связность указывает путь составления целостного образа исследуемого объекта; коррелятом между двумя противоречивыми элементами целого является качество сходности или качество особенного. Обнаруженные в репрезентациях, они вносят свою лепту в создание целостного образа объекта. Глав-

ным «импульсом» в принципе дополнительности является – стремление устранения противоречия между двумя репрезентациями; установление тех обстоятельств, в контексте которых только и возможна адекватная интерпретация изучаемого объекта.

Запишем искомый принцип дополнительности для выделенных афоризмов и одновременно для феномена общения тоже в виде афоризма (хотя, как мы предполагаем, это можно было бы сделать и в других каких-то формах): для мировоззренческой дуальности или дольности мышления субъектов, в генезисе проблем общения – всегда есть редкая (не редкая) возможность различения знака от общения, но при условии владения смыслом понятия «целостность» и смыслом понятия «типология общения».

Экстралингвистическую тенденцию, совпадающую с созиданием, осмысленном в русле надсистемного «понимания понятия «созидание», найденную методологией принципа дополнительности, можно было бы принимать за фактор последовательности гармоний, где каждая ступень этой последовательности выражает преодоленность противоречий различных социальных и личностных репрезентаций. Таким образом, понятие целостности есть нечто присутствующее в нецелостности. Единство целостного и нецелостного характеризует как отдельных субъектов, так и социальные формации. Целостность, сама по себе, укоренена в выделенной системе лишь частично, а далее она распространена в область более общей системности. Целостность (как последовательность гармоний) пронизывает бессистемное, придаёт бессистемному в известной степени упорядоченность и устойчивость. В социальном порядке вещей механистичность заменяется «свободой выбора», что означает, как мы уже сказали, фактором неопределённости.

Развитие (дальнейшее) методологии принципа дополнительности (а она существует в социальной жизни в неявном виде, захватывая лишь часть мышления или сознания субъектов) должно эволюционировать в область сознательного осмысления механизма пропозициональности через сложную и трудную работу мыслительную субъектов как отдельных индивидуумов, когда бы понятие «целостность» в виде проблемы касалось бы, прежде всего, этих конкретных субъектов. Единство определённого и неопределённого, существующее в каждой репрезентации

(мышление, которое бы понимало все стороны явлений одновременно, есть нонсенс, если говорить о мировоззрении субъектов, а не о функциональных зависимостях) ограничивает познание в силу того, что познание нацелено на множественность. Но сопоставление противоречивых репрезентаций нацелено уже на единство сущего, а к нему (т. е. к единству) можно продвигаться только методологией принципа дополнительности (см. определение принципа дополнительности, данное выше в настоящей статье).

Таким образом «типология общения» может быть выведена через исследование отношений дополнительности и принципа дополнительности (в его гуманитарном аспекте), где первое (т. е. дополнительность) есть механическое сближение противоречивых репрезентаций, погружающее исследователя в иллюзию понимания противоречивого. Принцип дополнительности же: предполагая обнаружение скрытой информации в репрезентациях; предполагая нахождение уровня соответствия репрезентаций друг другу; нахождение элементов в той и другой репрезентации, сходных друг другу по определённым параметрам; выработку определённых абстракций и операциональностей (наподобие математических операциональностей, обозначаемых как «алгебра операторов»); экспериментальное и теоретическое прогнозирование генезиса общения, когда прогнозирование опиралось бы на исследовании соотношения противоречивых репрезентаций общения — может (предполагаемо по разным случаям) преодолевать иллюзорное через последовательность гносеологических шагов по лестнице оснований и основ онтологии социальных отношений.

Примечания

1. Шукуров, Э.Д. Концепция дополнительности и проблема генезиса общения / Э.Д. Шукуров // Вопросы философии. — 1972. — № 4. — С. 35—40.
2. Там же.
3. Маркс, К. Соч., Т. 20 / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Политиздат, 1965. — С. 554—555.
4. Мигдал, А.Б. Поиски Истины / А.Б. Мигдал. — М.: Знание, 1978. — С. 6—7.
5. Борохов, Э. Энциклопедия афоризмов / Э. Борохов. — М.: АСТ, 2000. — 688 с.
6. Философская энциклопедия. Т. 3. — М.: Политиздат, 1964, — С. 37

Поступила в редакцию 23 июля 2009 г.

Мушич-Громыко Вячеслав Георгиевич, аспирант кафедры философии Новосибирского государственного университета экономики и управления. E:mail cosmology@ngs.ru

Mushich-Gromyko Vyacheslav Georgievich, a post-graduate student of the Philosophy department of Novosibirsk State University of Economics and Management. E:mail: cosmology@ngs.ru.

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

1. В редакцию предоставляется электронная (документ Microsoft Word) версия работы, экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, звание и должность для всех авторов работы, сроки обучения в аспирантуре для аспирантов), контактная информация ответственного за подготовку рукописи (адрес, телефон, e-mail).

2. Структура статьи: УДК, название, список авторов, аннотация (не более 500 знаков), список ключевых слов, текст работы, литература (в алфавитном порядке, ГОСТ 7.1-2003). После текста работы следует название, аннотация, список ключевых слов и сведения об авторах на английском языке.

3. Параметры набора. Поля: зеркальные, верхнее — 23, нижнее — 23, левое — 22, правое — 25 мм. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Отступ красной строки 1,25—1,27 см, интервал между абзацами 0 пт, межстрочный интервал — полуторный. Рисунки и схемы должны быть сгруппированы и иметь названия.

4. Адрес редакции научного журнала «Вестник ЮУрГУ» серия «Социально-гуманитарные науки»: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76, Южно-Уральский государственный университет, Исторический факультет, кафедра «История», 303/1. Тел./факс (351) 267-91-01, ответственному редактору профессору Балакину Виктору Сергеевичу, ответственному секретарю доценту Кривоноговой Светлане Анатольевне.

5. Полную версию правил подготовки рукописей и пример оформления можно загрузить с сайта ЮУрГУ (<http://www.susu.ac.ru>) следуя ссылкам: «Научные исследования», «Издательская деятельность», «Вестник ЮУрГУ», «Серии».

6. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

7. Подписной индекс Вестника ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки»: 29076, каталог «Пресса России». Периодичность выхода — 2 номера в год.

ВЕСТНИК ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 32(165) 2009

Серия
«СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Выпуск 13

Отв. ред. серии *Балакин В.С.*

Компьютерная верстка *Шехирев С.Е., Феркель В.Б.*

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 02.10.2009. Формат 60×84 1/8. Печать цифровая.
Усл.-печ. л. 17,44. Уч.-изд. л. 16,11 + 0,53 вкл. Тираж 500 экз. Заказ 415/452.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76.